

THE GETTY RESEARCH INSTITUTE LIBRARY

Halsted VanderPoel Campanian Collection

162

О Д И С С Е Я .

ОДИССЕЯ ГОМЕРА

ПЕРЕВОДЪ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

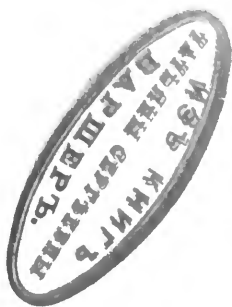
ИЗДАНИЕ ГЛАЗУНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1901.

Собственность Глазунова.

О ПЕРЕВОДѢ ОДИССЕИ.

I. Письмо къ графу С. С. Уварову.

1848.

Я давнымъ давно собираюсь благодарить васъ, любезнѣйшій Сергѣй Семеновичъ, за письмо ваше къ князю Вяземскому [имѣ мнѣ сообщенное], которое вы написали ему по поводу замышленнаго вами моего юбилея; такая заботливость ваша о моей устарѣлой лирѣ меня тронула и порадовала; но я не хотѣлъ явиться къ вамъ съ пустыми руками, я хотѣлъ съ выраженіемъ моей благодарности принести вамъ и свою хлѣбъ-соль по русскому обычаю; теперь могу исполнить и то и другое. Примите мою благодарность вмѣстѣ съ первыми XII-ю пѣснями Одиссеи, которыя предаю на судъ вашъ. Прочитайте мой переводъ съ тѣмъ участіемъ, которое вы всегда оказывали моимъ литературнымъ трудамъ, и скажите искренне свое мнѣніе. П. А. Плетневъ доставитъ вамъ манускриптъ.

Вы спросите: какъ мнѣ пришло въ голову приняться за Одиссею, не зная греческаго языка, и изъ таинственно запосичиваго германскаго романтика сдѣлаться смиреннымъ классикомъ? На это простой отвѣтъ: перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни, мнѣ захотѣлось повеселить душу первобытною поэзіею, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ, такъ мирно украшаетъ все пасъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремится ни въ какую туманную даль. Старость второе ребячество; подъ старость любишь рассказы; поэтому и мнѣ захотѣлось присоединиться къ простодушнѣйшему изъ всѣхъ рассказчиковъ и, не имѣя въ запасѣ собственныхъ басенъ, повторить на Руси его греческія стародавнія басни. Однимъ словомъ, цѣль моя была: потѣшить самого себя на просторѣ поэтической болтовнею; это мнѣ и удалось; XII пѣсенъ Одиссеи кончены: были бы кончены и всѣ XXIV, но въ послѣдніе два года всякаго рода тревоги помѣшали мнѣ приняться за продолженіе труда моего; надѣюсь на нынѣшнюю зиму: можетъ быть и все кончу. Пока моя главная цѣль достигнута: муза Гомерова озолотила много часовъ моей устарѣлой жизни; но то, что меня самого такъ сладостно, такъ беззаботно утѣшало, будетъ ли утѣхою и для читателей соотечественниковъ, съ которыми хочу подѣлиться своими сокровищами, занятыми у

Гомера—не знаю. Если это случится, то меня будетъ радовать мысль, что на Руси останется твердый памятникъ поэтической моей жизни. Быть вѣрнымъ представителемъ Гомера... Но какъ же, спросите вы, не зная Гомерова языка, говорить языкомъ его по-русски? Это и долженъ вамъ объяснить. Мнѣ помогла нѣмецкая совѣтливая, трудолюбивая ученость. Въ Дюссельдорфѣ я нашелъ профессора Грасгофа, великаго эллиниста, который въ особенности занимается объясненіемъ Гомера. Онъ взялъ на себя помочь моему невѣжеству. Собственноручно, весьма четко онъ переписалъ мнѣ въ оригиналъ всю Одиссею; подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово, и подъ каждымъ нѣмецкимъ грамматическій смыслъ оригинальнаго. Такимъ образомъ я могъ имѣть передъ собою весь буквальный смыслъ Одиссеи и имѣть передъ глазами весь порядокъ словъ; въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были, такъ сказать, собраны передо мною все матеріалы зданія; недоставало только красоты, стройности и гармоніи. И вотъ въ чемъ состоялъ собственно трудъ мой: мнѣ надлежало изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонію изъ звуковъ терзающихъ ухо; и все это не во вредъ, а съ вѣрнымъ сохраненіемъ древней физиогноміи оригинала. Въ этомъ отношеніи и переводъ мой можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ. Но вопросъ: имѣлъ ли я успѣхъ? Самъ не могу быть себѣ судьей, ибо не могу сравнивать. Вы можете слышать самого Гомера—спросите у него, доволенъ ли онъ своимъ гиперборейскимъ представителемъ, и сообщите мнѣ его мнѣніе. Я стараюсь переводить слово въ слово, сколько это возможно безъ насилія языку [отчего вѣрность рабская становится часто рабскою измѣною], слѣдовалъ за каждымъ словомъ и въ особенности старался соблюдать ихъ мѣсто въ стихѣ тѣмъ словамъ, которыя на этомъ мѣстѣ производятъ особенное поэтическое дѣйствіе. Повторю здѣсь то, что сказалъ о трудѣ моемъ въ другомъ мѣстѣ: «переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на-какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ, не первобытномъ, а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу искусства. Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ; онъ младенецъ, видѣвшій во снѣ все, что есть чуднаго на землѣ и небесахъ, и лепечущій объ этомъ звонкимъ, ребячскимъ голосомъ на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, широкая, свѣтлая рѣка безъ волнъ, отражающая чисто и вѣрно и небо, и берега, и все, что на берегахъ живетъ и движется; видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристалль отражающій какъ будто не существуетъ: око его не чувствуетъ. Переводя Гомера [и въ особенности Одиссею], не далеко уйдешь, если займешься фактурою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него, то есть у Гомера, нѣтъ отдѣльно-разительныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить весь, во всей его полнотѣ и свѣтлости; надобно сберечь всякое слово и всякій эпитетъ, и въ то же время все частное забыть для цѣлаго.

И въ выборѣ словъ надлежитъ наблюдать особеннаго рода осторожность: часто самое поэтическое, живописное, завосчивое слово потому именно и не годится для Гомера; все, имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное—здѣсь не у мѣста; оно есть, такъ сказать, анахронизмъ; надобно возвратиться къ языку первобытному, потерявшему уже свою свѣжесть, потому что всѣ его употребляли; заимствуясь у праотца поэзіи, надобно этому обветшалому, изношенному языку возвратить его первоначальную свѣжесть и новостъ и отказаться отъ всѣхъ пововведеній, какими языкъ поэтической, удаляясь отъ простоты первобытной, по необходимости замѣнилъ эту младенческую простоту. Однимъ словомъ, переводя Гомера, надобно отказаться отъ всякаго щегольства, отъ всякой украшенности, отъ всякаго покушенія на эффектъ, отъ всякаго кокетства; надобно производить дѣйствія неощутительно цѣлымъ, простотою, неразительностію, непримѣтностію выраженій, стройностію широкихъ, обильныхъ періодовъ, иногда перерываемыхъ какъ будто безъ намѣренія отдѣльными стихами, мало блестящими, такъ чтобы каждый стихъ въ періодѣ и каждое слово въ стихѣ составляли одну общую гармонію, не нарушая ея никакимъ собственнымъ, отдѣльнымъ звонкимъ, но часто дикимъ звукомъ. Это работа весьма трудная; для нея нѣтъ ясныхъ правилъ; должно руководствоваться однимъ чутьемъ; и для меня эта работа была тѣмъ труднѣе, что я въ этомъ отношеніи не могъ согласоваться съ оригиналомъ, ибо его не знаю, а могъ только угадывать. Но за то какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи первыхъ вздоховъ Анадіомены, рождающейся изъ пѣны моря [ибо она есть символъ Гомеровою поэзіи], въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ излишества, въ этой незатѣйливости и непорочности выраженія, въ этой болтовнѣ часто чрезчуръ изобильной, но принадлежащей характеру безыскусственности и простоты, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, создающей произвольно грустныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь пластически могучую въ настоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границею міра никакого будущаго, и улетала съ земли безъ жизненнымъ призракомъ, и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кинѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ всеоживляющихъ утѣшеній».—Вотъ вамъ моя поэтическая исповѣдь. Прибавлю: я вездѣ старался сохранить простой, сказочный языкъ, избѣгая всякой натяжки, избѣгая всякаго славянщизма, и по возможности соглашалъ съ формами оригинала [которыя всѣ матеріально сохранились въ переводѣ подстроичномъ] формы языка русскаго, такъ, чтобы Гомеровскій стихъ былъ ощутителенъ въ стихѣ русскомъ, не заставляя его кривляться по-гречески.

Предпринявъ сдѣлать новое, полное и вѣроятно послѣднее, которое будетъ при мнѣ напечатано, изданіе моихъ сочиненій, я начну его напечатаніемъ послѣднихъ томовъ, въ которыхъ будутъ новыя мои повѣсти и сказки, поэма Рустемъ и Зорабъ и XII первыхъ глѣсъ Одиссен. Это составитъ три тома, которые успѣю отпечатать еще во время моего пребыванія за границею въ Карлсруэ, гдѣ наблюдатель за печатаніемъ будетъ извѣстный вамъ Ренетъ и откуда мнѣ легко будетъ получать послѣднюю корректуру, живучи во Франкфуртѣ. Печатаніе же станетъ несравненно дешевле, нежели въ Россіи, на хорошей бумагѣ и четкими буквами. Въ этомъ намѣреніи посылаю вамъ Одиссею, прося васъ быть ходатаемъ за нее предъ цензурою, и при этомъ случаѣ благодарю васъ за исходатайствованіе мнѣ высочайшаго позволенія не представлять для новаго цензурованія того, что было уже разъ напечатано, и за покровительство ваше Рустему. Вы спросите: что значать въ манускриптѣ Одиссен отмѣтки и стихи красными чернилами? Вотъ что: мнѣ хотѣлось бы сдѣлать два изданія разомъ Одиссен: одно для всѣхъ читателей полное, другое для юности съ выпусками [весьма немногими] тѣхъ мѣстъ, которыя не должны быть доступны юному возрасту. По моему мнѣнію, нѣтъ книги, которая была бы столь прилична, первому свѣтлому періоду жизни, какъ Одиссея, возбуждающая всѣ способности души прелестію разнообразною; надобно только дать въ руки молодежи не одну сухую выписку въ прозѣ изъ Гомеровою поэмы, а самаго живаго раскащика Гомера, который въ одну раму заключилъ всю древнюю Грецію съ чудесными ея преданіями, съ ея первобытными нравами. Языкъ перевода моего, кажется мнѣ, столь простъ, что русская Одиссея будетъ доступна всѣмъ возрастамъ и можетъ быть, если сдѣланы будутъ нѣкоторые выпуски, дана безъ опасенія въ руки всякаго юноши, начинающаго читать про себя. Къ этой очищенной, но неискаженной, Одиссеѣ можно бы въ видѣ пролога присоединить рассказъ въ прозѣ о временахъ первобытныхъ и баснословныхъ Греціи, и особенно съ большею подробностію о паденіи Трои [можно бы даже съ прозою мѣшать и стихи, то есть переводить стихами лучшія мѣста изъ трагиковъ, Илиады и Энеиды; но на это едва ли достанетъ силъ и времени]; такимъ образомъ въ одномъ глѣсномъ объемѣ могли бы соединиться и вся баснословная исторія древней Греціи и самыя душевныя цвѣты ея поэзіи; такимъ образомъ и Одиссея могла бы сдѣлаться самою привлекательною и въ то же время самою образовательною дѣтскою книгою. Отмѣтки красными чернилами означаютъ тѣ мѣста, которыя слѣдуетъ исключить, а стихи, красными чернилами написанные, должны быть вставлены въ замѣну стиховъ исключенныхъ. Вы сами увидите, что число послѣднихъ невелико и что ихъ отсутствіе не будетъ замѣтно въ поэмѣ и ни мало не измѣнитъ ея характера. Я внесъ эти замѣтки въ манускриптъ для того, чтобы цензура могла за одинъ разъ пропустить оба изданія. Что же касается до изданія очищеннаго, то оно, имѣя цѣлю образованіе юншества [котораго поэти-

ческая сторона не должна быть пренебрегаема], входитъ въ область министра просвѣщенія: желаю знать его мысли объ этомъ предметѣ.

Извините, что письмо мое такъ длинно; я сдѣлался старъ, слѣдовательно и болтаивъ; младшія дѣти, особливо прижитыя на старости, мнѣ намъ старшихъ: не мудрено, что я, устарѣлый гипербореецъ, разболтался съ вами о своей младшей дочкѣ, прижитой съ вѣчною музою Гомера. Я же ее нарядилъ въ ея отечественныя гекзаметры; а вы на Руси были первымъ возобновителемъ и распространителемъ этой эллинской выкройки: отъ васъ получилъ ее Гнѣдичъ, вашимъ добромъ и бью намъ челомъ. Надѣюсь, что вы не долго заставите меня ждать вашего отвѣта. Не можно ли съ этого письма прислать мнѣ списокъ? Я употребилъ бы его вмѣсто предисловія къ Одиссеѣ.

1848.

II. Отрывки изъ письма къ Н. В. Кирѣевскому.

1 8 4 5.

..... 12-го числа декабря новаго стиля началъ я прилагаемую здѣсь піесу. * которую кончилъ 14-го. Она была бы лучше, сжатѣе, если бы было мнѣ болѣе времени: *je n'ai pas eu le temps d'être plus court.*—За двѣ недѣли передъ симъ я отправилъ къ Соллогубу въ его альманахъ, имѣющій появиться въ январѣ 1845 года, повѣсть. ** Посылаемые стихи и эта повѣсть принадлежатъ къ собранію, еще не существующему, повѣстей для юношества, которыя намѣренъ я издать особо. Онѣ все будутъ писаны или ямбами безъ римъ, какъ посылаемая повѣсть, или моимъ сказочнымъ гекзаметромъ [совершенно отличнымъ отъ гексаметра Гомерическаго], и этотъ долженъ составлять средину между стихами и прозой, то есть, не бывъ прозаическими стихами, быть однако столь же простымъ и яснымъ, какъ проза, такъ чтобы рассказъ, не смотря на затрудненіе метра, лился бы какъ простая, непринужденная рѣчь. Я теперь съ римою простился. Она, я согласенъ, даетъ особенную прелесть стихамъ, но мнѣ она не подѣла.... Она модница, нарядница, прелестница, и мнѣ пришлось бы худо отъ ея причудъ. Я угождалъ ей до сихъ поръ какъ любовникъ, часто весьма неловкій; около нея толпится теперь множество обожателей, вдохновенныхъ молодостью; съ иными она кокетничаетъ, а другихъ сама бѣшено любить [особенно Языкова]. Куда мнѣ за ними? Я сдѣлался смиреннымъ поэтомъ-разскащикомъ; во многихъ отношеніяхъ то, что пишу теперь, гораздо лучше того, что писалъ прежде, и очень радъ, что мой добрый

* Двѣ повѣсти (см. томъ III).

** Повѣсть эта: „Капитанъ Бошичъ“; а альманахъ: „Вчера и сегодня“.

геній именно въ то время, когда внѣшній міръ для меня стѣсненъ въ предѣлахъ моего домашняго садика, подвелъ меня къ старику Гомеру, который меня, безыменнаго для него гиперборейскаго старика, принялъ весьма благосклонно и съ старческимъ, дѣтскимъ добродушіемъ, передавая мнѣ Одиссею, сказалъ: пересели ее на твой сѣверъ, и пускай она, которую жадно слушали въ мое время и старики, и юноши, и дѣти, подъ свѣтлымъ небомъ Эллады, такимъ же чистымъ, сердцу отзывнымъ голосомъ будетъ говорить старикамъ, и юношамъ, и дѣтямъ твоего туманнаго сѣвера—и въ царскихъ палатахъ посреди развѣтвляющаго царскаго семейства, и въ уединенной учебной юноши, у котораго отъ восторга стануть дыбомъ волосы, когда повѣтъ на него святая древность амврозіальнымъ, не испорченнымъ благоуханіемъ. Вотъ что мнѣ сказалъ Гомеръ, и я съ тѣхъ поръ всѣми силами стараюсь исполнить его завѣщаніе, такъ, чтобы онъ, когда появится его Одиссея на Руси, не грознымъ, мстительнымъ демономъ передо мною явился и страшныхъ Эринній на меня накликалъ, а въ своемъ первобытномъ видѣ, и мнѣ разоблачилъ бы лицо свое, и сказалъ бы мнѣ дружески: благодарствую за дочь Одиссею; а тебѣ, въ награду за блаженный трудъ твой, показываюсь точно такимъ, каковъ я нѣкогда былъ, съ костями и съ мясомъ, за 2800 лѣтъ передъ симъ, вопреки Вольфу и разнымъ нѣмцамъ, которые изъ всего мастера дѣлать идею, и изъ идей которыхъ часто нечего дѣлать. Чтобы говорить вамъ безъ всякихъ картинностей, одиннадцать пѣсней Одиссеи готово. Я переводомъ доволенъ; онъ кажется мнѣ простѣе всѣхъ существующихъ; вѣренъ, какъ проза, но поэтическій, и поэтическій по образу и подобию Гомера; языкъ же русскій, а не греческій, какъ у нѣмцевъ, и не такой, какъ во всѣхъ переводахъ французскихъ и у Попа.

Переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ, не первобытномъ, а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь безпрестанно съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу искусства. Какая отдѣлка въ Virgilin; сколько цѣлыхъ страницъ, гдѣ всякое слово живописно поставлено на своемъ мѣстѣ, и сколько отдѣльныхъ стиховъ, поражающихъ своею особенною прелестью. Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ; онъ младенецъ, постигнувшій все небесное и земное и лепечущій объ этомъ на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, свѣтлая рѣка безъ волнъ, отражающая чисто небо, берега, и все что на берегахъ живетъ и движется; видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристаллъ отражающій какъ будто не существуетъ. Переводя Гомера, не далеко уйдешь, если займешься фактурою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него нѣтъ отдѣльныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить весь, во всей его полнотѣ и свѣтлости; надобно сберець всякое слово и всякій эпитетъ, и въ то же время все частное забыть для цѣлаго; и въ выборѣ словъ надобно наблюдать особенную осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и негодно для

Гомера; все имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное — здѣсь не у мѣста; надобно возвратиться къ языку первобытному, потерявшему уже свою свѣжесть отъ того, что всѣ его употребили, заимствуя его у праотца поэзии; надобно этотъ изношенный языкъ возстановить во всей его первобытной свѣжести и отказаться отъ всѣхъ нововведеній, какими языкъ поэтической, удаляясь отъ простоты первобытной, по необходимости замѣнилъ эту младенческую простоту. Поэтъ нашего времени не можетъ писать языкомъ Гомера: будетъ кривлянье старой кокетки, которая хочетъ корчить 15-лѣтнюю прелестную дѣву. Переводчикъ Гомера ничего не можетъ занять у поэтовъ нашего времени въ пользу божественнаго старика своего и его музы, 15-лѣтней чистой дѣвы. Относительно поэтическаго языка я попалъ въ область общихъ мѣстъ *lieux communs*, и изъ этихъ одряхшихъ инвалидовъ поэзии, исѣми уже пренебреженныхъ, надлежитъ мнѣ сдѣлать живыхъ, новорожденныхъ младенцевъ. Но какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи рождающейся изъ пѣны морской Анадіомены, ибо она есть символъ Гомеровою поэзіи, въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ всякаго излишества, въ этой незатѣйливости выраженія, въ этой болтовнѣ, часто излишней, но принадлежащей характеру безыскусственному, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, князяго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, созидющей произвольно грустныя, ни на чемъ не основанныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь пластически могучую въ настоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ, и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній. Кажется мнѣ, что *m-me Staël* первая произнесла, что съ религіею христіанскою вошла въ поэзію и вообще въ литературу меланхолія. Грустное чувство, объемлющее душу при видѣ измѣняемости и невѣрности благъ житейскихъ, чувство или предчувствіе невозвратной утраты безъ замѣны—такова была свѣтлая жизнь древнихъ, свѣтлая, какъ украшенная жертва, ведомая на закланіе; тѣ, которые ведутъ ее къ жертвеннику, пляшутъ кругомъ и поютъ, и въ шумѣ пляски забываютъ топорь, который скоро повалитъ жертву. Эта незамѣняемость здѣшней жизни, разъ утраченной, есть характеръ древности и ея поэзіи; эта незамѣняемость есть источникъ глубокой меланхоліи, никогда не выражаемой, но всегда тайно и явно присутственной. Кто изъ новѣйшихъ имѣетъ болѣе меланхоліи Горация? Но Горациева меланхолія понятна: она есть выраженіе естественное лица его; меланхолія новѣйшихъ есть кривляніе, есть маска. Тамъ гдѣ есть Евангеліе, не можетъ уже быть той меланхоліи, о которой я говорилъ

выше. которой все запечатлѣно въ до-евангельскомъ мірѣ; теперь лучшее, верховное, все замѣняющее благо—то, что одно неизмѣнно, одно существуетъ, дано одинъ разъ навсегда душѣ человѣческой Евангелиемъ; правда, мы можемъ и теперь, какъ и древніе, говорить: земное на минуту, все измѣняется, все гибнетъ; но мы говоримъ такъ о гибели однихъ вѣшнихъ, чуждыхъ намъ призраковъ, замѣняемыхъ для насъ вѣрными, негибнущимъ, существеннымъ, внутреннимъ, нашимъ; а древніе говорили о гибели того, что одно было для нихъ существенно и что для нихъ, разъ погибнувъ, уже ничѣмъ замѣняемо не было. Но куда же я убѣжалъ отъ Гомера? Возвращаясь къ нему, скажу вамъ, что хочется сдѣлать два изданія Одиссеи русской: одно для всѣхъ читателей, другое для юности. По моему мнѣнію, нѣтъ книги, которая была бы приличнѣе первому, свѣжему возрасту, какъ чтеніе, возбуждающее всѣ способности души прелестію разнообразною; только надобно дать въ руки молодежи не сухую выписку въ прозѣ изъ Одиссеи, а самого живаго рассказчика. Гомера. Я думаю, что съ моимъ переводомъ это будетъ сдѣлать легко; онъ простъ и доступенъ всѣмъ возрастамъ, и можетъ быть во всякой учебной и даже дѣтской. Надобно только сдѣлать выпуски и поправки; ихъ будетъ сдѣлать легко и число ихъ будетъ весьма невелико. Къ этому очищенному Гомеру я намѣренъ придать родъ пролога; представить къ одной картинѣ все, что было до начала странствія Одиссея. Эта картина обхватитъ весь первобытный, міеологическій и героическій міръ грековъ; рассказъ долженъ быть въ прозѣ; но все, что непосредственно составляетъ цѣлое съ Одиссеею, то есть. Троянская война, гнѣвъ Ахилловъ, паденіе Трои, судьба Ахилла и Приамова дома, все должно составить одинъ сжатый рассказъ гекзаметрами, рассказъ сшитый изъ разныхъ отрывковъ Илиады, трагиковъ и Энеиды, и приведенный къ одному знаменателю. Въ этотъ рассказъ вошли бѣ однако нѣкоторыя пѣсни Илиады, вполне переведенныя. Такимъ образомъ Одиссея для дѣтей была бы въ одно время и живую исторію древней Греціи, и полную картиною ея міеологій, самую образовательною дѣтскою книгою.

1845 г.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Собраніе боговъ. Они опредѣляютъ, что Одиссей, преслѣдуемый Посидономъ и противъ воли удерживаемый нимфою Калипсо на островѣ Огигіи, долженъ наконецъ возвратиться въ свое отечество Итаку. Афина, подъ видомъ Ментеса, является Телемаку и даетъ ему совѣтъ посѣтить Пилосъ и Спарту и выгнать жениховъ Пенелопы изъ Одиссеева дома. Телемакъ въ первый разъ говоритъ рѣшительно съ матерью и женихами. Ночь.

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который,
 Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
 Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ,
 Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеніи заботясь
⁵Жизни своей и возвратъ въ отчизну сопутниковъ; тщетны
 Были однако заботы, не спасъ онъ сопутниковъ: сами
 Гибель они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы,
 Съѣвши быковъ Геліоса, надъ нами ходящаго бога—
 День возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи же объ этомъ
¹⁰Что нибудь намъ, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
 Всѣ ужъ другіе, погибели вѣрной избѣгшіе, были
 Дома, избѣгнувъ и брани и моря; его лишь, разлукой
 Съ милой женой и отчизной крушимаго, въ гротѣ глубокомъ
 Свѣтлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
¹⁵Силою держала, напрасно желая, чтобъ былъ ей супругомъ.
 Но когда наконецъ обращенъ время приведень былъ
 Годъ, въ который ему возвратиться назначили боги
 Въ домъ свой, въ Итаку [но гдѣ и въ обѣтіяхъ вѣрныхъ друзей онъ
 Всѣ не избѣгъ отъ тревогъ], преисполнились жалостью боги
²⁰Всѣ; Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея,

Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.

Но въ то время онъ былъ въ отдаленной странѣ эѳіоповъ
[Крайнихъ людей, поселенныхъ двояко: одни, гдѣ нисходитъ
Богъ свѣтоносный, другіе, гдѣ всходитъ], чтобъ тамъ отъ народа
²⁵Пышную тучныхъ быковъ и барановъ принять экатомбу.

Тамъ онъ, сидя на пиру, веселился; другіе же боги
Тою порою въ чертогахъ Зевесовыхъ собраны были.
Съ ними людей и безсмертныхъ отецъ начинаетъ бесѣду;
Въ мысляхъ его былъ Эгистъ безразсудный [его же Атридовъ
³⁰Сынъ, знаменитый Орестъ умертвилъ]; и о немъ помышляя,
Слово къ собранью боговъ обращаетъ Зевесъ Олимпіецъ:

Странно, какъ смертные люди за все насъ боговъ обвиняютъ!
Зло отъ насъ, утверждаютъ они; но не сами ли часто
Гибель, судьбѣ вопреки, на себя навлекаютъ безумствомъ?

³⁵Такъ и Эгистъ: не судьбѣ ль вопреки онъ супругу Атрида
Взялъ, умертвивши его самого при возвратѣ въ отчизну?
Гибель онъ вѣрную вѣдалъ; отъ насъ былъ къ нему остроокій
Эрмій, губитель Аргуса, ниспосланъ, чтобъ онъ на убійство
Мужа не смѣлъ посягнуть и отъ брака съ женой воздержался.

⁴⁰„Местъ за Атрида свершится рукою Ореста, когда онъ
Въ домъ свой вступить, возмужавъ; какъ наслѣдникъ, захочетъ“.
Сказано Эрміемъ—тщетно! не тронулъ Эгистова сердца [такъ было
Богъ благосклонный совѣтомъ, и разомъ за все заплатилъ онъ.—
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аѳинейя Паллада

⁴⁵Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка,
Правда твоя, заслужилъ онъ погибель, и такъ да погибнетъ
Каждый подобный злодѣй! но теперь сокрушаетъ мнѣ сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссеей хитроумный; давно онъ
Страждетъ въ разлукѣ съ своими, на островѣ, вѣлнообъятомъ

⁵⁰Пулѣ широкаго моря, лѣсистомъ, гдѣ властвуетъ нимфа,
Дочь кознодѣя Атланта, которому вѣдомы моря
Всѣ глубины, и который одинъ подпираетъ громаду
Длинноогромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо и землю.
Силою Атланта дочь Одиссея, ллющаго слезы,

⁵⁵Держить, волшебствомъ коварно-ласкательныхъ словъ объ Итакѣ
Память надѣяся въ немъ истребить. Но, напрасно желая

Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалекѣ восходящій,
 Смерти единой онъ молить. Ужель не войдетъ состраданье
 Въ сердце твое, Олимпіецъ? Тебя ль не довольно дарами
⁶⁰Чтилъ онъ въ Троянской землѣ, среди кораблей тамъ ахейскихъ
 Жертвы тебѣ совершая? За чтожь ты разгнѣванъ, Кроніонъ?—
 Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
 Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
 Я позабылъ Одиссея, безсмертнымъ подобнаго мужа,
⁶⁵Столь отличенаго въ сонмѣ людей и умомъ и усерднымъ
 Жертвъ приношеньемъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ?
 Нѣтъ! Посидонъ, обволнитель земли, съ нимъ упорно враждуетъ,
 Все негодуя за то, что циклонъ Полифемъ богоравный
 Имъ ослѣпленъ: изъ циклоновъ сильнѣйшій, Фео́зою нимфой,
⁷⁰Дочерью Форка, владыки пустынно-соленаго моря,
 Былъ онъ рожденъ отъ ея съ Посидономъ союза въ глубокомъ
 Гротѣ. Хотя колебатель земли Посидонъ Одиссея
 Смерти предать и не властенъ, но, по морю всюду гоняя,
 Все отъ Итаки его онъ отводитъ. Размыслимъ же вмѣстѣ
⁷⁵Какъ бы отчизну ему возратить. Посидонъ отказаться
 Долженъ отъ гнѣва: одинъ со всѣми безсмертными въ спорѣ,
 Вѣчнымъ богамъ вопреки, безъ успѣха, онъ злобствовать будетъ.—
 Тутъ свѣтлокая Зевсова дочь Аѳиняя Паллада
 Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка!
⁸⁰Если угодно блаженнымъ богамъ, чтобъ увидѣть отчизну
 Могъ Одиссей хитроумный, то Эрміи Аргусо-убійца,
 Воли боговъ совершитель, пусть будетъ на островъ Огитскій
 Къ нимфѣ прекрасноудрявой ниспосланъ отъ насъ возвѣститъ ей
 Нашъ приговоръ неизмѣнный, что срокъ наступилъ возвратиться
⁸⁵Въ землю свою Одиссею, въ бѣдахъ постоянному. Я же
 Прямо въ Итаку пойду возбудить въ Одиссеевомъ сынѣ
 Гнѣвъ и отважностью сердце его пренеполнить, чтобъ сѣзвалъ
 Онъ на совѣтъ густовласыхъ ахейанъ и въ домъ Одиссеевъ
 Входъ запретилъ женихамъ, у него безопасно губящимъ
⁹⁰Мелкій скотъ и быковъ криворогихъ и медленноходныхъ.
 Спарту и Пѣлосъ песчаный потомъ посѣтитъ онъ, чтобъ свѣдать
 Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи,

Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава.—
Кончивъ, она привязала къ ногамъ золотыя подошвы,

⁹³Амвровіальныя, всюду ее надъ водою и надъ твердымъ
Лономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ;
Послѣ взяла боевое коше, заощренное мѣдью,
Твердое, тяжкоогромное, имъ же во гнѣвѣ сражаетъ
Силы героевъ она, громоноснаго бога рожденье.

¹⁰⁰Бурно съ вершины Олимпа въ Итаку шагнула богиня.
Тамъ на дворѣ, у порога дверей Одиссеева дома
Стала она съ мѣдноострымъ кошемъ, облеченная въ образъ
Гостя, тафійцевъ властителя, Ментеса; собранныхъ вмѣстѣ
Всѣхъ жениховъ, многобуйныхъ мужей, тамъ богиня узрѣла;

¹⁰⁵Въ кости играя, сидѣли они передъ входомъ на кожахъ
Ими убитыхъ быковъ, а глашатаи, столъ учреждая,
Вмѣстѣ съ рабами проворными бѣгали: тѣ наливали
Воду съ виномъ въ пировыя кратеры; а тѣ, ноздреватой
Губкой омывши столы, ихъ сдвигали и, разнаго мяса

¹¹⁰Много нарѣзавъ, его разносили. Богиню Аѳину
Прежде другихъ Телемакъ богоравный увидѣлъ. Прискорбенъ
Сердцемъ въ кругу жениховъ онъ сидѣлъ, объ одномъ помышляя:
Гдѣ благородный отецъ и какъ, возвратяся въ отчизну,
Хищниковъ онъ по всему своему разгоняетъ жилищу,

¹¹⁵Власть восприметъ и будетъ опять у себя господиномъ.
Въ мысляхъ такихъ съ женихами сидя, онъ увидѣлъ Аѳину:
Тотчасъ онъ всталъ и ко входу послѣшно пошелъ, негодуя
Въ сердцѣ, что странникъ былъ ждать принужденъ за порогомъ; при-
Взялъ онъ за правую руку пришельца, коше его принялъ, [ближась,

¹²⁰Голосъ потомъ свой возвысилъ и бросилъ крылатое слово:
Радуйся, странникъ! войди къ намъ; радушно тебя угостимъ мы
Нужду жъ свою намъ объявишь, насытившись нашею пищей.—
Кончивъ, пошелъ впереди онъ, за нимъ Аѳинея Паллада.

Съ нею вступя въ пировую палату, къ колоннѣ высокой
¹²⁵Прямо съ кошемъ подошелъ онъ, и спряталъ его тамъ въ поставѣ
Гладкообтесанномъ, гдѣ запираемы въ прежнее время
Копья царя Одиссея, въ бѣдахъ постоянного, были.
Къ кресламъ богатымъ, искусной работы, подведши Аѳину,

Сѣсть въ нихъ ее пригласилъ онъ, покрывъ напередъ ихъ узорной
¹³⁰Тканью; для ногъ же была тамъ скамейка; потомъ онъ поставилъ
 Стулъ рѣзной для себя въ отдаленнѣ отъ прочихъ, чтобъ гостю
 Шумъ веселящейся буйно толпы не испортилъ обѣда,
 Также, чтобъ втайнѣ его разспросить объ отцѣ отдаленномъ.
 Тутъ принесла на лахани серебряной руки умытъ имъ
¹³⁵Полный студеной воды золотой рукоюникъ рабыня,
 Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
 Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ сѣѣстнымъ, изъ запаса
 Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, подиавъ ихъ высоко,
 Мяса различнаго крайчій принесъ и, его предложивъ имъ,
¹⁴⁰Кубки златые на браномъ столѣ передъ ними поставилъ;
 Началь глашатай смотрѣть, чтобъ виномъ наполнялися чаще
 Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сѣли
 Чиномъ на креслахъ и стульяхъ; глашатаи подали воду
 Руки умытъ имъ; невольницы хлѣбъ принесли имъ въ корзинахъ;
¹⁴⁵Отроки свѣтлымъ напиткомъ до края имъ налили чаши.
 Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ лакомою пищею, вошло имъ
 Въ сердце иное—желаніе сладкаго пѣнья и пляски:
 Пиру они украшенье; и звонкую цитру глашатай
¹⁵⁰Фемію подаль, пѣвцу, передъ ними во всякое время
 Пѣть принужденному; въ струны ударивъ, прекрасно запѣлъ онъ.
 Тутъ осторожно сказалъ Телемакъ свѣтлоокой Аѳинѣ,
 Голову къ ней приклонивъ, чтобъ его не слышали другіе;
 Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
¹⁵⁵Здѣсь веселятся; у нихъ на умѣ лишь музыка да пѣнье;
 Это легко: пожираютъ чужое, безъ платы, богатство
 Мужа, котораго бѣлыя кости, быть можетъ, иль дождикъ
 Гдѣ нибудь мочить на брегѣ, иль волны по взморью катаютъ.
 Еслибъ онъ вдругъ передъ ними явился въ Итакѣ, то всѣ бы,
¹⁶⁰Вмѣсто того, чтобъ копить и одежды и золото, стали
 Только о томъ лишь молиться, чтобъ были ихъ ноги быстрѣе.
 Но погибъ онъ, постигнутый гнѣвной судьбой, и отрады
 Нѣтъ намъ, хотя и приходятъ порой отъ людей земнородныхъ
 Вѣсти, что онъ возвратится—ему ужъ возврата не будетъ.

165 Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какою дорогой
Прибыль въ Итаку и кто у тебя корабельщики? Въ край нашъ
[Это конечно я знаю и самъ] не пѣшкомъ же пришелъ ты.

170 Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Въ первый ли разъ посѣтилъ ты Итаку, или здѣсь ужъ бывалый
Гость Одиссеевъ? Въ тѣ дни иноземцевъ собиралося много
Въ нашемъ домѣ: съ людьми обхожденъ любилъ мой родитель.—
Дочь свѣтлокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

175 Все откровенно тебѣ расскажу; я царя Анхіяла
Мудраго сынъ, именуяся Ментесомъ, правлю народомъ
Веслолюбивыхъ тафійцевъ; и нынѣ корабль мой въ Итаку
Вмѣстѣ съ моими людьми я привелъ; путешествуя темнымъ
Моремъ къ народамъ инаго языка, хочу я въ Темезѣ

180 Мѣди добыть, на нее обмѣнявшись блестящимъ желѣзомъ;
Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейѳона лѣсистымъ.
На полѣ, въ пристани Ретрѣ; далеко отъ города. Наши
Предки издавна гостями другъ другу считаются; это,
Можетъ быть, слышишь нерѣдко и самъ ты когда посѣщаешь

185 Дѣда героя Лазрта... а онъ, говорятъ, ужъ не ходитъ
Болѣе въ городъ, но въ полѣ далеко живетъ, удрученный
Горемъ, съ старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрѣпляетъ, когда устаетъ онъ, влачась
По полю взадъ и впередъ посреди своего винограда.

190 Я же у васъ оттого, что сказали мнѣ, будто отецъ твой
Дѣма... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умеръ еще на землѣ Одиссей благородный;
Гдѣ нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятомъ
Островѣ запертъ живой онъ, или, можетъ быть, страдаетъ въ неволѣ:

195 Хищниковъ дикихъ, насильственно имъ овладѣвшихъ. Но слушай
То, что тебѣ предскажу я, что мнѣ всемогущіе боги
Въ сердце вложили, чему неминуемо сбыться, какъ самъ я
Вѣрю, хотя не пророкъ и по птицамъ гадать неискусенъ.

Будетъ недолго онъ съ милой отчизной въ разлукѣ, хотя бы
200 Связанъ желѣзными узами былъ; но домой возвратится

Вѣрное средство отыщеть: на вымыслы онъ хитроумень.

Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:

Подлинно ль вижу въ тебѣ Одиссеева сына? Ты чудно
Съ нимъ головой и глазами прекрасными сходенъ; еще я

²⁰⁵Помню его; въ старину мы другъ съ другомъ видалися часто:

Было то прежде отплытія въ Трою, куда изъ ахейягъ

Лучшіе съ нимъ въ крутобокихъ своихъ корабляхъ устремились.

Съ той же поры ни со мной онъ, ни я съ нимъ нигдѣ не встрѣчались. —

Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ.

²¹⁰Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.

Мать увѣряетъ, что сынъ я ему, но самъ я не знаю:

Вѣдать о томъ, кто отецъ нашъ, навѣрное намъ невозможно.

Лучше бъ, однако, желалъ я, чтобъ мнѣ не такой злополучный

Мужъ былъ отцомъ: во владѣньяхъ своихъ онъ до старости бъ поздней

²¹⁵Дожилъ. Но, если ужъ ты вопрошаешь, то онъ, изъ живущихъ

Самый несчастливый нынѣ, отецъ мнѣ, какъ думаютъ люди. —

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Видно угодно безсмертнымъ, чтобъ былъ не безъ славы въ грядущемъ

Домъ твой, когда Пенелопѣ такого, какъ ты, даровали

²²⁰Сына. Теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая.

Что здѣсь у васъ происходитъ? Какое собранье? Дашь ли

Праздникъ, иль свадьбу шируешь? Не складочный пиръ здѣсь ко-

Кажется только, что гости твои необузданно въ вашемъ [нечно.

Домѣ безчинствуютъ: всякій порядочный въ обществѣ съ ними

²²⁵Быть устыдится, позорное ихъ поведеніе вида. —

Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,

Если ты вѣдать желаешь, то все расскажу откровенно.

Нѣкогда полонъ богатства былъ домъ нашъ; онъ былъ уважаемъ

Всѣми въ то время, какъ здѣсь неотлучно тотъ мужъ находился.

²³⁰Нынѣ жъ иначе рѣшили враждебные боги, покрывши

Участь его неприступною тьмою для цѣлаго свѣта:

Менѣ сталъ бы о немъ я крушиться, когда бы онъ умеръ:

Если бъ въ Троянской землѣ межъ товарищей бранныхъ погибъ онъ,

Иль у друзей на рукахъ, перенесли войну, здѣсь скончался,

²³⁵Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ ахейскимъ народомъ,

Сыну бъ великую славу на всѣ времена онъ оставилъ....

Нынѣ же Гарпіи взяли его, и безвѣстно пропалъ онъ,
 Свѣтомъ забытый, безгробный, одно сокрушеніе и вопли
 Сыну въ наслѣдство оставивъ. Но я не объ немъ лишь единомъ
²⁴⁰Плачу; другое великое горе мнѣ боги послали:
 Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
 Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закинеа,
 Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
 Нудятъ упорно ко браку и наше имѣніе грабятъ;
²⁴⁵Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить, ни отъ брака
 Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожираютъ нещадно
 Наше добро, и меня самого напослѣдокъ погубятъ.—
 Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчала богиня Аѳина:
 Горе! я вижу, сколь нынѣ тебѣ твой отецъ отдаленный
²⁵⁰Нуженъ, чтобъ сильной рукой съ женихами безстыдными сладить.
 О когда бъ онъ въ тѣ двери вступилъ, возвратяся внезапно,
 Въ шлемѣ, щитомъ покровенный, въ рукѣ два копья мѣдноострыхъ!...
 Такъ впервые увидѣлъ его я въ то время, когда онъ
 Въ домѣ у насъ веселился виномъ, посѣтивши въ Эфирѣ
²⁵⁵Ила, Мермѣрова сына [и той стороны отдаленной
 Царь Одиссей достигалъ на своемъ кораблѣ быстроходномъ;
 Яда, смертельнаго людямъ, искалъ онъ, дабы напоить имъ
 Стрѣлы свои, заощренныя мѣдью; но Иль отказался
 Дать ему яда, всезрящихъ боговъ раздражить опасаясь;
²⁶⁰Мой же отецъ имъ его надѣлилъ по великой съ нимъ дружбѣ].
 Если бы въ видѣ такомъ Одиссей женихамъ вдругъ явился,
 Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
 Но—того мы, конечно, не вѣдаемъ—въ лонѣ безсмертныхъ
 Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратяся, истребить ихъ
²⁶⁵Въ этомъ жилищѣ иль нѣтъ. Мы размыслимъ теперь совокупно,
 Какъ бы тебѣ самому отъ грабителей домъ свой очистить.
 Слушай же то, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
 Завтра, созвавъ на совѣтъ благородныхъ ахеянъ, предъ ними
 Всѣ объяви ты, въ свидѣтели правды призвавши безсмертныхъ;
²⁷⁰Послѣ потребуй, чтобъ всѣ женихи по домамъ разошлись;
 Матери жъ, если супружество сердцу ея не противно,
 Ты предложи, чтобъ къ отцу многосильному въ домъ возвратилась,

Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану ея, надѣлать онъ.

²⁷⁵Также усердно совѣтую, если совѣтъ мой ты примешь:

Прочный корабль съ двадцатью снарядивши гребцами, отправясь
Самъ за своимъ отдаленнымъ отцомъ, чтобъ провѣдать, какая
Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово.

²⁸⁰Пѣлось сперва посѣтивъ, ты узнай, что божественный Несторъ
Скажетъ; потомъ Менелая найди златовласаго въ Спартѣ;
Прибыль домой онъ послѣдній изъ всѣхъ мѣднотныхъ ахеянъ.
Если услышишь, что живъ твой родитель, что онъ возвратится,
Жди его годъ, терпѣливо снося притѣсненья; когда же

²⁸⁵Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ живыми,
То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратясь,
Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыпь и обычную пышно
Тризну по немъ соверши; Пенелопу жъ склони на замужство.

Послѣ, когда надлежащимъ порядкомъ все дѣло устроишь,

²⁹⁰Твердо рѣшившись, умомъ осмотрительнымъ выдумай средство,
Какъ бы тебѣ жениховъ, захватившихъ насильственно домъ вашъ,
Въ немъ погубить иль обманомъ иль явною силой; тебѣ же
Быть ужъ ребенкомъ нельзя, ты изъ дѣтскаго возраста вышелъ;
Знаешь, какою божественный отрокъ Орестъ передъ цѣлмымъ

²⁹⁵Свѣтомъ украсился честью, отмстивши Эгисту, которымъ

Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель?

Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созрѣвшій,
Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили.

Время однако ужъ мнѣ возвратиться на быстрый корабль мой

³⁰⁰Къ спутникамъ, ждущимъ конечно меня съ нетерпѣньемъ и скукой.

Ты жъ о себѣ позаботься, уваживши то, что сказалъ я.—

Милый мой гость, отвѣчать разсудительный сынъ Одиссеевъ,

Полезы желая моею, говоришь ты со мною, какъ съ сыномъ
Добрый отецъ; я о томъ, что совѣтовалъ ты, не забуду.

³⁰⁵Но подожди же, хотя и торопишься въ путь; здѣсь прохладной
Баней и члены и душу свою освѣживъ, возвратись

Ты на корабль, къ удовольствію сердца богатый подарокъ

Взявъ отъ меня, чтобъ его мнѣ на память беречь, какъ обычай

Есть межъ людьми, чтобъ, прощаяся, гости другъ друга дарили.—

³¹⁰Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Нѣтъ! не держи ты меня, тороплюсь я безмѣрно въ дорогу;

Твой же подарокъ, обѣщанный мнѣ такъ радушно тобою,

Къ вамъ возвратясь, приму и домой увезу благодарно,

Въ даръ получивъ дорогое и самъ дорогимъ отдаривши.—

³¹⁵Съ сими словами Зевесова дочь свѣтлоокая скрылась,

Быстрой невидимо птицею вдругъ улетѣвъ. Поселила

Твердость и смѣлость она въ Телемаковомъ сердцѣ, живѣе

Вспомнить заставивъ его объ отцѣ; но проникъ онъ душою

Тайну и чувствовалъ страхъ, угадавъ, что бесѣдовалъ съ богомъ.

³²⁰Тутъ къ женихамъ онъ, божественный мужъ, подошелъ; передъ

Пѣлъ знаменитый пѣвецъ и съ глубокимъ вниманьемъ сидѣли [ними

Молча они; о печальномъ ахейцѣ изъ Трои возвратѣ,

Нѣкогда имъ учрежденномъ богиней Аѳиною, пѣлъ онъ.

Въ верхнемъ покоѣ своемъ вдохновенное пѣнье услышавъ,

³²⁵Внизъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно сошла Пенелопа,

Старца Икарія дочь многоумная; вмѣстѣ сошли съ ней

Двѣ изъ служанокъ ея; и она, божество межъ женами.

Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,

Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,

³³⁰Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ.

Справа и слѣва почтительно стали служанки; царица

Съ плачемъ тогда обратила къ пѣвцу вдохновенному слово:

Фемій, ты знаешь такъ много другихъ восхищающихъ душу

Пѣсней, сложенныхъ пѣвцами во славу боговъ и героевъ;

³³⁵Спою же изъ нихъ, предъ собраніемъ сидя, одну; и въ молчаньи

Гости ей будутъ внимать за виномъ; но прерви начатую

Пѣсню печальную; сердце въ груди замираетъ, когда я

Слышу ее: мнѣ изъ всѣхъ жесточайшее горе досталось;

Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшемъ,

³⁴⁰Столь преисполнившемъ славой своей и Элладу и Аргосъ.—

Милая мать, возразилъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,

Какъ же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше

То воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ? Виновенъ

Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше

345 Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенъе.

Нѣтъ, не препятствуй пѣвцу о печальномъ возвратѣ данаевъ.

Пѣть—съ похвалою великою люди той пѣсни внимають,

Всякій разъ ею, какъ новою, душу свою восхищая;

Ты же сама въ ней найдешь не печаль, а печали усладу:

350 Былъ не одинъ изъ боговъ осужденъ потерять день возврата

Царь Одиссей, и другихъ знаменитыхъ погибло не мало.

Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,

Пряжей, ткашемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ

Были своей: говорить же не женское дѣло, а дѣло

355 Мужа, и нынѣ мое; у себя я одинъ повелитель.—

Такъ онъ сказалъ; изумясь, обратно пошла Пенелопа;

Къ сердцу слова многоумна сына принявъ и въ покоѣ

Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ

Плакала горько она о своемъ Одиссее, куда

360 Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.

Тою порой женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли,

Споря о томъ, кто изъ нихъ съ Пенелопою ложе раздѣлитъ.

Къ нимъ обратясь, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

— Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,

365 Станемъ спокойно теперь веселиться: прервите вашъ шумный

Споръ; намъ приличнѣй вниманье склонить къ пѣснопѣвцу, который,

Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновенъемъ высокимъ подобенъ.

Завтра же утромъ васъ всѣхъ приглашаю собраться на площадь.

Тамъ всенародно въ лицо вамъ скажу, чтобъ очистили всѣ вы

370 Домъ мой: иные пиры учреждайте; свое, а не наше

Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ.

Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй и легче

Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы—сожрите

Все: по на васъ я боговъ призову; и Зевесъ не замедлитъ

375 Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо всѣ вы,

Также безъ платы, погибнете въ домѣ, разграбленномъ вами.—

Онъ замолчалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,

Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.

Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, ему отвѣчалъ, возражая:

380 Самъ боги конечно тебя, Телемакъ, научили

Быть столь кичливымъ и дерзкимъ въ словахъ, и бѣда намъ, когда ты
Въ вѣлнообъятой Итакѣ, по волѣ Кроніона, будешь

Нашимъ царемъ, ужъ имѣя на то по рожденью и право!—

Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

³⁸⁵ Другъ Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:

Если бѣ владычество далъ мнѣ Зевесъ, я охотно бы принялъ.

Или ты мыслишь, что царская доля всѣхъ хуже на свѣтѣ?

Нѣтъ, конечно, царемъ быть не худо; богатство въ царевомъ

домѣ скопляется скоро, и самъ онъ въ чести у народа.

³⁹⁰ Но межъ ахейцами волнообъятой Итаки найдется

Много достойнѣйшихъ власти и старыхъ и юныхъ; межъ ними

Вы изберите, когда ужъ не стало царя Одиссея.

Въ домѣ жъ своемъ я одинъ повелитель; здѣсь мнѣ подобаетъ

Власть надъ рабами, для насъ Одиссеемъ добытыми въ битвахъ. —

³⁹⁵ Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Телемаку:

О Телемакъ, мы не знаемъ—то въ лонѣ безсмертныхъ сокрыто—

Кто надъ ахейцами волнообъятой Итаки назначенъ

Царствовать; въ домѣ жъ своемъ ты конечно одинъ повелитель;

Нѣтъ, не найдется, пока обитаема будетъ Итака,

⁴⁰⁰ Здѣсь никого, кто бѣ дерзнулъ на твое посягнуть достоянью.

Но я желалъ бы узнать, мой любезный, о нынѣшнемъ гостѣ.

Какъ его имя? Какую своимъ онъ отечествомъ славить

Землю? Какого онъ рода и племени? Гдѣ онъ родился?

Съ вѣстью ль къ тебѣ о желанномъ возвратѣ отца приходилъ онъ?

⁴⁰⁵ Иль посѣтилъ насъ, по собственной нуждѣ заѣхавъ въ Итаку?

Вдругъ онъ отсюда прощалъ, не дождавшись, чтобъ съ нимъ хоть не-
мы познакомились; былъ человекъ не простой онъ конечно.— [много

Другъ Эвримахъ, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,

День свиданья съ отцомъ навсегда мной утраченъ; не буду

⁴¹⁰ Болѣе вѣрять ни слухамъ о скоромъ его возвращеннѣ,

Ниже напраснымъ о немъ прорицаньямъ, къ которымъ, сзывая

Въ домъ свой гадателей, мать прибѣгаетъ. А нынѣшній гость нашъ.

Былъ Одиссеевымъ гостемъ; онъ родомъ изъ Тафоса, Ментесъ,

Сынъ Анхіала, царя многоумнаго, править народомъ

⁴¹⁵ Веселюбивыхъ тафійцевъ.—Но такъ говоря, убѣжденъ былъ

Въ сердцѣ своемъ Телемакъ, что богиню безсмертную видѣлъ.

Тѣ же, опять обратившись къ пляскѣ и сладкому пѣнью,
 Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи; когда же
 Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,
⁴²⁰Всѣ разошлись по домамъ, чтобъ предаться безнечному покою.
 Скоро и самъ Телемакъ въ свой высокій чертогъ (на прекрасный
 Дворъ обращенъ былъ лицомъ онъ съ обширнымъ предъ окнами ви-
 Всѣхъ проводивши, пошелъ, про себя размышляя о многомъ. [домъ],
 Факель зажженный неся, передъ нимъ съ осторожнымъ усердьемъ
⁴²⁵Шла Эвриклея, разумная дочь Певсенѳрида Опса;
 Кулена въ лѣтахъ цвѣтущихъ Лаэртомъ она—заплатилъ онъ
 Двадцать быковъ, и ее съ благойравной своею супругой
 Въ домѣ своемъ уважалъ наравнѣ, и себѣ не позволилъ
 Ложа коснуться ея, опасаяся ревности женской.
⁴³⁰Факель неся, Эвриклея вела Телемака—за нимъ же
 Съ дѣтства ходила она и ему угождала усерднѣй
 Прочихъ невольницъ. Въ богатую спальню она отворила
 Двери: онъ сѣлъ на постелю и тонкую снявши сорочку,
 Въ руки старушки заботливой бросилъ ее; осторожно
⁴³⁵Въ складки сложивъ и угладивъ, на гвоздь Эвриклея сорочку
 Подлѣ кровати, искусно точеной, повѣсила; тихо
 Вышла изъ спальни; серебряной ручкою дверь затворила:
 Крѣпко задвижку ремнемъ затянула; потомъ удалилась.
 Онъ же всю ночь на постели, покрытый овчиною мягкой,
⁴⁴⁰Въ сердцѣ обдумывалъ путь, учрежденный богиней Аѳиной.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

ВТОРОЙ ДЕНЬ, ДО РАЗСВѢТА ТРЕТЬЕГО ДНЯ.

Рано по утру Телемакъ повелѣваетъ глашатаямъ созвать гражданъ Итаки на площадь и требуетъ всенародно, чтобъ женихи покинули домъ его. Антиной дерзко ему отвѣтствуетъ. Предвѣщательное явленіе орловъ; его толкуетъ Галифердъ, которому грубо возражаетъ Эвримахъ. Телемакъ требуетъ корабля для отплытія въ Пилось. Менторъ упрекаетъ народъ въ равнодушіи къ сыну Одиссею; противъ него возстаетъ Леокритъ, который потомъ самовольно распускаетъ народное собраніе. Аѳина подъ видомъ Ментора ободряетъ молящагося ей Телемака общаніемъ дать ему корабль и провожатыхъ. Ключница Эвриклея готовитъ запасъ на дорогу.

Афина, получивъ отъ Поэмона корабль, приготовляетъ его къ отплытію; потомъ, уснивъ жениховъ, шивавшихъ въ домѣ Одиссеевомъ, уводитъ съ собою Телемака на берегъ моря, куда приносятъ и всѣ приготовленные на дорогу запасы. Телемакъ вмѣстѣ съ мнимымъ Менторомъ, не простясь съ Пенелопею, пускается въ море.

Встала изъ мрака молодая съ перстами пурпурными Эось;
 Ложе покинуть тогда и возлюбленный сынъ Одиссеевъ;
 Плате надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ:
 Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
⁵Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный.
 Звонкоголосыхъ глашатаевъ царскихъ созвавъ, повелѣлъ онъ
 Кликнуть имъ кличъ, чтобъ на площадь собрать густовласыхъ ахеянъ;
 Кликнули тѣ; собралися на площадь другіе; когда же
 Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось полнымъ,
¹⁰Съ мѣднымъ въ рукѣ онъ кошемъ передъ сонмомъ народнымъ
 Былъ не одинъ, двѣ лихія за нимъ прибѣжали собаки. [явился—
 Образъ его несказанной красой озарила Афина,
 Такъ что дивилися люди, его подходящаго вида.
 Старцы предъ нимъ раздалися и сѣлъ онъ на мѣстѣ отцовомъ.
¹⁵Первое слово тогда произнесъ благородный Эгипцій,
 Старецъ, согбенный годами и въ жизни извѣдавшій много;
 Сынъ же его Антифонтъ копьeverжецъ съ царемъ Одиссеемъ
 Въ кѣнеобильную Трою давно въ корабль крутобокомъ
 Поплылъ; онъ былъ умерщвленъ Полифемомъ свирѣпымъ въ глубокомъ.
²⁰Гротѣ, послѣдній похищенный имъ для вечерня пиши.
 Три оставалися старцу: одинъ, Евриномъ, съ женихами
 Буйствовалъ; два помогали отцу обрабатывать поле;
 Но о погибшемъ не могъ позабыть онъ; объ немъ онъ все плакалъ.
 Все сокрушался; и такъ, сокрушенный, сказалъ онъ народу:
²⁵Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
 Мы на совѣтъ не сходились ни разу съ тѣхъ поръ, какъ отсюда
 Царь Одиссей въ быстроходныхъ своихъ корабляхъ удалился.
 Кто же насъ собралъ теперь? Кому въ томъ внезапная нужда?
 Юноша ль онъ развѣтающій? Мужъ ли годами созрѣлый?
³⁰Слышалъ ли вѣсть о идущей на насъ непріятельской силѣ?
 Хочетъ ли насъ остеречь, напередъ все подробно развѣдавъ?
 Или о пользѣ народной какой предложить намъ намѣрентъ?

Долженъ быть честный онъ гражданинъ; слава ему! да поможетъ Зевсъ помышлениямъ добрымъ его совершиться успѣшно.—

³⁵Кончилъ. Словами его быть обрадованъ сынъ Одиссеевъ;
Встать и къ собранію рѣчь обратитъ онъ немедля рѣшился;
Выступилъ онъ предъ людей, и ему, къ нимъ идущему, въ руку
Скипетръ вложилъ Певсендоръ, глашатай, разумный совѣтникъ.

Къ старцу сперва обратися, ему онъ сказалъ: благородный
⁴⁰Старець, онъ близко [и скоро его ты узнаешь], кѣмъ здѣсь вы
Собраны—это я самъ, и печаль мнѣ великая пшѣ.

Я не слыхалъ о идущей на насъ непріятельской силѣ;
Васъ остеречь не хочу, напередъ все подробно развѣдавъ;
Также о пользахъ народныхъ теперь предлагать не намѣренъ.

⁴⁵Нынѣ о собственной, домъ мой постигшей бѣдѣ говорю я.
Двѣ мнѣ напасти; одна: мной утраченъ отецъ благородный,
Бывшій надъ вами царемъ и всегда, какъ дѣтей, васъ любившій;
Болѣе жъ злая другая напасть, отъ которой весь домъ нашъ
Скоро погибнетъ, и все, что въ немъ есть, до конца истребитъ,

⁵⁰Та, что преслѣдуютъ мать женихи неотступные, нашихъ
Гражданъ знатнѣйшихъ, собравшихся здѣсь, сыновья; имъ противно
Прямо въ Икаріевъ домъ обратитъ, чтобъ ихъ предложеніе
Выслушалъ старецъ, и дочь, надѣленную щедро приданымъ,
Отдать по собственной волѣ тому, кто пріятнѣе сердцу.

⁵⁵Нѣтъ; имъ удобнѣй, всѣдневно врываяся въ домъ нашъ толшою,
Нашихъ быковъ и барановъ и козь откормленныхъ рѣзать,
Жрать до упада и свѣтлое наше вино безпощадно
Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ въ немъ такого
Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятыя избавить.

⁶⁰Сами же мы безпомощны теперь, равномѣрно и послѣ
Будемъ, достойные жалости, вовсе безъ всякой защиты.

Если бы сила была, то и самъ я нашель бы управу;

Но нестерпимы обиды становятся; домъ Одиссеевъ
Грабятъ безстыдно. Ужель не тревожитъ васъ совѣсть? По крайней

⁶⁵Мѣрѣ чужихъ устыдитесь людей и народовъ окружныхъ,
Намъ сопредѣльныхъ; боговъ устрашится мщенья, чтобъ гнѣвомъ
Васъ не постигли самихъ, негодую на вашу неправду.

Я жъ къ Олимпійскому Зевсу взываю, взываю къ Ѡемидѣ,

Строгой богинѣ, совѣты мужей учреждающей! Наше
⁷⁰Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться .
 Горемъ оставьте. Иль, можетъ быть, мой благородный родитель
 Чѣмъ оскорбилъ здѣсь умышленно мѣднообутыхъ ахеянъ;
 Можетъ быть то оскорбленье на мнѣ вы умышленно мстите,
 Грабить нашъ домъ возбуждая другихъ? Но желали бы лучше
⁷⁵Мы, чтобъ и скотъ нашъ живой, и лежачій запасъ нашъ вы сами
 Силою взяли: тогда бы для насъ сохранилась надежда:
 Мы бы дотолѣ по улицамъ стали скитаться, моля васъ
 Наше отдать намъ, покуда не все бы намъ отдано было;
 Нынѣ жъ вы сердце мое безнадежнымъ терзаете горемъ.
⁸⁰Такъ онъ во гнѣвѣ сказалъ и повергнулъ на землю свой скипетръ;
 Слезы изъ глазъ устремились: народъ состраданье проникло;
 Всѣ неподвижно-безмолвны сидѣли; никто не рѣшился
 Дерзостнымъ словомъ отвѣтствовать сыну царя Одиссея.
 Но Антиной поднялся и воскликнулъ, ему возражая:
⁸⁵Что ты сказать, Телемакъ, необузданный, гордорѣчивый?
 Насъ оскорбивъ, ты на насъ и вину возложить замыляешь?
 Нѣтъ, обвинять ты не насъ жениховъ предъ ахейскимъ народомъ
 Долженъ теперь, а свою хитроумную мать Пенелопу.
 Три совершилося года, ужѣ наступилъ и четвертый
⁹⁰Съ тѣхъ поръ, какъ нами играя, она подаетъ намъ надежду
 Всѣмъ, и каждому порознь себя обѣщаетъ, и вѣсти
 Добрыя шлетъ къ намъ, недоброе въ сердцѣ для насъ замыляя.
 Знайте, какую она вѣроломно придумала хитрость:
 Станъ превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ
⁹⁵Тонко-широкую ткань, и собравши насъ всѣхъ, намъ сказала:
 Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на свѣтѣ
 Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ.
 Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мнѣ даромъ;
 Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
¹⁰⁰Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
 Парками отданъ, дабы не посмѣли ахейскія жены
 Мнѣ попрекнуть, что богатый столъ мужъ погребенъ безъ покрова.
 Такъ намъ сказала и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
 Что же? День цѣлый она за тканьемъ проводила, а ночью,

¹⁰⁵Факель зажегши, сама все натканное днемъ распускала.
 Три года длился обманъ и она убѣждать насъ умѣла:
 Но когда обращенъе время приведень былъ четвертый—
 Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла:
 Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью:
¹¹⁰Такъ и была приневолена нехотя трудъ свой окончить.
 Ты же насъ слушай; тебѣ отвѣчаемъ, чтобъ могъ ты все вѣдать
 Самъ, и чтобъ вѣдали все равномерно съ тобой и ахейцы:
 Мать отошли, повелѣвъ ей немедля, на бракъ согласившись,
 Выбрать межъ нами того, кто отцу и самой ей угоденъ.
¹¹⁵Если же долѣе будетъ играть сыновьями ахейнъ...
 Разумомъ щедро ее одарила Аенна; не только
 Въ разныхъ она руководѣльяхъ искусна, но также и много
 Хитростей знаетъ, неслыханныхъ въ древнѣе дни и ахейскимъ
 Женамъ прекрасно-кудрявымъ невѣдомыхъ: что ни Алкменѣ
¹²⁰Древней, ни Тиро, ни пышно-вѣнчанной царицѣ Микенѣ
 Въ умъ не входило, то нынѣ увертливый умъ Пенелопи
 Намъ ко вреду изобрѣлъ; но ея изобрѣтенья тщетны:
 Знай, не престанемъ твой домъ разорять мы до тѣхъ норъ, покуда
 Будетъ упорна она въ помышленьяхъ своихъ, ей богами
¹²⁵Въ сердце вложенныхъ; конечно, самой ей въ великую славу
 То обратится, но ты истребленъе богатства оплачешь:
 Мы, говорю, не пойдемъ отъ тебя ни домой, ни въ иное
 Мѣсто, пока Пенелопа межъ нами не выберетъ мужа.—
 О Антиной, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
¹³⁰Я не дерзну и помыслить о томъ, чтобъ велѣтъ удалиться
 Той, кто меня родила и вскормила; отецъ мой далѣко:
 Живъ ли, погибъ ли, не знаю; но трудно съ Икаріемъ будетъ
 Мнѣ расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
 Вышлю—тогда я подвергнуся и гнѣву отца и гоненью
¹³⁵Демона: страшныхъ Эринній, свой домъ покидая, накличетъ
 Мать на меня и стыдомъ предъ людьми я покроюся вѣчнымъ.
 Нѣтъ, никогда не отважусь сказать ей подобнаго слова.
 Вы же, когда хоть немного тревожить васъ совѣсть, покиньте
 Домъ мой: иные ниры учреждайте, свое, а не наше
¹⁴⁰Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ.

Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй и легче
 Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы—сожрите
 Все; но на васъ я боговъ призову, и Зевесъ не замедлитъ
 Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо всѣ вы,
¹⁴³Также безъ платы, погибнете въ домѣ, разграбленномъ вами.—
 Такъ говорилъ Телемакъ. И внезапно Зевесъ громовержець
 Свыше къ нему двухъ орловъ ниспослалъ отъ горы каменистой;
 Оба сначала, какъ будто несомые вѣтромъ, летѣли
 Рядомъ они, широко распутивши огромныя крылья;
¹⁵⁰Но, налетѣвъ на средину собранія, полного шумомъ,
 Начали быстро кружить съ непрестанными взмахами крыльевъ;
 Очи ихъ, сверху на головы глядя, сверкали бѣдою;
 Сами потомъ разцарапавъ другъ другу и груди и шеи,
 Вправо умчались они, пролетѣвъ надъ собраньемъ и градомъ.
¹⁵³Всѣ, изумленные, птицъ провожали глазами и каждый
 Думалъ о томъ, что явленіе ихъ предвѣщало въ грядущемъ?
 Выступилъ тутъ предъ народъ Галифѣрдъ, многоопытный старецъ,
 Сынъ Масто́ровъ; изъ сверстниковъ всѣхъ онъ одинъ по полету
 Птицъ былъ искусенъ гадать и пророчилъ грядущее; полный
¹⁶⁰Мыслей благихъ, обратясь къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
 Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки.
 Прежде однако, дабы жениховъ образумить, скажу я
 Имъ, что бѣда неизбѣжная мчится на нихъ, что недолго
 Будетъ въ разлукѣ съ семействомъ своимъ Одиссей, что уже онъ
¹⁶³Гдѣ нибудь близко таятся, и смерть и погибель готова
 Всѣмъ имъ, что также и многимъ другимъ изъ живущихъ въ Итакѣ
 Горновозвышенной бѣдствіе будетъ. Размыслимъ же, какъ бы
 Въ-время намъ обуздать ихъ; но лучше, конечно, когда бы
 Сами они усмирились; то нынѣ всего бы полезнѣй
¹⁷⁰Было для нихъ: не безопытно такъ говорю, но навѣрно
 Зная, что будетъ; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
 Здѣсь предсказалъ передъ тѣмъ, какъ пошли кораблями ахейцы
 Въ Трою и съ ними пошелъ Одиссей многоумный. По многихъ
 Бѣдствіяхъ [такъ говорилъ я] и спутниковъ всѣхъ потерявши,
¹⁷⁵Всѣмъ незнакомый, въ исходѣ двадцатаго года въ отчизну
 Онъ возвратится. Мое предсказанье свершается нынѣ.—

Кончилъ. Ему отвѣчать Эвримахъ, сынъ Полибійевъ: лучше,
Старый разскащикъ домой возвратись, и своимъ малолѣтнимъ
Дѣтямъ пророчеству тамъ, чтобъ бѣды имъ какой не случилось.

¹⁸⁰Въ нашемъ же дѣлѣ вѣриге тебя я пророкъ; мы довольно
Видимъ летающихъ на небѣ въ свѣтлыхъ лучахъ Геліоса
Птиць, но не всѣ роковыя. А царь Одиссей въ отдаленномъ
Краѣ погибъ. И тебѣ бы погибнуть съ нимъ вмѣстѣ! Тогда бы
Здѣсь ты не сталъ предсказаній такихъ вымышлять, возбуждая

¹⁸⁵Гнѣвъ въ Телемакѣ, уже раздраженномъ, и вѣрно надѣясь,
Что нибудь въ даръ отъ него получить для себя и домашнихъ.
Слушай однако—и то, что услышишь, исполнится вѣрно—

Если ты этого юношу съ старымъ своимъ многознаньемъ
Будешь пустыми словами на гнѣвъ возбуждать, то конечно

¹⁹⁰Это въ сугубое горе ему самому обратится;

Противъ насъ всѣхъ онъ одинъ ничего совершить не успѣетъ.
Ты жъ, безразсудный старикъ, навлечешь на себя наказанье,
Тяжкое сердцу; мы горько заставимъ тебя сокрушаться.

Нынѣ я болѣе полезный совѣтъ предложу Телемаку:

¹⁹⁵Матери пусть повелить онъ къ Икарію въ домъ возвратиться
Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану ея, надѣлать онъ.

Иначе, думаю, мы, сыновья благородныхъ ахеянъ,

Мучить ее не перестанемъ своимъ сватовствомъ. Никого здѣсь

²⁰⁰Мы не боимся, ни полнаго звучныхъ рѣчей Телемака,

Ниже пророчествъ, которыми ты, говорунъ посядѣлый,

Всѣмъ докучаешь—ты намъ оттого ненавистнѣй; а домъ ихъ

Весь разоримъ мы на наши пиры и отъ насъ воздаянья

Имъ не имѣть никакого, пока на желаемый нами

²⁰⁵Бракъ не рѣшится она; ожидая вседневно, кто будетъ

Ею изъ насъ наконецъ предпочтенъ, мы къ другимъ обратимся

Медлимъ невѣстамъ, чтобъ выбрать, какъ слѣдуетъ, женъ между

Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ: [ними.—

О Эвримахъ, и вы всѣ, женихи знаменитые, болѣ

²¹⁰Васъ убѣждать не хочу и впередъ не скажу вамъ ни слова;

Боги все вѣдаютъ, все благороднымъ ахейцамъ извѣстно.

Вы же мнѣ прочный корабль съ двадцатью пріобыкшими быстро

По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я Спарту и Пѣлосъ песчаный сперва посѣтить, чтобъ провѣдать,
²¹⁵Есть ли тамъ слухи какіе о милomъ отцѣ и какая Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ прорицанье Оссы, всегда повторяющій людямъ Зевесово слово.
 Если узнаю, что живъ онъ, что онъ возвратится, то буду Ждать его годъ, терпѣливо снося притѣсненья; когда же
²²⁰Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ живыми, То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратяся, Въ честь его холмъ гробовой здѣсь насыплю и должную пышно Тризну по немъ совершу; Пенелопу жъ склоню на замужство.— Кончивъ, онъ сѣлъ и умолкнулъ. Тогда поднялся неизмѣнный
²²⁵Спутникъ и другъ Одиссея, царя безпорочнаго, Менторъ. Въѣриль ему Одиссей при отплытіи домъ, быть покорнымъ Старцу Лаэрту и все сберегать повелѣвши. И полный Мыслей благихъ, обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ: Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
²³⁰Кроткимъ, благимъ и привѣтливымъ быть ужъ впередъ ни единый Царь скиптровосный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши, Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло, Если могли вы забыть Одиссея, который былъ нашимъ Добрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный.
²³⁵Нужды мнѣ нѣтъ обвинять жениховъ необузданно-дерзкихъ Въ томъ, что они, самовластвуя здѣсь замышляютъ худое. Сами своею играютъ они головой, разоряя Домъ Одиссея, котораго, мыслить, ужъ мы не увидимъ. Васъ же, граждәне Итаки, хочу пристыдить: здѣсь собравшись.
²⁴⁰Вы равнодушно сидите и слова не скажете противъ Малой толпы жениховъ, хотъ самихъ васъ число и большое.— Сынъ Эйвеноровъ тогда Леокритъ, негодуя, воскликнулъ: Что ты сказалъ, безразсудный, зломышленный Менторъ? Смирить насъ Гражданамъ ты предлагаешь; но сладить имъ съ нами, которыхъ
²⁴⁵Также немало, на пиршествѣ трудно. Хотя бы внезапно Самъ Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой Насъ, жениховъ благородныхъ, въ его веселящихся домъ, Выгнать оттуда замыслилъ, его возвращеніе въ отчизну

Было бъ женѣ, тосковавшей такъ долго по немъ, не на радость:

²⁵⁰Злая погябель его бы постигла, когда бы насъ многихъ

Вздумалъ одинъ одолѣть онъ; неумное слово сказать ты.

Вы жъ разойдитесь, люди, и каждый займися домашнимъ

Дѣломъ. А Менторъ пускай и мудрецъ Галифердъ, Одиссею

Вѣрность свою сохранившіе, въ путь снарядятъ Телемака;

²⁵⁵Долго однако, я думаю, здѣсь просидитъ онъ, собирая

Вѣсти; пути же ему своего совершить не удастся.—

Такъ онъ сказавъ, распустилъ самовольно собранье народа.

Всѣ, удалясь, по своимъ разошлись домамъ; женихи же

Въ домъ Одиссея, царя благороднаго, вновь возвратились.

²⁶⁰Но Телемакъ одиноко пошелъ на песчаное взморье.

Руки соленою влагой умывъ, возгласилъ онъ къ Аѳинѣ:

Ты, посѣтившая домъ мой вчера и въ туманное море

Плыть повелѣвшая мнѣ, чтобъ развѣдалъ я, странствуя, нѣтъ ли

Слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи, богиня,

²⁶⁵Мнѣ помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняютъ;

Наче жъ другихъ женихи многосильные, полные злости.—

Такъ говорилъ онъ, молясь, и предъ нимъ во мгновение ока,

Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, предстала Аѳина.

Голось возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:

²⁷⁰Смѣль, Телемакъ, и разумень ты будешь, когда обладаешь

Тою великою силой, съ какою и словомъ и дѣломъ

Все твой отецъ, что хотѣлъ, совершалъ; и достигнешь желанной

Цѣли, свой путь безпрепятственно кончивъ; когда жъ не прямой ты

Сынъ Одиссеевъ, не сынъ Пенелопинъ прямой, то надежды

²⁷⁵Нѣтъ, чтобъ успѣшно ты могъ совершить предпріятное дѣло.

Рѣдко бывають подобны отцамъ сыновья; всѣ большую

Частию хуже отцовъ и немногіе лучше. Но будешь

Ты, Телемакъ, и разумень и смѣль, поелику не вѣсье

Ты Одиссеевой силы великой лишень; и надежда

²⁸⁰Есть для тебя, что успѣшно свершишь предпріятное дѣло.

Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляютъ—оставь ихъ;

Горе безумнымъ! они въ слѣпотѣ, незнакомые съ правдой,

Смерти своей не предвидятъ, ни черной судьбы, ежедневно

Къ нимъ подступающей ближе и ближе, чтобъ вдругъ погубить ихъ.

²⁸⁵Ты же свое предпринять путешествіе можешь немедля;
 Будучи другомъ твоимъ по отцу твоему, снаряжу я
 Быстрый корабль для тебя, и послѣдую самъ за тобою.
 Но возвратися теперь къ женихамъ; а тебѣ на дорогу
 Пусть приготовятъ съѣстное, пускай имъ наполнять сосуды;
²⁹⁰Пусть и въ амфоры вина нацѣдятъ, и муки, мореходца
 Снѣди питательной, въ кожаныхъ, плотныхъ мѣхахъ приготовятъ.
 Тою порой я гребцовъ наберу: кораблей же въ Итакѣ,
 Моремъ объятаю, немало и новыхъ и старыхъ; межъ ними
 Лучшій я выберу самъ; и немедленно будетъ онъ нами
²⁹⁵Въ путь изготовленъ, и спустимъ его на священное море.—
 Такъ говорила Аѳина, Зевесова дочь, Телемаку.
 Голосъ богини услышавъ, онъ берегъ немедля покинулъ.
 Въ домъ возвратися съ печалію милого сердца, нашель онъ
 Тамъ жениховъ многосильныхъ: одни обдирали въ покояхъ
³⁰⁰Козъ, а другіе, зарѣзавъ свиней, на дворѣ ихъ палили.
 Съ колкой усмѣшкой къ нему подошелъ Антиной и, насильно
 За руку взявши его и назвавши по имени, молвилъ:
 Юноша вспылчивый, злой говорунъ, Телемакъ, не заботься
 Болѣ о томъ, чтобъ вредить намъ иль словомъ иль дѣломъ, а лучше
³⁰⁵Дружески съ нами безъ всякихъ заботъ веселись, какъ бывало.
 Волю жъ твою не замедлятъ ахейцы исполнить: получишь
 Ты и корабль и отборныхъ гребцовъ, чтобъ скорѣе достигнуть
 Въ Пилосъ, любезный богамъ, и узнать объ отцѣ отдаленномъ.—
 Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
³¹⁰Нѣтъ, Антиной, неприлично мнѣ съ вами надмешными вмѣстѣ
 Противъ желанья сидѣть за столомъ, веселясь беззаботно;
 Будьте довольны и тѣмъ, что имущество лучшее наше
 Вы, женихи, разорили, покуда я былъ малолѣтенъ.
 Нынѣ жъ, когда, возмужавъ и совѣтниковъ слушая умныхъ,
³¹⁵Все я узналъ и когда ужъ во мнѣ пробудилася бодрость,
 Я попытаюсь на шею вамъ Паркъ неизбѣжныхъ наклепать,
 Такъ ли, иначе ли, създивъ ли въ Пилосъ, иль здѣсь отыскавши
 Средство. Я ѣду—и путь мой напрасенъ не будетъ, хотя я
 Ёду попутчикомъ, ибо [такъ было устроено вами]
³²⁰Здѣсь мнѣ имѣть своего корабля и гребцовъ невозможно.

Такъ онъ сказалъ и свою изъ руки Антиноевой руку
Вырвалъ. Межъ тѣмъ женихи, изобильный обѣдъ учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли рѣчами.

Такъ говорили одни изъ ругателей дерзко надменныхъ:

³²⁵Насъ Телемакъ погубить не на шутку замыслилъ; быть можетъ,
Многихъ онъ въ помощь себѣ приведетъ изъ песчанаго Пилоса, многихъ.
Также изъ Спарты: о томъ онъ, мы видимъ, заботится сильно.

Можетъ случиться и то, что богатую землю Эфиру

Онъ посѣтитъ, чтобъ добывши тамъ яду, смертельнаго людямъ.

³³⁰Здѣсь отравить имъ кратеры и разомъ насъ всѣхъ уничтожить.—

Но—отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ—кто знаетъ!

Можетъ случиться легко, что и самъ, какъ отецъ, онъ погибнетъ,

Долго бродивъ по морямъ далекѣ отъ друзей и домашнихъ.

Тѣмъ онъ конечно и насъ озаботитъ: тогда намъ придется

³³⁵Все раздѣлить межъ собой ихъ имущество; домъ же уступимъ

Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею межъ нами.—

Такъ женихи. Телемакъ же пошелъ въ кладовую отцову,

Зданье пространное; злата и мѣди тамъ кучи лежали;

Много тамъ платья въ ларяхъ и душистаго масла хранилось:

³⁴⁰Кувшины изъ глины съ виномъ многолѣтнимъ и сладкимъ стояли

Рядомъ у стѣнъ, заключая божественно-чистый напитокъ

Въ нѣдрѣ глубокомъ, на случай, когда Одиссей возвратится

Въ домъ, претерпѣвши тяжелыхъ скорбей и превратностей много.

Двери двустворныя, дважды замкнутыя, въ ту кладовую

³⁴⁵Входомъ служили; почтенная ключница, денно и ношно

Тамъ съ многоопытнымъ, зоркимъ усердьемъ въ порядкѣ держала

Все Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса.

Въ ту кладовую позвавъ Эвриклею, сказали Телемакъ ей:

Няня, амфоры наполни виномъ благовоннымъ, вкуснѣйшимъ.

³⁵⁰Послѣ того дорогаго, которое здѣсь бережешь ты,

Помня о немъ, о несчастномъ, и все уповая, что въ домъ свой

Царь Одиссей возвратится, и смерти и Паркъ избѣжавши.

Имъ ты двѣнадцать наполни амфоръ и амфоры закупорь;

Также и кожаныхъ, плотныхъ мѣховъ приготовь, оржаную

³⁵⁵Полныхъ мукой; и чтобъ въ каждомъ изъ нихъ заключалось двадцать

Мѣръ; но объ этомъ ты вѣдай одна: собери всѣ припасы

Въ кучу; за ними прійду ввечеру я, въ то время, когда ужъ
 Въ верхній покой свой уйдетъ Пенелопа, о снѣ помышляя.
 Спарту и Пилосъ песчаный хочу посѣтить, чтобъ провѣдать,
³⁶⁰Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеннѣ.—
 Кончили. Ему Эвриклея, усердная няня, заплакавъ,
 Съ громкимъ рыданьемъ крылатое бросила слово: зачѣмъ ты,
 Милое наше дитя, открываешь такимъ помышленьямъ
 Сердце? Зачѣмъ въ отдаленную, чуждую землю стремишься
³⁶⁵Ты, утѣшеніе наше единое? Твой ужъ родитель
 Встрѣтилъ конецъ межъ народовъ враждебныхъ отъ дома далѣко;
 Здѣсь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроятъ
 Ковъ, чтобъ извести и тебя, и твое все богатство раздѣлять.
 Лучше останься у насъ при своемъ: ни малѣйшей нѣтъ нужды
³⁷⁰Въ страшное море тебѣ на бѣды и на бури пускаться.—
 Ей отвѣчая, сказала разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Няня, мой другъ, не тревожься; не мимо боговъ я рѣшился
 Въ путь, но клянись мнѣ, что мать отъ тебя ни о чемъ не узнаетъ.
 Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двѣнадцать,
³⁷⁵Или покуда не спроситъ сама обо мнѣ, иль другой кто
 Тайны не скажетъ—боюсь, чтобъ отъ плача у ней не поблекла
 Свѣжесть лица.—Эвриклея богами великими стала
 Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила,
 Тотчасъ она, благовоннымъ виномъ всѣ амфоры наливши,
³⁸⁰Кожаныхъ плотныхъ мѣховъ приготовила, полныхъ мукою.
 Онъ же, домой возвратившись, тамъ съ женихами остался.
 Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ Паллады Аѳины:
 Видь Телемака принявши, она обѣжала весь городъ;
 Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращая, собраться
³⁸⁵Всѣхъ пригласила она ввечеру на корабль' быстроходный.
 Послѣ, пришедъ къ Ноэмону разумнаго Фронія сыну,
 Дать ей просила корабль—Ноэмонъ согласился охотно.
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
 Легкій корабль на соленую влагу спустивъ, и запасы,
³⁹⁰Нужные каждому прочному судну собравши, на самомъ
 Выходѣ въ море изъ бухты его помѣстила богиня.
 Люди сошлись, и въ каждомъ она возбудила отважность.

Новая мысль родилася тутъ въ сердцѣ Паллады Аѳины.
 Въ домъ Одиссея, царя благороднаго, вшедши, богиня
³⁹⁵Сладкій сонъ на пирующихъ тамъ жениховъ навела, помутила
 Мысли у пьющихъ и вырвала кубки изъ рукъ ихъ; влеченью
 Сна уступивши, они по домамъ разошлись и недолго
 Ждали его, не замедлилъ онъ пасть на усталыя вѣжды.

Тутъ свѣтлокая Зевсова дочь Телемаку сказала,
⁴⁰⁰Вызвавъ его изъ устроенной пышно палаты столовой,
 Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью: пора, Телемакъ, намъ;
 Всѣ собралися ужъ свѣтлообутые спутники наши;
 Сидя у веселья, они ожидаютъ тебя съ нетерпѣньемъ;
 Время идти; не годится намъ долъ откладывать путь свой.—

⁴⁰⁵Кончивъ, Паллада Аѳина пошла впереди Телемака
 Быстрымъ шагомъ; поспѣшно пошелъ Телемакъ за богиней.
 Къ морю и къ ждавшему ихъ кораблю подошедши, они тамъ
 Спутниковъ густокудрявыхъ нашли у песчанаго берега.
 Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая:

⁴¹⁰Братья принесть поспѣшимъ путевые запасы; они ужъ
 Всѣ приготовлены въ домѣ, и мать ни о чемъ не слыхала;
 Также ничто и рабынямъ не сказано; тайну одна лишь
 Знаетъ.—И быстро пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ другіе.

Взявши запасы, они ихъ на прочно устроенномъ судиѣ
⁴¹⁵Склали, какъ то повелѣлъ имъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
 Скоро и самъ онъ вступилъ на корабль за богиней Аѳиной;
 Подлѣ кормы корабельной она помѣстилась; съ ней рядомъ
 Сѣлъ Телемакъ, и гребцы, отвязавши поспѣшно канаты,
 Также взошли на корабль и сѣли на лавкахъ у веселья.

⁴²⁰Тутъ свѣтлокая Зевсова дочь даровала имъ вѣтеръ попутный,
 Свѣжій повѣялъ зефиръ, ошумляющій темное море.

Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ скорѣе
 Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту
 Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо водрузивши,

⁴²⁵Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки;
 Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;
 Вѣтромъ наполнившись, онъ поднялся, и пурпурныя волны
 Звучно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля зашумѣли;

Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.
 430 Тутъ корабельщики, черное быстрое судно устройвъ,
 Чаши наполнили сладкимъ виномъ и молясь сотворили
 Должное вѣчнорожденнымъ, безсмертнымъ богамъ возліянье,
 Паче жъ другихъ свѣтлоюкой богинѣ великой Палладѣ.
 Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

ТРЕТІЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ, ДО ВЕЧЕРА ПЯТАГО.

Прибытіе Телемака въ Пилосъ. Онъ находитъ Нестора, приносящаго на берегу моря жертву Посидону вмѣстѣ съ народомъ. Несторъ по просьбѣ Телемака рассказываетъ о томъ, что случилось съ нимъ, съ Менелаемъ и нѣкоторыми другими ахейскими вождами послѣ разрушенія Трои. Онъ совѣтуетъ Телемаку посѣтить Менелая въ Лакедѣмонѣ. Телемакъ остается ночевать въ домѣ Нестора. На другой день, по совершеніи жертвы, обѣщанной Несторомъ Аѳинѣ, Телемакъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Нестора, Пизистратомъ, отправляется въ путь; они ночуютъ у Діоклеса и на слѣдующій вечеръ приѣзжаютъ въ Лакедѣмонь.

Геліосъ съ моря прекраснаго всталъ и явился на мѣдномъ
 Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,
 Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.

Тою порою достигнулъ корабль до Нелеева града

5 Пышнаго Пилоса. Въ жертву народъ приносилъ тамъ на брегѣ

Черныхъ быковъ Посидону лазурнокудрявому богу;

Было тамъ девять скамей; на скамьяхъ, по пяти сотъ на каждой,

Люди сидѣли, и девять быковъ передъ каждою было.

Сладкой отвѣдавъ утробы, уже сожигали предъ богомъ

10 Бедря въ то время, какъ въ пристань вошли мореходцы. Убравши

Снасти и якоремъ шаткій корабль утвердивши, на землю

Вышли они; Телемакъ, за Аѳинною слѣдуя, также

Вышелъ. Къ нему обратяся, богиня Аѳина сказала:

Сынъ Одиссеевъ, теперъ ужъ застѣнчивымъ быть ты не долженъ;

15 Пбо затѣмъ мы и въ море пустились, чтобъ свѣдать, въ какую

Землю отецъ твой судьбиною брошенъ и что претерпѣлъ онъ.

Смѣло приближься къ коней обуздателю Нестору; знать намъ

Должно, какія въ душѣ у него заключаются мысли.

Смѣло его попроси, чтобъ тебѣ объявилъ онъ всю правду;

20 Джи онъ конечно не скажетъ, умомъ одаренный великимъ.))

Но—отвѣчала разсудительный сынъ Одиссеевъ богинѣ—

Какъ подойти мнѣ? Какое скажу я привѣтствіе, Мениторъ?

Мало еще въ разговорахъ разумныхъ съ людьми я искусенъ:

Также не знаю, прилично ли младшимъ разспрашивать старшихъ?—

25 Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Многое самъ, Телемакъ, ты своимъ угадаешь разсудкомъ;

Многое гешій откроетъ тебѣ благосклонный; не противъ

Воли жъ безсмертныхъ, я думаю, быть ты рожденъ и воспитанъ.

Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Телемака

30 Быстрымъ шагомъ; за нею пошелъ Телемакъ; и поспѣшно

Къ мѣсту подходятъ они, гдѣ шліицы собравшись сидѣли;

Тамъ съ сыновьями и Несторъ сидѣлъ; ихъ друзья, учреждая

Пиръ, суетились, вдѣвали на вертелы, жарили мясо.

Всѣ, иноземцевъ увидя, пошли къ нимъ навстрѣчу, и руки

35 Имъ подавая, просили ихъ сѣсть дружелюбно съ народомъ.

Первый, ихъ встрѣтившій, Несторовъ сынъ, Низистратъ благородный,

Ласково за руки взявши обоихъ, на брегѣ несчаюмъ

Мѣсто на мягкихъ разостланныхъ кожахъ занять пригласилъ ихъ

Между отцомъ престарѣлымъ и братомъ младымъ Фразимедомъ.

40 Сладкой утробы отвѣдать имъ давъ, онъ виномъ благовоннымъ

Кубокъ наполнилъ, вина отхлебулъ и сказалъ свѣтлоокой

Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ Аѳинѣ:

Странникъ, ты долженъ призвать Посидона владыку: вы нынѣ

Прибыли къ намъ на великій праздникъ его; совершивши

45 Здѣсь, какъ обычай велитъ, передъ нимъ возліянье съ молитвой,

Ты и товарищу кубокъ съ напиткомъ божественно-чистымъ

Дай; онъ, я думаю, молится также богамъ, поелику

Всѣ мы, люди, имѣемъ въ богахъ благодѣтельныхъ нужду.

Онъ же моложе тебя и, конечно, ровесникъ со мною;

50 Вотъ почему я и кубокъ тебѣ напередъ предлагаю.—

Кончивъ, онъ передалъ кубокъ съ виномъ благовоннымъ Аѳинѣ.

Былъ ей пріятенъ поступокъ разумнаго юноши, первой

Ей предложившаго кубокъ съ виномъ благовоннымъ; и стала

Голосомъ громкимъ она призывать Посидона владыку:

⁵⁵Царь Посидонъ земледержецъ, молюся тебѣ, не отвергни
 Насъ, уповающихъ здѣсь, что желанія наши исполнишь.
 Нестору славу съ его сыновьями во-первыхъ даруй ты;
 Послѣ богатую милость яви и другимъ, благосклонно
 Здѣсь отъ пилійцевъ великую пинѣ принявъ экатомбу;
⁶⁰Дай намъ потомъ, Телемаку и мнѣ, возвратиться, окончивъ
 Все, для чего мы приплыли сюда въ корабль крутобокомъ.—
 Такъ помолясь, совершила сама возліяше богиня;
 Послѣ /двуярусный/ кубокъ она подала Телемаку;
 Въ свой помолился чередъ и возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
⁶⁵Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
 Рѣзали части и начали пиръ многославный; когда же
 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
 Рѣчь обратилъ къ посѣтителямъ Несторъ герой Геренейскій:
 Странники, мнѣ ужъ теперь неприлично не будетъ спросить васъ
⁷⁰Кто вы, понеже ужъ пищею вы насладились довольно.
 Кто жъ вы, скажите? Откуда къ намъ прибыли влажной дорогой
 Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
 Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные мчяся,
 Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?—
⁷⁵Съ духомъ собравшись, на то разсудительный сынъ Одиссеевъ
 Такъ, отвѣчая, сказалъ [и Аѳина ему ободрила
 Сердце, чтобъ Нестора могъ онъ спросить объ отцѣ отдаленномъ,
 Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава]:
 Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава ахеянъ,
⁸⁰Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
 Мы изъ Итаки, подъ склономъ лѣсистымъ Нейона лежащей;
 Прибыли жъ къ вамъ, не за общимъ народнымъ, за собственнымъ дѣ-
 Странствую я, чтобъ, молву объ отцѣ вопрошая, провѣдать, [домъ;
 Гдѣ Одиссей благородный, въ бѣдахъ постоянный, съ которымъ
⁸⁵Ратуя вмѣстѣ, вы градъ Иліонъ, говорятъ, сокрушили.
 Прочіе жъ, сколько ихъ ни было, противъ троянъ воевавшихъ,
 Бѣдственно, слышали мы, въ сторонѣ отдаленной погибли
 Всѣ; а его и погибель отъ насъ неприступно Кроніонъ
 Скрылъ; гдѣ нашель онъ конецъ свой, не знаетъ никто: на землѣ ли
⁹⁰Твердой онъ палъ, переспленный злыми врагами, въ зыбяхъ ли

Моря погибъ, поглощенный холодной волной Амфитриты.
 И же кольца твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно
 Участъ отца моего мнѣ открыть, объявивъ, что своимъ
 Видѣлъ глазами, иль что отъ какого услышалъ случайно
⁹⁵Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе.
 Ты же, меня не щадя и изъ жалости словъ не смягчая,
 Все Расскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ,
 Если же чѣмъ для тебя мой отецъ, Одиссей благородный,
 Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ съ тобою
¹⁰⁰Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ претерпѣли, ахейцы,
 Вспомни объ этомъ теперь и поистинѣ все Расскажи мнѣ.—
 Такъ Телемаку отвѣтствовать Нестору, герой Геренейскій:
 Сынъ мой, какъ сильно напомнилъ ты мнѣ о напастяхъ, въ землѣ той
 Встрѣченныхъ нами, ахейцами, твердыми въ опытѣ строгомъ,
¹⁰⁵Частью, когда въ корабляхъ, предводимые бодрымъ Пелидомъ,
 Мы за добычей по темнотуманному морю гонялись,
 Частью, когда передъ крѣпкимъ Пріамовымъ градомъ съ врагами
 Яростно были. Изъ нашихъ въ то время всѣ лучшіе пали:
 Легъ тамъ Аякъ бѣдоносный, тамъ легъ Ахиллесъ, и совѣтовъ
¹¹⁰Мудростью равный безсмертнымъ Патроклъ, и лежитъ тамъ мой ми-
 сынъ Антилохъ, безпорочный, отважный, и столько же дивный [ый
 Легкостью бѣга сколь былъ онъ безстрашный боецъ. И немало
 Разныхъ другихъ испытали мы бѣдствій великихъ, о нихъ же
 Можетъ ли все рассказать хоть одинъ изъ людей земнородныхъ?
¹¹⁵Если бъ и цѣлыя пять лѣтъ и шесть лѣтъ ты могъ безпрестанно
 Вѣсти собирать о бѣдахъ, приключившихся бодрымъ ахейцамъ,
 Ты бы, всего не узнавъ, недоволенъ домой возвратился.
 Девять трудились лѣтъ мы, чтобъ ихъ погубить, вымышляя
 Многія хитрости—кончить насилу рѣшился Крононъ.
¹²⁰Въ умныхъ совѣтахъ никто тамъ не могъ наряду быть поставленъ
 Съ нимъ: далекò опереживалъ всѣхъ изобрѣтеньемъ многихъ
 Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
 Подлинно сынъ ты его. Съ изумленьемъ смотрю на тебя я:
 Съ нимъ и рѣчами ты сходишь; но кто бы подумалъ, чтобъ было
¹²⁵Юношѣ можно такъ много съ нимъ сходствовать умною рѣчью?
 Я жъ постоянно, покуда войну мы вели, на совѣтъ ль,

Въ сомнѣ ль народномъ, всегда заодно говорилъ съ Одиссеемъ;
Въ мнѣньяхъ согласные, вмѣстѣ всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцамъ полезнѣй.

¹³⁰Но когда, ниспровергнувши городъ Пріама великій,
Мы къ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ: Кроніонъ
Бѣдственный путь по морямъ приготовить замыслилъ ахейцамъ.
Быль не у каждаго свѣтель разсудокъ, не всѣ справедливы
Были они—потому и постигнула злая судьбина

¹³⁵Многихъ, разгнѣвавшихъ дочь свѣтлоую страшнаго бога.
Сильную распрю богиня Аѳина зажгла межъ Атридовъ:
Оба, созвать вознамѣрясь людей на совѣтъ, безразсудно
Собрали ихъ не въ обычное время, когда ужъ садилось
Солнце; ахейцы сошлись, виномъ охмѣленные; тѣ же

¹⁴⁰Стали одинъ за другимъ объяснять имъ причину собранья:
Требовалъ царь Менелай, чтобъ аргивскіе мужи въ обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнонъ отвергнуть: ахейцевъ еще удержать онъ
Мыслилъ за тѣмъ, чтобъ они, совершивъ экатомбу святую,

¹⁴⁵Гнѣвъ примирили ужасной богини... младенецъ! еще онъ
Видно не зналъ, что ужъ быть не могло примиренія съ нею:
Вѣчные боги не скоро въ своихъ измѣняются мысляхъ.

Такъ, обращая другъ къ другу обидныя рѣчи, тамъ оба
Брата стояли; собраніе свѣтлообутыхъ ахеянъ

¹⁵⁰Воцлѣмъ наполнилось яростнымъ, на два разрознившись мнѣнья,
Всю ту мы почъ провели въ непріязненныхъ другъ противъ друга
Мысляхъ: ужъ намъ незаконнымъ готовилъ Зевесъ наказанье.

Утромъ одни на прекрасное море опять кораблями
[Взявъ и добычу и дѣвъ, глубоко опоясанныхъ] вышли.

¹⁵⁵Но половина другая ахеянъ осталась на брегѣ
Вмѣстѣ съ царемъ Агамемнономъ, пастыремъ многихъ народовъ.
Дали мы ходъ кораблямъ, и они по волнамъ побѣжали
Быстро: подъ нами углаживалъ богъ многоводное море.

Скоро пришедъ въ Тенедось, принесли мы тамъ жертву безсмертнымъ,

¹⁶⁰Дать намъ отчизну моля ихъ, но Дій непреклонный еще намъ
Медлилъ дозволить возвратъ: онъ вторичной враждой возмутилъ насъ.
Часть за царемъ Одиссеемъ, подателемъ мудрыхъ совѣтовъ,

Въ многovesельныхъ пустякъ корабляхъ, устремилась въ обратный
Путь, чтобъ Атриду царю Агамѣйнону вновь покориться.

¹⁶⁵И же носивши со всѣми подвластными мнѣ кораблями
Поплыль впередъ, угадавъ, что готовилъ намъ бѣдствіе Демонъ;
Поплыль со всѣми своими и сынъ бѣдоносный Тидея;

Позже отправился въ путь Менелай златовласый; въ Лезбосѣ
Нась онъ нагналъ, нерѣшимыхъ, какую избрать намъ дорогу:

¹⁷⁰Выше ль скалами обильнаго Хіоса, путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по лѣвую руку, иль ниже

Хіоса, мимо открытаго воющимъ вѣтрамъ Мимонта?

Дя молили мы знаменье дать намъ; и знаменье давши,
Онъ повелѣлъ, чтобъ разрѣзавши море по самой срединѣ,

¹⁷⁵Шли мы къ Эвбеѣ для скорого близкой бѣды избѣжанья:

Вѣтеръ попутный, свистя, зашумѣлъ и, рыбообильный

Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли

Къ ночи; отъ многихъ быковъ возложили мы тучныя бедра

Тамъ на алтарь Посидоновъ, измѣривъ великое море.

¹⁸⁰День совершился четвертый, когда, добѣжавъ до Аргоса,

Всѣ корабли Діомеда, коней обуздателя, стали

Въ пристани. Прямо тѣмъ временемъ въ Пилосъ я плылъ, и ни разу

Вѣтеръ попутный, въ началѣ намъ посланный Діемъ, не стихнулъ:

Такъ возвратился я, сынъ мой, безъ всякихъ вѣстей; и донинѣ

¹⁸⁵Свѣдать еще я не могъ, кто погибъ изъ ахеянъ, кто спасся.

Что жъ отъ другихъ мы узнали, живя подъ домашнею кровлей,

То вамъ, какъ слѣдуетъ, я, расскажу, ничего не скрывая.

Слышали мы, что съ младымъ Ахиллеса великаго сыномъ

Всѣ мирмидоны его, кощепосцы, домой возвратились;

¹⁹⁰Живъ, говорятъ, Филоктеть, сынъ Пеановъ возлюбленный; здраво

Идомеи [никого изъ сопутниковъ, съ нимъ избѣжавшихъ

Вмѣстѣ войны, не утративши на морѣ] Крита достигнулъ;

Къ вамъ же конечно и въ дальнюю землю дошелъ объ Атридѣ

Слухъ, какъ домой возвратился онъ, какъ умерщвленъ былъ Эгистомъ,

¹⁹⁵Какъ и Эгистъ наконецъ по заслугѣ пріялъ воздаянье.

Счастье, когда у погибшаго мужа останется бодрый

Сынъ, чтобъ отмстить, какъ Орестъ, поразившій Эгиста, которымъ

Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель!

Такъ и тебѣ; мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созрѣвшій,
 200 Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили.—

Выслушавъ Нестора, такъ отвѣчалъ Телемакъ благородный:
 Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава ахеянъ,
 Правда, отмстить онъ, и страшно отмстить, и ему отъ народовъ
 Честь повсемѣстная будетъ и будетъ хвала отъ потомства.

205 О! когда бъ и меня одарили такую же силою
 Боги, чтобъ также и я могъ отмстить женихамъ, наносящимъ
 Столько обидъ мнѣ, коварно погибель мою замышляя!
 Но благодати великой такой испослать не хотѣли
 Боги ни мнѣ, ни отцу—и удѣлъ мой отнынѣ терпѣнъ.—

210 Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Геренейскій:
 Самъ ты, мой милый, о томъ мнѣ своими словами напомнилъ;
 Слышали мы, что твою благородную мать притѣсняя,
 Въ домѣ твоемъ женихи беззаконнаго дѣлаютъ много.

Знать бы желалъ я: ты самъ ли то волеюносишь? Народъ ли

215 Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенію бога?
 Мы же не вѣдаемъ; можетъ случиться легко, что и самъ онъ
 Ихъ, возвратяся, погубить, одинъ ли, созвавъ ли ахеянъ....

О! когда бъ возлюбить свѣтлокая дѣва Паллада

Также могла и тебя, какъ она Одиссея любила

220 Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много мы бѣдъ претерпѣли ахейцы!

Нѣтъ, никогда не бывали столь боги въ любви откровенны,
 Сколь откровенна была съ Одиссеемъ Паллада Аѣина!

Если бы ею съ такою жъ любовью и ты былъ присвоенъ,
 Самая память о бракѣ во многихъ изъ нихъ бы пропала.—

225 Нестору такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Старецъ, несбыточно, думаю, слово твое; о великомъ
 Ты говоришь, и ужасно мнѣ слушать тебя; не случится
 То никогда ни по просьбѣ моей, ни по волѣ безсмертныхъ.—
 Дочь свѣтлокая Зевса Аѣина ему отвѣчала:

230 Странное слово изъ устъ у Тебя, Телемакъ, излетѣло;

Богу легко защитить насъ и издали, если захочетъ;

И жъ согласился бъ скорѣе и бѣдствія встрѣтить, чтобъ только
 Сладостный день возвращенья увидѣть, чѣмъ, бѣдствій избѣгнувъ,
 Въ домъ возвратиться, чтобъ насъ предъ своимъ очагомъ, какъ великій

235 Паль Агамемнонъ предательствомъ хитрой жены и Эгиста.

Но и богамъ невозможно отъ общаго смертнаго часа
 Милаго имъ человѣка избавить, когда онъ ужь преданъ
 Въ руки навѣкъ-усыпляющей смерти судьбиною будетъ.—
 Такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ богинѣ:

240 Менторъ, не станемъ о томъ говорить мы, хотя и крушить намъ
 Сердце оно; ужь его возвращенія мы не увидимъ:

Черную участь и смерть для него приготовили боги.
 Я же теперь, о иномъ вопрошая, хочу обратиться
 Къ Нестору—правдой и мудростью всѣхъ онъ людей превосходить;

245 Быль, говорятъ, онъ царемъ, повелителемъ трехъ поколѣннй,
 Образомъ свѣтлымъ своимъ онъ безсмертному богу подобенъ—
 Сынъ Нелеевъ, скажи, ничего отъ меня не скрывая,
 Какъ умерщвленъ былъ Атридъ Агамемнонъ пространнодержавный?
 Гдѣ Менелай находился? Какое губящее средство

250 Хитрый Эгистъ изобрѣлъ, чтобъ удобнѣе сладить съ сильнѣйшимъ?

Иль не достигнувъ Аргоса, еще межъ чужими людьми онъ
 Быль и врага своего тѣмъ отважилъ на злое убійство?—
 Другъ, Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Геренейскій:
 Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;

255 Подлинно такъ все случилось, какъ думаешь самъ ты; но если бъ
 Въ братнемъ жилищѣ Эгиста живаго засталъ, возвращаясь
 Въ домъ свой изъ брани Троянской, Атридъ Менелай златовласнй,
 Труша его бы тогда не покрыла земля гробовая.

Хищныя птицы и псы бы его растерзали, безъ чести
 260 Въ полѣ далеко за градомъ Аргосомъ лежащаго, жены
 Наши его бъ не оплакали—страшное дѣло свершилъ онъ.
 Тою порою, какъ билися мы на поляхъ Иліонскихъ,
 Онъ въ безопасномъ углу многокошнаго града Аргоса,
 Сердце жены Агамемнона лестью опутывалъ хитрой.

265 Прежде самой Клитемнестрѣ божественной было противно
 Дѣло постыдное—мыслей порочныхъ она не имѣла;

Быль же при ней пѣснощвецъ, которому царь Агамемнонъ,
 Въ Трою готовая плыть, наблюдать повелѣлъ за супругой;
 Но, какъ скоро судьбина ее предала преступленью,

270 Тотъ пѣснощвецъ былъ сосланъ Эгистомъ на островъ безплодный,

Гдѣ и оставленъ; и хищныя птицы его растерзали.
 Онь же ее, одного съ нимъ желавшую, въ домъ пригласилъ свой,
 Множество бедръ на святыхъ алтаряхъ онъ сожегъ предъ богами,
 Множествомъ вкладовъ, и златомъ и тканями, храмы украсилъ
 275 Дерзкое дѣло такое съ неожиданнымъ окончивъ успѣхомъ.
 Мы же, покинувши землю Троянскую, поплыли вмѣстѣ,
 Я и Атридъ Менелай, сопряженные дружбою тѣсною.
 Были ужъ мы предъ священнымъ Сүтіономъ, мысомъ Актіискимъ;
 Вдругъ Менелаева кормщика Фебъ Аполлонъ невидѣмо
 280 Тихой своею стрѣлой умертвилъ: управляя бѣгущимъ
 Судномъ, кормило держалъ многоопытной, твердой рукою
 Фронтисъ, Онѣторовъ сынъ, наиболѣ изъ всѣхъ земнородныхъ
 Тайну проникшіи владѣтъ кораблемъ въ наступившую бурю.
 Путь свой замедлилъ, хотя и спѣшилъ, Менелай, чтобъ на брегѣ
 285 Честъ погребенія другу воздать съ торжествомъ надлежащимъ;
 Но—когда на своихъ корабляхъ крутобокихъ опять онъ
 Въ темное море пошелъ и высокаго мыса Маллея
 Быстро достигъ—повсемѣстно гремящій Кроніонъ, замысливъ
 Гибель, нагналъ на него многошумное вѣтра дыханье,
 290 Поднялъ могучія, тяжкія, гороогромныя волны.
 Вдругъ корабли разлучивъ, половину ихъ бросилъ онъ къ Криту,
 Гдѣ обитаютъ кидоны у свѣтлыхъ потоковъ Ярдаана.
 Виденъ тамъ гладкій утесъ, восходящій надъ влагой соленой,
 Въ темное море вдвигаясь на крайнихъ предѣлахъ Гортини;
 295 Тамъ, гдѣ великія волны на западный берегъ у Феста
 Нотъ нагоняетъ и малый утесъ ихъ дробить, отшибая,
 Тѣ корабли очутились; проворствомъ спаслися отъ смерти
 Люди; суда жъ ихъ погибли, разбившись объ острѣе камни.
 Пять остальныхъ кораблей темноносыхъ, похищенныхъ бурей,
 300 Вѣтеръ могучій и волны ко берегу Египта примчали.
 Тамъ Менелай, собирая сокровищъ и золота много,
 Странствовалъ между народовъ инаго языка, и въ то же
 Время Эгистъ совершилъ беззаконное дѣло въ Аргосѣ,
 Смерти предавши Атрида—народъ покорился безмолвно.
 305 Цѣлые семь лѣтъ онъ властвовалъ въ златообильной Микенѣ;
 Но на восьмой изъ Аѳинъ возвратился ему на погибель

Богоподобный Орестъ, и убійцу сразилъ онъ, которымъ
 Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель.
 Пиръ учредивъ для аргивянъ великій, свершилъ погребенье
³¹⁰Онъ и преступницѣ матери вмѣстѣ съ Эгистомъ презрѣннымъ.
 Въ самый тотъ день и Атридъ Менелай, вызыватель въ сраженіе,
 Прибыль, богатства собравъ, сколь могло въ корабляхъ умѣститься.
 Ты же недолго, мой сынъ, въ отдаленнѣ отъ родины странствуй,
 Домъ и послѣдье отца благороднаго бросивъ на жертву
³¹⁵Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безопасно; расхитятъ
 Все, и безъ пользы останется путь, совершенный тобою,
 Но Менелая Атрида [совѣтую, требую] долженъ
 Ты посѣтить; онъ недавно въ отечество прибыль изъ чуждыхъ
 Странъ, отъ людей, отъ которыхъ никто, занесенный однажды
³²⁰Къ нимъ по широкому морю стремительнымъ вѣтромъ, не могъ бы
 Живъ возвратиться, откуда и въ годъ долетѣть къ намъ не можетъ
 Быстрая птица—толь страшно великой пучины пространство.
 Ты же поѣдешь отсюда иль моремъ со всѣми своими,
 Или, когда пожелаешь, землю: коней съ колесницей
³²⁵Дамъ я, и сына съ тобою пошлю, чтобъ тебѣ указалъ онъ
 Путь въ Лакедѣмонъ божественный, гдѣ Менелай златовласый
 Царствуетъ; можешь ты самъ обо всемъ разпросить Менелая;
 Лжи онъ конечно не скажетъ, умомъ одаренный великимъ.—
 Кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тьма наступила.
³³⁰Къ Нестору слово свое обративши, сказала Аѳина:
 Старецъ, твои разсудительны рѣчи, но медлить не станемъ;
 Должно отрѣзать теперь языки, и царю Посидону
 Кушно съ другими богами виномъ сотворить возліянье;
 Время подумать о ложѣ покойномъ и снѣ миротворномъ;
³³⁵День на закатѣ угасъ и ужъ болѣ не будетъ прилично
 Здѣсь намъ сидѣть за трапезой боговъ; удалиться пора намъ.—
 Такъ говорила богиня; почтительно всѣ ей внимали.
 Тутъ для умытія рукъ имъ служители подали воду;
 Отроки свѣтлымъ кратеры до края наполнивъ напитокомъ,
³⁴⁰Въ чашахъ его разнесли, по обычаю справа начавши;
 Бросивъ въ огонь языки, сотворили они возліянье,
 Стоя; когда жъ сотворили его и виномъ насладились,

Сколько желала душа, Телемакъ благородный съ Аѳиною
 Стали къ ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.
 345Несторъ, гостей удержавши, сказалъ: да отнюдь не позволять
 Вѣчный Зевесъ и другіе безсмертныя боги, чтобъ нынѣ
 Вы для почлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
 Развѣ одеждъ не найдется у насъ? Неужели я нищій?
 Будто ужъ въ домѣ моемъ ни покрововъ, ни мягкихъ постелей
 350Нѣтъ, чтобъ и самъ я и гости мои насладились покойнымъ
 Сномъ? Но покрововъ и мягкихъ постелей найдется довольно.
 Можно ль, чтобъ сынъ толь великаго мужа, чтобъ сынъ Одиссеевъ
 Выбралъ себѣ корабельную палубу спальней, пока я
 Живъ и мои сыновья обитаютъ со мною подъ одною
 355Кровлей, чтобъ всѣхъ, кто пожалуетъ къ намъ, угощать друже-
 Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала: [любно?—
 Умное слово сказать ты, возлюбленный старецъ, и долженъ
 Волю исполнить твою Телемакъ: то конечно приличнѣй.
 Здѣсь я оставлю его, чтобъ покойно подъ кровлей твоею
 360Ночь онъ провелъ. Самому жъ мнѣ на черный корабль возвратиться
 Должно, чтобъ нашихъ людей ободрить и о многомъ сказать имъ:
 Я изъ сопутниковъ нашихъ старѣйшій годами; они же
 [Всѣ молодые, ровесники всѣ Телемаку] по доброй
 Волѣ, изъ дружбы, его въ корабль проводить согласились;
 365Вотъ для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
 Завтра жъ съ зарею пойти мнѣ къ народу отважныхъ кавконовъ
 Нужно, чтобъ тамъ заплатили мнѣ люди старинный, немалый
 Долгъ, Телемака же, послѣ того, какъ у васъ погостить онъ,
 Съ сыномъ своимъ въ колесницѣ отправъ ты, коней повелѣвши
 370Дать имъ проворнѣйшихъ въ бѣгѣ и силою самыхъ отличныхъ.—
 Такъ имъ сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь удалилась,
 Быстрымъ орломъ улетѣвъ; изумился народъ; изумился,
 Чудо такое своими глазами увидѣвши, Несторъ.
 За руку взявъ Телемака, ему дружелюбно сказалъ онъ:
 375Другъ, ты конечно и сердцемъ неробокъ и силою круѣнокъ,
 Если тебѣ молодому такъ явно сопутствуютъ боги.
 Здѣсь изъ безсмертныхъ, живущихъ въ обителяхъ свѣтлыхъ Олимпа,
 Былъ не иной кто, какъ Діева славная дочь Тритогена,

Столь и отца твоего отличавшая въ сонмѣ аргивянъ.

³⁸⁰Будь благосклонна, богиня, и намъ, и великую славу
Дай мнѣ и дѣтямъ моимъ и супругѣ моей благонравной;
Я же теллицу тебѣ однолѣтнюю, лбистую, въ полѣ
Вольно бродящую, съ игомъ еще незнакомую, въ жертву
Здѣсь принесу, ей рога изукрасивши золотомъ чистымъ.—

³⁸³Такъ говорилъ онъ, молясь, и Палладю былъ онъ услышанъ.
Кончивъ, пошелъ впереди сыновей и зятьевъ благородныхъ
Въ домъ свой богато украшенный Несторъ, герой Геренейскій;
Съ Несторомъ въ царскій богато украшенный домъ и другіе
Также вступили и сѣли порядкомъ на креслахъ и стульяхъ.

³⁹⁰Старецъ тогда для собравшихся кубокъ наполнилъ до края
Свѣтлымъ виномъ, чрезъ одинадцать лѣтъ изъ амфоры налитымъ
Ключницей, снявшей впервые съ завѣтной амфоры той кровлю.
Имъ онъ изъ кубка свое сотворилъ возліянье великой

Дочери Зевса эгидодержавца; когда жъ и другіе

³⁹⁵Всѣ, сотворивъ возліянье, виномъ насладились довольно,
Каждый къ себѣ возвратился, о ложѣ и снѣ помышляя.
Гостю желая спокойствія, Несторъ, герой Геренейскій,
Самъ Телемаку, разумному сыну царя Одиссея,

Въ звонкопространномъ покоѣ кровать указать прорѣзную;

⁴⁰⁰Легъ близъ него Пизистратъ, кошевержецъ, мужей предводитель.
Бывшій изъ братьевъ одинъ неженатый въ жилищѣ отцовомъ.

Самъ же, во внутренній царскаго дома покой удаляся,

Легъ на постели, перестланной мягко царицею, Несторъ.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось;

⁴⁰⁵Съ мягкой поднялся постели и Несторъ герой Геренейскій;

Вышедъ изъ спальни, онъ сѣлъ на обтесанныхъ, гладкихъ, широкихъ
Камняхъ, у двери высокой служившихъ сѣдалищемъ, бѣлыхъ,
Ярко сіявшихъ, какъ будто помазанныхъ масломъ, на нихъ же
Прежде Нелей возсѣдалъ, многоуміемъ богу подобный;

⁴¹⁰Но ужъ давно уведенъ былъ судьбою въ обитель Аида.

Нынѣ жъ на камняхъ Нелеевыхъ Несторъ возсѣлъ, скиптроносный

Иѣстунъ ахеянъ. Къ нему сыновья собралися, изъ спаленъ

Вышедъ: Эхѣфронъ, Персей, Стратіонъ и Аретось и юный

Богу подобный красой Фразимедъ; наконецъ и шестой къ нимъ,

⁴¹⁵Младшій изъ братьевъ, пришелъ Низистратъ благородный. И рядомъ съ Несторомъ сѣсть приглашень былъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ. Рѣчь обратилъ тутъ къ собравшимся Несторъ, герой Геренейскій: Милыя дѣти, мое повелѣнье исполнить спѣшите—

Паче другихъ преклонить я желаю на милость Аѳину,

⁴²⁰Видимо бывшую съ нами на праздникѣ бога великомъ.

Въ поле одинъ за телицей бѣги, чтобъ немедленно съ поля Выгнать ее къ намъ пастухъ, за стадами смотрящій; другой же Долженъ на черный корабль Телемаковъ пойти и позвать къ намъ Всѣхъ мореходныхъ людей, тамъ оставя лишь двухъ; наносѣдкомъ

⁴²⁵Третьимъ пусть будетъ немедленно златоискусникъ Лаэрокъ. Призванъ, чтобъ золотомъ чистымъ рога изукрасить телицѣ.

Прочіе жъ всѣ оставайтесь при мнѣ, повелѣвши рабынямъ Въ домѣ устроить обѣдъ изобильный, разставить порядкомъ Стулья, дрова приготовить и свѣтлой воды принести намъ.—

⁴³⁰Такъ онъ сказалъ; всѣ заботиться начали: съ поля телицу Скоро пригнали; пришли съ корабля Телемаковы люди,

Съ нимъ переплывшіе море; явился и златоискусникъ, Нужный дляковки металловъ принесшій снарядъ: наковальню, Молотъ, клещи драгоцѣнной отдѣлки и все, чѣмъ обычно

⁴³⁵Дѣло свое совершалъ онъ; пришла и богиня Аѳина Жертву принять. Тутъ художнику Несторъ, коней обуздатель, Золота чистаго далъ; оковалъ онъ рога имъ телицы, Тщася усердно: чтобъ жертвенный даръ былъ угоденъ богинѣ.

Взяли телицу тогда за рога Стратіонъ и Эхѣфронъ;

⁴⁴⁰Воду имъ руки умыть въ обложенной цвѣтами лахани Вынесъ изъ дома Аретосъ, въ другой же рукѣ онъ съ ячменемъ Коробъ держалъ; подошелъ Фразимедъ, ратоборець могучій, Съ острымъ въ рукѣ топоромъ, поразить изготояся жертву; Чашу подставилъ Персей. Тутъ Несторъ, коней обуздатель,

⁴⁴⁵Руки умывши, ячменемъ телицу осыпалъ, и бросивъ

Шерсти съ ея головы на огонь, помолился Аѳинѣ;

Слѣдомъ за нимъ и другіе съ молитвой телицу ячменемъ Также осыпали. Несторовъ сынъ Фразимедъ многосильный, Мышцы напрягши, ударилъ и, въ лею глубоко вонзенный,

⁴⁵⁰Жилы топоръ пересѣкъ; повалилась телица; вскричали

Дочери всѣ и невѣстки цареви и съ ними царица,
Кроткая сердцемъ, Климѣнова старшая дочь Эвридика.
Тѣ же теллицу приникшую къ лону земли путеносной,
Подняли—разомъ зарѣзавъ ее Пизистратъ благородный.

⁴⁵⁵Послѣ, когда истощилася черная кровь и не стало
Жизни въ костяхъ; разложивши на части ее, отдѣлили
Бедрa, и сверху ихъ [дважды обвивши, какъ слѣдуетъ, кости
Жиромъ] кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ

Несторъ зажегъ на кострѣ и виномъ оросилъ искрометнымъ;
⁴⁶⁰Тѣ жъ пристунили, подставивъ ухваты съ пятью остріями.

Бедрa сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное
Все разрубили на части и стали на вертелехъ жарить,
Острые вертелы тихо въ рукахъ надъ огнемъ обращаа.

Тою порой Телемакъ Поликастою, дочерью младшей
⁴⁶⁵Нестора, былъ отведенъ для омытія въ баню; когда же
Дѣва его и омыла и чистымъ натерла елеемъ,

Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
Вышелъ изъ бани онъ, богу лицомъ лучезарнымъ подобный;
Мѣсто онъ занялъ близъ Нестора, настыря многихъ народовъ.

⁴⁷⁰Тѣ же изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
Сѣли за вкусный обѣдъ, и заботливо начали слуги
Бѣгать, вино наливая въ сосуды золотыя; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Несторъ, герой Геренейскій, сказалъ сыновьямъ благороднымъ:

⁴⁷⁵Дѣти, коней густогривыхъ запрячь въ колесницу немедля
Должно, чтобъ могъ Телемакъ по желанію въ путь устремиться.—
То повелѣніе царское было исполнено скоро;

Двухъ густогривыхъ коней запрягли въ колесницу; въ нее же
Ключница хлѣбъ и вино на запасъ положила съ различной

⁴⁸⁰Пищей, какая царямъ лишь питомцамъ Зевеса прилична.

Тутъ въ колесницу блестящую сталъ Телемакъ благородный;
Рядомъ съ нимъ Несторовъ сынъ Пизистратъ, предводитель народовъ,
Сталъ; натянувши могучей рукою бразды, онъ ударилъ
Сильнымъ бичемъ по конямъ, и помчались быстрые кони

⁴⁸⁵Полеми, и Пилосъ блистательный скоро исчезъ позади ихъ,
Цѣлый день мчались кѣни, тряся колесничное дышло,

Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
 Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха, Алфеемъ
 Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діоклесъ благородный;
 490 Давъ у себя имъ ночлеги, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно.
 Вышла изъ мрака молодая съ перстами пурпурными Эосъ.
 Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставши,
 Быстро на ней со двора черезъ портикъ помчались звонкій,
 Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
 495 Пышныхъ равнинъ, изобильныхъ шпеницей, достигнувъ, они тамъ
 Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЕЧЕРЬ ПЯТАГО ДНЯ И ВЕСЬ ШЕСТОЙ ДЕНЬ.

Телемакъ и Пизистратъ, прибывъ въ Лакедемонъ, вступаютъ во дворецъ царя Менелая, который, празднуя свадьбу сына и дочери, приглашаетъ ихъ на семейственный пиръ свой. И онъ и Елена узнаютъ Телемака. Средство, употребленное Еленою для развеселенія гостей; она и Менелай рассказываютъ о подвигахъ Одиссея. На другое утро Менелай, по просьбѣ Телемака, сообщаетъ ему все то, что самъ слышалъ отъ прорицателя Протея о судьбѣ вождей ахейскихъ и о заключеніи Одиссея на островѣ Калипсо; потомъ онъ убѣждаетъ Телемака погостить нѣсколько времени въ домѣ его. Тѣмъ временемъ женихи, узнавъ объ отплытіи Телемака, приходятъ въ ужасъ и замышляютъ умертвить его на возвратномъ пути. Скорбь Пенелопы, узнавшей отъ глашатая Медонта о замыслѣ ихъ и отплытіи сына. Аонна, тронутая молитвою горестной матери, посылаетъ ей ободрительное сновидѣніе. Антипой съ своею дружиною пускается въ море и останавливается близъ острова Астера ждать Телемака.

Въ царственный градъ Лакедемонъ, холмами объятый, прибывши,
 Къ дому царя Менелая Атрида они обратилсь.
 Пиръ онъ богатый давалъ многочисленнымъ сродникамъ, свадьбу
 Сына и дочери милыя празднуя въ царскомъ жилищѣ.
 5 Къ сыну губителя ратей Пелида свою посылалъ онъ
 Дочь, ужъ давно съ нимъ въ Троянской землѣ договоръ заключивши
 Выдать ее за него, и теперь сочетали ихъ боги;
 Много ей давъ колесницъ и коней, молодую невѣсту [онъ.
 Въ градъ мирмидонскій, гдѣ царствовалъ свѣтлый женихъ, снарядилъ

¹⁰Въ Спартѣ же дочь онъ Алектора выбралъ невѣстой для сына,
Крѣпкаго силой, прижитаго имъ съ молодою рабыней
Въ позднихъ годахъ, Мегаренда. Еленѣ жъ дѣтей не хотѣли
Боги съ тѣхъ поръ даровать, какъ желанная ей родилася
Дочь Эрміона, подобная дивной красой Афродитѣ.

¹⁵Шумно пируя въ богато украшенныхъ царскихъ палатахъ,
Сродники всѣ и друзья Менелая, великаго славой,
Полны веселія были; на лирѣ пѣвецъ вдохновенный
Громко звучалъ передъ ними, и два прыгуна, согмашая
Съ звонкою лирой прыжки, посреди ихъ проворно скакали.

²⁰Тою порою Телемакъ благородный съ младымъ Пизистратомъ,
Къ царскому дому прибывъ, на дворѣ изъ своей колесницы
Вышли; имъ встрѣтился прежде другихъ Этеонъ многотимый,
Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой.

Съ вѣстью о нихъ по дворцу побѣжалъ онъ къ владыкѣ Атриду;

²⁵Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:

Царь Менелай, благородный питомецъ Зевеса, два гостя

Прибыли, два иноземца конечно изъ племени Дія.

Что повелишь намъ? Отпирать ли ихъ быстрыхъ коней? Отказать ли
Имъ, чтобъ они у другихъ для себя угощенья искали?—

³⁰Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчаль Менелай златовласый:

Ты, Этеонъ, сынъ Возговъ, еще никогда малоуменъ

Не былъ, теперь же безмысленно сталъ говорить, какъ младенецъ;

Сами не разъ испытывъ гостелюбіе въ странствіи нашемъ,

Мы напослѣдокъ покоимся дома, и Дія да положить

³⁵Вѣдствіямъ нашимъ конецъ. Отпярните коней ихъ; самихъ же

Странниковъ къ намъ пригласить на семейственный пиръ нашъ обо-

Такъ говорилъ Менелай. Этеонъ побѣжалъ, за собою [ихъ.—

Слѣдовать многимъ изъ царскихъ проворныхъ рабовъ повѣлѣвши.

Иго съ ретивыхъ коней, ошѣненное потомъ, сложили;

⁴⁰Къ яслямъ въ царевой конюшнѣ голодныхъ коней привязали;

Въ ясли же полбы насыпали, смѣшанной съ яркимъ ячменемъ;

Къ свѣтлой наружной стѣнѣ прислонили потомъ колесницу.

Странники были въ высокій дворецъ введены; озираясь,

Дому любезнаго Зевсу царя удивлялися оба;

⁴⁵Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце или мѣсяцъ,

Было въ палатахъ царя Менелая, великаго славою.

Очи свои наконецъ удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ,

Начали въ гладкихъ кувальняхъ они омываться; когда же

Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня;

⁵⁰Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантии, оба

Рядомъ они съ Менелаемъ властителемъ сѣли на стульяхъ.

Тутъ поднесла на лахани серебряной руки умытъ имъ

Полный студеной воды золотой рукомоиикъ рабыня;

Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила

⁵⁵Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ сѣстнымъ, изъ запаса

Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высоко,

Мяса различнаго крайчій принесъ, и его предложивъ имъ,

Кубки златыя на браномъ столѣ передъ ними поставилъ.

Сдѣлавъ рукою привѣтствіе, свѣтлый сказалъ имъ хозяинъ:

⁶⁰Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же

Свой утолите вы голодъ, спрошу я, какіе вы люди?

Въ васъ не увяла, я вижу, порода родителей вашихъ;

Оба, конечно, вы дѣти царей, порожденныхъ Зевесомъ,

Скиптродержавныхъ; подобные вамъ не отъ низкихъ родятся.—

⁶⁵Тутъ онъ имъ подальъ бычатины жареной кусъ, изъ почетной
Собственной части его отдѣливши своею рукою.

Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ и голодъ

Свой утолили роскошной ѣдой и питьемъ изобильнымъ.

Голову къ спутнику тутъ приклонивъ, чтобъ подслушать другіе

⁷⁰Рѣчи его не могли, прошепталъ Телемакъ осторожно:

Несторовъ сынъ, мой возлюбленный другъ, Пизистратъ благородный,

Видишь, какъ много здѣсь мѣди, сіяющей въ звонкихъ покояхъ;

Блещетъ все золотомъ, серебромъ, янтарями, слоновою костью;

Зевсъ лишь одинъ на Олимпѣ имѣеть такую обитель;

⁷⁵Что за богатство! какъ много всего! съ изумленьемъ смотрю я.—

Вслушался въ тихую рѣчь Телемака Атридъ златовласый;

Голосъ возвысивъ, обоимъ онъ бросилъ крылатое слово:

Дѣти, намъ смертнымъ не можно равняться съ владыкою Зевсомъ,

Ибо и домъ и сокровища Зевса, какъ самъ онъ, нетлѣнны;

⁸⁰Люди жъ шше поспорятъ богатствомъ со мной, а иные

Нѣтъ; претерпѣвши немало, немало скитавшись, добра я

Много привезъ въ корабляхъ, возвратясь на осьмой годъ въ отчизну.
 Видѣлъ я Кипръ, посѣтилъ финикійцъ, достигнувъ Египта,
 Къ чернымъ проникъ эоіонамъ, гостилъ у сидоняцъ, эремовъ:
⁸³Въ Ливіи былъ наконецъ, гдѣ рогагыми агнцы рождаются,
 Гдѣ ежегодно три раза и козы и овцы кидаютъ;
 Въ той сторонѣ и полей господниъ и пастухъ недостатка
 Въ сырѣ и мясѣ и жирногустомъ молокѣ не имѣютъ;
 Круглый тамъ годъ изобильно бывають доимы коровы;
⁹⁰Той же порой, какъ въ далекихъ земляхъ я, собирая богатства,
 Странствовалъ, милый въ отечествѣ братъ мой погибъ отъ убійцы
 Тайно, никѣмъ непривидѣнно, хитрымъ предательствомъ женскимъ,
 Съ тѣхъ поръ и всѣ ужъ мои мнѣ сокровища стали постылы.
 Но объ этомъ, кто бъ ни были вы, ужъ конечно отцы вамъ
⁹³Все рассказали... О! горестно было мнѣ зрѣть истребленіе
 Дома, толь свѣтлаго прежде, толь славнаго многимъ богатствомъ!
 Радъ бы остаться я съ третью того, чѣмъ владѣю, лишь только бъ
 Были тѣ мужи на свѣтѣ, которые въ Троѣ пространной
 Кончили жизнь, далекѣ отъ Аргоса питателя коней.
¹⁰⁰Часто, ихъ всѣхъ помяная, объ нихъ сокрушаясь и плача,
 Здѣсь я сижу одиноко подъ кровлей домашней; порою
 Горемъ о нихъ услаждаю я сердце, порой забываю
 Горе, понеже настъ скоро холодная скорбь утомляетъ.
 Но сколь ни сѣтую въ сердцѣ своемъ я, ихъ всѣхъ помяная,
¹⁰⁵Мысль объ одномъ наиболѣе губитъ мой сонъ и лишаетъ
 Пищи меня, поелику никто изъ ахейцъ столь много
 Бѣдствій не встрѣтилъ, какъ царь Одиссей; на труды и печали
 Былъ онъ рожденъ; на мою же досталось часть: сокрушаться,
 Видя, какъ долго отсутствіе длится его; мы не знаемъ,
¹¹⁰Живъ ли онъ, умеръ ли; плачетъ о немъ безутѣнный родитель
 Старецъ Лаэртъ, съ Пенелопой разумной, съ младымъ Телемакомъ,
 Бывшимъ еще въ пеленахъ при его удаленнѣ изъ дома.—
 Такъ онъ сказавъ, неумышленно скорбь пробудилъ въ Телемакѣ.
 Крупная пала съ рѣсницы сыновней слеза при отцовомъ
¹¹⁵Мени; въ обѣ схвативши пурпурную мантію руки,
 Ею глаза они закрылъ; то увидя, Атридъ догадался;
 Долго, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зная онъ, что дѣлать:

Ждать ли, чтобъ самъ говорить о родителѣ юноша началъ,
Или вопросами вывѣдать все отъ него понемногу?

¹²⁰Тою порою, какъ разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, молчать онъ,
Къ нимъ изъ своихъ благовонныхъ высокихъ покоевъ Елена
Вышла, подобная свѣтлой съ кошемъ золотымъ Артемидѣ.

Кресла богатой работы подвинула сѣсть ей Адреста;
Мягкій коверъ шерстяной положила ей въ ноги Алкиппа;

¹²⁵Фило пришла съ драгоцѣнной корзиной серебряной, даромъ
Умной Алькандры, супруги Полиба, въ Египетскихъ Оивахъ
Жившаго, много сокровищъ имѣя въ обители пышной.

Двѣ сребролитныя далъ онъ Атриду купальни и съ ними
Два треножныхъ сосуда и золотомъ десять талантовъ;

¹³⁰Также царицѣ Еленѣ супруга его подарила

Прялку златую съ корзиной овальной; была та корзина

Вся изъ сребра, но края золотые; и эту корзину

Фило, пришедши, поставила подлѣ царицы Елены,

Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка

¹³⁵Съ перстью волнистой пурпурнаго цвѣта. На креслахъ Елена
Сѣла, прекрасныя ноги свои на скамью протянувши.

Сѣвъ, съ любопытствомъ она у царя Менелая спросила:

Могъ ли узнать ты, Атридъ благородный, питомецъ Зевеса,

Кто иноземные гости, нашъ домъ посѣтившіе нынѣ?

¹⁴⁰И же скажу—справедливо ли, нѣтъ ли, не знаю—но сердце

Нудитъ сказать, что еще никогда [съ изумленьемъ смотрю я]

Миѣ ни въ женѣ не случилось, ни въ мужѣ подобнаго встрѣтить

Сходства, какое нашъ гость съ Телемакомъ, царя Одиссея

Сыномъ, имѣеть; младенцемъ его Одиссей благородный

¹⁴⁵Дѣла оставилъ, когда за меня недостойную всѣ вы,

Мужи ахейскіе, въ Трою пошли истребительной ратью.—

Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Еленѣ:

Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливымъ.

Дивное сходство! такія же ноги, такія же руки,

¹⁵⁰То же въ глазахъ выраженіе, та жъ голова и такіе жъ

Кудри густые на ней; а когда, помянувъ Одиссея,

Сталъ говорить я о бѣдствіяхъ, имъ за меня претерпѣнныхъ,

Пала съ рѣсницы его, я замѣтилъ, слеза, и схвативши

Въ обѣ пурпурную мантию руки, онъ ею закрылся.—

¹⁵⁵Тутъ Пизистратъ благородный сказалъ Менелая Атриду:

Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Спутникъ мой подлинно сынъ Одиссеевъ, какъ думаешь самъ ты;
Но, осторожный и скромный, онъ мнитъ, что ему неприлично,
Вась посѣтивши впервые, себя выставлять въ разговорѣ

¹⁶⁰Смѣломъ съ тобою, плѣняющимъ всѣхъ насъ божественной рѣчью.

Старецъ родитель мой Несторъ его повелѣлъ въ Лакедемонѣ

Мнѣ проводить; у тебя жъ онъ затѣмъ, чтобъ ему благосклонно

Дать наставленіе ты соизволилъ: что дѣлать? Немало

Горя бываетъ въ родительскомъ домѣ для сына, когда онъ

¹⁶⁵Розно съ отцомъ, не имѣя друзей, сиротствуетъ, какъ нынѣ

Сынъ Одиссеевъ: отецъ благородный далеко; въ народѣ жъ

Нѣтъ никого, кто бъ ему отъ гоненій помочь защититься.—

Царь Менелай, отвѣчая, сказалъ Пизистрату младому:

Боги! такъ подлинно сынъ несказанно мнѣ милого друга,

¹⁷⁰Столько тревогъ за меня претерпѣвшаго, домъ посѣтилъ мой.

Я жъ самого Одисея отличіе прочихъ ахейнъ

Встрѣтить надеждой ласкался, когда бъ въ корабляхъ быстроходныхъ

Путь намъ домой по волнамъ отворилъ громовержецъ Кроніонъ;

Градъ бы въ Аргосѣ ему я построилъ съ дворцомъ для жилища;

¹⁷⁵Взялъ бы его самого изъ Итаки съ богатствами, съ сыномъ,

Съ цѣлымъ народомъ; и область для нихъ бы очистилъ, моими

Близко людьми населенную, мой признающую скипетръ;

Часто видались тогда бы, сосѣдствуя, мы и ничто бы

Насъ разлучить не могло, веселящихся, дружныхъ, до злаго

¹⁸⁰Часа, въ который бы скрыло насъ черное облако смерти.

Но столь великаго блага намъ дать не хотѣлъ непреклонный

Богъ, запретившій ему несчастливцу возвратъ вождѣлнный.—

Такъ говоря, неумышленно всѣхъ Менелай опечалилъ;

Громко Елена Аргивская, Діева дочь, зарыдала;

¹⁸⁵Сынъ Одиссеевъ заплакалъ, и съ ними Атридъ прослезился:

Плача не могъ удержать и молодой Пизистратъ: онъ о братѣ

Вспомнилъ, о братѣ своемъ Антилохѣ прекрасномъ, который

Былъ умерщвленъ лучезарной Денницы возлюбленнымъ сыномъ.

Вспомнивъ о братѣ, Атриду онъ бросилъ крылатое слово:

¹⁹⁰Подлинно, царь Менелай, ты разуми́е всѣхъ земнородныхъ. Такъ говоритъ и отецъ престарѣлый нашъ, Несторъ, когда мы Дома въ семейныхъ бесѣдахъ своихъ о тебѣ воспоминаемъ.

Нынѣ жъ послушайся, царь многоумный, меня: не люблю я Слезъ за вечерней трапезою—скоро подыметъ Эосъ,

¹⁹⁵Въ раннемъ туманѣ рожденная. Мнѣ же отнюдь непротивенъ Плачь о возлюбленныхъ мертвыхъ, постигнутыхъ общей судьбиной: Намъ, земнороднымъ страдальцамъ, одна здѣсь надежная почеть: Слезы съ ланитъ и отрубанный локонъ волосъ на могилѣ.

Брата утратилъ и я; не послѣдній межъ бранныхъ аргивянъ

²⁰⁰Быль онъ: его ты конечно видалъ; а со мной никогда здѣсь Онъ не встрѣчался; его я не зналъ; но отъ всѣхъ былъ отличенъ, Слышали мы, онъ и легкостью ногъ и отважностью въ битвахъ.—

Царь Менелай златовласый отвѣтствовалъ такъ Пизистрату:

Другъ, основательно то, что сказалъ ты; одинъ лишь разумный

²⁰⁵Мужъ, и годами старѣйшій тебя, говорить такъ способенъ.

Вижу изъ словъ я твоихъ, что отца своего ты достойный

Сынъ; безъ труда познается порода мужей, для которыхъ

Счастье и въ бракѣ и въ племени ихъ уготовалъ Кроніонъ;

Такъ постоянно и Нестору онъ золотые свиваетъ

²¹⁰Годы, чтобъ весело въ домѣ своемъ онъ старѣлъ, окруженный

Бодрой семьей сыновей, и разумныхъ и съ копыями первыхъ.

Мы же, печаль отложивъ и отерши пролитыя слезы,

Снова начнемъ пировать; для умытія рукъ подадутъ намъ

Свѣтлой воды, а на утро опять разговоръ съ Телемакомъ

²¹⁵И заведу, и окончимъ мы завтра начатое нынѣ.—

Такъ онъ сказалъ; и умыться имъ подалъ воды Асфалеонъ,

Спальникъ проворный царя Менелая великаго славой.

Подняли руки они къ предложенной имъ лакомой пищѣ.

Умная мысль пробудилась тогда въ благородной Еленѣ:

²²⁰Въ чаши она круговая подлить вознамѣрилась соку,

Гореусладнаго, миротворящаго, сердцу забвенью.

Бѣдствій дающаго; тотъ, кто вина выпивалъ, съ благотворнымъ

Слитаго сокомъ, былъ весель весь день и не могъ бы заплакать,

Если бъ и мать и отца неожиданной смертью утратилъ,

²²⁵Если бъ печально брата лишился, или милаго сына,

Вдругъ предъ очами его пораженнаго бранною мѣдью.

Діева свѣтлая дочь обладала тѣмъ сокомъ чудеснымъ;

Щедро въ Египтѣ ее Полидамна, супруга Феоона,

Имъ надѣлила; земля тамъ богатообильная много

²³⁰Злаковъ рождаетъ, и добрыхъ цѣлебныхъ, и злыхъ ядовитыхъ;

Каждый въ народѣ тамъ врачъ, превышающій знаньемъ глубокимъ.

Прочихъ людей, поелику тамъ всѣ изъ Пеанова рода.

Соку въ вино подмѣшавъ и вино разнести повелѣвши,

Стала царица Елена бесѣдовать снова съ гостями:

²³⁵Царь Менелай благородный, питомецъ Зевеса, и всѣ вы,

Дѣти отцовъ знаменитыхъ, различное людямъ различнымъ,

Злое и доброе, Дію посылаетъ, все Дію возможно.

Радуйтесь нынѣ, сидя за трапезой вечерней и сладкимъ.

Сердце свое веселя разговоромъ; а я о бываломъ

²⁴⁰Вамъ расскажу—хоть всего рассказать и припомнить нельзя мнѣ—

Какъ Одиссей, непреклонный въ бѣдахъ, подвизался и что онъ,

Дерзкорѣшительный мужъ, наконецъ предпринялъ и исполнилъ

Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много вы бѣдъ претерпѣли, ахейцы.

Тѣло свое безошадно изсѣкши ничемъ педостойнымъ,

²⁴⁵Рубищемъ бѣднымъ покрывши плеча, какъ невольникъ, вошелъ онъ

Въ полный сіяющихъ улицъ народа враждебнаго городъ;

Образъ принявши чужой, онъ въ разодранномъ платьѣ казался

Нищимъ, какимъ никогда межъ ахейнъ его не видали.

Такъ посреди онъ троянъ укрывался; безъ смысла, какъ дѣти,

²⁵⁰Были они; я одна догадалася, кто онъ; вопросы

Стала ему предлагать я—онъ хитро отъ нихъ уклонился;

Но когда, и омывши его и натерши елеемъ,

Платье на плечи ему возложила я съ клятвой великой:

Тайны его никому не открытъ въ Иліонѣ враждебномъ

²⁵⁵Прежде его возвращенія въ станъ къ кораблямъ крутобокимъ,

Все мнѣ о замыслѣ хитромъ ахейнъ тогда рассказалъ онъ.

Многихъ троянъ длинноострою мѣдью меча умертвивши,

Вывѣдалъ въ городѣ все онъ и въ станъ невредимъ возвратился.

Многія вдовы троянскія громко рыдали, въ моемъ же

²⁶⁰Сердцѣ веселіе было: давно ужъ стремилось въ родную

Землю оно, и давно я скорбѣла, виной Афродиты

Вольно ушедшая въ Трою изъ милого края отчизны,
 Гдѣ я покинула брачное ложе и дочь и супруга,
 Столь одареннаго свѣтлымъ умомъ и лица красотою.—
²⁶⁵Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Еленѣ:
 Истинно то, что жена, рассказала ты намъ о бываломъ;
 Случай имѣлъ я узнать помышленья, поступки и нравы
 Многихъ людей благородныхъ и много земель посѣтилъ я,
 Но никогда и нигдѣ мнѣ досель челоуѣкъ, Одиссею,
²⁷⁰Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, подобный, еще не встрѣчался.
 Вотъ что, могучій, онъ тамъ наконецъ предпріялъ и исполнилъ,
 Въ чревѣ глубокомъ коня [гдѣ ахейцы избранные были
 Скрыты] погибельный ковъ и убійство врагамъ приготовивъ;
 Къ намъ ты тогда подошла—по внушенію злomu конечно
²⁷⁵Демона, дать замышлявшаго славу враждебнымъ троянамъ—
 Вслѣдъ за тобою туда же пришелъ Деифобъ благородный;
 Трижды громаду ты съ нимъ обошла, и отвсюду ощупавъ
 Ребра ея, начала вызывать поименно аргивянь,
 Голосу нашихъ возлюбленныхъ женъ подражая искусно.
²⁸⁰Мнѣ жъ съ Діомедомъ и съ бодрымъ царемъ Одиссеемъ, сокрытымъ
 Въ темной утробѣ громады, знакомые слышались звуки.
 Вдругъ пробудилось желанье во мнѣ и въ Тидеевомъ сынѣ
 Выйти наружу иль громко тебѣ изнутри отозваться;
 Но Одиссей опрометчивыхъ насъ удержалъ; остальные жъ,
²⁸⁵Въ чревѣ коня притаися, глубоко молчали ахейцы.
 Только одинъ Антиклесъ на призывъ твой подать порывался
 Голосъ; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
 Ротъ безразсудному, тѣмъ отъ погибели всѣхъ насъ избавилъ;
 Съ нимъ онъ боролся, пока не ушла ты по волѣ Аѳины.—
²⁹⁰Тутъ Менелая сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Царь благородный Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
 Вдвое прискорбнѣй, что онъ не избѣгъ отъ губящаго рока;
 Было ли въ пользу ему, что имѣлъ онъ желѣзное сердце?...
 Время однако ужъ намъ о постеляхъ подумать, чтобъ, сладко
²⁹⁵Въ сонъ погружившись, на нихъ успокоить усталые члены.—
 Такъ онъ сказалъ, и Елена велѣла немедля рабынямъ
 Въ сѣняхъ кровати поставить, постлатъ тюфяки на кровати.

Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
 Мягкимъ покровомъ для тѣла косматыя мантии бросить.
³⁰⁰Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же
 Все приготовлено было гостямъ, проводилъ ихъ глашатай;
 Въ сѣняхъ легли на постеляхъ и скоро покойно заснули
 Сынъ Одиссеевъ и спутникъ его Пизистратъ благородный.
 Скоро во внутренней спальнѣ заснулъ и Атридъ златовласый,
³⁰⁵Подлѣ царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
 Встала изъ мрака молодая съ перстами пурпурными Эостъ;
 Ложе покинулъ и царь Менелай, вызыватель въ сраженьи;
 Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
 Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
³¹⁰Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный.
 Сѣвъ къ Телемаку, его онъ поздравствовалъ; послѣ спросилъ онъ:
 Что побудило тебя по хребту безпредѣльнаго моря
 Въ царственный градъ Лакедемонъ прибыть, Телемакъ благородный?
 Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мнѣ.—
³¹⁵Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ Менелаяу:
 Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
 Здѣсь я затѣмъ, чтобъ узнать отъ тебя о судьбѣ Одиссея.
 Гибнетъ мое достоянье, мои разоряются земли,
 Домъ мой во власти грабителей жадныхъ, безжалостно бьющихъ
³²⁰Мелкій нашъ скотъ и быковъ криворогихъ и медленноходныхъ:
 Мать Пенелопу они сватовствомъ неотступнымъ терзаютъ.
 Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно
 Участъ отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что своимъ
 Видѣлъ глазами иль что отъ какого случайно услышалъ
³²⁵Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе.
 Ты же, меня не щадя, и изъ жалости словъ не смягчая,
 Все Расскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ.
 Если же чѣмъ для тебя мой отецъ, Одиссей благородный,
 Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ съ тобою
³³⁰Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ претергѣли, ахейцы,
 Вспомни объ этомъ теперь и поистинѣ все Расскажи мнѣ.—
 Съ гнѣвомъ великимъ воскликнулъ Атридъ Менелай златовласый:
 О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе,

Сами бессильные, мыслять они захватить произвольно!

³³⁵Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ логовищѣ
Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцовъ положила, сама же
Стала бъ по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ, травомъ обильнымъ
Доламъ бродить, и обратно бы левъ приближалъ въ логовище—
Разомъ бы страшная участь птенцовъ безпомощныхъ постигла;

³⁴⁰Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки Одиссея.

Если бъ, о Дій громовержець! о Фебъ Аполлонъ! о Афина
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лезбосѣ, обильно людьми населенномъ —
Гдѣ, съ силачемъ Филомиледомъ выступивъ въ бой рукопашный,
Онъ опрокинулъ врага на великую радость ахейцамъ—

³⁴⁵Если бы въ видѣ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.

То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно и мною обмануть не будешь;

Что самому возвѣстилъ мнѣ морской пронизательный старецъ,

³⁵⁰То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.

Все еще боги въ отечество милое мнѣ изъ Египта

Путь заграждали: обѣщанной я не свершилъ экатомбы;

Боги же требуютъ строго, чтобъ были мы вѣрны обѣтамъ.

На морѣ шумно-широкомъ находится островъ, лежащій

³⁵⁵Противъ Египта; его именуютъ тамъ жители Фѣросъ;

Онъ отъ береговъ на такомъ разстояньи, какое удобно

Въ день съ благовѣющимъ вѣтромъ попутнымъ корабль пробѣгаетъ.

Пристань находится вѣрная тамъ, изъ которой большія

Въ море выходятъ суда, запасенныя темной водою.

³⁶⁰Двадцать тамъ дней я промедлилъ по волѣ боговъ и ни разу

Съ берега мнѣ не подулъ благосклонный отплытію вѣтеръ,

Спутникъ желанный пловцамъ по хребту многоводнаго моря.

Мы ужъ истратили всѣ путевые запасы и люди

Бодрость теряли, какъ сжалась надъ нами, спасла насъ богиня.

³⁶⁵Хитраго старца морскаго цвѣтущая дочь Идоея.

Сердцемъ она преклонилась ко мнѣ, повстрѣчавшись со мною,

Шедшимъ печально стезей одинокой, товарищей бросивъ:

Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу

Острогобенными крючьями удили—голодь терзала ихъ.

³⁷⁰Съ ласковымъ видомъ ко мнѣ подошедши, сказала богиня:
 Что же ты, странникъ? Дитя ль неразумное? Сердцемъ ли робокъ?
 Лѣнь ли тобой овладѣла? Иль самъ ты своимъ веселишься
 Горемъ, что долго такъ медлишь на островѣ нашемъ, на зная,
 Что предпринять и сопутниковъ всѣхъ повергая въ унылость?

³⁷⁵Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
 Кто бъ ни была ты, богиня, всю правду тебѣ я открою:
 Нехотя здѣсь я въ бездѣйствіи медлю; быть можетъ нанесъ я
 Чѣмъ оскорбленье богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
 Ты же скажи мнѣ [все вѣдать должны вы, могучіе боги],
³⁸⁰Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнѣ возвратный
 Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря?

Такъ спросилъ я, и такъ, отвѣчая сказала богиня:
 Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
 Здѣсь пребываетъ издавна морской пронщательный старецъ,
³⁸⁵Равный безсмертнымъ—Протей, египтянинъ, извѣдавшій моря
 Всѣ глубины и царя Посидона державѣ подвластный;
 Онъ, говорятъ, мой отецъ, отъ котораго я родилася.
 Если бъ какое ты средство нашель овладѣть имъ внезапно,
 Все бъ онъ открылъ: и дорогу, и дологъ ли путь, и успѣшно ль
³⁹⁰Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься?

Если жъ захочешь, божественный скажетъ тебѣ и о томъ онъ,
 Что у тебя и худаго и добраго дома случилось
 Съ тѣхъ поръ, какъ странствуешь ты по морямъ безпріютно-пустынь—
 Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я: [нымъ.

³⁹⁵Насъ ты сама научи овладѣть хитромысленнымъ старцемъ,
 Такъ, чтобъ не могъ напередъ онъ намѣренье наше проникнуть:
 Трудно весьма одолѣть человѣку могучаго бога.

Такъ говорилъ я, и такъ, отвѣчая, сказала богиня:
 Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
⁴⁰⁰Здѣсь ежедневно, лишь Геліосъ неба пройдетъ половину,
 Въ вѣяньи вѣтра, съ великимъ волненіемъ темныя влаги,
 Водъ глубину покидастъ морской пронщательный старецъ;
 Вышедъ изъ волинь, отдыхать онъ ложится въ пещерѣ глубокой;
 Вкругъ тюлений хвостоногіе, дѣти младой Алозидны,

⁴⁰⁵Стаей ложатся, и спятъ, и покрытыя тиною соленой,

Смрадъ отвратительный моря на всю разливають окрестность.

Только что явится Эось, я мѣсто найду, гдѣ удобно

Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищамъ сильнымъ

Тремъ повели за собою прийти съ кораблей крутобокихъ.

⁴¹⁰Я же тебѣ расскажу о волшебствахъ коварнаго старца:

Прежде всего тюленей онъ считать и осматривать станеть;

Ихъ осмотрѣвъ и сочтя по пяти, напоследокъ и самъ онъ

Ляжетъ межъ ними, какъ пастырь межъ стада, и въ сонъ погрузится.

Вы же, увидя, что легъ и что въ сонъ погрузился онъ, силы

⁴¹⁵Всѣ соберите, и имъ овладѣйте; жестоко начнетъ онъ

Биться и рваться—изъ рукъ вы его не пускайте; тогда онъ

Разные виды начнетъ принимать и являться вамъ станеть

Всѣмъ, что ползеть по землѣ, и водою, и пламенемъ жгучимъ;

Вы жъ, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ сильнѣе держите.

⁴²⁰Но, какъ скоро тебѣ человѣческій голосъ подастъ онъ,

Снова принявши тотъ образъ, въ какомъ онъ заснулъ—вы немедля

Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу

Давши, спроси ты, какой изъ боговъ раздраженъ и услѣбно ль

Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься?

⁴²⁵Кончивъ, она погрузилась въ морское глубокое лоно.

Я же пошелъ къ кораблямъ, на пескѣ неподвижно стоявшимъ,

Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;

Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю пицу

Собралъ людей я; божественно-темная ночь наступила;

⁴³⁰Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.

Встала изъ мрака младая съ перстами багряными Эось;

Вдоль по отлогому влажно-песчаному берегу, съ молитвой

Прежде колѣна склонивъ предъ богами, пошелъ я; со мною

Были три спутника сильныхъ, на всякое дѣло отважныхъ.

⁴³⁵Тою порой, погрузившись въ глубокое море, четыре

Кожы тюленя изъ водъ принесла намъ богиня; недавно

Содраны были онѣ. Чтобъ отца обмануть, на песчаномъ

Берегѣ ямы она приготовила намъ и сидѣла,

Насъ ожидая. Немедля всѣ четверо къ ней подошли мы.

⁴⁴⁰Въ ямы улавши и кожами сверху покрывъ насъ, богиня

Тамъ повелѣла намъ ждать, притаясь; нестерпимо насъ мучилъ

Смрадъ тюленей, напятавшихъ горечью влаги соленой—

Сносно ль межъ чудами моря живому лежать человѣку?

Но Идоея бѣдѣ помогла и страданіе напе

445Кончила, ноздри амврозіей намъ благовонной помазавъ:

Быль во мгновение запахъ чудовищъ морскихъ уничтожень.

Цѣлое утро съ мучительной мы пролежали тоскою.

Стаю вышли изъ водъ наконецъ тюлені и рядами

Другъ подлѣ друга вдоль шумнаго берега всѣ улеглись.

450Въ полдень же съ моря поднялся и старецъ. Своихъ тюленей онъ

Жирныхъ увидя, пошелъ къ нимъ, и началъ считать ихъ и первыхъ

Счелъ межъ своими подводными чудами насъ, не проникнувъ

Тайнаго кова; и самъ напоследокъ межъ ними улегся.

Кинувшись съ крикомъ на соннаго, сильной рукою всѣ вмѣстѣ

455Мы обхватили его; но старикъ не забылъ чародѣйства;

Вдругъ онъ въ свирѣпаго съ гривой огромною льва обратился,

Послѣ предсталъ намъ дракономъ, пантерою, вопремъ великимъ.

Быстротекучей водою и деревомъ густовершиннымъ;

Мы, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ упорнѣй держали.

460Онъ напоследокъ, увидя, что всѣ чародѣйства напрасны,

Сдѣлался тихъ и ко мнѣ наконецъ обратился съ вопросомъ:

Кто изъ бессмертныхъ тебѣ указалъ, Менелай благородный,

Средство обманомъ меня пересилить? Чего ты желаешь?

Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, сказалъ я:

465Старецъ, тебѣ ужъ извѣстно [зачѣмъ притворяться?], что медлю

Здѣсь я давно по неволѣ, не зная, на что мнѣ рѣшиться,

Сердцемъ тревожась и спутниковъ всѣхъ повергая въ унылость.

Лучше скажи мнѣ [все вѣдать должны вы, могучіе боги],

Кто изъ бессмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнѣ возвратный

470Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря?

Такъ у него я спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:

Долженъ бы Зевсу владыкѣ и прочимъ богамъ экатомбу

Ты, съ кораблями пускаясь въ путь, совершить, чтобъ скорѣе,

Темное море измѣривъ, въ отчизну свою возвратиться.

475Знай, что тебѣ суждено не видать, ни возлюбленныхъ ближнихъ

Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ, ни желаннаго края отчизны

Прежде, пока ты къ бѣгущему съ неба потоку Египту

Вновь не придешь и обѣщанной тамъ не свершишь экатомбы
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.

⁴⁸⁰Иначе боги увидѣтъ отчизну тебѣ не дозволятъ.

Такъ онъ сказалъ и во мнѣ растерзалось милое сердце:
Было мнѣ страшно, предавшись тревогамъ туманнаго моря,
Вновь продолжительно труднымъ путемъ возвращаться въ Египеть.
Такъ напоследокъ, отвѣтствуя, хитрому старцу сказалъ я:

⁴⁸⁵Что повелѣлъ ты, божественный старецъ, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего отъ меня не скрывая:

Всѣ ль въ корабляхъ невредимо ахейцы, съ которыми въ Троѣ
Мы разлучилися, Несторъ и я, возвратились въ отчизну?

Кто злополучный изъ нихъ на дорогѣ погибъ съ кораблями?

⁴⁹⁰Кто на рукахъ у друзей, перенесши тревоги, скончался?

Такъ я спросилъ у него и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
Царь Менелай! не къ добру ты меня вопрошаешь, и лучше бъ
Было тебѣ и не знать и меня не спрашивать: горько

Плакать ты будешь, когда обо всемъ расскажу я подробно.

⁴⁹⁵Многихъ ужъ нѣтъ; но и живы остались многіе; двумъ лишь.

Только вождамъ мѣднолатныхъ аргивянь домой возвратиться

Смерть запретила [кто палъ на сраженьи, то вѣдаешь самъ ты];

Третій живой средь пустыннаго моря въ неволѣ крушится.

Съ длинновесѣльными въ бурю морскую погибъ кораблями

⁵⁰⁰Сынъ Оилсевъ, Аяксъ; Посидонъ ихъ къ великой Гирейской

Бросилъ скалѣ; самого же Аякса изъ водъ опъ исторгнулъ;

Спасся бъ отъ гибели онъ вопреки раздраженной Аѳинѣ,

Если бъ въ безумствѣ изречь не дерзнулъ святотатнаго слова:

Онъ похвалился, что противъ боговъ избѣжитъ потопленья.

⁵⁰⁵Дерзкое слово царемъ Посидономъ услышано было;

Сильной рукой онъ во гнѣвѣ схватилъ свой ужасный трезубецъ,

Имъ по Гирейской ударилъ скалѣ и скала раздвоилась;

Часть устояла; кусками рассыпавшись, въ море другая

Рухнула вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней святотатнымъ Аяксомъ;

⁵¹⁰Съ нею и онъ погрузился въ широкошумящее море;

Такъ онъ погибъ, злополучный, упившись соленою влагой.

Братъ твой сначала судьбы избѣжалъ: невредимо ко берегу

Онъ съ кораблями достигъ, сохраненный владычицей Цроѣ.

Но тогда, какъ въ виду неприступныхъ утесовъ Малленъ ?

⁵¹⁵Быль онъ, внезапно воздвигнулась буря и рыбообильнымъ Моремъ его, вопіющаго жалобно, къ крайнимъ предѣламъ Области бросило той, гдѣ Обіестъ обиталь, и гдѣ послѣ Царское было жилище Обіестова сына Эгиста.

Скорю однако опять успокоилось море, и боги

⁵²⁰Вѣтеръ попутный имъ дали: въ отечество ихъ проводить онъ.

Радостно вождь Агамемнонь ступилъ на родительскій берегъ.

Сталь цѣловать онъ отечество милое; снова увидя

Землю желанную, пролиль обильно онъ теплыя слезы.

Но издалѣка съ подзорной стоянки увидѣль Атрида

⁵²⁵Сторожъ, Эгистомъ поставленный [злою замысля, ему онъ

Дать обѣщаль два таланта]; и тамъ наблюдалъ онъ ужъ цѣлый

Годъ, чтобъ Атридъ не засталъ ихъ въ расцлохъ, возвратяся незнаю.

Съ вѣстью о немъ роковой побѣжалъ онъ въ жилище Эгиста.

Ковъ смертоносный тогда хитроумный Эгистъ приготовилъ:

⁵³⁰Двадцать отважныхъ мужей изъ народа немедля онъ выбравъ,

Скрылъ ихъ близъ дома, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ изобильный;

Взявъ колесницы съ конями, къ царю онъ Атриду навстрѣчу

Съ ласковымъ зовомъ пошелъ, замышляя недоброе въ сердцѣ;

Введши его, подозрѣнію чуждаго, въ домъ, на веселомъ

⁵³⁵Пирѣ его онъ убилъ, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;

Люди, съ Атридомъ пришедшіе, всѣ до единого пали,

Но и Эгистовы съ ними сообщники также погибли.

Такъ онъ сказалъ, и во мнѣ растерзалось милое сердце:

Горько заплакавъ, упалъ я на землю; мнѣ стала противна

⁵⁴⁰Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго

Плакалъ, и долго лежалъ на землѣ, безутѣшно рыдая.

Но напоследокъ сказалъ мнѣ морской пронизательный старецъ:

Царь Менелай, сокрушать толь жестоко себя ты не долженъ;

Слезы твои ничему не помогутъ: а лучше подумай,

⁵⁴⁵Какъ бы тебѣ самому возвратиться скорѣе въ отчизну.

Или застанешь его ты живаго, иль будетъ Орестомъ

Онъ ужъ убитъ; ты тогда подоспѣешь къ его погребенью.

Такъ онъ сказалъ; ободрился мой духъ и могучее снова

Сердце мое, не смотря на великую скорбь, оживилось.

550 Голосъ возвысивъ, я бросилъ Протею крылатое слово:
 Знаю теперь о двоихъ; объяви же, кто третій, который,
 Моремъ объятый, живой, говоришь ты, въ неволѣ крушится?
 Или ужь нѣтъ и его? Сколь ни горько, но слушать готовъ я.
 Такъ я Протея спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:

555 Это Лаэртовъ божественный сынъ, обладатель Итаки.

Видѣлъ его я на островѣ, льющаго слезы обильно

Въ свѣтломъ жилищѣ Калицсы, богини богинь, произвольно

Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:

Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы

560 Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.

Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:

Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы въ многоконномъ Аргосѣ;

Ты за предѣлы земли, на поля Елисейскія будешь

Посланъ богами—туда, гдѣ живетъ Радамантъ златовласый

565 [Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безпечальные дни человѣка,

Гдѣ ни метелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ;

Гдѣ сладкошумно летающій вѣтъ Зефиръ, Океаномъ

Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ],

Ибо супругъ ты Елены и зять громовержца Зевеса.

570 Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глубокое лоно.

Я же съ друзьями отважными вновь къ кораблямъ возвратился,

Многими, сердце мое взволновавшими; мыслями полный;

Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю пищу

Собралъ людей я; божественно-темная ночь наступила;

575 Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ;

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось;

Сдвинули съ берега мы корабли на священное море;

Мачты поднявъ и развѣвъ паруса, на судахъ собралися

Всѣ мореходные люди и, сѣвши у весель на лавкахъ

580 Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.

Снова направилъ къ бѣгущему съ неба потоку Египту

Я корабли, и успѣшно на брегъ его совершилъ экатомбу;

Послѣ жъ, когда примирилъ я боговъ, совершивъ экатомбу,

Холмъ гробовой Агамемнону брату на вѣчную память

585 Тамъ я насыпалъ; и поплыли мы, и послали попутный

Вѣтеръ намъ боги; въ отечество милое насъ проводить онъ.
 Ты жъ, Телемакъ у меня погостишь и отсель не поѣдешь
 Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двѣнадцать;
 После тебя отпущу съ дорогими подарками; дамъ я
⁵⁹⁰Трехъ быстроногихъ коней съ колесницей блестящей и съ ними
 Рѣдкой работы кувшинъ, изъ котораго будешь всѣдневно
 Ты, поминая меня, предъ богами творить возліянье.—
 Царь Менелай, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
 Долго меня не держи, тороплюся домой я безмѣрно;
⁵⁹⁵Здѣсь у тебя я съ великою радостью могъ бы и цѣлый
 Годъ провести, не подумавъ въ отчизну къ роднымъ возвратиться,
 Такъ несказанно твои разговоры и рѣчи плѣбляютъ
 Душу мою; но сопутники въ Пилосѣ ждуть съ нетерпѣньемъ
 Нынѣ меня: ты жъ напротивъ желаешь, чтобъ здѣсь я промедлить.
⁶⁰⁰Дай мнѣ въ подарокъ такое, что могъ бы удобно хранить я
 Дома; коней же въ Итаку мнѣ взять невозможно: оставь ихъ
 Здѣсь утѣшеньею себѣ самому; ты владѣешь землею
 Тучныхъ равнинъ, гдѣ родится обильно и лотось и галгантъ
 Съ яркой пшеницей и полбой и густо цвѣтущимъ ячменемъ.
⁶⁰⁵Мы жъ ни широкихъ полей, ни луговъ не имѣемъ въ Итакѣ;
 Горныя пажити наши для козъ, не для коней привольны;
 Рѣдко лугами богатъ и конямъ легконогимъ пріютенъ
 Островъ, объятый волнами; Итака же менѣе прочихъ.—
 Онъ замолчалъ. Улыбнулся Атридъ, вызыватель въ сраженье;
⁶¹⁰Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказалъ онъ:
 Вижу изъ словъ я твоихъ, что твоя благородна порода,
 Сынъ мой; но вмѣсто коней я могу подарить и другое,
 Это легко мнѣ; изъ многихъ сокровищъ, которыми домъ мой
 Полонъ, я самое рѣдкое, лучшее выберу нынѣ;
⁶¹⁵Дамъ пировую кратеру богатую; эта кратера
 Вся изъ серебра, но края золотые, искусной работы
 Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ благородный,
 Царь сидонянъ, въ то время, когда, возвращаясь въ отчизну,
 Въ домѣ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь.—
⁶²⁰Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
 Въ домѣ царя собралися тѣмъ временемъ званые гости,

Козь и овецъ приведа и вина дорогаго принесли
 [Хлѣбъ же прислали ихъ жены, ходящія въ свѣтлыхъ повязкахъ].
 Такъ все готовилось къ пиру въ высокихъ палатахъ Атрида.—
⁶²³Тою порою женихи въ Одиссеевомъ домѣ бросаньемъ
 Дисковъ и дротниковъ острыхъ себя забавляли, собравшись
 Всѣ на мощеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ буйныя игры.
 Но Антиной съ Эвримахомъ прекраснымъ сидѣли особо.
 Прочихъ вожди, передъ всѣми отличше мужеской силой.
⁶³⁰Фрѣнѣвъ сынъ Ноэмонъ, подошедъ къ нимъ, сидѣвшимъ особо,
 Слово такое сказалъ, обратясь къ Антиною съ вопросомъ:
 Можетъ ли кто мнѣ изъ васъ, Антиной, объявить, иль не можетъ,
 Скоро ль назадъ Телемакъ изъ песчанаго Пилоса будетъ?
 Взять у меня имъ корабль—самому мнѣ онъ надобенъ нынѣ:
⁶³⁵Плыть мнѣ въ Элиду широкополяную нужно: двѣнадцать
 Тамъ у меня кобылицъ и табунъ лошаковъ работающихъ;
 Дикіе всѣ; я хотѣлъ бы поймать одного, чтобъ объѣздить.—
 Такъ онъ сказалъ; женихи изумились; войти не могло имъ
 Въ мысли, чтобъ былъ онъ въ Нелеевои Пилосѣ; мнили напротивъ
⁶⁴⁰Всѣ, что ушелъ онъ иль въ поле къ стадамъ иль къ своимъ свино-
 Строго тогда Антиной, сынъ Эвпейтовъ спросилъ Ноэмона: [пасамъ.
 Все объяви намъ по правдѣ: когда онъ уѣхалъ? Какіе
 Были съ нимъ люди? Свободные ль, взятые имъ изъ народа?
 Или наемники? Или рабы? Какъ успѣлъ онъ то сдѣлать?
⁶⁴⁵Также скажи откровенно, чтобъ истину вѣдать могли мы:
 Силою ль взять у тебя онъ корабль быстроходный, иль самъ ты
 Отдалъ его произвольно, какъ скоро о томъ попросилъ онъ?—
 Фрѣнѣвъ сынъ Ноэмонъ, отвѣчая, сказалъ Антиною:
 Отдалъ я самъ произвольно, и всякій другой поступилъ бы
⁶⁵⁰Также, когда бы къ нему обратился такой огорченный
 Съ просьбою мужъ—ни одинъ бы ему отказать не помыслилъ.
 Люди жъ, имъ взятые, всѣ молодые, изъ самыхъ отличныхъ
 Выбраны граждаиъ; и ихъ предводителемъ былъ, я замѣтилъ,
 Менторъ, иль кто изъ безсмертныхъ, облекшійся въ Менторовъ образъ:
⁶⁵⁵Ибо я былъ изумленъ несказанно—божественный Менторъ
 Встрѣтился здѣсь мнѣ вчера, хотъ и сѣлъ на корабль онъ съ другими.—
 Такъ онъ сказавши, пошелъ, чтобъ къ родителю въ домъ возвратиться.

Но Антиной съ Эвримахомъ исполнены были тревоги;
 Бросивъ игру, женихи собралися и сѣли кругомъ ихъ.
⁶⁶⁰Къ нимъ обратяся, сказали Антипой, слыть Эвпейтовъ, кипящій
 Гнѣвомъ—и грудь у него подымалась, тѣснямая черной
 Злобой, и очи его, какъ огонь пламегнѣющей, рдѣли:
 Горе намъ! дѣло великое сдѣлать, такъ смѣло пустившись
 Въ путь, Телемакъ; отъ него мы подобной отваги не ждали:
⁶⁶⁵Намъ вопреки, онъ, ребенокъ, отсюда ушелъ самовольно,
 Прочный добывши корабль и отличнѣйшихъ взявъ изъ народа.
 Будетъ вперёдъ намъ и зло и бѣда отъ него. Но погибни
 Самъ отъ Зевеса онъ прежде, чѣмъ бѣдствие наше созрѣетъ!
 Вы жъ мнѣ корабль съ двадцатью снарядите гребцами, чтобъ могъ я,
⁶⁷⁰Въ море за нимъ устремившись, его на возвратной дорогѣ
 Между Итакой и Заомъ крутымъ подстеречь, чтобъ въ погнѣбель
 Плаванье вслѣдъ за отцомъ для него самого обратилось.—
 Такъ онъ сказали, изъявили свое одобренье другіе.
 Вставши, всѣ вмѣстѣ они возвратилися въ домъ Одиссеевъ.
⁶⁷⁵Но Пенелопа недолго въ незнаньи осталась о хитромъ
 Буйныхъ ея жениховъ заговорѣ на жизнь Телемака;
 Все ей Медонтъ, благородный глашатай, открылъ: недалёко
 Былъ онъ, когда совѣщались они, и подслушалъ ихъ рѣчи.
 Съ вѣстью немедленно онъ по дворцу побѣжалъ къ Пенелопѣ.
⁶⁸⁰Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопа спросила:
 Съ чѣмъ ты, Медонтъ, женихами сюда благородными присланъ?
 Съ тѣмъ ли, чтобъ мнѣ объявить, что рабынямъ царя Одиссея
 Должно, оставивъ работы, обѣдъ имъ скорѣй приготовить?
 О! когда бы они отъ меня отступились! Когда бы
⁶⁸⁵Это ихъ пиршество было послѣднимъ въ обители нашей!
 Вы, разорители нашего дома, губящіе жадно
 Все достояніе въ немъ Телемаково, или ни разу
 Въ дѣтскихъ вамъ лѣтахъ отъ вашихъ разумныхъ отцовъ не случилось
 Слышать, каковъ Одиссей былъ въ своемъ обхожденіи съ ними,
⁶⁹⁰Какъ никому не нанесъ онъ, ни словомъ, ни дѣломъ, обиды
 Въ цѣломъ народѣ; хотя многосильнымъ царямъ и обычно
 Тѣхъ изъ людей земнородныхъ любить, а другихъ ненавидѣть,
 Но отъ него не видалъ оскорбленья никто изъ живущихъ.

Здѣсь же лишь ваше безстыдство, лишь буйные ваши поступки

⁶⁹⁵Видны; а быть за добро благодарными вамъ неумѣстно.—

Умныя мысли имѣя, Медонтъ отвѣчалъ Пенелопѣ:

О царица, когда бы лишь въ этомъ все зло заключалось!

Но женихи величайшей, ужаснѣйшей намъ угрожаютъ

Нынѣ бѣдой—да успѣха не дасть имъ Зевесъ громовержець!

⁷⁰⁰Острымъ мечемъ замышляютъ они умертвить Телемака,

Выждавъ его на возвратномъ пути: о родителей свѣдать

Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царственный градъ Лаке-

Такъ онъ сказалъ; задрожали колѣна и сердце у бѣдной [дѣмонъ.—

Матери; долго была безсловесна она и слезами

⁷⁰⁵Очи ея затмѣвались и ей не покорствовалъ голосъ.

Съ духомъ собравшись, она наконецъ, отвѣчая, сказала:

Что удалиться, Медонтъ, побудило дитя мое? Нужно ль

Было ввѣряться ему кораблямъ, водяными конями

Быстро носящимъ людей мореходныхъ по влгѣ пространной?

⁷¹⁰Иль захотѣлъ онъ, чтобъ въ людяхъ и имя его истребилось?—

Вслушавъ слово ея, благородный Медонтъ отвѣчалъ ей:

Мнѣ неизвѣстно, внушенью ль онъ бога послѣдовалъ, самъ ли

Въ сердцѣ отплытіе въ Пилосъ замыслилъ, чтобъ свѣдать, въ какую

Землю родитель судьбиною брошенъ и что претерпѣлъ онъ?—

⁷¹⁵Кончивъ, разумный Медонтъ удалился изъ царскаго дома.

Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться

Долѣ на стулѣ она не могла; хоть и много ихъ было

Въ свѣтлыхъ покояхъ ея, но она на порогѣ сидѣла,

Жалобно плача. Съ рыданіемъ къ ней собралися рабыни,

⁷²⁰Сколько ихъ ни было въ царскомъ жилищѣ и юныхъ и старыхъ,

Сильно скорбя посреди ихъ, сказала имъ такъ Пенелопа:

Слушайте, милыя; дайте мнѣ печали Зевесъ Олимпіецъ

Болѣе всѣхъ, на землѣ современно со мною рожденныхъ;

Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ лвинымъ,

⁷²⁵Всякой высокою доблестью въ сонмѣ данаевъ отличный,

Столь преисполнившій славою своею и Элладу и Аргосъ.

Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мною; безславно умчали

Бури отсюда его, и о томъ я не свѣдала прежде;

О вы, безумныя, какъ ни одной, ни одной не пришло вамъ

730 Вѣремя въ мысли меня разбудить? А конечно ужъ знали
 Всѣ вы, что онъ собрался въ корабль удалиться отсюда.
 О! для чего не сказалъ мнѣ никто, что отплыть онъ замыслилъ!
 Или тогда бѣ, отложивши отъѣздъ, онъ остался со мною,
 Или сама бѣ я осталася мертвою въ этомъ жилищѣ.

735 Но позовите скорѣе ко мнѣ старика Доліона;
 Вѣрный слуга онъ; въ приданое данъ мнѣ отцомъ и усердно
 Смотритъ за садомъ моимъ плодоноснымъ. Къ Лаэрту немедля
 Долженъ пойти онъ и, сѣвъ близъ него, о случившемся нынѣ
 Старцу сказать: и Лаэртъ, все разумно обдумавъ, быть можетъ,
 740 Съ плачемъ предстанетъ народу, который губить допускаетъ
 Внука его, Одиссеева богоподобнаго сына.—

Тутъ Эвриклея, усердная няня, сказала царицѣ:
 Свѣтъ нашъ, царица, казнить ли меня безошадною мѣдью
 Ты повелишь, иль помилуешь, я ничего не сокрою.

745 Было извѣстно мнѣ все; по его повелѣнью дала я
 Хлѣбъ и вино на дорогу; съ меня же великую клятву
 Взять онъ: молчать до двѣнадцати дней, иль пока ты не спросишь
 Гдѣ онъ сама, иль другой кто отъѣзда его не откроетъ.
 Свѣжесть лица твоего, онъ боялся, отъ плача поблекнетъ.

750 Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
 Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой войди, и молитву
 Тамъ сотвори передъ дочерью Зевса эгидодержавца;
 Ею конечно онъ будетъ спасенъ отъ грозящяя смерти.

Но не печаль старика, ужъ печальнаго; вѣчные боги,
 755 Думаю я, не совсѣмъ отвратились еще отъ потомковъ
 Аркезіада; и родъ ихъ всегда обладателемъ будетъ
 Царскаго дома и нивъ и полей плодоносныхъ въ Итакѣ.—

Такъ Эвриклея сказала; утихла печаль, осушились
 Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
 760 Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой пошла Пенелопа.

Чашу наполнивъ ячменемъ, она возгласила къ Аѳинѣ:
 Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Аѳина,
 Если когда Одиссей благородный въ семь домѣ обильно
 Тучныя бедра быковъ и овецъ сожигалъ предъ тобою,
 765 Вспомни объ этомъ теперъ и спаси Одиссеева сына,

Козни моихъ жениховъ злонамѣренныхъ нынѣ разрушивъ.—

Такъ помолилась она и не вгуне осталась молитва.

Тою порою женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли.

Такъ говорили иные изъ нихъ, безразсудно надменныхъ:

⁷⁷⁰Вѣрно теперь многославная наша царица готовить

Свадьбу, не мысля о томъ, что отъ насъ приготовлено сыну.—

Такъ говорили они, не предвидя того, что и всѣмъ имъ

Было готово. Созвавъ ихъ, сказалъ Антиной, негодую:

Буйные люди, совѣтую вамъ отъ такихъ неразумныхъ

⁷⁷⁵Словъ воздержаться, чтобъ ктонибудь здѣсь разгласить ихъ не

Лучше, отсель удаляся въ молчаньи, исполнимъ на дѣлѣ [вздумаль.

То, что теперь на совѣтѣ согласномъ своемъ положили.—

Выбравъ отважнѣйшихъ двадцать мужей изъ народа, посиѣшно

Съ ними пошелъ къ кораблямъ онъ, стоявшимъ на брегѣ песчаномъ.

⁷⁸⁰Сдвинувъ съ песчанаго берега корабль на глубокое море,

Мачту они утвердили на немъ, всѣ уладили снасти,

Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла,

Должнымъ порядкомъ потомъ паруса натянули. Когда же

Смѣлые слуги съ оружіемъ ихъ собралися, всѣ вмѣстѣ,

⁷⁸⁵Сѣвъ на корабль и его отведя на открытое взморье

Ужинать стали они въ ожиданьи пришествія ночи.

Тою порою въ высокомъ покоѣ своемъ Пенелопа

Грустно лежала одна, ни ѣды, ни питья не вкушавши,

Мыслью о томъ лишь тревожась, спасется ли сынъ безпорочный.

⁷⁹⁰Или погибнетъ, сраженный рукою убійцы вѣроломныхъ?

Словно какъ левъ, окружаемый мало по малу стрѣлками,

Съ трепетомъ видитъ, что скоро ихъ цѣпью онъ будетъ обхваченъ.

Такъ отъ своихъ размышленій она трепетала. Но мирный

Сонъ прилетѣлъ, и ее улелѣялъ, и все въ ней утихло.

⁷⁹⁵Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Палладѣ:

Призракъ она сотворила, имѣвшій наружность прекрасной

Дочери старца Икарія, свѣтлой Ифтимы, съ которой

Царь Фессалійскій Феры, могучій Эвмель сочетался.

Въ домъ Одиссеевъ послала тотъ призракъ Аѳина, дабы онъ

⁸⁰⁰Тамъ, подошедъ къ погруженной въ печаль Пенелопѣ, ей слезы

Легкой рукою отеръ и ея утолилъ сокрушенье.

Въ спальню проникнулъ, ремня у задвижки не тронувъ, безплотный
 Призракъ, подкрался и, ставъ надъ ея головою, промолвилъ:
 Спшшь ли, сестра Пенелопа? Госкуеть ли милое сердце?
⁸⁰⁵Боги, живущіе легкою жизнью, тебѣ зашрещаютъ
 Плакать и сѣтовать; твой Телемакъ невредимъ возвратится
 Скоро къ тебѣ: онъ боговъ никакой не прогнѣваль виною.—
 Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣчала,
 Полная сладкой дремоты въ безмолвныхъ вратахъ сновидѣній:
⁸¹⁰Другъ мой, сестра, какъ пришла ты сюда? Ты донигъ такъ рѣдко
 Насъ посѣщала, въ далекомъ отсюда краю обитая.
 Какъ же ты хочешь, чтобъ я перестала скорбѣть и крушиться,
 Горе, объявшее духъ мой и сердце мое, забывши?
 Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ львинымъ,
⁸¹⁵Всякой высокою доблестью въ сонмѣ данаевъ отличный,
 Столь преисполнившій славою своею и Элладу и Аргосъ:
 Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мной: онъ отважился въ море,
 Отрокъ, нужды не выдавшій, съ людьми говорить не обыкшій.
 Болѣ о немъ я крушуся теперь, чѣмъ о бѣдномъ супругѣ;
⁸²⁰Сердце дрожитъ за него, чтобъ бѣды съ нимъ какой не случилось
 На морѣ зломъ иль въ чужой сторонѣ у чужаго народа.
 Здѣсь же враждебные люди его стерегутъ, приготовивъ
 Въ мысляхъ погибель ему на возвратной дорогѣ въ отчизну.—
 Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошепталъ Пенелопѣ:
⁸²⁵Будь же спокойна и сердца не мучь, безразсудно тревожась.
 Спутница есть у него и такая, которой бы всякій
 Смертннй съ надеждою ввѣрилъ себя—для нея все возможно—
 Дочь громовержца Аѳина сама. О тебѣ сожалѣя,
 Доброю вѣстью твой духъ ободрить мнѣ велѣла богиня.—
⁸³⁰Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣчала:
 Если ты вправду богиня и слышала голосъ богини,
 То, умоляю, открой и его мнѣ печальную участь.
 Гдѣ онъ, злосчастный? Еще ли онъ видитъ сіяніе солнца?
 Или его ужъ не стало и въ область Анда сошелъ онъ?—
⁸³⁵Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошепталъ Пенелопѣ:
 Я ничего не могу объявить о судьбѣ Одиссея;
 Живъ ли, погибъ ли, сказать мнѣ нельзя: пусторѣчіе вредно.—

Призракъ тогда, сквозь замочную скважину двери провѣявъ
 Воздухомъ легкимъ, пропаль. Пробудясь отъ сна, Пенелопа
 840 Ложе покинула: сердцемъ она ожила, поелику
 Явно въ глубокую полночь предсталъ ей пророческій образъ.
 Тою порой женихи въ кораблѣ водяною дорогой
 Шли, неизбѣжную мысленно смерть Телемаку готова.
 Есть на равнинѣ соленого моря утесистый островъ
 845 Между Итакой и Замомъ гористымъ; его именуютъ
 Астеромъ; онъ невеликъ; корабли тамъ пріютная пристань
 Съ двухъ береговъ принимаетъ. Тамъ стали на стражѣ ахейцы.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ДО КОНЦА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО.

Совѣтъ боговъ. Они посылаютъ Эрмія къ пимфѣ Калипсо съ повелѣніемъ отпустить немедленно Одиссея. Калипсо даетъ Одиссею орудія, нужныя для постройки плота. Въ четыре дня судно готово, и на пятый день Одиссей пускается въ путь, получивъ отъ Калипсы все нужное на дорогу. Семнадцать дней плаваніе продолжается благополучно. На осьмнадцатый Посидонъ, возвращаясь отъ ээіоновъ, узнаетъ въ морѣ Одиссея, плывущаго на легкомъ плоту своемъ; онъ посылаетъ бурю, которая разрушаетъ плотъ; но Одиссей получаетъ отъ Левкотеи покрывало, которое спасаетъ его отъ потопленія; цѣлые три дня носить его бурныя волны; наконецъ ввечеру третьяго дня онъ выходитъ на берегъ Феакійскаго острова Схеріи.

Эосъ, покинувши рано Титона прекрасное ложе,
 На небо вышла сіять для блаженныхъ боговъ и для смертныхъ.
 Боги тогда собрались на великій совѣтъ; предсѣдалъ имъ
 Въ тучахъ гремящій Зевесъ, всемогущею властію первый.
 5 Стала Аѳина рассказывать имъ о бѣдахъ Одиссея,
 Въ сердцѣ тревожася долгой неволей его у Калипсы:
 Зевсѣ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
 Кроткимъ благимъ и привѣтливимъ быть ужъ теперь ни единый
 Царь скиитроносный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши,
 10 Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло—
 Если могли вы забыть Одиссея, который былъ добрымъ,
 Мудрымъ царемъ, и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный;
 Брошенный бурей на островъ, онъ горе великое терпитъ

Въ свѣтломъ жилищѣ могучей богини Калипсы, насильно

¹⁵Имѣ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:

Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.

Нынѣ жъ враги и младаго хотятъ умертвить Телемака,

Въ морѣ внезапно напавъ на него: о родителей свѣдать

²⁰Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царственный градъ Ла-
Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ: [кедѣмонъ.—

Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.

Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубить

Нѣкогда всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей? Телемака жъ

²⁵Ты проводи осторожно сама—то конечно ты можешь;

Пусть невредимо онъ въ милую землю отцовъ возвратится:

Пусть и они, не свершивъ злодѣянья, прибѣдутъ въ Итаку.—

Такъ отвѣчавъ, обратился онъ къ Эрмію, милому сыну:

Эрмію, нашъ вѣстникъ заботливый, нимфѣ прекраснокудрявой

³⁰Нынѣ лети объявить отъ боговъ, что отчизну увидѣтъ

Срокъ наступилъ Одиссею, въ бѣдахъ постоянному; путь свой

Онъ совершитъ безъ участія свыше, безъ помощи смертныхъ;

Моремъ, на крѣпкомъ плоту, повстрѣчавши опаснаго много,

Въ день двадцатый достигнетъ онъ берега Схерія тучной,

³⁵Гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійцы; и будетъ

Ими ему, какъ безсмертному богу, оказана почесть:

Въ милую землю отцовъ съ кораблемъ ихъ отплывъ, онъ въ подарокъ

Мѣди и злата и разныхъ одеждъ драгоценныхъ получить

Много, столь много, что даже изъ Трои подобной добычи

⁴⁰Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно могъ возвратиться.

Такъ напоследокъ по волѣ судьбы онъ возлюбленныхъ ближнихъ,

Землю отцовъ и богато украшенный домъ свой увидитъ.—

Кончилъ. И медлить не сталъ благовѣстникъ, Аргусобійца.

Къ свѣтлымъ ногамъ привязавши свои золотыя подошвы,

⁴⁵Амвросіальныя, всюду его надъ водой и надъ твердымъ

Дономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ,

Взялъ онъ и жезлъ свой, по волѣ его наводящій на бодрыхъ

Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у спящихъ.

Въ путь устремился съ жезломъ многосильный убійца Аргуса.

⁵⁰Скоро, достигнувъ Піеріи, къ морю съ ээира слетѣлъ онъ;
 Быстро помчался потомъ по волнамъ рыболовомъ крылатымъ,
 Жадно хватающимъ рыбъ изъ отверстаго бурейю нѣдра
 Бездны безплодносоленой, куная въ ней сильныя крылья.
 Легкою птицей морской пролетѣвъ надъ пучиною, Эрміи
⁵⁵Острова, моремъ вдали сокровеннаго, скоро достигнулъ.
 Съ зыби широкотуманной на твердую землю поднявшись,
 Берегомъ къ темному гроту пошелъ онъ, гдѣ свѣтлокудрявой
 Нимфы обитель была, и ее самоѣ тамъ увидѣлъ.

Пламень трескучій сверкалъ на ея очагѣ и весь островъ

⁶⁰Былъ накурентъ благовоніемъ кедра и дерева жизни,
 Ярко пылавшихъ. И голосомъ звонкопріятнымъ богиня
 Пѣла, сидѣ съ челнокомъ золотымъ за узорною тканью.
 Густо разросшись, отвсюду пещеру ея окружали
 Тополи, ольхи и сладкій ліющіе духъ кипарисы;

⁶⁵Въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздились тамъ длиннокрылыя птицы
 Кончики, совы, морскія вороны крикливыя, шумной
 Стаей по взморью ходящія, пищи себѣ добывая.

Сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота окинуть,
 Росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяжелые грозды висѣли;

⁷⁰Свѣтлой струею четыре источника рядомъ бѣжали
 Близко одинъ отъ другаго, туда и сюда извиваясь;
 Вкругъ зеленѣли густые луга, и фіалокъ и злаковъ
 Полные сочныхъ. Когда бы въ то мѣсто зашелъ и безсмертный
 Богъ—изумился бъ и радость въ его бы проникнула сердце.

⁷⁵Былъ изумленъ и боговъ благовѣстникъ, сразитель Аргуса;
 Но, посмотрѣвши на все съ изумленьемъ и радостью сердца,
 Въ гротъ онъ глубокій вступилъ напоследокъ; и съ перваго взгляда
 Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала

[Быть незнакомы другъ другу не могутъ безсмертные боги,

⁸⁰Даже когда бъ и великое ихъ разлучало пространство].

Но Одиссея, могучаго мужа, тамъ Эрміи не встрѣтилъ;

Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и плакалъ;
 Горемъ и вздохами душу питая, тамъ дни проводилъ онъ,
 Взоръ, помраченный слезами, вверивъ на пустынное море.

⁸⁵Эрмія съестъ приглася на богатоукрашенныхъ креслахъ,

Нимфа, богиня богинь, у него съ любопытствомъ спросила:
 Эрмій, носитель жезла золотого, почтенный и милый
 Гость мой, зачѣмъ прилетѣлъ? У меня никогда не бывалъ ты
 Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
⁹⁰Если исполнить возможно и если властна я исполнить.

Прежде однако ты долженъ принять отъ меня угощенье.—
 Съ сими словами богиня, поставивши столъ передъ гостемъ,
 Съ сладкой амброзіей нектаръ ему подала пурнурѣвый.
 Пищи охотно вкусилъ благовѣстникъ, убійца Аргуса.

⁹⁵Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
 Словомъ такимъ онъ отвѣтствовалъ нимфѣ прекраснокудрявой:
 Знать отъ меня ты—отъ бога богиня—желаешь, зачѣмъ я
 Здѣсь? Объявлю все поистинѣ, волю твою исполняя.

Посланъ Зевесомъ, не самъ произвольно сюда прилетѣлъ я—
¹⁰⁰Кто произвольно захочетъ измѣрить бесплоднаго моря
 Степь несказанную, гдѣ не увидишь жилищъ человѣка,
 Жертвами чтущаго насъ, приносящаго намъ экатомбы?

Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣтъ

Между боговъ ни одинъ отъ себя отклонить, ни нарушить.

¹⁰⁵Вѣдомо Дію, что скрытъ у тебя злополучнѣйшій самый
 Мужъ изъ мужей, передъ градомъ Пріама сражавшихся девять
 Лѣтъ, на десятый же, градъ ниспровергнувъ, отплывшихъ въ отчизну,
 Но при отплытіи дерзко они раздражили Аѳину:

Буря послала на нихъ и великія волны богиня.

¹¹⁰Онъ же, сопутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ, напоследокъ,
 Схваченный бурей, сюда былъ волнами великими брошенъ.

Требуютъ боги, чтобъ былъ онъ немедля тобою отосланъ;

Ибо ему не судьба умереть далеко отъ отчизны;

Воля напротивъ судьбы, чтобъ возлюбленныхъ ближнихъ, родную

¹¹⁵Землю и свѣтлоустроенный домъ свой опять онъ увидѣлъ.—

Такъ онъ сказалъ ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
 Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:

Боги ревнивые, сколь вы безжалостно къ намъ непреклонны!

Васъ раздражаетъ, когда мы, богини, приѣмлемъ на ложе

¹²⁰Смертнаго мужа и намъ онъ становится милымъ супругомъ.

Такъ Оріонъ свѣтоносною Эосъ былъ нѣкогда избранъ;

Гнали его вы, живущіе легкою жизнью боги,

Гнали до тѣхъ поръ, пока златотронныя онъ Артемиды
Тихой стрѣлою въ Ортигѣи не былъ внезапно застрѣленъ.

¹²⁵Такъ Язіонъ былъ прекраснокудрявой Димитрою избранъ;

Сердцемъ его возлюбя, раздѣлила съ нимъ ложе богиня
На полѣ, три раза вспаханномъ; скоро о томъ извѣщенъ былъ
Зевсъ и его умертвилъ онъ, низринувши пламенный громъ свой.
Нынѣ и я васъ прогнѣвала, боги, давъ смертному мужу

¹³⁰Помощь, когда, обхвативъ корабельную доску, въ волнахъ онъ
Гибнулъ—корабль же его быстроходный былъ пламеннымъ громомъ
Зевса разбитъ посреди безпредѣльнопустыннаго моря:

Такъ онъ, сопутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ, напоследокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ волнами великими брошенъ.

¹³⁵Здѣсь пріютивши его и заботясь о немъ, я хотѣла
Милому дать и безсмертье и вѣчноцвѣтущую младость.

Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣть

Между боговъ ни одинъ отклонить отъ себя, ни нарушить;

Пусть онъ—когда ужъ того такъ упорно желаетъ Кроніонъ—

¹⁴⁰Морю невѣрному снова предастся; помочь я не въ силахъ;

Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.

Дать лишь совѣтъ осторожный властна я, дабы онъ отсюда

Могъ безпрепятственно въ милую землю отцовъ возвратиться.—

¹⁴⁵Ей отвѣчая, сказалъ благовѣстникъ, убійца Аргуса:

Волю Зевеса уваживъ, немедля его отошли ты,

Или, боговъ раздраживъ, на себя навлечешь наказанье.—

Такъ отвѣчая, удалился безсмертныхъ крылатый посланникъ.

Свѣтлая нимфа пошла къ Одиссею, могучему мужу,

¹⁵⁰Волю Зевеса принявши изъ устъ благовѣстнаго бога.

Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ, и очи

Были въ слезахъ; утекала медлительно капля за каплей

Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ по отчизнѣ; и хладный

Сердцемъ къ богинѣ, съ ней ночи свои онъ дѣлалъ принужденно

¹⁵⁵Въ гротѣ глубокомъ, желанью ея непокорный желаньемъ.

Дни же свои проводилъ онъ, сидя на прибрежномъ утесѣ,

Горемъ и плачемъ и вздохами душу питая, и очи,

Полныя слезъ, обративъ на пустыню безплоднаго моря.

Близко къ нему подошедши, сказала могучая нимфа:

¹⁶⁰Слезы отри, злополучный, и болѣ не трать въ сокрушенны

Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.

Брѣвень большихъ нарубивъ тоноромъ мѣдноострымъ и въ крѣпкіи

Плотъ ихъ связавъ, по краямъ утверди ты перила на толстыхъ

Брусяхъ, чтобъ по морю темному плыть безопасно было.

¹⁶³Хлѣбомъ, водой и виномъ пурпуровымъ снабжу изобильно

Я на дорогу тебя, чтобъ и голодъ и жажду легко ты

Могъ утолять; и одежды я дамъ; и пошлю за тобою

Вѣтеръ попутный, чтобъ милой отчизны своей ты достигнулъ,

Если угодно богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ—

¹⁷⁰Мнѣ же ни разумомъ съ ними ни властью равняться не можно.—

Такъ говорила она. Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, содрогнулся;

Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ богинѣ крылатое слово:

Въ мысляхъ твоихъ не отъѣздъ мой, а нѣчто иное, богиня;

Какъ же могу переплыть на плоту я широкую бездну

¹⁷⁵Страшнаго, бурнаго моря, когда и корабль быстроходный

Рѣдко по ней пробѣгаетъ съ Зевесовымъ вѣтромъ попутнымъ?

Нѣтъ! противъ воли твоей не взойду я на плотъ ненадежный

Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой

Клятвы, что мнѣ никакого вреда не замыслила нынѣ.—

¹⁸⁰Такъ говорилъ онъ. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;

Щеки ему потрепавши рукою, она отвѣчала:

Правду сказать ты хитрецъ, и чрезмѣрно твой умъ остороженъ:

Странное слово однако, отвѣтствуя мнѣ, произнесъ ты.

Но я клянусь и землею плодоносной и небомъ великимъ,

¹⁸⁵Стикса подземной водою клянусь, пенарушимой, страшною

Клятвой, которой и боги не могутъ изрѣчь безъ боязни,

Въ томъ, что тебѣ никакого вреда не замыслила нынѣ.

Нѣтъ, я совѣтую то, что сама для себя избрала бы,

Если бъ въ такомъ же была, какъ и ты, затрудненны великомъ;

¹⁹⁰Правда святая и мнѣ дорога; не желѣзное, вѣрь мнѣ,

Бьется въ груди у меня, а горячее, нѣжное сердце.—

Кончивъ, богиня богинь впереди Одиссея поспѣшнымъ

Шагомъ пошла, и поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней.

Съ нею [съ безсмертноу смертный] достигнувъ глубокаго грота,
¹⁹⁵Сѣлъ Одиссей на богатыхъ, оставленныхъ Эрміемъ, креслахъ.
Нимфа Калипсо, ему для ѣды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Мѣсто на-противъ его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовонной амброзіи подали съ нектаромъ сладкимъ.
²⁰⁰Подняли руки они къ приготовленной лакомою пища,
Послѣ жъ, когда утолень былъ ихъ голодъ питьемъ и ѣдою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Въ милую землю отцовъ наконецъ предпріявъ возвратиться,
²⁰⁵Хочешь немедля меня ты покинуть—прости! но когда бы
Сердцемъ предчувствовать могъ ты, какія судьба назначаетъ
Злая тревоги тебѣ испытать до прибытія въ домъ свой,
Ты бы остался со мною въ моемъ безмятежномъ жилищѣ.
Былъ бы тогда ты бессмертенъ. Но сердцемъ ты жаждешь свиданья
²¹⁰Съ вѣрной супругой, о ней ежечасно крушась и печалась.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройнымъ
Станомъ не хуже ея; да и могутъ ли смертныя жены
Съ нами, богинями, спорить своею земною красотою?—
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
²¹⁵Выслушай, свѣтлая нимфа, безъ гнѣва меня; я довольно
Знаю и самъ, что не можно съ тобой Пенелопѣ разумной,
Смертної женѣ съ вѣчноюной бессмертною богиней, ни стройнымъ
Станомъ своимъ, ни лица своего красотою равняться;
Все я однако, всечасно крушась и печалась, желаю
²²⁰Домъ свой увидѣть и сладостный день возвращенія встрѣтить:
Если же кто изъ боговъ мнѣ пошлетъ потопленіе въ темной
Безднѣ, я выдержу то отвердѣлою въ бѣдствіяхъ грудью:
Много встрѣчалъ я напастей, немало трудовъ перенесъ я
Въ морѣ и битвахъ, пусть будетъ и нынѣ со мной, что угодно
²²⁵Дію.—Онъ кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце зашло и ночная
Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
Тамъ насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось;
Всталъ Одиссей и поспѣшно облекся въ хитонъ и хламиду.

²³⁰Свѣтлосеребряной ризой изъ тошковоздушныя ткани
 Плечи одѣла богиня свои, золотымъ драгоцѣннымъ
 Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы опустила.
 Кончивъ, она собирать начала Одиссея въ дорогу:
 Выбрала прежде топоръ, по рукѣ ему сдѣланный, крѣпкій,
²³⁵Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощренный, насѣженный плотно.
 Съ ловкой, красиво изъ твердой оливы сработанной ручкой;
 Острую скобель потомъ принесла и пошла съ Одиссеемъ
 Въмѣстѣ во внутренность острова: множество тамъ находилось
 Тополей черныхъ и ольхъ и высокихъ, дооблачныхъ сосенъ,
²⁴⁰Старыхъ, изсохшихъ на солнечномъ зноѣ, для плаванья легкихъ.
 Мѣсто ему показавъ, гдѣ была та великая роща,
 Въ гротъ свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
 Началь рубить онъ деревья и скоро окончили работу:
 Двадцать онъ бревенъ срубилъ, ихъ очистилъ, ихъ острою мѣдью
²⁴⁵Выскоблилъ гладко, потомъ уравнилъ, по шнуру обтесавши.
 Тою порою Калипсо къ нему съ буравомъ возвратилась.
 Началь буравить онъ брусъ и, все пробуравивъ, сплотилъ ихъ,
 Длинными болтами спивъ и большими просунувъ шишами:
 Дно жъ на плоту онъ такое широкое сдѣлалъ, какое
²⁵⁰Мужъ, въ корабельномъ художествѣ опытный, строить на прочномъ.
 Судилъ, носящемъ товары кущовъ по морямъ безпредѣльнымъ.
 Плотными брусъями крѣпкія ребра связавъ, напоследокъ
 Въ гладкую палубу сбилъ онъ дубовыя толстыя доски,
 Мачту поставилъ, на ней утвердилъ поперечную раину,
²⁵⁵Сдѣлалъ кормило, дабы управлять поворотами судна,
 Плоть окружилъ для защиты отъ моря плетнемъ изъ ракирныхъ.
 Сучьевъ, на дно же различнаго груза для тяжести бросилъ.
 Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусны
 Крѣпкой ему принесла. И, устроивши парусъ [къ нему же
²⁶⁰Все, чтобъ его развѣвать и свѣвать, прикрѣпивши веревки],
 Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой плотъ на священное море.
 День совершился четвертый, когда онъ окончилъ работу.
 Въ пятый его снарядила въ дорогу богиня Калипсо.
 Баней его освѣживъ и душистой облекши одеждой,
²⁶⁵Нимфа три мѣха на плотъ принесла: былъ одинъ драгоцѣннымъ

Полонъ нашиткомъ, другой ключевою водою, а третій
 Хлѣбомъ, дорожнымъ запасомъ и разною лакомою пищею.
 Кончивъ, она призвала благовѣющій вѣтеръ попутный.
 Радостно парусъ напругъ Одиссей и, попутному вѣтру
²⁷⁰Ввѣрившись, поплылъ. Сидя на кормѣ и могучей рукою
 Руль обращаая, онъ бодрствовалъ; сонъ на его не спускался
 Очи, и ихъ не сводилъ онъ съ Плеядъ, съ нисходящаго поздно
 Въ море Воота, съ Медвѣдицы, въ людяхъ еще Колесницы
 Имя носящей, и близъ Оріона свершающей вѣчно
²⁷⁵Кругъ свой, себя никогда не купаая въ водахъ океана.
 Съ нею богиня богинь повелѣла ему неусыпно
 Путь соглашать свой, ее оставляя по лѣвую руку.
 Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ пустился онъ въ
 Вдругъ на осьмнадцатый видимы стали вдали надъ водами [море:
²⁸⁰Горы тѣнистой земли феакіанъ, уже недалекой:
 Чернымъ щитомъ на туманистомъ морѣ она простиралась.
 Въ это мгновеніе земли колебатель могучій, покинувъ
 Край эіопіанъ, съ далекихъ Солимскихъ высотъ Одиссея
 Въ морѣ увидѣлъ: его онъ узналъ; въ немъ разгнѣвалось сердце;
²⁸⁵Страшно лазурнокудрявой тряхнувъ головою, онъ воскликнулъ:
 Дерзкій! неужели боги, пока я въ землѣ эіопіанъ
 Праздновалъ, мнѣ вопреки, согласились помочь Одиссею?
 Чуть не достигъ онъ земли феакіанъ, гдѣ встрѣтитъ напастей.
 Свыше ему предназначенныхъ, долженъ конецъ; но еще я
²⁹⁰Вдоволь успѣю его, ненавистнаго, горемъ насытить.—
 Такъ онъ сказалъ и, великія тучи поднявши, трезубцемъ
 Воды взбуровилъ и бурю воздвигъ, отовсюду прикликавъ
 Вѣтры противныя; облако темное вдругъ обложило
 Море и землю, и тяжкая съ грознаго неба сошла ночь.
²⁹⁵Разомъ и Эвръ и полуденный Ноть и Зефиръ и могучій.
 Свѣтлымъ рожденнымъ Ээиромъ, Борей взволновали пучину.
 Въ ужасъ припелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце.
 Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
 Горе мнѣ! что претерпѣть наконецъ мнѣ назначило небо!
³⁰⁰Съ трепетомъ вижу теперъ, что богиня богинь не ошиблась,
 Мнѣ предсказавъ, что, пока не достигну отчизны, я въ морѣ

Встрѣчу напасти великія: все исполняется нынѣ.

Страшными тучами вокругъ обложило безпредѣльное небо
Зевсъ, и взбуровилъ онъ море, и бурю воздвигъ, отовсюду
305Вѣтры противныя скликавъ. Погибель моя наступила.

О! троекратно, стократно счастливы данаи, въ пространной
Троѣ нашедшіе смерть, угождая Атридамъ! И лучше бѣ
Было, когда бѣ я погибъ и судьбу неизбежную встрѣтилъ
Въ день тотъ, какъ множество мѣдноокованныхъ копей трояне
310Бросили разомъ въ меня надъ бездыханнымъ тѣломъ Пелида;
Съ честью бѣ я былъ погребенъ и была бѣ отъ ахеянъ мнѣ слава;
Нынѣ жъ судьба мнѣ безславнопечальную смерть посылаетъ....

Въ это мгновеніе большая волна поднялась и расшиблась
Вся надъ его головою; стремительно плоть закружилась;
315Схваченный съ палубы въ море упалъ онъ стремглавъ, упустивши
Руль изъ руки; повалилася мачта, сломясь подъ тяжелымъ
Вѣтровъ противныхъ, слетѣвшихся другъ противъ друга, ударомъ:
Въ море далеко снесло и развившійся парусъ и райну.

Долго его глубина поглощала, и силъ не имѣлъ онъ
320Выбиться къ верху, давимый напоромъ волны и стѣсненный
Платьемъ, богиней Калипсою даннымъ ему на прощаньи.

Вынырнулъ онъ напоследокъ, изъ устъ извергая морскую
Горькую воду, съ его бороды и кудрей избыльнимъ
Токомъ бѣжавшую; въ этой тревогѣ однако онъ вспомнилъ
325Плоть свой; за нимъ по волнамъ погнался, за него ухватился,
Взлѣзъ на него и на палубѣ сѣлъ, избѣжавъ потошленья;
Плоть же бросали туда и сюда взгроможденныя волны:

Словно какъ шумный осенній Борей по широкой равнинѣ
Носитъ повсюду изсохшій, скатавшійся густо ренейникъ,

330По морю какъ беззащитное судно повсюду носили
Вѣтры; то быстро Борею его перебрасывалъ Нотъ, то шумящій
Эвръ, имъ играя, его предавалъ произволу Зефира.

Но Одиссея увидѣла Кадмова дочь Левкотей,
Нѣкогда смертная дѣва, привѣтпорѣчивая Ино,

335Послѣ богиня, безсмертія честь воспріявшая въ морѣ.

Стало ей жаль Одиссея, свирѣпой гонимаго бурей. -
Съ моря прыкомъ легкокрылымъ она поднялася, взлетѣла

Легкимъ полетомъ на твердосколоченный плотъ и сказала:
 Бѣдникъ! за что Посидонъ, колебатель земли, такъ ужасно
³⁴⁰Въ сердцѣ разгнѣванъ своемъ и съ тобой такъ упорно враждуетъ?
 Въвсе однако тебя не погубить онъ, сколь бы ни тщился.
 Самъ на себя положиися теперь [ты, я вижу, разуменъ];
 Скинувши эту одежду, свой плотъ уступи произволу
 Вѣтровъ, и бросившись въ волны, руками работая смѣло,
³⁴⁵Вплывъ до земли феакянъ достигни: тамъ встрѣтишь спасенье.
 Дамъ покрывало тебѣ чудотворное; имъ ты одѣнешь
 Грудь и тогда не страшися ни бѣдъ, ни въ волнахъ потопленья;
 Но, лишь окончишь свой путь и къ землѣ прикоснешься рукою,
 Спявъ покрывало, немедля его въ многоводное море
³⁵⁰Брось отъ земли далеко, и глаза отворачивъ, удалися.—
 Кончивъ, богиня ему подала съ головы покрывало.
 Послѣ, спорхнувъ на шумящее море, она улетѣла
 Быстрокрылатымъ ныркомъ, и ее глубина поглотила.
 Началь тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
³⁵⁵Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
 Горе! не новую ль хитрость замысливъ, желаетъ богиня
 Гибель навлечь на меня, мнѣ совѣтуя плотъ мой оставить.
 Нѣтъ, я того не исполню; неблизокъ еще, я примѣтивъ,
 Берегъ земли, гдѣ, сказала она, мнѣ спасеніе будетъ.
³⁶⁰Ждать я намѣренъ по тѣхъ поръ, покуда еще невредимо
 Судно мое и шипами надежными связаны брусъя;
 Съ бурей сражаясь, по тѣхъ поръ съ него не сойду я.
 Но, какъ скоро волненье могучее плотъ мой разрушить,
 Брошуся въ плавь: я инаго теперь не придумаю средства.—
³⁶⁵Тою порою, какъ онъ колебался разсудкомъ и сердцемъ,
 Поднялъ изъ бездны волнѣ Посидонъ, потрясающій землю,
 Страшную тяжкую, гороогромную; сильно онъ грянулъ
 Ею въ него; какъ отъ быстрого вихря сухая солома,
 Кучей лежавшая, вся разлетается, вдругъ разорвавшись,
³⁷⁰Такъ отъ волны разорвалися брусъя. Одинъ, Одиссеемъ
 Пойманный, былъ имъ какъ конь, убѣжавшій на волю, осѣдланъ.
 Снявъ на прощаньи богиней Калипсою данное платье,
 Грудь онъ немедля свою покрываломъ одѣлъ чудотворнымъ.

Руки простерши и плыть изготовясь, потомъ онъ отважно
³⁷⁵Кинулся въ волны. Могучій земли колебатель при этомъ
 Видѣ лазурнокудрявой тряхнулъ головой и воскликнулъ:
 По морю бурному плавай теперь на свободѣ, покуда
 Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примуть;
 Будеть съ тебя! не останешься, думаю, мной недоволенъ.—
³⁸⁰Такъ онъ сказавши, погналъ длинногривыхъ коней и умчался
 Въ Эгію, гдѣ обиталъ въ свѣтлозданныхъ, высокихъ чертогахъ.
 Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Палладѣ:
 Вѣтрамъ другимъ заградивши дорогу, она повелѣла
 Имъ, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
³⁸⁵Бурно свирѣствовать; волны жъ сама укрощала, чтобъ въ землю
 Веслолюбивыхъ, угодныхъ богамъ феакіянъ достигнуть
 Могъ Одиссей благородный, и смерти и Паркъ избѣжавши.
 Такъ онъ два дня и двѣ ночи носимъ былъ повсюду шумящимъ
 Моремъ и гибель не разъ неизбѣжной казалась; когда же
³⁹⁰Съ третьимъ явилася днемъ лучезарнокудрявая Эосъ,
 Вдругъ успокоилась буря и на морѣ все просвѣтлѣло
 Въ тихомъ безвѣтрій. Поднятый къ верху волной и взглянувши
 Быстро впередъ, недали предъ собою увидѣлъ онъ землю.
 Сколь несказанною радостью дѣтямъ бываетъ спасенье
³⁹⁵Жизни отца, пораженнаго тяжкимъ недугомъ, всѣ силы
 Въ немъ истребившимъ [понеже злой демонъ къ нему прикоснулся].
 Послѣ жъ на радость имъ всѣмъ исцѣленнаго волей безсмертныхъ—
 Столь Одиссей былъ обрадованъ берега и лѣса явленьемъ.
 Поцпиль быстрѣй онъ, ступить тороясь на твердую землю.
⁴⁰⁰Но, отъ нея на такомъ разстоянн, въ какомъ человѣчій
 Вятенъ намъ голосъ, онъ шумъ буруновъ межъ скалами слышалъ;
 Волны кипѣли и выли, свирѣпо на берегъ высокій
 Съ моря бросаясь, и весь онъ былъ облитъ соленою пѣной;
 Не было пристани тамъ, ни залива, ни мелкаго мѣста;
⁴⁰⁵Вкругъ берега подымались; торчали утесы и рифы.
 Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце:
 Скорбью объятый, сказать своему онъ великому сердцу:
 Горе! на что мнѣ дозволилъ увидѣть нежданную землю
 Зевсъ? И зачѣмъ до нея, пересиливши море, достигъ я?

410 Къ острову съ моря, я вижу, вездѣ невозможенъ мнѣ доступъ;
Острые рифы повсюду; кругомъ расшибаяся плещуть
Волны и гладкой стѣной воздвигается берегъ высокій;
Море жъ вблизи глубоко и нѣтъ мѣста, гдѣ было бь возможно
Твердой ногой опереться, чтобъ гибели вѣрной избѣгнуть.

415 Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схваченъ и брошенъ на камни зубчатые, тщетно истративъ
Силы; а если кругомъ пошлыву, чтобъ узнать, не найдется ль
Гдѣ нибудь берегъ отлогій или пристань, страшуся, чтобъ снова
Бурей морскою я не былъ похищенъ, чтобъ рыбообильнымъ

420 Моремъ меня, вошющаго жалобно, вдаль не умчало,
Или чтобъ демонъ враждебный какого изъ чюдъ, Амфитритой
Въ морѣ питаемыхъ, мнѣ на погибель не выслать изъ бездны;
Знаю, какъ злобствуетъ противъ меня Посидонъ земледержецъ.—
Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,

425 Быстрой волною помчало его на утесистый берегъ;
Тѣло бь его изорвалось и кости бь его сокрушились,
Если бь онъ во время свѣтлой богиней Аѳинной наставленъ
Не былъ руками за ближній схватиться утесъ; и къ нему прицѣпивъ—
Ждалъ онъ, со стономъ на камнѣ вися, чтобъ волна пробѣжала [пись,

430 Мимо; она пробѣжала, но вдругъ, отразясь, на возвратѣ
Сшибла съ утеса его и отбросила въ темное море.

Если полина изъ ложа вѣтвистаго силою вырвешь,
Множество крупинокъ камня къ его прилѣпляется ножкамъ:
Къ рѣзкому такъ прилѣпилась утесу лоскутьями кожа

435 Рукъ Одиссеевыхъ; вдругъ поглощенный волною великой,
Въ безднѣ соленой, судьбѣ вопреки, неизбежно бь погибъ онъ,
Если бь отважности въ душу его не вложила Аѳина.

Вынырнувъ въ бокъ изъ волны, устремившейся прыгнуть на камни,
Поплылъ онъ всторону, взоромъ преслѣдуя землю и тщася
440 Гдѣ нибудь берегъ отлогій или мелкое мѣсто примѣтить.

Вдругъ онъ увидѣлъ себя передъ устьемъ рѣки свѣтловодной.
Самымъ удобнѣмъ то мѣсто ему показалось: тамъ острыхъ
Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита.

Къ мощному богу рѣки онъ тогда обратился съ молитвой:

445 Кто бы ты ни былъ, могучій, къ тебѣ, столь желанному, нынѣ

Я прибѣгаю, спасаясь отъ грозъ Посидонова моря.
 Вѣчные боги всегда благосклонно внимаютъ молитвамъ
 Бѣднаго странника, кто бы онъ ни былъ, когда онъ подобенъ
 Мнѣ, твой потокъ и колѣна объявшему, много великихъ
 450 Бѣдъ претерпѣвшему: сжался, могучій, подай мнѣ защиту.—
 Такъ онъ молился. И богъ, укротивъ свой потокъ, успокоилъ
 Волны и, на море тишь наведя, отворилъ Одиссею
 Устье рѣки. Но подъ нимъ подкосились колѣна; повисли
 Руки могучія: въ морѣ его изнурилося сердце:
 455 Вспухло все тѣло его: извергая и ртомъ и ноздрями
 Воду морскую, онъ палъ наконецъ, бездыханный, безгласный,
 Память утративъ, на землю; безчувствіе имъ овладѣло.
 Но на послѣдокъ, когда возвратились и память и чувство.
 Съ груди своей покрывало, богинею данное, снявши,
 460 Бросилъ его онъ въ широкую, съ моремъ слянную рѣку.
 Быстро помчалася ткань по теченью назадъ, и богиня
 Въ руки ее приняла. Одиссей, отъ рѣки отошедши,
 Скрылся въ тростникъ, и на землю, ее лобызая, простерся.
 Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
 465 Горе мнѣ! что претерпѣть я еще предназначенъ отъ неба!
 Если на брегѣ потока безсонную ночь проведу я,
 Утренній иней и хладный туманъ, отъ воды восходящій,
 Въо все меня, ужъ послѣднихъ лишенаго силъ, уничтожатъ;
 Воздухъ пронзительнымъ холодомъ вѣетъ съ рѣки передъ утромъ.
 470 Если же тамъ на пригоркѣ подъ кровомъ сѣнистаго лѣса
 Въ чащѣ кустовъ я зяну, то конечно не буду проникнуть
 Хладомъ почнымъ, отдохну, и меня исцѣлитъ миротворный
 Сонъ; но страпусь, не достаться бъ въ добычу звѣрямъ плотояднымъ.—
 Такъ размышлялъ онъ: ему наконецъ показалось удобнѣй
 475 Выбрать послѣднее: въ лѣсъ онъ пошелъ, отъ рѣки недалѣко
 Роспій на холмѣ открытомъ. Онъ тамъ двѣ сплетенныя крѣико
 Выбралъ оливы; одна плодоносна была, а другая
 Дикая: въ сѣнь ихъ проникнуть не могъ ни холодный,
 Сыростью дышашій вѣтеръ, ни Геліосъ, знойно блестящій;
 480 Даже и дождь не пронзаль ихъ вѣтвистаго свода, такъ густо
 Были онѣ сплетены. Одиссей, угнѣздившись подъ ними,

Легъ, напередъ для себя приготовивъ своими руками
 Мягкое ложе изъ листьевъ опалыхъ, которыхъ такая
 Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
 485 Въ зимнюю бурю, какъ сильно бѣ она ни шумѣла, тамъ скрыться.
 Грудю увидя, обрадованъ былъ Одиссей несказанно.
 Бросясь въ нее, онъ совсѣмъ закопался въ слезавшихся листьяхъ.
 Какъ подъ золой головню неугасшую пахарь скрываетъ
 Въ полѣ далеко отъ мѣста жилаго, чтобъ пламени сѣмя
 490 Въ ней сохраняться могло безопасно отъ злаго пожара:
 Такъ Одиссей, подъ листьями зарывшись, грѣлся, и очи
 Сладкой дремотой Аѳина смежила ему, чтобъ скорѣе
 Въ немъ оживить изнуренныя силы. И крѣпко заснулъ онъ.

П Ъ С Н Ъ Ш Е С Т А Я.

тридцать второй день.

Аѳина въ сновидѣннѣ побуждаетъ Навзикаю, дочь феакійскаго царя Алкиноя, идти
 вмѣстѣ съ подругами и рабынями мыть платя въ потокѣ. Онѣ собираются близъ
 того мѣста, гдѣ находится Одиссей, погруженный въ глубокой сонъ. Ихъ голоса
 пробуждаютъ Одиссея. Онъ приближается къ Навзикаѣ и просить ее дать ему
 одежду и убѣжище; царица приглашаетъ его слѣдовать за нею въ городъ и даетъ
 ему нужныя наставленія. Онъ провожаетъ Навзикаю до Палладиной рощи, нахо-
 дящейся недалеко отъ города.

Такъ постоянный въ бѣдахъ Одиссей отдыхалъ, погруженный
 Въ сонъ и усталость. Аѳина же тою порой низлетѣла
 Въ пышноустроенный городъ любезныхъ богамъ феакіянъ,
 Жившихъ издавна въ широкополянкой землѣ Иперейской,
 5 Въ близкомъ сосѣдствѣ съ циклопами, дикимъ и буйнымъ народомъ,
 Съ ними всегда враждовавшимъ, могуществомъ ихъ превышалъ:
 Но напослѣдокъ божественный вождь Навзитой поселилъ ихъ
 Въ Схеріи, тучной землѣ, далекѣ отъ людей промышленныхъ.
 Тамъ онъ имъ городъ стѣнами обвелъ, имъ построилъ жилища.
 10 Храмы богамъ ихъ воздвигъ, раздѣлилъ ихъ поля на участки.
 Но ужъ давно уведень былъ судьбой онъ въ обитель Аида:
 Властвовалъ царь Алкиной, многоуміемъ богу подобный.
 Въ домъ Алкиноя вступила богиня Аѳина Паллада;

Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
¹⁵Въ тайную дѣвичью спальню проникла она, гдѣ покойно,
 Станомъ и видомъ богинѣ подобясь молодой, почивала
 Дочь Алкиноя, любезнаго Зевсу царя, Навзикая.
 Подлѣ порога дверей съ двухъ сторонъ двѣ служанки, харитами
 Юнымъ подобныя, спали, и накрѣпко заперты были
²⁰Свѣтлыя двери. Къ царевнѣ воздушной стопою приближась,
 Стала надъ самымъ ея изголовьемъ богиня Аѳина,
 Образъ пріившая дѣвы молодой, мореходца Диманта
 Славнаго дочери, дружной съ царевною, съ ней однолѣтней.
 Въ видѣ такомъ подошедъ къ Навзикаѣ, богиня сказала:
²⁵Видно тебя беззаботною мать родила, Навзикая!
 Ты не печешься о свѣтлыхъ одеждахъ; а скоро наступитъ
 Брачный твой день: ты должна и себѣ приготовить заранѣ
 Платья и тѣмъ, кто тебя поведутъ къ жениху молодому.
 Доброе имя одежды опрятностью мы наживаемъ;
³⁰Мать и отецъ веселятся, любуются нами. Проснись же,
 Встань, Навзикая, и на рѣку мыть соберитесь всѣ вы
 Утромъ; сама я приду помогать вамъ, чтобъ дѣло скорѣе
 Кончить. Недолго останешься ты незамужнею дѣвой;
 Много тебѣ жениховъ межъ людьми знаменитаго рода
³⁵Въ нашей землѣ, гдѣ сама знаменитою ты родилася.
 Встань, и явися немедля къ отцу многославному съ просьбой:
 Дать колесницу и муловъ тебѣ, чтобъ могла ты удобно
 Взять всѣ повязки, покровы и разныя платья, чтобъ также
 Ты не пѣшкомъ, какъ другія, пошла; то тебѣ неприлично—
⁴⁰Путь къ водоѣмамъ отъ стѣнъ городскихъ утомительно дологъ.—
 Такъ ей сказавъ, свѣтлокая Зевсова дочь полетѣла
 Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали
 Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ хладоносный,
 Гдѣ не подымлетъ метелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ
⁴⁵Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнутъ:
 Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ.
 Давши царевнѣ совѣтъ свой, туда полетѣла Аѳина.
 Эось тогда златотронная, вставъ, разбудила младую
 Свѣтлоубранную дѣву. И, сну своему удивляясь,

⁵⁰Тотчасъ она, чтобъ родителей, мать и отца, о видѣннѣ
 Чудномъ своемъ извѣститъ, къ нимъ пошла въ ихъ покои. Царица
 Близъ очага тамъ сидѣла въ кругу приближенныхъ служанокъ,
 Нити пурпурныя тонко суча, а въ дверяхъ отворенныхъ
 Встрѣтился ей и отецъ: на совѣтъ онъ владыкъ многоумныхъ
⁵⁵Шель, приглашенный туда отъ знатнѣйшихъ мужей феакійскихъ.
 Съ видомъ привѣтнымъ къ отцу подошедъ, Навзикая сказала:
 Милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ
 Дать мнѣ, чтобъ я, въ ней укладъ все богатяя платья, которыхъ
 Много скопилось нечистыхъ, отправилась на рѣку мыть ихъ.
⁶⁰Должно, чтобъ ты, засѣдая въ высокомъ совѣтѣ почетныхъ
 Нашихъ вельможъ, отличался своею опрятной одеждою;
 Пять сыновей воспиталъ ты и выросилъ въ этомъ жилищѣ;
 Два ужъ женаты, другіе три юноши въ лѣтахъ цвѣтущихъ;
 Въ платьяхъ, мытьемъ освѣжонныхъ, они посѣщать хороводы
⁶⁵Наши хотятъ. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействѣ.—
 Такъ говорила она; о желанномъ же бракѣ ей было
 Стыдно отцу помянуть; догадался онъ самъ и сказать ей:
 Дочка, ни въ мулахъ тебѣ и ни въ чемъ нѣтъ отказа. Поди же;
 Дамъ повелѣніе рабамъ заложить колесницу большую,
⁷⁰Быстроколесную; будетъ при ней для поклажи и коробъ.—
 Кончивъ, рабамъ повелѣніе далъ онъ. Ему повинуюсь,
 Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
 Вывели муловъ и къ дышлу, какъ слѣдуетъ, ихъ привязали.
 Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ укладъ ихъ, царевна
⁷⁵Все помѣстила на быстроколесной, большой колесницѣ.
 Мать же корзину со всякой ѣдой, утоляющей голодъ,
 Ей принесла; отпустила съ ней полный виномъ благороднымъ
 Мѣхъ; не забыла и лакомства дать. Въ колесницу царевна
 Стала, принявъ отъ царицы фіаль золотой съ благовоннымъ
⁸⁰Масломъ, чтобъ послѣ купанья себя и рабынь натереть имъ.
 Бичъ и блестящія возжи взяла Навзикая и звучно
 Муловъ стегнула; затонавъ, они побѣжали проворной
 Рысью, везя нелѣзливо и грузъ и царвну. За нею
 Слѣдомъ пошли молодяя подружки ея и служанки.
⁸⁵Къ устью рѣки многоводной достигли онѣ напоследокъ.

Были устроены тамъ водоёмы: вода въ нихъ обильно
 Свѣтлой струею лилася, нечистое все омывая.
 Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ дышла онѣ утомленныхъ
 Муловъ и ихъ по зеленому берегу потока пустили
⁹⁰Сочномедвяной травой питаться; потомъ съ колесницы
 Сняли всѣ платя и въ полные ихъ водоёмы погами
 Крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря другъ съ другомъ.
 Начали платя онѣ полоскать и потомъ, до-чиста ихъ
 Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ
⁹⁵На берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.
 Кончивъ, онѣ искупались въ рѣкѣ и, натершись елеемъ,
 Весело сѣли на мягкой травѣ у рѣки за обѣдъ свой,
 Влажные платя оставивъ сушить лучезарному солнцу.
 Пищей насытивъ себя и подругъ и служанокъ, царевна
¹⁰⁰Вызвала въ мячъ ихъ играть, головныя сложивъ покрывала;
 Пѣсно же стала сама бѣлорукая пѣть Навзикая.
 Такъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида
 Многовершинный Тайгетъ и крутой Эвримантъ оббѣгаетъ,
 Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконогимъ оленямъ;
¹⁰⁵Съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца,
 Вбѣгаютъ нимфы полей—и любитесь ими Латона;
 Всѣхъ превышаетъ она головой, и легко между ними.
 Сколь ни прекрасны онѣ, распознать въ ней богиню Олимпа.
 Такъ красотою дѣвичьей подругъ затмѣвала царевна.
¹¹⁰Стали онѣ наконецъ собираться домой; въ колесницу
 Муловъ опять заложили и въ коробъ уклали одежды.
 Тутъ свѣтлоокая дѣва Паллада придумала средство,
 Какъ пробудить Одиссея, чтобъ, съ нимъ повстрѣчавшись, царевна
 Въ городъ людей феакійскихъ ему указала дорогу:
¹¹⁵Бросила мячъ Навзикая въ подружекъ, но, въ нихъ не поавши,
 Онъ, отраженный Аонною, въ волны шумящія прынулъ;
 Громко онѣ закричали; ихъ крикъ пробудилъ Одиссея.
 Онъ, поднялся и, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, воскликнулъ:
 Горе! къ какому народу зашелъ я? Быть можетъ, здѣсь область
¹²⁰Дикихъ, не знающихъ правды людей? Иль, можетъ быть, встрѣчу
 Смертныхъ, привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ?

Кажется, дѣвичій громкій вблизи мнѣ слышался голосъ.

Или здѣсь нимфы, владѣлицы горъ крутоглавыхъ, душистыхъ,
Влажныхъ луговъ и истоковъ рѣчныхъ потаённыхъ, играютъ;

¹²⁵Или достигъ наконецъ я жилища людей говорящихъ.

Встанемъ же; должно мнѣ все самому испытать и развѣдать.—

Съ семи словами изъ чащи кустовъ Одиссей осторожно
Выползъ; потомъ жиливатою рукою, покрытыхъ листьями,
Свѣжихъ вѣтвей наломалъ, чтобъ одѣть обнаженное тѣло.

¹³⁰Вышелъ онъ—такъ на горахъ обитающій, силою гордый,

Въ вѣтеръ и дождь на добычу выходитъ, сверкая глазами,

Левъ; на быковъ и овецъ онъ бросается въ полѣ, хватаетъ

Дикихъ оленей въ лѣсу, и нерѣдко, тревожимый голодомъ,

Мелкій скотъ похищать подбѣгаетъ къ пастушьимъ заградямъ.

¹³⁵Такъ Одиссей вознамѣрился къ дѣвамъ прекраснокудрявымъ

Нагъ подойти, приневолень къ тому непреклонной нуждою.

Былъ онъ ужасень, покрытый морскою засохшею тиной;

Въ трепетѣ всѣ разбѣжались врозь по высокому берегу.

Но Алкиноева дочь не покинула мѣста. Аѳина

¹⁴⁰Бодрость вселила ей въ сердце и въ немъ уничтожила робость.

Стала она передъ нимъ; Одиссей же не зналъ, что приличнѣй:

Оба ль колѣна обнять у прекраснокудрявыя дѣвы?

Или, въ почтительномъ ставѣ отдаленьи, молить умиленнымъ

Словомъ ее, чтобъ одежду дала и пріютъ указала?

¹⁴⁵Такъ размышляя, нашелъ наконецъ онъ, что было приличнѣй

Словомъ молить умиленнымъ, въ почтительномъ ставѣ отдаленьи

[Тронувъ колѣна ея, онъ прогнѣвалъ бы чистую дѣву].

Съ словомъ пріятноласкательнымъ онъ обратился къ царевнѣ:

Руки, богиня или смертная дѣва, къ тебѣ простираю!

¹⁵⁰Если одна изъ богинь ты, владычицъ пространнаго неба,

То съ Артемидою только, великою дочерью Зевса,

Можешь сходна быть лица красотою и станомъ высокимъ;

Если жъ одна ты изъ смертныхъ, подъ властью судьбины живущихъ,

То несказанно блаженны отецъ твой и мать, и блаженны

¹⁵⁵Братья твои, съ наслажденіемъ видя, какъ ты передъ ними

Въ домѣ семейномъ столь мирно цвѣтешь, или свои восхищая

Очи тобою, когда въ хороводахъ ты весело пляшешь.

Но изъ блаженныхъ блаженнѣйшимъ будетъ тотъ смертный, который
Въ домъ свой тебя уведеть, одаренную вѣномъ богатымъ.

¹⁶⁰Нѣтъ! ничего столь прекраснаго между людей земнородныхъ
Взоры мои не встрѣчали донинѣ; смотрю съ изумленьемъ
Въ Дѣлосѣ только я—тамъ гдѣ алтарь Аполлоновъ воздвигнуть—
Юную стройповысокую палму однажды замѣтить

[Въ храмъ же зашелъ, окруженный толпою сонутниковъ вѣрныхъ,
¹⁶⁵И по пути, на которомъ столь много мнѣ встрѣтилось бѣдствій].

Юную палму замѣтивъ, я въ сердцѣ своемъ изумленъ былъ
Долго: подобнаго ей благороднаго древа нигдѣ не видалъ я.

Такъ и тебѣ я дивлюсь. Но, дивясь тебѣ, не дерзаю
Тронуть колѣней твоихъ: несказанной бѣдой я постигнуть.

¹⁷⁰Только вчера, на двадцатый мнѣ день удалось избѣгнуть
Моря: столь долго игралищемъ былъ я губительной бури,
Гнавшей меня отъ Огиги острова. Нынѣ жъ сюда я
Демономъ брошенъ для новыхъ напастей—еще не конецъ имъ;
Вѣрно немало еще претерпѣть мнѣ назначили боги.

¹⁷⁵Сжался, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здѣсь я съ молитвою встрѣтить; никто изъ живущихъ
Въ этой землѣ незнакомъ мнѣ; скажи, гдѣ дорога
Въ городъ, и дай мнѣ прикрыть обнаженное тѣло хоть лоскутъ
Грубой обертки, въ которой сюда привезла ты одежды.

¹⁸⁰О! да исполнять безсмертные бзги твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ,
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ

¹⁸⁵Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.—
Дочь Алкиноя, отвѣтствуя, такъ Одиссею сказала:

Странникъ, конечно твой родъ знаменитъ: ты, я вижу, разумень.
Дѣй же и низкимъ и рода высокаго людямъ съ Олимпа
Счастье даетъ безъ разбора по волѣ своей прихотливой;

¹⁹⁰Что ниспослалъ онъ тебѣ, то прими съ терпѣливымъ смиреньемъ.
Если жъ достигнуть ты могъ и земли и обителей нашихъ,
То ни въ одеждѣ отъ насъ и ни въ чемъ, для молящаго, много
Бѣдъ претерпѣвшаго странника пужномъ, не встрѣтишь отказа.

Градъ нашъ тебѣ укажу; назову и людей, въ немъ живущихъ.

¹⁹⁵Въ градѣ живетъ и землей здѣсь владѣетъ народъ феакіянъ;

Я Алкиноя, царя благодушнаго дочь; Алкиноя жъ.

Нынѣ державнымъ владыкой своимъ признають феакійцы.—

Тутъ обратилась царевна къ подругамъ своимъ и служанкамъ:

Стойте! куда разбѣжались вы, устращась иноземца?

²⁰⁰Онъ человѣкъ незломысленный; нѣтъ вамъ причины страшиться;

Не было прежде, вы знаете, нѣтъ и теперь, и не можетъ

Быть и впередъ на землѣ никого, кто бъ на насъ феакіянъ

Злое замыслилъ; насъ боги безсмертные любятъ; живемъ мы

Здѣсь, отъ народовъ другихъ всторонѣ, на послѣднихъ предѣлахъ

²⁰⁵Шумнаго моря, и рѣдко насъ кто изъ людей посѣщаетъ.

Нынѣ же встрѣтился намъ злополучный бездомный скиталець:

Помощь ему оказать мы должны—къ намъ Зевесъ посылаетъ

Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ.

Страннику пищи съ питьемъ принести поспѣшите, подруги;

²¹⁰Прежде жъ его искупайте, отъ вѣтровъ защитное мѣсто

Выбравъ въ потокѣ.—Сказала; соплись ободрѣнная дѣвы.

Въ мѣстѣ отъ вѣтровъ защитномъ его посадивъ, какъ велѣла

Имъ, Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,

Мантию съ тонкимъ хитономъ онѣ близъ него положили.

²¹⁵Послѣ принесши фіаль золотой съ благовоннымъ елеемъ,

Стали его приглашать къ омовенію въ свѣтломъ потокѣ.

Но Одиссей благородный отрекся и такъ отвѣчалъ имъ:

Дѣвы прекрасныя, станьте по даль; безъ помощи вашей

Смою съ себя я соленую тину, и самъ наелею

²²⁰Тѣло; давно ужъ елей благовонный къ нему не касался.

Но передъ вами купаться не стану я въ свѣтломъ потокѣ;

Стыдно себя обнажить мнѣ при васъ, густовласыя дѣвы.—

Такъ онъ сказалъ; и онѣ, удаляся, о томъ извѣстили

Царскую дочь. Одиссей же, въ потокъ погрузившись, тину,

²²⁵Грязно облекшую плечи и спину ему и густые

Кудри его облѣпившую, смылъ освѣжительной влагой;

Чисто омывшись, онъ свѣтлое тѣло умазали елеемъ;

Послѣ украсился даннымъ младою царевною платьемъ.

Дочь свѣтлокая Зевса Аѳина тогда Одиссея

²³⁰Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми
Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гяцинта, ему закрутила. —
Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ,
Дѣвой Палладой и богомъ Пфестомъ наставленный въ трудномъ
Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изумляетъ;

²³⁵Такъ красотою главу облекла Одиссею богиня.

Берегомъ моря пошелъ онъ, и сѣлъ на пескѣ, озаренный
Силою и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.

Слово потомъ обратила она къ густовласымъ подругамъ:
Слушайте то, что скажу вамъ теперь, бѣлорукія дѣвы:

²⁴⁰Думаю я, что не всѣми богами Олимпа гонимый

Этотъ скиталець въ страну феакіянъ божественныхъ прибылъ;

Прежде и мнѣ человѣкомъ простымъ онъ казался; теперь же
Вижу, что свой онъ богамъ, безиредѣльнаго неба владыкамъ.

О! когда бы подобный супругъ мнѣ нашелся, который,

²⁴⁵Здѣсь поселившись, у насъ навсегда захотѣлъ бы остаться!

Вы жъ чужеземцу ѣды и питья принесите, подруги. —

Такъ говорила царевна. Ея повинуюся волѣ,

Дѣвы немедля ѣды и питья принесли Одиссею.

Съ жадностью голодь и жажду свою утолилъ богоравный,

²⁵⁰Твердый въ бѣдахъ Одиссей: ужъ давно не касался онъ пшци.

Добрая мысль пробудилась тутъ въ сердцѣ разумной царевны:

Чистыя платья собравъ, въ колесницу она ихъ уклала.

Муловъ потомъ запрягла крѣпконогихъ и, ставъ въ колесницу,

Такъ Одиссею, его приглашая съ собою, сказала:

²⁵⁵Время намъ въ городъ; вставай, чужеземець, и слѣдуй за нами;

Домъ, гдѣ живетъ мой отецъ, я тебѣ укажу; тамъ конечно

Встрѣтишь и всѣхъ знаменитыхъ людей феакійскихъ; но прежде

Мой ты исполни совѣтъ [ты, я вижу, разуменъ]: покуда

Будемъ въ поляхъ мы, трудомъ чловѣка удобренныхъ, слѣдуй

²⁶⁰Съ дѣвами вмѣстѣ за быстрой моей колесницею ровнымъ

Съ мулами шагомъ—у васъ впереди я поѣду; потомъ мы

Въ городъ прибудемъ... съ бойницами стѣны его окружаютъ;

Пристань его съ двухъ сторонъ огибаетъ глубокая; входъ же

Въ пристань стѣсненъ кораблями, которыми справа и слева

²⁶⁵Берегъ уставленъ и каждый изъ нихъ подъ защитною кровлей;

Тамъ же и площадь торговая вокругъ Посидонова храма,
 Твердо на тѣсанныхъ камняхъ огромныхъ стоящаго; снасти
 Всѣхъ кораблей тамъ, запасъ парусовъ и канаты въ пространныхъ
 Зданьяхъ хранятся; тамъ гладкія также готовятся весла.
 270 Намъ феакійцамъ не нужно ни луковъ, ни стрѣлъ; вся забота
 Наша о мачтахъ и веслахъ и прочныхъ судахъ мореходныхъ;
 Весело намъ въ корабляхъ обтекать многошумное море.
 Я жъ отъ людей порицанья избѣгнуть хочу и обидныхъ
 Толковъ; народъ нашъ весьма злоязыченъ; намъ встрѣтиться можетъ
 275 Гдѣ нибудь дерзкій насмѣшникъ; увидя насъ вмѣстѣ, онъ скажетъ:
 Съ кѣмъ такъ сдружилась царевна? Кто этотъ могучій, прекрасный
 Странникъ? Откуда пришелъ? Не женихъ ли какой иноземный?
 Что онъ? Морскою ли бурею къ намъ занесенный изъ дальнихъ
 Странъ человѣкъ [никакихъ мы въ сосѣдствѣ не знаемъ народовъ]?
 280 Или какой по ея неотступной молитвѣ съ Олимпа на землю
 Богъ низлетѣвшій—и будетъ она обладать имъ отнынѣ?
 Лучше бъ самой ей покинуть нашъ край и въ странѣ отдаленной
 Мужа искать; межъ людей феакійскихъ никто не нашелся
 Ей по душѣ, хоть и много у насъ жениховъ благородныхъ.
 285 Вотъ что рассказывать могутъ въ народѣ; мнѣ будетъ обидно.
 Я жъ и сама бы конечно во всякой другой осудила,
 Если бъ, имѣя и мать и отца, безъ согласья ихъ стала,
 Въ бракъ не вступивши, она обращаться съ мужчинами вольно.
 Ты же совѣтъ мой исполни [тогда и родитель мой помошь
 290 Скорую дастъ и отечество ты не замедлишь увидѣть]:
 Есть близъ дороги священная роща Аѳины изъ черныхъ
 Тополей; свѣтлый источникъ оттуда бѣжитъ на зеленый
 Лугъ; тамъ помѣстье царя Алкиноя съ его плодоноснымъ
 Садамъ, въ такомъ разстоянн отъ града, въ какомъ человѣчій
 295 Внятенъ намъ голосъ. Тамъ сѣвъ, подожди ты до тѣхъ поръ, покуда
 Мы не прибудемъ на мѣсто и царскихъ палатъ не достигнемъ; когда же
 Ты убѣдишься, что царскихъ палатъ ужъ могли мы достигнуть,
 Встань и во внутренность града войди и разспрашивай встрѣчныхъ,
 Гдѣ обитаетъ родитель мой, царь Алкиной многославный.
 300 Домъ же его ты узнаешь легко: безсловесный младенецъ
 Можетъ дорогу къ нему указать; ни одинъ феакіецъ

Здѣсь не имѣеть такого жилища, въ какомъ обитаетъ
 Царь Алкиной. Окруженный строеньями дворъ перешедши,
 Шагомъ поспѣшнымъ пройди ты сквозь залу къ покоямъ царицы;
³⁰⁵Тамъ передъ яркоблестящимъ ее очагомъ ты увидишь,
 Съ чуднымъ искусствомъ прядущую тонкопурпурныя нити
 Подлѣ колонны высокой, въ кругу приближенныхъ служанокъ.
 Тамъ же и кресла царевы стоятъ у огня и, на шпѣ онъ
 Сидя, виномъ утѣшается, свѣтлomu богу подобный.
³¹⁰Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колѣна
 Матери милой моей, умолай, чтобъ она поспѣшила
 День возвращенья въ отчизну тебѣ даровать чужеземцу.
 Если моленье твое съ благосклонностью приметъ парица,
 Будеть тогда и надежда тебѣ, что возлюбленныхъ ближнихъ,
³¹⁵Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь.—
 Кончивъ, ударила звучно блестящимъ бичемъ Навзикая
 Муловъ; затопавъ, они отъ рѣки побѣжали проворной
 Рысью; другіе же иѣшіе слѣдомъ попли; но царица
 Муловъ держала на крѣпкихъ возжахъ, чтобъ отъ нихъ не отстали
³²⁰Дѣвы и странникъ, и хлопала звучнымъ бичемъ осторожно.
 Солнце садилось, когда къ благовонной Палладиной рощѣ
 Вмѣстѣ достигли они. Одиссей, тамъ оставшися, началъ
 Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ молиться:
 Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
³²⁵Нынѣ вонми ты молитвѣ, тобою невнятной, когда я
 Гибнулъ въ волнахъ, сокрушенный земли колебателя гнѣвомъ:
 Дай мнѣ найти и покровъ и пріязнь у людей феакійскихъ.—
 Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ онъ Палладой услышанъ;
 Но передъ нимъ не явилась богиня сама, опасаясь
³³⁰Мощнаго дяди, который упорствовалъ гнать Одиссея,
 Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

ВЕЧЕРЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРОГО ДНЯ.

Одиссей входитъ въ городъ; у воротъ встрѣчается съ нимъ Аѳина подъ видомъ феакійской дѣвы; она окружаетъ его мглою, и онъ, никѣмъ не примѣченный, приближается къ Алкиноеву дому. Описаніе царскаго дома и сада. Вошедъ въ палату,

гдѣ царь въ то время пировалъ съ гостями, Одиссей приближается къ царицѣ Аретѣ и мгла, его окружавшая, исчезаетъ. Онъ молить царицу о дарованіи ему способа возвратиться въ отчизну. Царь приглашаетъ его сѣсть за трапезу. По окончаніи пиршества, гости расходятся. Одиссей, оставшись одинъ съ Алкиноемъ и Аретою, рассказываетъ имъ, какъ онъ покинулъ островъ Огигію, какъ буря его бросила на берега Схеріи и какъ получилъ онъ свою одежду отъ царевны Навзикая. Алкиной даетъ ему обѣщаніе отправить его на корабль феакійскомъ въ Итаку.

Такъ Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, молился.

Тою порою царевну везли крѣпконогіе мулы

Въ городъ. Достигнувъ блестящихъ царевыхъ палатъ, Навзикая

Взѣхала прямо на дворъ и сошла съ колесницы; навстрѣчу

⁵Вышли ея молодые, безсмертнымъ подобныя, братья;

Муловъ отпрягнувъ, въ покои они отнесли всѣ одежды.

Царская дочь на свою половину пошла; развела тамъ

Яркій огонь ей рабыня эпирская Эвримедуза

[Нѣкогда въ быстромъ ее корабль увезли изъ Эпира,

¹⁰Въ даръ Алкиною почетный назначивъ, понеже, надъ всѣми

Онъ феакійцами властвуя, чтимъ былъ какъ богъ отъ народа.

Ею была Навзикая воспитана въ царскомъ жилищѣ].

Яркій огонь разведя, приготовила ужинъ старушка.

Въ городъ направилъ тѣмъ временемъ путь Одиссей; но Аѳина

¹⁵Облакомъ темнымъ его окружила, чтобъ не былъ замѣченъ

Онъ ни какимъ изъ надменныхъ гражданъ феакійскихъ, который

Могъ бы его оскорбить, любопытствуя вывѣдать, кто онъ.

Но, подошедъ ко вратамъ крѣпкозданнымъ прекраснаго града,

Встрѣтилъ онъ дочь свѣтлоокую Зевса богиню Аѳину

²⁰Ввидѣ несущей скудель молодой феакійскія дѣвы.

Встрѣтившись съ нею, спросилъ у нея Одиссей богоравный:

Дочь моя, можешь ли мнѣ указать тѣ палаты, въ которыхъ

Вашъ обладатель божественный царь Алкиной обитаетъ?

Многоиспытанный странникъ, судьбою сюда издалѣка

²⁵Я заведенъ; мнѣ никто не знакомъ здѣсь, никто изъ живущихъ

Въ городѣ вашемъ, никто изъ людей, обитающихъ въ полѣ.—

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Странникъ, съ великой охотою палаты, которыхъ ты ищешь,

Я укажу; тамъ въ сосѣдствѣ живетъ мой отецъ безпорочный:

³⁰Слѣдуй за мною въ глубокомъ молчаньи; пойду впереди я;
 Ты же на встрѣчныхъ людей не гляди и не дѣлай вопросовъ
 Имъ: иноземцевъ не любить народъ нашъ; онъ съ ними не ласковъ;
 Люди радушнаго здѣсь гостелюбія вѣсь не знаютъ;
 Быстрымъ вѣвряя себя кораблямъ, пробѣгаютъ безстрашно
³⁵Бездну морскую они, отворенную имъ Посидономъ;
 Ихъ корабли скоротечны, какъ легкія крылья или мысли.—
 Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Одиссея
 Быстрымъ шагомъ; поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней.
 Улицы съ ней проходя, ни однимъ изъ людей феакійскихъ,
⁴⁰На морѣ славныхъ, онъ не былъ замѣченъ; того не хотѣла
 Свѣтлокудрявая дѣва Паллада; храня Одиссея,
 Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
 Онъ изумился, увидѣвши пристани, въ нихъ безконечный
 Рядъ кораблей, и народную площадь, и крѣпкія стѣны
⁴⁵Чудной красоты, неприступнымъ извѣмъ огражденные тыномъ.
 Но, подошедъ къ многославному дому царя Алкиноя,
 Дочь свѣтлокая Зевса богиня Аѳина сказала:
 Странникъ, съ тобою пришли мы къ палатамъ, которыхъ искалъ ты:
 Въ нихъ ты увидишь любезнаго Зевсу царя Алкиноя
⁵⁰Въ сонмѣ гостей за роскошной трапезой; войди, не страшася;
 Мужу безстрашному, кто бы онъ ни былъ, хотя бь чужемецъ,
 Все по желанью вѣриге другихъ исполнять удается.
 Прежде всего подойди ты, въ палату вступивши, къ царицѣ;
 Пня царицы Арета; она отъ однихъ происходитъ
⁵⁵Предковъ съ высокимъ супругомъ своимъ Алкиноемъ; вначалѣ
 Сынъ Навзитой Посидономъ земли колебателемъ прижитъ
 Былъ съ Перибоей, всѣхъ дѣвъ затмѣвавшей своей красотой,
 Младшею дочерью мужа могучаго Эвримедона,
 Бывшаго прежде властителемъ буйныхъ гигантовъ; но самъ онъ
⁶⁰Свой погубилъ святотатный народъ и себя самого съ нимъ.
 Дочь же его возлюбилъ колебатель земли; отъ союза
 Съ ней онъ имѣлъ Навзитою; и первымъ царемъ феакіанъ
 Былъ Навзитой; отъ него родились Рексеноръ съ Алкиноемъ;
 Но Рексеноръ, сыновей не имѣвъ, сребролукимъ застрѣленъ
⁶⁵Былъ Аполлономъ на ширѣ вторичнаго брака, оставивъ

Дочь сиротою, Арету; и съ ней Алкиной сочетавшись,
 Такъ почитаеть ее, какъ еще никогда не бывала
 Въ свѣтѣ жена, свой любящая долгъ, почитаема мужемъ;
 Нѣжную сердца любовь ей всечасно являютъ въ семействѣ
 70 Дѣти и царь Алкиной; въ ней свое божество феакійцы
 Видятъ, и въ городѣ съ радостношумнымъ всегда къ ней тѣснятся
 Плескомъ, когда межъ народа она тамъ по улицамъ ходитъ.
 Кроткая сердцемъ, имѣетъ она и возвышенный разумъ,
 Такъ что нерѣдко и трудные споры мужей разрѣшаетъ.
 75 Если моленья твои съ благосклонностью приметъ царица,
 Будетъ тогда и надежда тебѣ, что возлюбленныхъ ближнихъ,
 Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь.—
 Такъ говоря, свѣтлокая Зевсова дочь удалилась;
 Моремъ бесплоднымъ отъ Схеріи тучной помчавшись, достигла
 80 Скоро она Мараѳона; потомъ въ многолюдныхъ Аѳинахъ
 Въ домъ крѣпкозданный царя Эректя вошла. Одиссей же
 Тою порой подошелъ ко дворцу Алкиноя; онъ сильно
 Сердцемъ тревожился, стѣя въ дверяхъ передъ мѣднымъ порогомъ.
 Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце или мѣсяцъ,
 85 Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя;
 Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
 Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
 Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго золота;
 Притолки ихъ изъ серебра утверждались на мѣдномъ порогѣ;
 90 Также и косякъ ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое.
 Двѣ—золотая съ серебряной—справа и слѣва стояли,
 Хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки
 Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя:
 Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли.
 95 Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога
 Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы,
 Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ;
 Мужи знатнѣйшіе града садились чиномъ на этихъ
 Лавкахъ, питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.
 100 Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые
 Ороковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя

Ночью палату и царскихъ гостей на ширахъ многославныхъ.
 Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ руководѣльныхъ невольницъ:
 Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,
¹⁰³Нити сучили другія и ткали, сидя за станками
 Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани жъ
 Были такъ плотны, что въ нихъ не вшивалось и тонкое масло.
 Сколь феакійскіе мужи отличны въ правленіи были
 Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены
¹¹⁰Были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила
 Всѣмъ руководѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много.
 Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятиный богатый
 Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ
 Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ,
¹¹⁵Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
 Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошноцвѣтущихъ;
 Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто
 Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
 Теплый зефиръ, зарождая одни, наливая другіе;
¹²⁰Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой,
 Гроздь пурпуровый за гроздемъ смѣнялся тамъ, созрѣвая.
 Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды
 Частію на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
 Частью ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь: иные
¹²⁵Были давимы въ чанахъ; а другіе цвѣли иль, осыпавъ
 Цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ наливались.
 Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ
 Овощъ и вкусная зелень весь годъ собирались обильно.
 Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ извиваясь
¹³⁰Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
 Свѣтлой струею бѣжалъ и граждане въ немъ черпали воду.
 Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ.
 Долго, дивяся, стоялъ передъ нимъ Одиссей богоравный;
 Но, поглядѣвши на все съ изумленьемъ великимъ, ступилъ онъ
¹³⁵Смѣлой ногой на порогъ и во внутренность дома проникнулъ.
 Тамъ онъ узрѣлъ феакійскихъ вождей и старѣйшинъ, творящихъ
 Зоркому богу, убійцѣ Аргуса, виномъ возліянье

[Онъ отъ грядущихъ ко сну былъ всегда призываемъ послѣдній].
 Быстро палату пировъ перешель Одиссей божоравный;
¹⁴⁰Скрытый туманомъ, которымъ его окружила Аяна,
 Прямо къ Аретѣ приближился онъ и къ царю Алкиною,
 Обнялъ руками колѣна царицы, и въ это мгновенье
 Вдругъ разступилась его облекавшая тьма неземная.
 Всѣ замолчали, могучаго мужа внезапно увидя;
¹⁴⁵Всѣ въ изумленьи смотрѣли. Царицѣ Аретѣ сказалъ онъ:
 Дочь Рексенора, подобнаго силой безсмертнымъ, Арета,
 Нынѣ къ колѣнамъ твоимъ и къ царю и къ пирующимъ съ вами
 Я прибѣгаю, плачевный скиталецъ. Да боги пошлютъ вамъ
 Свѣтлое счастье на долгіе дни; да наслѣдуютъ ваши
¹⁵⁰Дѣти вашъ домъ и народомъ вамъ данный вашъ санъ знаменитый.
 Мнѣ жъ помогите, чтобъ я безпрятственно могъ возвратиться
 Въ землю отцовъ, столь давно сокрушенный разлукой съ своими.—
 Кончивъ, къ огню очага подошелъ онъ и сѣлъ тамъ на пеплѣ.
 Всѣ неподвижно молчали и долго молчаніе длилось.
¹⁵⁵Но наконецъ Эхеней, благороднаго племени старецъ,
 Ранѣе всѣхъ современныхъ ему феакіянъ рожденный,
 Сладкорѣчивый, и старья были и многое знавшій,
 Добрыхъ исполненный мыслей, сказалъ, обратясь къ Алкиною:
 Царь Алкиной, неприлично тебѣ допускать, чтобъ молящій
¹⁶⁰Странникъ на пеплѣ сидѣлъ очага твоего передъ нами.
 Почестъ ему оказать ожидаемъ твоихъ повелѣній;
 Съ пепла поднявши, на стулѣ среброкованный съ нами его ты
 Сѣсть пригласи и глашатаю въ чаши вина золатаго
 Влить повели, чтобъ могли громолюбцу Зевесу, молящихъ
¹⁶⁵Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье;
 Гостю жъ пускай изъ запаса дастъ ключница пищи вечерней.—
 Такъ онъ сказавъ, пробудилъ Алкиноеву силу святую.
 За руку взявъ Одиссея, объятаго думой глубокой,
 Съ пепла онъ поднятъ его и на креслахъ богатыхъ съ собою
¹⁷⁰Рядомъ за столъ посадилъ, повелѣвъ уступить Лаодаму,
 Сыну любимому, подлѣ сидѣвшему, мѣсто пришельцу.
 Тутъ для умытія рукъ поднесла на богатой лахани
 Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;

Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
¹⁷⁵Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ стѣбтнымъ, изъ запаса
 Выданнымъ ею охотно. Ёдой и питьемъ изобильнымъ
 Сердце свое насладили Одиссей, многославный страдалецъ.
 Тутъ Понтоною глашатаю бросилъ крылатое слово
 Царь феакіянъ: наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ
¹⁸⁰Чаши гостямъ, чтобъ могли громолюбцу Зевесу, молящихъ
 Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье.
 Такъ онъ сказалъ, и наполнивъ медвянымъ виномъ всѣ кратеры,
 Въ чашахъ пирующихъ подавъ его Понтоной: возліянье—
 Стоя они совершили и вдоволь питьемъ насладились.
¹⁸⁵Царь Алкиной, обратившись къ гостямъ, произнесъ: приглашаю
 Выслушать слово мое васъ, мужей феакійскихъ, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
 Кончился ниръ нашъ; теперь по домамъ на покой разойдитесь;
 Завтра же утромъ, съ собою и прочихъ вельможъ пригласивши,
¹⁹⁰Снова придите, чтобъ странника здѣсь угостить и безсмертнымъ.
 вмѣстѣ свершить экатомбу. Потомъ учредимъ отправленіе
 Гостя почтеннаго, такъ чтобъ подъ нашей надёжной защитой
 Онъ безъ тревогъ и препятствій поспѣшно и весело прибылъ
 Въ край, имъ желаемый, сколь бы отсюда онъ ни былъ далѣко;
¹⁹⁵Также, чтобъ онъ ни печали ни зла на дорогѣ не встрѣтилъ
 Прежде, пока не достигнетъ отчизны; когда же достигнетъ,
 Пусть испытаетъ все то, что судьба и могучія Парки
 Въ нить бытія роковую ввели для него при рожденьи.
 Если же кто изъ безсмертныхъ подъ видомъ его носѣтилъ насъ,
²⁰⁰То на умѣ ихъ конечно есть замыселъ, намъ неизвѣстный;
 Ибо всегда намъ открыто являюся боги, когда мы,
 Ихъ призывая, богатія имъ экатомбы приносимъ;
 Съ нами они пировать безъ чиновъ за транезу садятся;
 Даже когда кто изъ нихъ и одинъ на пути съ феакійскимъ
²⁰⁵Странникомъ встрѣтится—онъ не скрывается; боги считаютъ
 Всѣхъ насъ родными, какъ дикихъ циклоповъ, какъ племя гиган-
 Кончили. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный: [говъ.—
 Царь Алкиной, не тревожься напрасно такимъ помышленьемъ;
 Вѣчнымъ богамъ, безпрѣдѣльнаго неба владыкамъ, ни видомъ

²¹⁰Я не подобенъ, ни станомъ; простой человекъ я; изъ всѣхъ, вамъ
 Въ мѣръ извѣстныхъ людей земнородныхъ, судьбою гонимыхъ,
 Самымъ злосчастнѣйшимъ бѣдственной жизнью моей я подобенъ.
 Болѣе другихъ бы я могъ рассказать о великихъ напастяхъ,
 Мною претерпѣнныхъ съ трудомъ неомѣрнымъ по волѣ безсмерт-
²¹⁵Но несказаннымъ, хотя и прискорбенъ, я голодомъ мучусь: [ныхъ;
 Нѣтъ ничего нестерпимѣй грызущаго голода: нами
 Властвуя, онъ о себѣ вспоминать ежечасно неволитъ
 Намъ, и печальныхъ и преданныхъ скорби душой. Сколь ни сильно
 Скорби душою я преданъ, но тощій желудокъ мой жадно
²²⁰Требуешь пищи себѣ и меня забывать принуждаетъ
 Все, претерпѣнное мною, о себѣ лишь упорно заботясь.
 Вы же, молю васъ, какъ скоро пробудится свѣтлая Эосъ,
 Мнѣ злополучному путь учредите въ отчизну возвратный;
 Много я бѣдъ претерпѣлъ, но готовъ и погибнуть, лишь только бѣ
²²⁵Свѣтлый свой домъ и семью и рабовъ и богатства увидѣть.—
 Кончили; они, изъявивъ одобренье, рѣшили въ отчизну
 Гостя отправить, плѣнившаго всѣхъ ихъ столь умною рѣчью.
 Послѣ, свершивъ возлянье и вкуснымъ виномъ насладившись,
 Каждый въ свой домъ удалился, о ложѣ и снѣ помышляя.
²³⁰Но Одиссей богоравный остался въ палатѣ столовой;
 Царь Алкиной и царица Арета остались съ нимъ вмѣстѣ; рабыни
 Тою порой со столовъ всю посуду послѣдно убрали.
 Тутъ бѣлокурая съ гостемъ бесѣдовать стала Арета.
 Мантию съ тонкимъ хитономъ, сотканные ею самою
²³⁵Дома съ рабынями, въ платѣ пришельца узнавши, царица
 Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
 Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу; отвѣчай мнѣ:
 Кто ты? Откуда? И платѣ твое отъ кого получилъ ты?
 Намъ ты сказать, что сюда былъ морской непогудою брошенъ.—
²⁴⁰Свѣтлой царицѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
 Трудно, царица, мнѣ будетъ тебѣ рассказать все подробно
 Повѣсть о бѣдствіяхъ, встрѣченныхъ мною по волѣ рожденныхъ
 Древнимъ Ураномъ боговъ—объ одномъ расскажу откровенно:
 Въ морѣ находится островъ Огигія; тамъ обитаетъ
²⁴⁵Хитроковарная дочь кознодѣя Атланта Калипсо,

Свѣтлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водятъ
 Общества съ нею ни вѣчные боги, ни смертные люди.
 Я же одинъ злополучный на островъ ея былъ враждебнымъ
 Демономъ брошенъ, когда мой корабль сокрушительнымъ громомъ
²⁵⁰Зевсъ поразилъ посреди безпредѣльно-пустыннаго моря.
 Спутниковъ всѣхъ [поглотила ихъ бездна] тогда я утратить.
 Самъ же, на килѣ разбитаго судна, обхваченномъ мною,
 Девять носившихся дней по волнамъ, на десятый съ наставшей
 Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо
²⁵⁵Свѣтлокудрявая нимфа живетъ. И пріютъ благосклонно
 Давъ мнѣ, богиня меня угощала, кормила, хотѣла
 Мнѣ наконецъ даровать и безсмертье и вѣчную младость.
 Сердца однако она моего обольстить не успѣла.
 Цѣлые семь лѣтъ утратилъ я тамъ и текли непрестанно
²⁶⁰Слезы мои на одежды, мнѣ данныя нимфой безсмертной;
 Годъ на послѣдокъ осьмой приведенъ былъ временемъ обращеньемъ;
 Вдругъ мнѣ она повелѣла покинуть свой островъ—не знаю,
 Зевса ль она убоялась, сама ль измѣнилася въ мысляхъ?
 Сѣлъ я на крѣпкосколоченный плотъ и она, надѣливши
²⁶⁵Хлѣбомъ меня и душистымъ виномъ, и нетлѣнной одеждой,
 Слѣдомъ послала за мной благовѣющій вѣтеръ попутный.
 Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ какъ пустился я въ море;
 Вдругъ на осьмнадцатый видима стала вдали надъ водами
 Ваша земля и во мнѣ оживилось милое сердце,
²⁷⁰Столь несказанно страдавшее. Много однако еще мнѣ
 Бѣдъ колебатель земли Посидонъ непреклонный готовилъ:
 Вѣтры поднявъ, заградилъ предо мной онъ дорогу, и море
 Все безпредѣльное вдругъ затревожилось; былъ я не въ силахъ,
 Жалобно стонущій, судномъ владѣть на взволнованной безднѣ:
²⁷⁵Буря его изломала въ куски и, въ кипящую влагу
 Бросаясь, пустился я вплавъ: на послѣдокъ примчали
 Къ вашему берегу меня многшумные вѣтры и море;
 Гибели бѣ мнѣ не избѣгнуть, когда бѣ на утесистый берегъ
 Былъ я волною, скалами его отшибаемой, кинуть:
²⁸⁰Силы напрягши, я всторону поплылъ и скоро достигнулъ
 Устья рѣки—показалось то мѣсто пріютнымъ, тамъ острыхъ

Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита;
 На берегъ вышедъ, въ безсиліе впалъ я; божественной ночи
 Тьма наступила; тогда удалясь отъ потока, небеснымъ
²⁸⁵Зевсомъ рожденнаго, я пріютился въ кустахъ и въ онадшихъ
 Спрятался листьяхъ; и сонъ безконечный послали мнѣ боги.
 Тамъ подъ зашитую листвевъ, съ печалію милого сердца,
 Прѣспалъ всю ночь я, все утро и за полдень долго;
 Солнце садилось, когда усладительный сонъ мой былъ прерванъ:
²⁹⁰Дѣвъ, провожавшихъ царевну твою, я увидѣлъ на брегѣ;
 Съ нею, подобныя нимфамъ, онѣ, тамъ рѣзвяся, играли.
 Къ ней обратилъ я молитву и такъ поступила разумно
 Юная царская дочь, какъ немногія съ ней одинакихъ
 Лѣтъ поступить бы могли—молодежь разсудительна рѣдко,
²⁹⁵Сладкой ѣдой и виномъ искрометнымъ меня подкрѣпивши,
 Мнѣ искупаться въ потокѣ велѣла она и одежду
 Эту дала мнѣ. Я кончилъ, поистинѣ все разсказавъ вамъ.—
 Онъ умолкнулъ. Ему Алкиной отвѣчалъ благосклонно:
 Странникъ, гораздо приличіе было для дочери нашей,
³⁰⁰Если бъ она пригласила тебя за собою немедля
 Слѣдовать въ домъ нашъ: къ ней первой ты съ просьбой своей обра-
 Такъ онъ сказалъ и ему возразилъ Одиссей хитроумный: [тился.—
 Царь благородный, не дѣлай упрековъ разумной царевнѣ;
 Слѣдовать мнѣ за собою она предложила немедля;
³⁰⁵Я жъ отказался—мнѣ было бы стыдно; при томъ же подумалъ
 Я, что меня съ ней увидя, на насъ ты разгнѣваться могъ бы:
 Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди.—
 Царь Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
 Странникъ, въ груди у меня къ безразсудному гнѣву такому
³¹⁰Сердце несклонно; приличіе жъ должно во всемъ наблюдать намъ.
 Если бъ—о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!—
 Если бъ нашелся подобный тебѣ, въ помышленьяхъ со мною
 Сходный, супругъ Навзикаѣ, возлюбленный зять мнѣ, и если бъ
 Здѣсь поселился онъ... Домъ и богатства бы далъ я, когда бы
³¹⁵Волей ты съ нами остался; насильно же здѣсь иноземца
 Мы не задержимъ, то было бы Зевсу отцу неугодно.
 Твой же отъѣздъ я устрою, чтобъ было тебѣ то извѣстно,

Завтра: ты сладкому отдыху мирно предавшись, будешь
 Сонный въ спокойномъ безвѣтрїи плыть и достигнешь
³²⁰Въ землю отцовъ ль въ иную какую желанную землю,
 Сколь бы она ни лежала далѣко, хотя бы въ Эвбею,
 Далѣ которой ужъ нѣтъ ничего, по сказанью отважныхъ
 Нашихъ пловцовъ, съ златовласымъ туда Радамантомъ ходившихъ—
 Титїя, сына земли, посѣтилъ онъ и сколь ни далекъ былъ
³²⁵Путь по глубокому морю, его безъ труда совершили
 Въ сутки они, до Эвбеи доплывъ и назадъ возвратившись.
 Самъ ты узнаешь, какъ быстры у насъ корабли, какъ отважно
 Веслами море браздятъ мореходцы мои молодые.
 Такъ онъ сказалъ; пролился веселіе въ грудь Одиссея;
³³⁰Голосъ возвысивши свой, произнесъ онъ такую молитву:
 Дій, нашъ отецъ, да исполнится все, что теперь обѣщаль мнѣ
 Царь Алкиной, и да будетъ всегда на землѣ плодоносной
 Слава ему! А меня проводи безопасно въ отчизну...—
 Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
³³⁵Тою порою повелѣла царица Арета рабынямъ
 Въ сѣняхъ поставить кровать, на нее положить пурпуровый
 Мягкій тюфякъ, и богатый коверъ разостлать; на коверъ же
 Тѣплымъ покровомъ для тѣла косматую мантію бросить.
 Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же
³⁴⁰Было совсѣмъ приготовлено мягкопурпурное ложе,
 Близко онѣ подошедъ къ Одиссею, ему доложили:
 Странникъ, иди почивать; для тебя приготовлено ложе.—
 Радостно было усталому гостю призванье къ покою;
 Сладкоцѣлительный сонъ наконецъ онъ вкусилъ безмятежно,
³⁴⁵Въ звонкопространныхъ сѣняхъ на кровать прорѣзную возлегши.
 Скоро и царь Алкиной, съ нимъ простяся, во внутренней спальнѣ
 Легъ на постель и заснулъ близъ супруги своей благонравной.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

ТРИЦАТЬ ТРЕТИЙ ДЕНЬ.

Алкиной, предложивъ собравшимся на площади гражданамъ устроить отправление
 Одиссея въ его отечество, приглашаетъ вельможъ и людей корабельныхъ къ себѣ

на обѣдъ. Пѣніе Демодока во время пира. Потомъ игры: бѣгъ, бросаніе диска, борьба, кулачный бой. Одиссей оскорбленный Эвриаломъ, бросаетъ камень и всѣхъ изумляетъ своею силою. Пляска, во время которой Демодокъ поетъ объ Арѣѣ и Афродитѣ. Всѣ возвращаются во дворецъ Одиссей одаренъ изобильно. За вечернею трапезою Демодокъ поетъ о конѣ деревянномъ и подвигахъ вождей ахейскихъ. Пѣснь его извлекаетъ слезы изъ очей Одиссея; царь Алкиной вопрошаетъ плачущаго о причинѣ его скорби и проситъ, чтобы онъ разсказалъ свои приключенія.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось—

Мирный покинула сонъ Алкиноева сила святая;

Всталъ и божественный мужъ Одиссей, городовъ сокрушитель.

Царь Алкиной многовластный повелъ знаменитаго гостя

⁵На площадь гдѣ невдали кораблей феакійцы собирались.

Сѣли, пришедши, на гладко-обтесанныхъ камняхъ другъ съ другомъ.

Рядомъ они. Той порою Паллада Аѳина по улицамъ града,

Въ образъ облекшись глашатая царскаго, быстро ходила;

Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,

¹⁰Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращала богиня:

Вы, феакійскіе люди, вожди и владыки, скорѣе

На площадь всѣ соберитесь, дабы иноземца, который

Въ домъ Алкиноя премудраго прибылъ вчера, тамъ увидѣть:

Бурею къ намъ брошенный, богу онъ образомъ свѣтлымъ подобенъ.—

¹⁵Такъ говоря, возбудила она любопытное рвеніе

Въ каждомъ, и скоро наполнилась площадь народомъ; и сѣли

Всѣ по мѣстамъ. Съ удивленьемъ великимъ они обращали

Взоръ на Лаэртина сына: ему красотой несказанной

Плечи одѣла Паллада, главу и лицо озарила,

²⁰Станъ возвеличила, сдѣлала тѣло полнѣе, дабы онъ

Могъ приобрѣсть отъ людей феакійскихъ пріязнь и вселилъ въ нихъ

Трепетъ почтительный, мужеской силой на играхъ, въ которыхъ

Имъ испытать надлежало его, отличась предъ народомъ.

Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось полнымъ.

²⁵Тутъ, обратясь къ нимъ, царь Алкиной произнесъ: приглашаю

Выслушать слово мое васъ, людей феакійскихъ, дабы я

Высказать могъ вамъ все то, что велятъ мнѣ разсудокъ и сердце.

Гость иноземный—его я не знаю; бездомно скитаюсь,

Онъ отъ восточныхъ народовъ, сюда иль отъ западныхъ прибылъ—

³⁰Молить о томъ, чтобъ ему помогли мы достигнуть отчизны.
 Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможемъ:
 Ибо еще не одинъ чужеземецъ, мой домъ посѣтившій,
 Долго здѣсь, плача, не ждалъ, чтобъ его я услышалъ молитву.
 Должно спустить на священные воды корабль черпобокій,
³⁵Въ море еще не ходившій; потомъ изберемъ пятьдесятъ два
 Самыхъ отважныхъ межъ лучшими здѣсь молодыми гребцами;
 Весла къ скамьямъ прикрѣпивъ корабельнымъ, пускай соберутся
 Въ царскихъ палатахъ они и поспѣшно себѣ на дорогу
 Вкусный обѣдъ приготовить; я всѣхъ ихъ къ себѣ приглашаю.
⁴⁰Такъ отъ меня объявите гребцамъ молодымъ; а самихъ васъ,
 Скиптродержавныхъ владыкъ и судей, я прошу въ мой просторный
 Домъ, чтобъ со мною, какъ слѣдуетъ, тамъ угостить иноземца;
 Всѣхъ васъ прошу, отказаться невластенъ никто; позовите
 Также пѣвца Демодока: даръ пѣсней пріялъ отъ боговъ онъ
⁴⁵Дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ.—
 Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ судьи и владыки
 Скиптродержавные; звать Понтоной побѣждали Демодока.
 Скоро по волѣ царя пятьдесятъ два гребца, на отлогомъ
 Брегѣ безплодносоленого моря собравшись, вмѣстѣ
⁵⁰Къ ждавшему ихъ на пескѣ кораблю подошли, совокупной
 Силою черный корабль на священныя сдвинули воды,
 Подняли мачты, устроили всѣ корабельныя снасти,
 Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла,
 Должнымъ порядкомъ потомъ паруса утвердили. Отведши
⁵⁵Легкій корабль на открытое взморье, они собралися
 Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро
 Всѣ переходы палатъ и дворы и притворы народомъ
 Сдѣлались полны—тамъ были и юноши, были и старцы.
 Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и восемь
⁶⁰Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать;
 Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости.
 Тою порой съ знаменитымъ пѣвцомъ Понтоной возвратился;
 Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
 Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
⁶⁵Стулъ среброкованный подаль пѣвцу Понтоной и на немъ онъ

Съль предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ высокой.
 Лиру слѣща на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ,
 Къ ней прикоснуться рукою ему—чтобъ ее могъ найти онъ—
 Дать Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ
⁷⁰Столь, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ.
 Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же
 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
 Муза внушила пѣвцу возгласить о вождахъ знаменитыхъ,
 Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
⁷⁵Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ,
 Какъ между ими однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ
 Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ веселился
 Въ духѣ своемъ Агамемнонъ враждой знаменитыхъ ахеянъ:
 Знаменемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ
⁸⁰Въ храмѣ Пивійскомъ оракулъ, когда черезъ каменный прагъ онъ
 Бога спросить перешелъ—а случилось то въ самомъ началѣ
 Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на троянъ и данаевъ.
 Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же, своею
 Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,
⁸⁵Голову ея облекъ и лицо благородное скрылъ въ ней.
 Слезь онъ своихъ не хотѣлъ показать феакійцамъ. Когда же,
 Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣснопѣвецъ,
 Слезы отерши, онъ мантию снялъ съ головы, и наполнивъ
 Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліаньямъ безсмертнымъ.
⁹⁰Снова зашѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему феакіанъ,
 Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично:
 Голову мантией снова облекъ Одиссей, прослезаясь.
 Были другими его не замѣчены слезы, но мудрый
 Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
⁹⁵Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
 Онъ феакіанамъ веселюбивымъ сказалъ: приглашаю
 Выслушать слово мое вась, судей и вельможъ феакійскихъ;
 Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
 Пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной;
¹⁰⁰Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣпость
 Силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратяся, домашнимъ

Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ
 Боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьи, въ бѣгѣ проворномъ.—
 Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ, за нимъ всѣ другіе.
¹⁰⁵Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока
 За руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршественной вывелъ;
 Всѣхъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошелъ онъ, чтобъ видѣть
 Игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить феакійцы.
 На площадь всѣ собралися; толпой многочисленно-шумной
¹¹⁰Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою
 Вышли изъ сонма его: Акроней, Окіаль съ Элатрѣемъ,
 Навтій, Примидей, Анхіаль, Эретмей съ Анабазіоменомъ;
 Съ ними явились Понтей, Проредій и Фодій съ Амфіаломъ,
 Сыномъ Політія, внукомъ Тектона; присталъ напоследокъ
¹¹⁵Къ нимъ и молодой Эвріаль, Навболідъ, равносильный Арю:
 Всѣхъ феакіанъ затмилъ бы чудесной своей красотой онъ,
 Если бъ его самого не затмилъ Лаодамъ безпорочный.
 Къ нимъ подошли наконецъ Лаодамъ, Галідонтъ съ богоравнымъ
 Клітонеомъ—три быстрые сына царя Алкиноя.
¹²⁰Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись
 Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,
 Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
 Клітонеонъ благородный—какую по свѣжему полю
 Борозду плугомъ два мула проводятъ, на столько оставивъ
¹²⁵Братевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу.
 Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испытывать силу:
 Всѣхъ Эвріаль одолѣлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ.
 Въ прыганьи былъ Анхіаль побѣдителемъ. Тяжкого диска
 Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличился. Въ кулачномъ
¹³⁰Боѣ взялъ верхъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный.
 Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытилось играми сердце,
 Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ
 Сынъ: не прилично ли будетъ спросить намъ у гостя, въ какихъ онъ
 Играхъ способенъ себя отличить? Онъ не низкаго роста,
¹³⁵Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
 Шея его жиливата, онъ мышцами крѣпокъ; годами
 Также не старъ; но превратности жизни его изиурили.

Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и губительнѣй моря;
Крѣпость и самаго бодраго мужа оно сокрушаетъ.—

¹⁴⁰Умнымъ—сказаль, отвѣчая на то, Эвриаль Лаодаму—
Кажется мнѣ предложеніе твое, Лаодамъ благородный.

Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ.—

Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвриала услышавъ,
Вышелъ впередъ и сказалъ, обратясь къ царю Одиссею:

¹⁴⁵Милости просимъ, отецъ иноземець; себя покажи намъ
Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ— но вѣрно во всѣхъ ты искусенъ—
Бодрому мужу ничто на землѣ не даетъ столь великой
Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы, яви же
Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печальныя думы.

¹⁵⁰Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ корабль быстроходный
Съ берега сдвинуть и наши готовы къ отплытію люди.—

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Другъ, не обидѣть ли хочешь меня ты своимъ предложеніемъ?

Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное горе; довольно

¹⁵⁵Бѣдъ испытать и немало великихъ трудовъ перенесъ я;

Нынѣ жъ, крушнмый тоской по отчизнѣ, сижу передъ вами,
Васъ и царя умоляя помочъ мнѣ въ мой домъ возвратиться.—

Но Эвриаль Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой насмѣшкой:

Странникъ, я вижу, что ты не подобисься людямъ искуснымъ

¹⁶⁰Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно
Ты изъ числа промыслѣнныхъ людей, обтекающихъ море

Въ многovesельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь

Мысля, чтобъ сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,

Болѣ нажить барыша: но съ атлетомъ ты вовсе несходенъ.—

¹⁶⁵Мрачно взглянувъ изъ подлбья, сказалъ Одиссей благородный:

Слово обидно твое; человекъ ты, я вижу, злоумный.

Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ

Вдругъ и плѣнительный образъ и умъ и могущество слова:

Тотъ по паружному виду вниманія мало достоинъ—

¹⁷⁰Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся

Люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ

Или съ пріветливой кротостью; онъ украшеніе собраній;

Бога въ немъ видятъ, когда онъ проходитъ по улицамъ града.

Тотъ же напротивъ безсмертнымъ подобенъ лица красотою,

¹⁷⁵Прелести жъ бѣдное слово его никакой не имѣеть.

Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы

Краше не создалъ; за то не имѣешь ты здраваго смысла.

Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты своею

Дерзкою рѣчью. Но я не безопытенъ, долженъ ты вѣдать,

¹⁸⁰Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бываешь я въ то время, когда

Свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили надежно; [миѣ

Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей истрачены силы:

Видѣлъ немало я браней и долго среди бѣдоносныхъ

Страствовалъ водъ, но готовъ я себя испытать и лишенный

¹⁸⁵Силь; оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругательнымъ словомъ.—

Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ, и мантии съ плечъ не сложивши.

Камень схватилъ—онъ огромнѣй, плотнѣй и тяжеле всѣхъ дисковъ.

Брошенныхъ прежде людьми феакійскими былъ; и съ размаха

Кинулъ его Одиссей, жиловатую руку напрягши;

¹⁹⁰Камень, жужжа полетѣлъ; и подъ нимъ до земли головами

Веселюбивые, смѣлые гости морей, феакійцы

Всѣ наклонились; а онъ, далекѣ черезъ всѣ перемчался

Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Аѳина, подъ видомъ

Старца, отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказала:

¹⁹⁵Странникъ, твой знакъ и слѣшой различить безъ ошибки, ощутивъ

Просто рукою; лежитъ онъ отдѣльно отъ прочихъ, гораздо

Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою побѣдилъ; ни одинъ здѣсь

Камня ни далѣ, ни также далеко, какъ ты, неспособенъ

Бросить.—Отъ словъ сихъ веселье проникло во грудь Одиссея.

²⁰⁰Радуюсь тѣмъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ собраньи

Былъ судія, съ обновленной душой онъ сказалъ предстоявшимъ:

Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами

Брошу другой я, и столь же далеко, быть можетъ и далѣ.

Пусть всѣ другіе, кого побуждаетъ отважное сердце,

²⁰⁵Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскорбленный, я нынѣ

Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на борьбу вызываю;

Съ каждымъ сразиться готовъ я—съ однимъ не могу Лаодамомъ;

Гость я его—подыму ли на друга любящаго руку?

Тотъ неразуменъ, тотъ пользы своей различать неспособенъ,

²¹⁰Кто на чужой сторонѣ съ дружелюбнымъ хозяиномъ выйти
Вздумаетъ въ бой; несомнѣнно себѣ самому повредить онъ.
Но межъ другими никто для меня не презрительнѣе, съ каждымъ
Радъ я схватиться, чтобъ силу мою, грудь на грудь, испытать съ
Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боѣ. [нимъ.]

²¹⁵Гладкимъ лукомъ и самымъ тугимъ я владѣю свободно;
Первой стрѣлой поражу я на выборъ противника въ тѣсномъ
Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы меня и товарищей много
Было и мѣткую каждый стрѣлу на врага бы нацѣлили.

Только однимъ Филокетомъ бываю я всегда побѣждаемъ
²²⁰Въ Троѣ, когда мы ахейцы тамъ, споря, изъ лука стрѣляли.
Но утверждаю, что въ этомъ искусствѣ со мной ни единый
Смертный, себя насыщающій хлѣбомъ, сравниться не можетъ;
Я не дерзнулъ бы однако бороться съ героями древнихъ [скимъ]:
Лѣтъ, ни съ Иракомъ, ни съ Эвритомъ, мѣткимъ стрѣлкомъ эхалий-

²²⁵Спорить они и съ богами въ искусствѣ своемъ не страшились;
Эвритъ великій погибъ отъ того; не достигъ онъ глубокой
Старости въ домѣ семейномъ своемъ; раздраживъ Аполлона
Вызовомъ въ бой святотатнымъ, онъ изъ лука былъ имъ застрѣленъ.
Далѣ копьемъ я достигнуть могу, чѣмъ другіе стрѣлою;

²³⁰Можетъ случиться однако, что кто изъ людей феакійскихъ
Въ бѣгѣ меня побѣдитъ: окруженный волнами, я силы
Всѣ истощилъ, на невѣрномъ плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои всѣ разрушены члены.—
Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.

²³⁵Но Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
Странникъ, ты словомъ своимъ не обидѣть насъ хочешь; ты только
Всѣмъ показать намъ желаешь, какая еще сохранилась
Крѣпость въ тебѣ; ты разгнѣванъ безумцемъ, тебя оскорбившимъ
Дерзкой насмѣшкой—за то ни одинъ, говорить здѣсь привыкшій

²⁴⁰Съ здравымъ разсудкомъ, ни въ чемъ не помыслилъ тебя опорю-
Выслушай слово однако мое со вниманьемъ, чтобъ послѣ [чить].
Дома его повторить при друзьяхъ благородныхъ, когда ты,
Сидя съ женой и дѣтьми за веселой семейной трапезой,

Вспомнишь о доблестяхъ нашихъ и тѣхъ дарованьяхъ, какія
²⁴⁵Намъ отъ отцовъ благодатью Зевеса достались въ наслѣдство.

Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отличны;
 Быстры ногами за то несказанно и первые въ морѣ;
 Любимъ обѣды роскошныя, пѣніе, музыку, пляску,
 Свѣжесть одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе.

²⁵⁰Но пригласите сюда плясуну фекійскихъ; зову я
 Самыхъ искусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ, могъ, возвратясь
 Въ домъ свой, тамъ всѣмъ рассказать, какъ другихъ мы людей превосхо-
 Въ плаваньи по морю, въ бѣгѣ проворномъ и въ пляскѣ и въ пѣньи. [димъ
 Пусть принесутъ Демодокъ его звонкогласную лиру;

²⁵⁵Гдѣ нибудь въ нашихъ пространныхъ палатахъ ее онъ оставилъ.—
 Такъ Алкиной говорилъ, и глашатай, его исполняя
 Волю, поспѣшно пошелъ во дворецъ за желаемой лирой.

Судьи, въ народѣ избранныя, девять числомъ, на средину
 Поприща, строгіе въ играхъ порядка блюстители, вышли,

²⁶⁰Мѣсто для пляски уладили, поприще сдѣлали шире.

Тою порой изъ дворца возвратился глашатай, и лиру

Подаль пѣвцу; предъ собранье онъ выступилъ; справа и слѣва

Стали цвѣтушіе юноши, въ легкой искусныя пляскѣ.

Топали въ мѣру ногами подъ пѣсню они; съ наслажденьемъ

²⁶⁵Легкость сверкающихъ ногъ замѣчалъ Одиссей и дивился.

Лирой гремя сладкозвучною, пѣлъ Демодокъ вдохновенный

Пѣснь о прекраснокудрявой Кипридѣ и богѣ Арей:

Какъ ихъ свиданіе первое въ домѣ владыки Ифеста

Было; какъ, много истративъ богатыхъ даровъ, опозорилъ

²⁷⁰Ложе Ифеста Арей, какъ открылъ наконецъ все Ифесту

Геліосъ зоркій, любовное ихъ подстерегши свиданье.

Только достигла обидная вѣсть до Ифестова слуха,

Мщеніе въ сердцѣ замысливъ, онъ въ кузницѣ плаху поставилъ,

Крѣпко свою наковальню уладилъ на ней и проворно

²⁷⁵Сѣти сковаль изъ желѣзныхъ, крѣпчайшихъ, ничѣмъ неразрыв-

Проволокъ. Хитрый окончивши трудъ и готова Арею [ныхъ

Стыдъ, онъ пошелъ въ тотъ покой, гдѣ богатое ложе стояло.

Тамъ онъ сѣтями своими опутавъ подножье кровати,

Ихъ на нее опустилъ съ потолка паутиною тонкой;

²⁸⁰Были не только невидимы оку людей, но и взорамъ

Вѣчныхъ боговъ непримѣтны онѣ: такъ искусно сковаль ихъ,

Миценье готовя, Ифестъ. Западно передъ ложемъ устроивъ,
Онъ притворился, что путь свой направилъ въ Лемнось крѣпкозданный
Городъ, всѣхъ болѣе другихъ городовъ на землѣ имъ любимыи.

²⁸⁵Зорко за нимъ наблюдая, Арей златоуздный тогда же
Свѣдалъ, что въ путь свой Ифестъ, многославный художникъ, пустился.
Сильной любовью къ прекрасновѣчанной Кипридѣ влекомый,
Въ домъ многославнаго бога художника тайно вступилъ онъ.

Зевса отца посѣтивъ на высокомъ Олимпѣ, въ то время
²⁹⁰Дома одна, отдыхая, сидѣла богиня. Арей подошедши,
За руку взялъ и по имени назвалъ ее и сказалъ ей:

Милая, часъ благосклоненъ, пойдемъ на роскошное ложе:
Мужъ твой Ифестъ далеко; онъ на островъ Лемнось удалился,
Вѣрно къ суровымъ синтійцамъ, нарѣчія грубаго людямъ.

²⁹⁵Такъ онъ сказалъ и на ложе охотно легла съ нимъ Киприда.

Мало по малу и онъ и она успились. Вдругъ сѣти
Хитрой Ифеста работы, упавъ, ихъ схватили съ такою
Силою, что не было средства ни встать имъ, ни тронуться членомъ:
Скоро они убѣдились, что бѣгство для нихъ невозможно;

³⁰⁰Скоро и самъ, не свершивъ половины пути, возвратился
Въ домъ свой Ифестъ многоумный, на обѣ хромающей ноги;
Геліосъ зоркій его обо всемъ извѣстить не замедлилъ.

Въ домъ свой вступивши съ печалю милаго сердца, поспѣшно
Двери Ифестъ отворилъ, и душа въ немъ исполнилась гнѣвомъ;

³⁰⁵Громко онъ началъ вопить, чтобъ его всѣ услышали боги:
Дій вседержитель, блаженные, вѣчные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смѣха достойное дѣло увидѣть:

Какъ надо мной хромоногимъ Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, съ грознымъ Ареемъ губительнымъ богомъ

³¹⁰Здѣсь сочатавшись. Конечно, красавецъ и твердъ на ногахъ онъ;
Я жъ отъ рожденія хромъ—но моею ль виною? Виновны
Въ томъ лишь родители. Горе мнѣ, горе! Зачѣмъ я родился?

Вотъ посмотрите, какъ оба, обнявшись нѣжно другъ съ другомъ,
Спятъ на постели моей. Несказанно мнѣ горько то видѣть.

³¹⁵Знаю однако, что такъ имъ въ другой разъ заснуть не удастся;
Сколь ни сильна въ нихъ любовь, но конечно охота къ такому
Сну въ нихъ теперь ужъ прошла; не сниму съ нихъ дотолѣ я этой

Сѣти, пока не отдастъ мнѣ отецъ всѣхъ богатыхъ подарковъ,
Имъ отъ меня за невѣсту, безстыдную дочь, полученныхъ.

³²⁰Правда, прекрасна она, но ея перемѣнчиво сердце.

Такъ онъ сказалъ. Той порой собрались въ мѣдностѣнныхъ палатахъ
Боги; пришелъ Посидонъ земледержецъ; пришелъ дароносецъ
Эрмій; пришелъ Аполлонъ, издалика разящій стрѣлами;
Но, сохраняя пристойность, богини остались дома.

³²⁵Въ двери вступили податели благъ всемоущіе боги;

Подняли всѣ они смѣхъ несказанный, увидя, какое
Хитрое дѣло ревнивый Ифестъ совершить умудрился.

Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:

Злое не въ прокъ; надъ проворствомъ здѣсь медленность верхъ одер-

³³⁰Какъ ни хромаетъ Ифестъ, но поймалъ онъ Арея, который [жала;
Самый быстрѣйшій изъ вѣчныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ.

Хитростью взялъ онъ: достойная мзда посрамителю брака.

Такъ говорили другъ съ другомъ бесѣдуя, вѣчные боги.

Къ Эрмію тутъ обратившись, сказалъ Аполлонъ, сынъ Зевеса:

³³⁵Эрмій, Кроніоновъ сынъ, благодатный боговъ вѣстонрсецъ.

Искренно мнѣ отвѣчай, согласился ль бы ты подъ такую

Сѣтью лежать на постели одной съ золотою Кипридой?

Зоркій убійца Аргуса отвѣтствовалъ такъ Аполлону:

Если бъ могло то случиться, о царь Аполлонъ стрѣловержецъ.

³⁴⁰Сѣтью тройной бы себя я охотно опутать дозволилъ,

Пусть на меня бы собравшись богини и боги смотрѣли,

Только бъ лежать на постели одной съ золотою Кипридой!

Такъ отвѣчалъ онъ; безсмертные подняли смѣхъ несказанный.

Но Посидонъ не смѣялся; чтобъ выручить бога Арея,

³⁴⁵Къ славному дивнымъ искусствомъ Ифесту онъ, голосъ возвысивъ,

Съ просьбой своей обратился и бросилъ крылатое слово:

Дай имъ свободу; ручаюсь тебѣ за Арея; какъ самъ ты

Требуешь, все доплати при безсмертныхъ богахъ онъ заплатитъ.

Богъ хромоногий Ифестъ, отвѣчая, сказалъ Посидону:

³⁵⁰Нѣтъ! отъ меня Посидонъ земледержецъ того ты не требуй.

Знаешь ты самъ, что всегда невѣрна за невѣрныхъ порука.

Чѣмъ же тебя, всемоущій, могу я къ уплатѣ принудить,

Если свободный Арей убѣжить и платить отречется?

Богу Ифесту отвѣтствовалъ такъ Посидонъ земледержецъ:

³⁵⁵Если могучій Арей, чтобъ не быть принужденнымъ къ уплатѣ,

Скроется тайно, то все за него заплатитъ обязуюсь

Я.—Хромоногий Ифестъ отвѣчалъ Посидону владыкѣ:

Воли твоей, Посидонъ, не дерзну и не властенъ отвергнуть.

Съ сими словами разрушила цѣпи Ифестова сила.

³⁶⁰Богъ и богиня—лишь только ихъ были разрушены цѣпи—

Быстро вскочивъ, улетѣли. Во Фригію онъ удалился;

Скрылася въ Кипръ золотая съ улыбкой привѣтной Киприда:

Быль тамъ алтарь ей въ Пафосскомъ лѣсу благовонномъ воздвигнуть;

Тамъ, искунавши ее и натерши душистымъ, святое

³⁶⁵Тѣло однихъ лишь боговъ орошающимъ масломъ, хариты

Плечи ея облачили одеждою прелести чудной.—

Такъ воспѣвалъ вдохновенный пѣвецъ. Одиссей благородный

Въ сердцѣ, внимая ему, веселился; и съ нимъ веселились

Веселюбивые, смѣлые гости морей, феакійцы.

³⁷⁰Но Алкиной повелѣлъ Галіонту вдвоемъ съ Лаодамомъ

Пляску начать: въ ней не могъ превосходствомъ никто побѣдить ихъ.

Мячъ разноцвѣтный, для нихъ руководѣльнымъ Полибіемъ спитый,

Взявъ, Лаодамъ съ молодымъ Галіонтомъ на ровную площадь

Вышли; закинувши голову, мячъ къ облакамъ темносвѣтлымъ

³⁷⁵Бросилъ одинъ; а другой разбѣжался и, прыгнувъ высоко,

Мячъ на легу подхватилъ, до земли не коснувшись ногами.

Легкимъ бросаньемъ мяча въ высоту отличась предъ народомъ,

Начали оба по гладкому лону земли плодоносной

Быстро плясать; и затопали юноши въ мѣру ногами,

³⁸⁰Стѣя кругомъ, и отъ топота ногъ ихъ вся площадь гремѣла.

Долго смотрѣвъ, напоследокъ сказалъ Одиссей Алкиною:

Царь Алкиной! благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,

Ты похвалился, что пляскою съ вами никто не сравнится:

Правда твоя; то глазами я видѣлъ; безмѣрно дивлюся.—

³⁸⁵Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Алкиноеву силу святюю.

Царь феакіяпамъ веселюбивымъ сказалъ: приглашаю

Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ феакійскихъ;

Разумъ великій имѣеть, я вижу, нашъ гость иноземный;

Должно ему, какъ обычай велить, предложить намъ подарки;

³⁹⁰Областью нашею правятъ двѣнадцать владыкъ знаменитыхъ,
Праведно-строгихъ судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
Чистое верхнее платье съ хитономъ и съ полнымъ талантомъ
Золота нашему гостю въ подарокъ назначить обычный.

Все повелите сюда принести и своими руками

³⁹⁵Страннику сдайте, чтобъ веселье онъ былъ за трапезою нашей.

Ты жъ, Эвриаль, удовольствуй его, передъ нимъ повинившись.

Давъ и подарокъ: его оскорбилъ неприличнымъ ты словомъ.—

Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье другіе;

Каждый глашатай въ домъ свой послалъ, чтобъ подарки принесъ

⁴⁰⁰Но Эвриаль, повинуюсь, отвѣтствовалъ такъ Алкиною: [онъ.

Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,

Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.

Мѣдный свой мечъ съ рукоятью серебряной въ новыхъ

Чудной работы погнахъ изъ слоновья кости, охотно

⁴⁰⁵Дамъ я ему, и конечно онъ даръ мой высоко оцѣнитъ.—

Такъ говоря, среброкованный мечъ свой онъ снялъ и возвысилъ

Голосъ и бросилъ крылатое слово Лаэртovu сыну:

Радуйся, добрый отецъ иноземець! И если сказалъ я

Дерзкое слово, пусть вѣтеръ его унесетъ и развѣтетъ;

⁴¹⁰Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,

Въ домъ возвратяся по долгопечальной разлукѣ съ семьею.—

Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Радуйся также и ты и, хранимый богами, будь счастливъ.

Въ сердцѣ жъ своемъ никогда не раскайся, что мнѣ драгоцѣнный

⁴¹⁵Мечъ подарилъ свой, повиннымъ меня удовольствовать словомъ.—

Такъ отвѣчавъ, среброкованный мечъ на плечо онъ повѣсилъ.

Солнце зашло; всѣ богатые собраны были подарки;

Ихъ послѣшили глашатаи въ домъ отнести Алкиноевъ;

Тамъ сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,

⁴²⁰Отдали матери ихъ, многоумной царицѣ Аретѣ.

Царь же повелъ знаменитаго гостя со всѣми другими

Въ домъ свой и сѣли, пришедши, они на возвышенныхъ креслахъ.

Тутъ, обратяся къ царицѣ Аретѣ, сказалъ благородный

Царь: принеси намъ, жена, драгоцѣннѣйшій самый изъ многихъ

⁴²⁵Нашихъ ковчеговъ, въ него положивши и верхнее платье

Съ тонкимъ хитономъ. Поставьте котель на огонь, вскипятите Воду, чтобъ гость нашъ омылся, и всѣ осмотрѣвши подарки, Имъ полученныя здѣсь отъ людей феакійскихъ, былъ весель, Съ нами сидя за вечерней трапезой и иѣнью внимая.

⁴³⁰Я же еще драгоценный кувшинъ золотой на прощаньи Дамъ, чтобъ меня вспоминая, онъ могъ изъ него ежедневно Дома творить возпѣанье Зевесу и прочимъ безсмертнымъ.—

Такъ онъ сказалъ и царица Арета велѣла рабынямъ Яркій огонь разложить подъ огромнымъ котломъ троеножнымъ;

⁴³⁵Тотчасъ котель троеножный на яркомъ огнѣ былъ поставленъ.

Налили воду въ котель и усилили хворостомъ пламя;

Чрево сосуда оно обхватило, вода закипѣла.

Тою порою Арета прекрасный ковчегъ изъ покоевъ

Внутреннихъ вынесла гостю; въ ковчегъ положила подарки,

⁴⁴⁰Золото, ризы и все, что ему феакійскіе мужи

Дали; сама жъ къ нимъ прибавила верхнее платье съ хитономъ.

Кончивъ, она Одиссею крылатое бросила слово:

Кровлей накрывъ и тесьмою окутавъ ковчегъ завяжи ты

Узель, чтобъ кто на дорогѣ чего не похитилъ, покуда

⁴⁴⁵Будешь покоиться сномъ ты, пlying въ кораблѣ чернобокомъ.—

То Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, услышавъ,

Кровлей накрылъ и тесьмою опуталъ ковчегъ и искусный

Узель [какъ былъ наученъ хитроумной Цирцеею] сдѣлалъ.

Тутъ пригласила его домовитая ключница въ баню

⁴⁵⁰Члены свои оживить омовеньемъ; и теплой купальнѣ

Радъ былъ испытанный мужъ Одиссей, той услады лишенный

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ покинулъ жилище Калипсо, въ которомъ

Нимфы ему, какъ безсмертному богу, служили. Когда же

Тѣло омыла ему и елеемъ натерла рабыня,

⁴⁵⁵Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,

Вышелъ онъ свѣжій изъ бани и къ пьющимъ гостямъ въ пировую

Залу вступилъ. Навзикая царица, богиня красою,

Подлѣ столба, потолокъ подпиравшаго залы, стояла.

Взоръ изумленный поднявъ на прекраснаго гостя, царица

⁴⁶⁰Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:

Радуйся, странникъ! но въ милую землю отцовъ возвратяся,

Помни меня; ты спасеніемъ встрѣчѣ со мною обязанъ.—
 Юной царевнѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
 О Навзикая, прекраснѣйшая дочь Алкиноя,
⁴⁶⁵Если мнѣ Иры супругъ, громоносный Кроніонъ дозволитъ
 Въ домѣ отеческомъ сладостный день возвращенья увидѣть,
 Буду тамъ помнить тебя и тебѣ ежедневно, какъ богу.
 Сердцемъ молиться: спасеніемъ встрѣчѣ съ тобой я обязанъ.—
 Такъ отвѣчавъ ей, на креслахъ онъ сѣлъ близъ царя Алкиноя.
⁴⁷⁰Было ужъ роздано мясо; ужъ чаши виномъ наполнились.
 Тою порой возвратился глашатай съ пѣвцомъ Демодоккомъ,
 Читимымъ въ народѣ. Пѣвецъ посреди свѣтлозданной палаты
 Сѣлъ предъ гостями, спиной прислонившись къ колоннѣ высокой.
 Полную жира хребтовую часть острозубаго венра
⁴⁷⁵Взявши съ тарелки своей [для себя же оставя тамъ болѣ],
 Царь Одиссей многославный сказалъ, обратясь къ Понтоноу:
 Эту почетную часть изготовленной вкусно венрины
 Дай Демодокку; его и печальный я чту несказанно.
 Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ любезны,
⁴⁸⁰Всѣми высокою честимы пѣвцы; ихъ сама научила
 Пѣнію Муза; ей мило пѣвцовъ благородное племя.—
 Такъ онъ сказалъ и проворно отнесъ отъ него Демодокку
 Мясо глашатай; пѣвецъ благодарно даяніе принялъ.
 Подняли руки они къ приготовленной нищѣ; когда же
⁴⁸⁵Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питиемъ и ѣдоу,
 Такъ, обратясь къ Демодокку, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю;
 Музою, дочерью Діа, иль Фебомъ самимъ наученный,
 Все ты поешь по порядку, что было съ ахейцами въ Троѣ,
⁴⁹⁰Что совершили они и какія бѣды претерпѣли;
 Можно подумать, что самъ былъ участникъ всему иль отъ вѣрныхъ
 Все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конѣ деревянномъ,
 Чудномъ Эпоса съ помощью дѣвы Паллады созданныя, [сеемъ,
 Спой намъ, какъ въ городъ онъ былъ хитроумнымъ введенъ Одис-
⁴⁹⁵Сполный вождей, наносѣдокъ святой Иліонъ сокрушившихъ.
 Если объ этомъ поистинѣ все намъ, какъ было, споешь ты,
 Буду тогда передъ всѣми людьми повторять повсемѣстно

Я, что божественнымъ пѣніемъ боги тебя одарили.—

Такъ онъ сказалъ и запѣлъ Демодокъ, преисполненный бога:

⁵⁰⁰Началь съ того онъ, какъ всѣ на своихъ корабляхъ крѣпкоздан-
Въ море отплыли данай, предавши на жертву пожару [ныхъ
Брошенный станъ свой, какъ первые мужи изъ нихъ съ Одиссеемъ
Были оставлены въ Троѣ, замкнутые въ конской утробѣ,
Какъ напоследокъ коню Иліонъ отворили трояне.

⁵⁰⁵Въ градѣ стоялъ онъ; кругомъ, нерѣшимые въ мысляхъ, сидѣли
Люди троянскіе; было межъ ними троякое мнѣнье:

Или губительной мѣдью громаду пронзить и разрушить,

Или, ее докативши до замка, съ утеса низвергнуть,

Или оставить среди Иліона мирительной жертвой

⁵¹⁰Вѣчнымъ богамъ: на послѣднее всѣ согласились, понеже

Было судьбой рѣшено, что падеть Иліонъ, отворивши

Стѣны коню, гдѣ ахейцы избранные будутъ скрываться,

Черную участь и смерть приготовивъ троянамъ враждебнымъ.

Послѣ воспѣлъ онъ, какъ мужи ахейскіе въ градъ ворвались,

⁵¹⁵Чрево коня отворивъ и изъ темнаго выбѣжавъ склена;

Какъ разъяренные каждый по-своему градъ разоряли,

Какъ Одиссей къ Деифобову дому, подобный Арею,

Бросился вмѣстѣ съ божественно-грознымъ въ бою Менелаемъ.

Тамъ истребительный бой [продолжалъ пѣснопѣвецъ] возжегши,

⁵²⁰Онъ наконецъ побѣдилъ, подкрѣпленный великой Палладой.

Такъ объ ахейнахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ

Былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами.

Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,

Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ,

⁵²⁵Силясь отъ дня роковаго спасти согражданъ и семейство.

Видя, какъ онъ содрогается въ смертной борьбѣ и, прижавшись

Грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно

Древками коцій ее по плечамъ и хребту поражая,

Вѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе;

⁵³⁰Тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ.

Такъ, отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы.

Всѣми другими онѣ не замѣчены были; но мудрый

Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя

Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.

⁵³⁵Онъ феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю

Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ феакійскихъ.

Пусть Демодокъ звонкострунную лиру заставитъ умолкнуть;

Здѣсь онъ не всѣхъ веселитъ насъ ея сладкогласіемъ дивнымъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ пѣнье божественный началъ пѣвецъ на вечернемъ

⁵⁴⁰Нашемъ пиру, непрестанно глубоко и тяжело вздыхаетъ

Странникъ; конечно, прискорбіе сердцемъ его овладѣло.

Долженъ умолкнуть пѣвецъ, чтобъ могли здѣсь равно веселиться

Гость нашъ и всѣ мы; конечно для насъ то пріятнѣе будетъ.

Здѣсь же давно къ отправленію въ путь иноземца готово

⁵⁴⁵Все: и подарки ужъ собраны, данные дружбою нашей.

Странникъ молящій не менѣ брата роднаго любезенъ

Всякому, кто одаренъ отъ боговъ не безжалостнымъ сердцемъ.

Ты же теперь, ничего не скрывая, отвѣтствуй на то мнѣ,

Гость нашъ, о чемъ я тебя вопрошу: откровенность похвальна.

⁵⁵⁰Имя скажи мнѣ, какимъ и отецъ твой и мать и другіе

Въ градѣ твоемъ и отечествѣ миломъ тебя величаютъ.

Между живущихъ людей безыменнымъ никто не бываетъ

Вовсе; въ минуту рожденія каждый, и низкій и знатный,

Имя свое отъ родителей въ сладостный даръ получаетъ:

⁵⁵⁵Землю и градъ и народъ свой потомъ пазови, чтобъ согласно

Съ волей твоей и корабль нашъ свое направленіе выбралъ;

Кормщикъ не правитъ въ моряхъ кораблемъ феакійскимъ; руля мы,

Нужнаго каждому судну, на нашихъ судахъ не имѣемъ:

Сами они понимаютъ своихъ корабельщиковъ мысли;

⁵⁶⁰Сами находятъ они и жилища людей и поля ихъ

Тучнообильныя; быстро они всѣ моря обтекаютъ,

Мглою и туманомъ одѣтые; нѣтъ никогда имъ боязни

Вредъ на волнахъ претерпѣть, иль отъ бури въ пучинѣ погибнуть.

Вотъ что однако въ ребячествѣ я отъ отца Навзитоа

⁵⁶⁵Слышалъ: не разъ говорилъ онъ, что богъ Посидонъ недоволенъ

Нами за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ безопасно.

Нѣкогда, онъ утверждалъ, феакійскій корабль, проводившій

Странника въ землю его, возвращаясь моремъ туманнымъ,

Будетъ разбитъ Посидономъ, который высокою горою

570 Градъ нашъ задвинетъ. Исполнить ли то Посидонъ, земледержецъ,
 Иль не исполнить—пусть будетъ по волѣ великаго бога!
 Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать,
 Гдѣ по морямъ ты скитался? Какихъ челоуѣковъ ты земли
 Видѣлъ? Свѣтлонаселенные ихъ города опиши намъ:
 573 Были ль межъ ними свирѣпые, дикіе, чуждые правды?
 Были ль благіе для странника, чтущіе волю безсмертныхъ?
 Также скажи, отчего ты такъ плачешь? Зачѣмъ такъ печально
 Слушаешь повѣсть о битвахъ данаевъ, о Троѣ погибшей?
 Имъ для того ниспослали и смерть и погубельный жребіи
 580 Боги, чтобъ славною нѣснію были они для потомковъ.
 Ты же конечно утратилъ роднаго у стѣнъ Иліонскихъ,
 Милаго зятя иль тестя, которые нашему сердцу
 Самые близкіе послѣ возлюбленныхъ сродниковъ кровныхъ?
 Или товарища нѣжнопривѣтнаго, кроткаго сердцемъ,
 583 Тамъ потерялъ ты? Не менѣ брата роднаго любезенъ
 Намъ нашъ товарищъ, испытанный другъ и разумный совѣтникъ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

ВЕЧЕРЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей начинаетъ разсказывать свои приключенія. Отплытіе отъ береговъ троійскихъ. Разрушеніе Измара, города киконовъ, и гибель многихъ соутниковъ Одиссея. Буря. Посѣщеніе лотофаговъ. Прибытіе въ область циклоповъ. Одиссей, оставя у козьяго острова свои корабли, съ однимъ собственнымъ кораблемъ пристаетъ къ недалекому берегу циклоповъ. Выбравъ двѣнадцать изъ своихъ корабельныхъ товарищей, онъ входитъ съ ними въ пещеру Полифема. Гибель шести изъ соутниковъ Одиссеевыхъ, сожранныхъ циклопомъ. Опьянивъ его, Одиссей прозваетъ ему глазъ и потомъ хитростію спасаетъ себя и товарищей отъ его бѣшенства. Они покидаютъ циклопово стадо и возвращаются на козій островъ. Полифемъ призываетъ отца Посидона и молить, чтобы онъ отмстилъ за него Одиссею.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей богоравный:

Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
 Сладко вниманье свое намъ склоняетъ къ пѣснопѣвцу, который,
 Слухъ нашъ илѣнная, богамъ вдохновенъемъ высокимъ подобенъ.
 5 Я же скажу, что великая нашему сердцу утѣха

Видѣть, какъ цѣлою страной обладаетъ веселье; какъ всюду
 Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимая; какъ гости
 Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
 Пышно покрытыми; какъ изъ кратеръ животворный напитокъ
¹⁰Летъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣнешныхъ разноситъ.
 Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй не можетъ.
 Но отъ меня о плачевныхъ страданьяхъ моихъ ты желаешь
 Слышать, чтобъ сердце мое преисполнилось плачемъ сильнѣйшимъ:
 Что же я прежде, что послѣ, и что наконецъ расскажу вамъ?
¹⁵Много Ураниды боги мнѣ бѣдствій различныхъ послали.
 Прежде однако вамъ имя свое назову, чтобъ могли вы
 Знать обо мнѣ, чтобъ, покуда еще мной не встрѣченъ послѣднй
 День, и въ далекой странѣ я считался вамъ гостемъ любезнымъ.
 Я Одиссей, сынъ Лаэртовъ, вездѣ изобрѣтенъ многихъ
²⁰Хитростей славный и громкой молвой до небесъ вознесенный.
 Въ солнечносвѣтлой Итакѣ живу я; тамъ Неріонъ, всюду
 Видимый съ моря, подьметъ вершину лѣсистую; много
 Тамъ и другихъ острововъ, недалекихъ одинъ отъ другаго:
 Замъ, и Дулихій, и лѣсомъ богатый Закинѣъ; и на самомъ
²⁵Западѣ плоско лежитъ окруженная моремъ Итака
 [Прочіе жъ ближе къ предѣлу, гдѣ Эось и Геліось всходятъ];
 Оно ея каменисто, но юношей бодрыхъ питаетъ;
 Я же не вѣдаю края прекраснѣе милой Итаки.
 Тщетно Калипсо, богиня богинь, въ заключеніи долгомъ
³⁰Силой держала меня, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ;
 Тщетно меня чародѣйка, владычица Эп, Цирцея
 Въ домѣ держала своемъ, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ—
 Хитрая лестъ ихъ въ груди у меня не опутала сердца;
 Сладостнѣй нѣтъ ничего намъ отчизны и сродниковъ нашихъ,
³⁵Даже когда бъ и роскошно въ богатой обители жили
 Мы на чужой сторонѣ, далекѣ отъ родителей милыхъ.
 Если однако велишь, то о странствіи трудномъ, какое
 Зевсъ учредилъ мнѣ, отъ Трои плывущему, все расскажу я.
 Вѣтеръ отъ стѣнъ Иліона привелъ насъ ко граду киконѣвъ,
⁴⁰Измару: градъ мы разрушили, жителей всѣхъ истребили.
 Женъ сохранивши и всякихъ сокровищъ награбивши много,

Стали добычу дѣлить мы, чтобъ каждый могъ взять свой участокъ.
 Я жъ настоялъ, чтобъ немедля стоюю поспѣшною въ бѣгство
 Всѣ обратились: но добрый совѣтъ мой отвергли безумцы;
⁴⁵Полные хмѣля, они пировали на брегѣ песчаномъ,
 Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ зарѣзавъ.
 Тою порою киконы, изъ града бѣжавшіе, многихъ
 Собрали жившихъ сосѣдственно съ ними въ странѣ той киконювъ,
 Сильныхъ числомъ, приобывшихъ сражаться съ коней, и не менѣ
⁵⁰Смѣлыхъ, когда имъ и пѣшимъ въ сраженіе вступать надлежало.
 Вдругъ ихъ явилось такъ много, какъ листьевъ древесныхъ или ран-
 Вешнихъ цвѣтовъ; и тогда же намъ сдѣлалось явно, что злую [нихъ
 Участь и бѣдствія многія намъ приготовилъ Кроніонъ.
 Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходныхъ,
⁵⁵Острыя копья, обитыя мѣдью, бросая другъ въ друга. Покуда
 Длилося утро, пока продолжалъ подыматься священный
 День, мы держались и ихъ отбивали сильнѣйшихъ; когда же
 Геліосъ къ позднему часу воловъ отпряженья склонился,
 Въ бѣгъ обратили киконы осиленныхъ ими ахейянь.
⁶⁰Съ каждаго я корабля по шести броненосцевъ отважныхъ
 Тутъ потерялъ; отъ судьбы и отъ смерти ушли остальные. X
 Далѣе поплыли мы въ сокрушеніи великомъ о милыхъ
 Мертвыхъ, но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.
 Я жъ не отвелъ кораблей, легкоходныхъ отъ берега, покуда
⁶⁵Три раза не былъ по имени названъ изъ нашихъ несчастныхъ
 Спутниковъ каждый, погибшій въ бою и оставленный въ полѣ.
 Вдругъ собирающій тучи Зевесъ буреносца Борея,
 Страшно ревуцаго, выслалъ на насъ; облака обложили
 Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.
⁷⁰Мчались суда, погружаяся въ волны носами; вѣтрила
 Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
 Мы, избѣгая бѣды, въ корабли ихъ, свернувъ, уложили;
 Сами же начали веслами къ ближнему берегу править;
 Тамъ провели мы въ бездѣйствіи скучномъ два дня и двѣ ночи,
⁷⁵Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжелой печалію сердца.
 Третій намъ день привела свѣтозарно-кудрявая Эось;
 Мачты устроивъ и снова поднявъ паруса, на суда мы

Сѣли; они понеслись, повинуюсь кормилу и вѣтру.
 Мы невредимо бы въ милую землю отцовъ возвратились,
⁸⁰Если бѣ волненіе моря и сила Борея не сбили
 Насъ, обходящихъ Маллею, съ пути, отдаливъ отъ Китеры.
 Девять носила насъ дней раздраженная буря по темнымъ
 Рыбообильнымъ водамъ; на десятый къ землѣ лотофаговъ,
 Пищей цвѣточной себя насыщающихъ, вѣтеръ примчалъ насъ.
⁸⁵Вышедь на твердую землю и свѣжей водою запаснись,
 Наскоро легкій обѣдь мы у быстрыхъ судовъ учредили.
 Свой удовольствовавъ голодъ питьею и ѣдою, избралъ я
 Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ [быль третій
 Съ ними глашатай] и свѣдаты послалъ ихъ, къ какимъ мы достигли
⁹⁰Людамъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ, избыточной дарами.
 Мирныхъ они лотофаговъ нашли тамъ; и посланнымъ нашимъ
 Зла лотофаги не сдѣлали; ихъ съ дружелюбною лаской
 Встрѣтивъ, имъ лотоса дали отвѣдаты они; но лишь только
 Сладко-медвянаго лотоса каждый отвѣдалъ, мгновенно
⁹⁵Все позабылъ и, утративъ желанье назадъ возвратиться,
 Вдругъ захотѣлъ въ сторонѣ лотофаговъ остаться, чтобъ вкусный
 Лотосъ собирать, навсегда отъ своей отказавшись отчизны.
 Силою ихъ плачущихъ къ нашимъ судамъ притащивъ, повелѣлъ я
 Крѣпко ихъ тамъ привязать къ корабельнымъ скамьямъ; остальнымъ
¹⁰⁰Вѣрнымъ товарищамъ далъ приказанье, ни мало не медля, [же
 Всѣмъ на проворные сѣсть корабли, чтобъ изъ нихъ ни который.
 Лотосомъ сладкимъ прельстясь, отъ возврата домой не отрекся.
 Всѣ на суда собралися, и сѣвши на лавки у весель,
 Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
¹⁰⁵Далѣе поплыли мы, сокрушенные сердцемъ, и въ землю
 Прибыли сильныхъ, свирѣпыхъ, не знающихъ правды циклоновъ.
 Тамъ беззаботно они, подъ защитой безсмертныхъ имѣя
 Все, ни руками не сѣютъ, ни плугомъ не пахутъ; земля тамъ
 Тучная щедро сама безъ паханья и сѣва даетъ имъ
¹¹⁰Рожь и пшено и ячмень и роскошныхъ кистей винограда
 Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ.
 Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ:
 Въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вершинахъ высокихъ

Вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
¹¹⁵Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь.
 Есть островокъ тамъ пустынный и дикій; лежитъ онъ на темномъ
 Лонѣ морскомъ, ни далеко ни близко отъ берега циклоповъ,
 Лѣсомъ покрытый; въ великомъ тамъ множествѣ дикія козы
 Водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ человѣка
¹²⁰Шумъ; никогда не заглядывалъ къ нимъ звѣроловецъ, за дичью
 Съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ со псами бродящій:
 Тамъ не пасутся стада и земли не касаются плуги;
 Тамъ ни въ какіе дни года не сѣютъ, не пахутъ; людей тамъ
 Нѣтъ; безъ боязни тамъ ходятъ однѣ тонконогія козы,
¹²⁵Ибо циклопы еще кораблей красногрудыхъ не знаютъ;
 Нѣтъ между ними искусниковъ, опытныхъ въ хитромъ строеньи
 Крѣпкихъ судовъ, изъ которыхъ бы каждый, моря обтекая,
 Разныхъ народовъ страны посѣщать, какъ бываетъ, что ходятъ
 По морю люди, съ другими людьми дружелюбно знакомясь.
¹³⁰Дикій тотъ островъ могли обратить бы въ цвѣтущій циклопы;
 Онъ не неплодентъ; тамъ все бы роскошно рождалося къ сроку;
 Сходятъ широкой отлогостью къ морю луга тамъ густые,
 Влажные, мягкіе: много бъ вездѣ разрослось винограда;
 Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокою
¹³⁵Рожью и жатва была бы на тучной землѣ изобильна.
 Есть тамъ надежная пристань, въ которой не нужно ни тяжкій
 Якорь бросать, ни канатомъ привязывать шаткое судно;
 Можетъ оно простоять безопасно тамъ, сколько захочетъ
 Плаватель самъ, иль пока не подыметъ вѣтеръ попутный.
¹⁴⁰Въ самой вершинѣ залива прозрачно свергается въ море
 Ключъ, изъ пещеры бѣгущій подъ сѣнію тополей черныхъ.
 Въ эту мы пристань вошли съ кораблями; въ ночной темнотѣ намъ
 Путь указалъ благодѣтельный Демонъ: былъ островъ невидимъ;
 Влажный туманъ окружалъ корабли; не свѣтила Селена
¹⁴⁵Съ неба високаго; тучи его покрывали густыя;
 Острова было нельзя различить намъ глазами во мракѣ;
 Видѣть и длинныхъ, широко на берегъ отлогіи бѣгущихъ
 Волнъ не могли мы, пока корабли не коснулись берега,
 Но лишь коснулись берега они, паруса мы свернули;

¹⁵⁰Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами.

Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось;

Весь обопли съ удивленьемъ великимъ мы островъ пустынный;

Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали

¹⁵⁵Козь обвѣваемыхъ вѣтрами горъ, для богатой намъ нищи:

Гибкіе луки, охотничьи легкія конья немедля

Взяли съ своихъ кораблей мы, и на три толны раздѣляся,

Начали битву; и богъ благосклонный великой добычей

Насъ наградилъ: всѣ двѣнадцать моихъ кораблей занаси мы:

¹⁶⁰Девять на каждый досталось по жеребью козъ; для себя же

Выбралъ я десять. И цѣлый мы день до вечерняго мрака

Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались,

Ибо еще на моихъ корабляхъ золотаго довольно

Было вина: мы наполнили много скудельныхъ сосудовъ

¹⁶⁵Сладкимъ напиткомъ, разрушивши городъ священный киконовъ.

Съ острова жъ въ области близкой циклоповъ намъ ясно былъ видѣть:
голоса ихъ, бляенье ихъ козъ и барановъ могли мы [день

Слышать. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тьма наступила.

Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.

¹⁷⁰Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось:

Вѣрныхъ товарищей я на совѣтъ пригласилъ и сказалъ имъ:

Всѣ вы, товарищи вѣрные, здѣсь безъ меня оставайтесь;

Я же, съ моимъ кораблемъ и моими людьми удаляся,

Свѣдать о томъ попытаюсь, какой тамъ народъ обитаетъ.

¹⁷⁵Дикій ли, нравомъ свирѣпый, не знающій вѣры и правды,

Или привѣтливый, богобоязненный, гостепріимный?

Такъ я сказалъ, и вступивъ на корабль, повелѣлъ, чтобъ за мною

Люди мои на него всѣ взошли и канатъ отвязали:

Люди взошли на корабль и, сѣвши на лавкахъ у веселья,

¹⁸⁰Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.

Къ берегу близкому скоро приставъ съ кораблемъ, мы открыли

Въ крайнемъ, у самаго моря стоявшемъ утесѣ пещеру,

Густо одѣтую лавромъ, пространную, гдѣ собирався

Мелкій во множествѣ скоть; тамъ высокой стѣной изъ огромныхъ.

¹⁸⁵Грубо набросанныхъ камней былъ дворъ обведенъ, и стояли

Частымъ заборомъ вокругъ черноглавыя дубы и сосны.
 Мужъ великанскаго роста въ пещерѣ той жилъ; одиноко
 Пасъ онъ барановъ и козъ, и ни съ кѣмъ изъ другихъ не водился:
 Былъ нелюдимъ онъ, свирѣпъ, никакого не вѣдалъ закона;
¹⁹⁰Видомъ и ростомъ чудовищнымъ въ страхъ приводя, онъ несходенъ
 Былъ съ человѣкомъ, вкушающимъ хлѣбъ, и казался лѣсистой,
 Дикой вершиной горы, надъ другими воздвигшейся грозно.
 Спутникамъ вѣрнымъ моимъ повелѣлъ я остаться на брегѣ
 Близъ корабля и его сторожить неусыпно; съ собой же
¹⁹⁵Взявши двѣнадцать надежныхъ и самыхъ отважныхъ, пошелъ я
 Съ ними; и мы запаслися вина драгоцѣннаго полнымъ
 Мѣхомъ: Маронъ, Аполлона великаго жрецъ, Эвантеевъ
 Сынъ, обитавшій въ разрушенномъ Измарѣ, имъ надѣлили насъ
 Въ даръ благодарный за то, что его мы съ женою и съ сыномъ —
²⁰⁰Санъ уважая жреца—пощадилъ во градѣ, гдѣ жилъ онъ
 Въ роцѣ густой Аполлона; меня жъ одарилъ онъ особо:
 Золота лучшей доброты онъ далъ мнѣ семь полныхъ талантовъ;
 Далъ сребролитную дивной работы кратѣру, и налилъ
 Цѣлыхъ двѣнадцать большихъ мнѣ скуделей виномъ, драгоцѣннымъ,
²⁰⁵Крѣпкимъ, божественно-сладкимъ напиткомъ; о немъ же не вѣдалъ
 Въ домѣ никто изъ рабовъ и рабынь, и никто изъ домашнихъ.
 Кромѣ хозяйна, умной хозяйки и ключницы вѣрной.
 Если когда тѣмъ пурпурно-медвянымъ виномъ насладиться
 Въ комъ пробуждалось желанье, то, въ чашу его нацѣдивши,
²¹⁰Въ двадцать разъ болѣ воды подбавляли, и запахъ изъ чаши
 Былъ несказанный: не могъ тутъ никто отъ питья воздержаться.
 Взялъ я съ собой тѣмъ напиткомъ наполненный мѣхъ и съѣстнаго
 Полный кошель: говорило мнѣ вѣщее сердце, что встрѣчу
 Страшнаго мужа чудовищной силы, свирѣпаго нравомъ,
²¹⁵Чуждаго добрымъ обычаемъ, чуждаго вѣрѣ и правдѣ.
 Шагомъ поспѣшнымъ къ пещерѣ приблизились мы, но его въ ней
 Не было: козъ и барановъ онъ пасъ на лугу недалекомъ.
 Начали все мы въ пещерѣ пространной осматривать; много
 Было сыровъ въ тростниковыхъ корзинахъ; въ отдѣльныхъ закутахъ
²²⁰Заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ въ порядкѣ
 Тамъ размѣщенные: старшіе съ старшими, средніе подлѣ

Среднихъ и съ младшими младше; ведра и чаши
 Были до самыхъ краевъ налиты простоквашей густою.
 Спутники стали меня убѣждать, чтобъ запаснись сырами,
²²⁵Болѣ я въ страшной пещерѣ не медлить, чтобъ все мы скорѣе,
 Взявши въ закутахъ отборныхъ козлятъ и барашковъ, съ добычей
 Нашей на быстрый корабль убѣжали и въ море пустились.
 Я на бѣду отказался полезный совѣтъ ихъ исполнить;
 Видѣть его мнѣ хотѣлось въ надеждѣ, что насъ угостивши,
²³⁰Дастъ намъ подарокъ: но встрѣтиться съ нимъ не на радость намъ
 Яркій огонь разложивъ, совершили мы жертву; добывши [было.
 Сыру потомъ и насытивъ свой голодъ, остались въ пещерѣ
 Ждать, чтобъ со стадомъ въ нее возвратился хозяинъ. И скоро
 Съ ношею дровъ, для варенья вечерня пиши, явился
²³⁵Онъ и со стукомъ на землю дрова передъ входомъ пещеры
 Бросилъ; объятые страхомъ мы спрятались въ уголъ; пригнавши
 Стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ барановъ къ пещерѣ,
 Матокъ въ нее онъ впустилъ, а самцовъ, и козловъ и барановъ,
 Прежде отъ нихъ отдѣливъ, на дворѣ передъ входомъ оставилъ.
²⁴⁰Кончивъ, чтобъ входъ заградить, несказанно великій съ земли онъ
 Камень, который и двадцать два воза четырехколесныхъ
 Съ мѣста бъ не сдвинули, поднялъ: подобенъ скалѣ необъятной
 Былъ онъ; его подхвативши и входъ имъ пещеры задвинувъ,
 Съѣлъ онъ и матокъ донтъ принялся надлежащимъ порядкомъ,
²⁴⁵Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
 Кладъ сосуна. Половину отливъ молока въ плетеницы,
 Въ нихъ онъ оставилъ его, чтобъ оно огустило для сыра;
 Все жъ молоко остальное разлилъ по сосудамъ, чтобъ послѣ
 Пить по утрамъ иль за ужиномъ, съ пажити стадо пригнавши.
²⁵⁰Кончивъ съ заботливымъ спѣхомъ работу свою, наконецъ онъ
 Яркій огонь разложилъ, насъ увидѣлъ и грубо сказалъ намъ:
 Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
 Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
 Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчась,
²⁵⁵Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?—
 Такъ онъ сказалъ намъ; у каждаго замерло милое сердце:
 Голосъ гремѣщій и образъ чудовища въ трепеть привелъ насъ.

Но, ободрясь, напоследокъ отвѣтствовалъ такъ я циклопу:
 Всѣ мы ахейцы; плывемъ отъ далека Трон; сюда же
²⁶⁰Бурею насъ принесло по волнамъ безпредѣльнаго моря.
 Въ милую землю отцовъ возвращаясь, съ прямаго пути мы
 Сбились; такъ было конечно угодно могучему Зевсу.
 Служимъ мы въ войскѣ Атрида царя Агамемнона; онъ же
 Всѣхъ земнородныхъ людей превзошелъ несказанною славой,
²⁶⁵Городъ великій разрушивъ и много враговъ истребивши.
 Нынѣ къ колѣнамъ припавши твоимъ, мы тебя умоляемъ
 Насъ безпріютныхъ къ себѣ дружелюбно принять и подарокъ
 Дать намъ, какимъ всегда на прощаньи гостей надѣляются.
 Ты же убойся боговъ; мы пришельцы, мы ищемъ покрова;
²⁷⁰Мстить за пришельцевъ отверженныхъ строго небесный Кроніонъ,
 Богъ гостелюбець, священнаго странника вождь и заступникъ.—
 Такъ я сказалъ; съ неописанной злостью циклопъ отвѣчалъ мнѣ:
 Видно, что ты издалика, иль вѣсье безуменъ, пришелець,
 Если могъ вздумать, что я побуюсь иль уважу безсмертныхъ.
²⁷⁵Намъ циклопамъ нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ прочихъ
 Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй;
 Страхъ громовержца Зевеса разгнѣвать, меня не принудить
 Васъ пощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.
 Ты же теперь мнѣ скажи, гдѣ корабль, на которомъ пришли вы
²⁸⁰Къ намъ? Далекò ли иль близко отсюда стоитъ онъ? То вѣдать
 Долженъ я.—Такъ, искушая, онъ хитро спросилъ. Остерегшись,
 Хитрыми самъ я словами отвѣтствовалъ злему циклопу:
 Богъ Посидонъ, колебатель земли, мой корабль уничтожилъ,
 Бросивъ его недалеко отъ здѣшняго берега на камни
²⁸⁵Мыса крутаго, и бурное море обломки умчало.
 Мнѣ жъ и со мною немногимъ отъ смерти спастись удалось.—
 Такъ я сказалъ, и отвѣта не давъ никакого, онъ быстро
 Прянулъ, какъ бѣшенный звѣрь, и огромныя вытянувъ руки,
 Разомъ межъ нами двоихъ, какъ щенять подхватилъ и ударилъ
²⁹⁰Оземь; ихъ черепъ разбился; обрызгало мозгомъ пещеру.
 Онъ же, обоихъ разѣкши на части, изъ нихъ свой ужасный
 Ужинъ состряпалъ и жадно, какъ левъ, разъяряемый гладомъ,
 Съѣлъ ихъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробъ не оставивъ.

Мы святотатнаго дѣла свидѣтели, руки со стономъ
²⁹⁵Къ Дію отцу подымали; нашъ умъ помутился отъ скорби.
 Чрево наполнивъ свое человѣческимъ мясомъ, и свѣжимъ
 Страшную пищу заливъ молокомъ, людоѣдъ беззаботно
 Между козловъ и барановъ на голой землѣ растянулся.
 Тутъ подошелъ я къ нему съ дерзновеннымъ намѣреньемъ сердца.
³⁰⁰Острый свой мечъ обнаживши, чудовищу мстящую мѣдью
 Тѣлю въ томъ мѣстѣ пронзить, гдѣ подъ грудью находится печень.
 Мечъ мой ужъ былъ занесенъ; но иное на мысли пришло мнѣ:
 Съ нимъ неизбежно и насъ бы постигнула вѣрная гибель:
 Всѣ совокупно мы были бъ не въ силахъ отъ входа нещери
³⁰⁵Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
 Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эось:
 Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось.
 Всталъ онъ, огонь разложилъ и донтъ принялся по порядку
 Козъ и овецъ; подонвъ же, подъ каждую матку ея онъ
³¹⁰Кладъ сосуна; окончавши съ заботливымъ спѣхомъ работу.
 Снова изъ насъ онъ похитилъ двонхъ на ужасную пищу.
 Съѣвъ ихъ, онъ выгналъ шумящее стадо изъ темной нещеры.
 Мощной рукою оттолкнувши утесъ приворотный, имъ двери
 Снова онъ заперъ, какъ легкою кровлей колчанъ запирають.
³¹⁵Съ свистомъ погналъ онъ на горное пастбище тучное стадо;
 Я жъ, въ заключеннѣ оставленный, началъ выдумывать средство.
 Какъ бы врагу отомстить, и молилъ о защитѣ Палладу.
 Вотъ что, размысливъ, нашель наконецъ я удобнымъ и вѣрнымъ:
 Въ козей закутѣ стояла дубина циклонова, свѣжій
³²⁰Стволъ имъ обрубленной масляны дикой; его онъ, очистивъ,
 Сохнуть поставилъ въ закуту, чтобъ послѣ гулять съ нимъ; подо-
 Намъ показался онъ мачтѣ, какая на многовесельномъ, [бенъ
 Съ грузомъ товаровъ моря обтекающемъ суднѣ бываетъ;
 Былъ онъ конечно какъ мачта длинной, толщиною и вѣсомъ.
³²⁵Взявши тотъ стволъ и мечемъ отъ него отрубивши три локтя,
 Выгладить чисто отрубокъ велѣлъ я товарищамъ; скоро
 Выглаженъ былъ онъ; своею рукою его заострилъ я;
 Послѣ, обжегши на угольяхъ острый конецъ, мы поспѣшно
 Коль, приготовленный къ дѣлу, зарыли въ навозѣ, который

330 Кучей огромной набросанъ былъ въ смрадной пещерѣ циклона.
 Кончивъ, своихъ пригласить я спутниковъ жеребій кинуть:
 Кто между ними коломъ обожженнымъ поможетъ пронзить мнѣ
 Глазъ людюѣду, какъ скоро глубокому сну онъ предастся.
 Жеребій даль четырехъ мнѣ и самыхъ надежныхъ, которыхъ
 335 Самъ бы я выбралъ, и къ нимъ я присталъ не по жеребью ця-
 Вечеромъ, жирное стадо гоня, людюѣдъ возвратился; [тѣй.
 Но отворивши пещеру, въ нее онъ ужъ полное стадо
 Ввелъ, не оставивъ на вѣшнемъ дворѣ ни козла, ни барана
 [Было ли въ немъ подозрѣнье, вль Демонъ его надоумилъ].
 340 Снова пещеру задвинувъ скалой необъятнотяжелой,
 Съѣлъ онъ и матокъ донть принялся надлежащимъ порядкомъ,
 Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
 Клатъ сосуна. И окончивъ работу, рукой безошадной
 Снова двоихъ онъ изъ насъ подхватилъ и попрежнему съѣлъ ихъ.
 345 Тутъ подошелъ я отважно и рѣчь обратилъ къ людюѣду,
 Полную чашу вина золотого ему предлагая:
 Выпей, циклошь, золотого вина, человѣчьимъ насытись
 Мясомъ; узнаешь, какой драгоцѣнный напитокъ на нашемъ
 Былъ кораблѣ; для тебя я его сохранилъ, уповая
 350 Милость въ тебѣ обрѣсти: но свирѣпствуешь ты нестерпимо.
 Кто же впередъ, безошадный, тебя посѣтитъ изъ живущихъ
 Многихъ людей, о твоихъ баззаконныхъ поступкахъ услышавъ?—
 Такъ говорилъ я; взявъ чашу, ее осушилъ онъ, и вкуснымъ
 Крѣпкій напитокъ ему показался; другой попросилъ онъ
 355 Чаши: налей мнѣ, сказалъ онъ, еще и свое назови мнѣ
 Пмя, чтобъ могъ приготовить тебѣ я приличный подарокъ.
 Есть и у насъ, у циклоновъ, роскошныхъ кистей винограда
 Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ;
 Твой же напитокъ—амврозія чистая съ нектаромъ сладкимъ.—
 360 Такъ онъ сказалъ, и другую я чашу виномъ искрометнымъ
 Налилъ. Еще попросилъ онъ, и третью безумцу я подаль.
 Стало шумѣть огневое вино въ головѣ людюѣда.
 Я обратился къ нему съ обольстительно-сладкою рѣчью:
 Славное имя мое ты, циклошь, любопытствуешь свѣдать,
 365 Съ тѣмъ, чтобъ меня угостивъ, и обычный мнѣ сдѣлать подарокъ?

Я называюсь Никто; мнѣ такое названіе дали
 Мать и отецъ, и товарищи такъ всѣ меня величаютъ.—
 Съ злобной насмѣшкою мнѣ отвѣчалъ людоедъ звѣроуравный:
 Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый послѣдній
 370 Съѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими; вотъ мой подарокъ. ←
 Тутъ повалился онъ навзничъ, совсѣмъ опьянѣлый; и на бокъ
 Свисла могучая шея и всепобѣждающей силой
 Соиъ овладѣлъ имъ; вино и куски человѣчьяго мяса
 Выбросилъ онъ изъ разинутой пасти, не въ мѣру напившись.
 375 Коль свой доставъ, мы его остриемъ на огонь положили;
 Тотчасъ зардѣлъ онъ; тогда я, товарищей выбранныхъ кликнувъ,
 Ихъ ободрилъ, чтобъ со мною рѣшительны были въ опасномъ
 Дѣлѣ. Уже начиналъ положонный на уголья колъ нашъ
 Пламя давать, разгорѣвшись, хотя и сырой былъ; поспѣшно
 380 Вынулъ его изъ огня я; товарищи смѣло съ обонхъ
 Стали боковъ—божество въ нихъ конечно вложило отважность;
 Коль обхватили они и его остриемъ раскаленнымъ
 Втиснули спящему въ глазъ; и, съ конца приподнявши, его я
 Началъ вертѣть, какъ вертитъ буравомъ корабельный строитель,
 385 Толстую доску пронзая; другіе жъ ему помогаютъ, ремнями
 Острый буравъ обращая, и въ доску вгрызаясь, визжитъ онъ.
 Такъ мы, его съ двухъ боковъ обхвативши руками, проворно
 Коль свой вертѣли въ пронзенномъ глазу: облился онъ горячей
 Кровью; истлѣли рѣсницы, шершавыя вспыхнули брови;
 390 Яблоко лопнуло; выбрызнулъ глазъ, на огнѣ зашипѣвши.
 Такъ расторопный ковачъ, изготовивъ топоръ иль сѣкиру,
 Въ воду металлъ [на огнѣ раскаливши его, чтобъ двойную
 Крѣпость имѣть] погружаетъ и звонко шипитъ онъ въ холодной
 Влагѣ: такъ глазъ зашипѣлъ, остриемъ раскаленнымъ пронзенный.
 395 Дико завилъ людоедъ—застонала отъ воя пещера.
 Въ страхѣ мы кинулись прочь; съ несказанной свирѣпостью вырвавъ
 Коль изъ пронзеннаго глаза, облитый кипячею кровью,
 Сильной рукой отъ себя онъ его отшвырнулъ; въ изступленнѣ
 Началъ онъ крикомъ циклоновъ сзывать, обитавшихъ въ глубокихъ
 400 Гротахъ окрестъ и на горныхъ, лобзаемыхъ вѣтромъ, вершинахъ.
 Громкіе воли услышавъ, отвсюду сбѣжались циклопы;

Вхоть обступили пещеры они и спросили: зачѣмъ ты
 Созваль насъ всѣхъ, Полифемъ? Что случилось? На что ты
 Сладкій нашъ сонъ и спокойствіе ночи божественной прервалъ?
⁴⁰⁵Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похитилъ? Иль самъ ты
 Гибнешь? Но кто же тебя здѣсь обманомъ иль силою губить?—
 Имъ отвѣчалъ онъ изъ темной пещеры отчаянно дикимъ
 Ревомъ: Никто! Но своей я оплошностью гибну; Никто бы
 Силой не могъ повредить мнѣ.—Въ сердцахъ закричали циклопы:
⁴¹⁰Если никто, для чего же одинъ такъ реवेशь ты? Но если
 Боленъ, то воля на это Зевеса, ея не избѣгнешь.
 Въ помощь отца своего призови Посидона владыку.—
 Такъ говорили они удаляясь. Во мнѣ же смѣялось
 Сердце, что вымысломъ имени всѣхъ мнѣ спасти удалось.
⁴¹⁵Охая тяжело, съ кряхтеньемъ и стономъ ошаривъ руками
 Стѣны, циклопъ отодвинулъ отъ входа скалу, передъ нею
 Съль и огромныя вытянулъ руки, надѣясь что въ стадѣ,
 Мимо его проходящемъ, насъ всѣхъ переловитъ; конечно
 Думалъ свирѣпый глупецъ, что и я былъ, какъ онъ, безъ разсудка.
⁴²⁰Я жъ осторожнымъ умомъ вымышлялъ и обдумывалъ средство,
 Какъ бы себя и товарищей бодрыхъ избавить отъ вѣрной
 Гибели; многія хитрости, разные способы тщетно
 Мыслямъ моимъ представлялись, а бѣдствіе было ужъ близко.
 Вотъ что, по думанью долгомъ, удобнѣйшимъ мнѣ показалось:
⁴²⁵Были бараны большіе, покрытые длинною шерстью,
 Жирные, мощные въ стадѣ; руно ихъ какъ шелкъ волновалось.
 Я потихоньку сплетенными крѣпкими лыками, вырвавъ
 Ихъ изъ рогожи, служившей постелею злomu циклопу,
 По три барана связалъ; человѣкъ былъ подвязанъ подъ каждымъ
⁴³⁰Среднимъ, другими двумя по бокамъ защищенный; на каждомъ
 Трехъ былъ одинъ изъ товарищей нашихъ; а самъ я?... Дебелый,
 Рослый, съ роскошною шерстью былъ въ стадѣ баранъ: обхвативши
 Мягкую спину его, я повисъ на рукахъ подъ шершавымъ
 Брюхомъ; а руки [въ руно несказанно-густое впустивъ ихъ]
⁴³⁵Длинною шерстью обвилъ и на ней терпѣливо держался.
 Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ.
 Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ:

Къ выходу всѣ побѣжали самцы и козлы и бараны;
 Матки жъ, еще недоенныя, жалко блеяли въ закутахъ,
⁴⁴⁰Брызжа изъ длинныхъ сосцовъ молокомъ; господниъ ихъ, отъ боли
 Охая, шупаль руками у всѣхъ, пробѣгающихъ мимо,
 Пышныя спины; но, глушій, онъ былъ угадать неспособенъ,
 Что у иныхъ подъ волнистой скрывалось грудью; послѣдній
 Шель мой баранъ; и медлительнымъ шагомъ онъ шель, отягченный
⁴⁴⁵Длинною шерстью и мною, размышлявшимъ въ то время о многомъ.
 Спину ощущавъ его, съ нимъ циклонъ разговаривать началъ:
 Ты ль, мой прекрасный любимецъ? Зачѣмъ же пещеру послѣдній
 Нынѣ покинулъ? Ты прежде лѣнивъ и медлительнъ не былъ.
 Первый всегда, величаво ступая, на лугъ выходилъ ты
⁴⁵⁰Сладкоцвѣтущей травую питаться; ты въ полдень къ потоку
 Первый бѣжалъ, и у всѣхъ впереди возвращался въ пещеру
 Вечеромъ. Нынѣ жъ идешь ты послѣдній; знать чувствуешь самъ ты,
 Бѣдный, что око мое за тобой ужъ не смотритъ; лишень я
 Свѣтлаго зрѣнія гнуснымъ бродягою; здѣсь онъ виномъ мнѣ
⁴⁵⁵Умъ отуманилъ, его называютъ Никто; но еще онъ
 Власти моей не избѣгнулъ! Когда бы мой другъ, говорить ты
 Могъ, ты сказалъ бы, гдѣ спрятался врагъ ненавистный; я черепъ
 Вмигъ раздробилъ бы ему и разбрызгалъ бы мозгъ по пещерѣ,
 Оземъ ударивъ его и на части раздернувъ; отмстилъ бы
⁴⁶⁰Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойникъ,
 Здѣсь мнѣ нанесъ.—Такъ сказавъ, онъ барана пустил на свободу.
 Я жъ, недалеко отъ входа пещеры и внѣшней ограды
 Первый ставъ на ноги, спутниковъ всѣхъ отвязалъ, и немедля
 Съ ними все стадо козловъ тонконогихъ и жирныхъ барановъ
⁴⁶⁵Собралъ; обходами многими ихъ мы погнали на взморье
 Къ нашему судну. И сладко товарищамъ было насъ встрѣтить,
 Гибели вѣрной избѣгшихъ; хотѣли о милыхъ погибшихъ
 Плакать они; но мигнувъ имъ глазами, чтобъ плачь удержали,
 Стадо козловъ и барановъ взвести на корабль нашъ немедля
⁴⁷⁰Я повелѣлъ: отойти мнѣ отъ берега въ море хотѣлось.
 Люди мои собралися и, сѣвши на лавкахъ у весель,
 Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды;
 Но, на такое отплывъ разстоянье, въ какомъ человѣчій

Явственно голосъ доходить до насъ, закричалъ я циклопу:

⁴⁷⁵Слушай, циклопъ безопадный, впередъ беззащитныхъ гостей ты
Въ гротѣ глубокомъ своемъ не губи и не ѣшь; святотатнымъ
Дѣломъ всегда на себя навлекаемъ мы вѣрную гибель:

Ты, злочестивецъ, дерзнулъ иноземцевъ, твой домъ посѣтившихъ,
Звѣрски сожрать—наказали тебя и Зевесъ и другіе

⁴⁸⁰Боги блаженные.—Такъ я сказалъ; онъ, ужасно взбѣшенный,
Тяжкій утесъ отъ вершины горы отломилъ и съ размаха
На голосъ кинулъ: утесъ, пролетѣвши надъ судномъ, въ пучину
Рухнулъ такъ близко къ нему, что его черноостраго носа

Чуть не расшибъ; всколыхалось море отъ падшей громады;

⁴⁸⁵Хлынувъ, большая волна побѣжала стремительно къ берегу;

Схваченный ею, обратно къ землѣ и корабль нашъ помчался.

Длинною жердью я въ берегъ песчаный уперся и судно

Прочь отвалилъ; а товарищамъ, молча, кивнулъ головою,

Ихъ побуждая всею силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть

⁴⁹⁰Близкой бѣды; всѣ, нагнувшись, разомъ ударили въ весла.

Бывъ на двойномъ разстояннѣ отъ страшнаго берега, опять я

Началъ кричать, вызывая циклопа. Товарищи въ страхѣ

Всѣ убѣждали меня замолчать и его не тревожить.

Дерзкій, они говорили, зачѣмъ ты чудовище дразнишь?

⁴⁹⁵Въ море швырнувши утесъ, онъ едва съ кораблемъ насъ не бросилъ

На берегъ снова; едва не постигла насъ вѣрная гибель.

Если теперь онъ чей голосъ иль слово какое услышитъ,

Голову намъ раздробить и корабль нашъ въ куски изломаетъ,

Бросивъ утесъ остробокій: до насъ же онъ вѣрно доброситъ.—

⁵⁰⁰Такъ говорили они; но, упорствуя дерзостнымъ сердцемъ,

Я продолжалъ раздражать оскорбительной рѣчью циклопа:

Если, циклопъ, у тебя изъ людей земнородныхъ кто спроситъ,

Какъ истребленъ твой единственный глазъ, ты на это отвѣтствуй:

Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаэрта

⁵⁰⁵Сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ выкололъ глазъ мой.—

Такъ я сказалъ. Заревѣлъ онъ отъ злости и громко воскликнулъ:

Горе! пророчество древнее нынѣ сбылось надо мною;

Нѣкогда былъ здѣсь одинъ предсказатель великій и мудрый

Тѣлемъ, Эвритіевъ сынъ, знаменитѣйшій въ людяхъ всевидецъ;

⁵¹⁰Жиль и состарѣлся онъ, прорицая, въ землѣ у циклоповъ.
Вѣдая все, что должно совершиться въ грядущемъ, предрекъ онъ
Мнѣ, что рука Одиссеева зрѣнье мое уничтожить.

Я же все думалъ, что явится мужъ благовидный, высокий
Ростомъ, божественной силою мышцъ обладающій смертный....

⁵¹⁵Что же? Меня малорослый уродъ, человѣчишко хилый
Зрѣнья лишилъ, напередъ вѣроломно виномъ опьянивши.

Если жъ ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
Стану молить Посидона, чтобъ путь совершилъ ты безбѣдно
По морю; сынъ я ему; онъ отцомъ мнѣ слыветъ; и одинъ онъ,

⁵²⁰Если захочетъ, погибшее зрѣнье мое возвратитъ мнѣ
Можетъ—одинъ онъ, никто изъ людей, и никто изъ бессмертныхъ.—

Такъ говорилъ Полифемъ. Я, отвѣтствуя, громко воскликнулъ:

О, когда бы я такъ же могъ вѣрно и гнусную вырвать

Душу твою изъ тебя и къ Аиду низвергнуть, какъ вѣрно

⁵²⁵То, что тебѣ колебатель земли не воротитъ ужъ глаза!—

Такъ отвѣчала я; тутъ началъ онъ, къ звѣздному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему Посидону владыкѣ:

Царь Посидонъ земледержецъ, могучій, лазурнокудрявый,

Если я сынъ твой и ты мнѣ отецъ, то не дай, чтобъ достигнуть

⁵³⁰Въ землю свою Одиссей, городовъ сокрушитель, Лаэртговъ

Сынъ, обладатель Итаки, меня ослѣпившій. Когда же [свой

Воля судьбы, чтобъ увидѣлъ родныхъ мой губитель, чтобъ въ домъ

Царскій достигнуть, чтобъ въ милую землю отцовъ возвратился,

Дай, чтобъ во многихъ напастяхъ, утративъ сопутниковъ, поздно

⁵³⁵Прибылъ туда на чужомъ кораблѣ онъ и встрѣтилъ тамъ горе.—

Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Посидономъ услышанъ.

Тутъ онъ огромнѣйшій перваго камень схватилъ и съ размаху

Въ море его съ непомерною силою пхнулъ; загудѣвши,

Онъ позади корабля темноносаго съ шумомъ великимъ

⁵⁴⁰Грянулся въ воду такъ близко къ нему, что едва не расплюснулъ

Нашей кормы; всколыхалось море отъ падшей громады:

Судно жъ волною помчало впередъ къ недалекому берегу

Острова козь; и вошли мы обратно въ ту пристань, гдѣ наши

Въ мѣстѣ защитномъ оставлены были суда, гдѣ печально

⁵⁴⁵Спутники въ скукѣ сидѣли и ждали, чтобъ мы воротились.

Къ берегу приставъ, быстроходный корабль на песокъ мы встали:
 Сами же вышли на брегъ, поражаемый шумно волнами.
 Тучныхъ циклоповыхъ козъ и барановъ собравши, добычу
 Стали дѣлить мы, чтобъ каждому должный достался участокъ;
⁵⁵⁰Мнѣ же отъ свѣтлообутыхъ спутниковъ въ даръ былъ особо
 Главный назначенъ баранъ и его принесли мы на брегъ
 Въ жертву Кроніону, тучъ собирателю, Зевсу владыкѣ.
 Тучныя бедра предъ нимъ мы сожгли. Но, отвергнувъ онъ жертву,
 Сталь замышлять, чтобъ бѣды претерпѣвъ, напоследокъ и всѣхъ я
⁵⁵⁵Спутниковъ вѣрныхъ и всѣхъ кораблей крѣпкозданныхъ лишился.
 Жертву принесли, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
 Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
 Тою порою померкнуло солнце и тьма наступила;
 Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
⁵⁶⁰Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
 Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, я велѣлъ, чтобъ они на проворныхъ
 Всѣ корабляхъ собралися и всѣ отвязали канаты.
 Спутники всѣ собралися и, сѣвши на лавкахъ у весель,
 Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
⁵⁶⁵Далѣе поплыли мы въ сокрушеніи великомъ о милыхъ
 Мертвыхъ; но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

ВЕЧЕРЬ ТРИЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Прибытіе на островъ Эолію. Эоль, повелитель вѣтровъ, даетъ Одиссею проводникомъ Зефира, и вручаетъ ему крѣпко завязанный мѣхъ съ заключенными въ немъ прочими вѣтрами. Находясь уже въ виду Итаки, Одиссей засыпаетъ. Его спутники развязываютъ мѣхъ; подымается сильная буря, которая приноситъ ихъ обратно къ Эолову острову. Но раздраженный Эоль повелѣваетъ Одиссею удалиться. Лестригоны истребляютъ одиннадцать кораблей Одиссеевыхъ; съ послѣднимъ пристаеъ онъ къ острову Цирцеи. Волшебница превращаетъ въ свиней его спутниковъ, но Эрміи даетъ ему средство разрушить ея чародѣйство. Одиссей, одолѣвъ Цирцею, убѣждаетъ ее возвратитъ человѣческій образъ его спутникамъ. Проведя годъ на ея островѣ, онъ требуетъ наконецъ, чтобы она возвратила его въ отечество; но Цирцея поле-

лѣваетъ ему прежде посѣтить Океанъ и у входа въ область Аида попросить про-
рочателя Тирезіа о судьбѣ своей. Смерть Эльпенора.

Скоро на островъ Эолію прибыли мы; обитаетъ

Ипотовъ сынъ тамъ, Эоль благородный, богами любимый.

Островъ пловучій его неприступною мѣдной стѣною

Весь обнесенъ; берега жъ поднимаются гладкимъ утесомъ.

⁵Тамъ отъ супруги двѣнадцать дѣтей родилося Эолу,

Шесть дочерей свѣтлоликихъ и шесть сыновей многосильныхъ.

Выростивъ ихъ, сыновьямъ дочерей онъ въ супружество отдалъ.

Днемъ съ благороднымъ отцомъ и заботливой матерью вмѣстѣ

Всѣ за трапезой, уставленной яствами, сладко пируютъ

¹⁰Въ залѣ они, благовонной отъ запаха пищи и игнѣемъ

Флейтъ оглашаемой; ночью же, каждый съ своею супругой,

Спать на рѣзныхъ, дорогими коврами покрытыхъ кроватяхъ. [льи]

Въ градъ ихъ прибывши, мы въ домъ ихъ богатый вступили; тамъ цѣ-

Мѣсяць Эоль угощалъ насъ радушно и съ жадностью слушалъ

¹⁵Повѣсть о Троѣ, о битвахъ аргивянъ, о ихъ возвращеньи;

Все любопытный заставилъ меня рассказать по порядку.

Но напоследокъ, когда обратился я, въ путь изготовясь,

Съ просьбой къ нему отпустить насъ, на то согласясь благосклонно,

Далъ онъ мнѣ сшитый изъ кожи быка девятигодоваго

²⁰Мѣхъ съ заключенными въ немъ буреносными вѣтрами; былъ онъ

Ихъ господиномъ, по волѣ Кроніона Діа, и всѣхъ ихъ

Могъ возбуждать, иль обуздывать, какъ приходило желанье.

Мѣхъ на просторномъ моемъ кораблѣ онъ серебряной нитью

Туго стянулъ, чтобъ ни малаго быть не могло дуновенья

²⁵Вѣтровъ; Зефиру лишь далъ повелѣнье дыханьемъ попутнымъ

Насъ въ корабляхъ по водамъ провозать; но домой возвратиться

Дій не судилъ намъ: своей безразсудностью всѣ мы погибли.

Девять мы сутокъ и денно и ночью свой путь совершали;

Вдругъ на десятыя сутки явился намъ берегъ отчины.

³⁰Былъ онъ ужъ близко; на немъ всѣ огни ужъ могли различить мы.

Въ это мгновенье въ глубокій я сонъ погрузился, понеже

Правиль до тѣхъ поръ кормиломъ одинъ, никому не желая

Ввѣрить его, чтобъ успѣшнѣй достигнуть отчины любезной.

Спутники тою порою завели разговоръ; полагали

³⁵Всѣ, что съ собою имѣлъ серебра я и золота много,
 Мнѣ на прощаніи данныхъ царемъ благороднымъ Эоломъ.
 Глядя другъ на друга, такъ разсуждали они межъ собою:
 Боги! какъ всюду его одного уважають и любятъ
 Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумалъ
⁴⁰Онъ посѣтитъ. Ужъ и въ Троѣ онъ много сокровищъ отъ разныхъ
 Собралъ добычъ; мы одно претерпѣли, одинъ совершили
 Путь съ нимъ — а въ домъ свой должны возвратиться съ пустыми
 Такъ и Эолъ; лишь ему одному онъ богатый подарокъ [руками.
 Сдѣлалъ; посмотримъ же, что имъ такъ плотно завязано въ этомъ
⁴⁵Мѣхѣ: ужъ вѣрно найдемъ серебра тамъ и золота много.—
 Такъ говорили одни; ихъ одобрили всѣ остальные.
 Мѣхъ былъ развязанъ и шумно исторглися вѣтры на волю;
 Бурю воздвигнувъ, они съ кораблями ихъ, громко рыдавшихъ,
 Снова отъ берега отчизны умчали въ открытое море.
⁵⁰Я пробудился и долго умомъ колебался, не зная
 Что мнѣ избрать, самого ли себя уничтожить, въ пучину
 Бросясь, иль, молча судьбѣ покорясь, межъ живыми остаться.
 Я покорился судьбѣ, и на днѣ корабля, завернувшись
 Въ мантію, тихо лежалъ. Къ Эолійскому острову снова
⁵⁵Бурею наши суда принесло. Всѣ товарищи съ плачемъ
 Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
 Наскоро легкій обѣдъ мы у быстрыхъ судовъ совершили.
 Свой удовольствовавъ голодъ ѣдой и питьемъ, я съ собою
 Взялъ одного изъ товарищей нашихъ съ глашатаемъ; прямо
⁶⁰Къ дому Эола царя мы пошли и его тамъ застали
 вмѣстѣ съ женой и со всѣми дѣтьми за семейнымъ обѣдомъ.
 Въ двери палаты вступивъ, я съ своими людьми на порогѣ
 Сѣлъ; изумилась царева семья; всѣ воскликнулі вмѣстѣ:
 Ты ль Одиссей? Не зловредный ли Демонъ къ тебѣ прикоснулся?
⁶⁵Здѣсь мы не все ль учредили, чтобъ ты безпрепятственно прибылъ
 Въ землю отцовъ иль въ иную какую желанную землю?—
 Такъ говорили они; съ сокрушеньемъ души отвѣчалъ я:
 Сонъ роковой и безуміе спутниковъ мнѣ приключили
 Бѣдствіе злое; друзья, помогите; вамъ это возможно.—
⁷⁰Такъ я сказалъ, умоляющимъ словомъ смягчить ихъ надѣясь.

Всѣ замолчали они; но отецъ мнѣ отвѣтствовалъ съ гнѣвомъ:
 Прочь, недостойный! немедля мой островъ покинь; нещирлино
 Намъ подъ защиту свою принимать челоуѣка, который
 Такъ очевидно безсмертнымъ, блаженнымъ богамъ ненавистенъ.—
⁷⁵Прочь! ненавистный блаженнымъ богамъ и для васъ ненавистенъ.
 Кончивъ, меня онъ, рыдаваго жалобно, изъ-дому выслалъ.
 Далѣ поплыли мы въ сокрушеніи сердца великомъ.
 Люди мои, утомяся отъ гребли, утратили бодрость,
 Помощи всякой лишеныя собственнымъ жалкимъ безумствомъ.
⁸⁰Денно и ношно шесть сутокъ носясь по водамъ, на седьмыя
 Прибыли мы къ многовратному граду въ странѣ лестригоновъ
 Ламосу. Тамъ, возвращаясь съ поля, пастухъ вызываетъ
 На поле выйти другаго; легко бѣ несонливый работникъ
 Плату двойную тамъ могъ получать, выгоняя пастися
⁸⁵Днемъ бѣлорунныхъ барановъ, а ночью быковъ криворогихъ;
 Ибо тамъ паства дневная съ ночью сближается паствой. *опредѣл. кр. р. 1879*
 Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ утесы, *и. 1879.*
 Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись подлѣ
 Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя бездны
⁹⁰Моря торчащими камнями, входъ и исходъ заграждая.
 Люди мои, съ кораблями въ просторную пристань проникнувъ,
 Ихъ утвердили въ ея глубинѣ и связали, у берега тѣснымъ
 Рядомъ поставивъ: тамъ волю никогда ни великихъ ни малыхъ
 Нѣтъ, тамъ равниною гладкою лоно морское сіяетъ.
⁹⁵Я же свой черный корабль помѣстилъ въ отдаленія отъ прочихъ,
 Около устья, канатомъ его привязавъ подъ утесомъ.
 Послѣ взошелъ на утесъ и стоялъ тамъ, кругомъ озираясь:
 Не было видно нигдѣ ни быковъ, ни работниковъ въ полѣ;
 Изрѣдка только, взвиваяся, дымъ отъ земли подымался.
¹⁰⁰Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ я выбралъ
 [Третій былъ съ ними глашатай] и свѣдаты послалъ ихъ, къ какимъ мы
 Людямъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ плодоносной, достигли?
 Гладкая скоро дорога представилась имъ, по которой
 Въ городъ дрова на возахъ съ окружающихъ горъ доставлялись.
¹⁰⁵Сильная дѣва имъ встрѣтилась тамъ, за водою съ кувшиномъ
 За городъ вышла она; лестригонъ Антифатъ былъ отецъ ей;

Встрѣтились съ нею они при ключѣ Артакійскомъ, въ которомъ
Черпали свѣтлую воду всѣ, жившіе въ городѣ близкомъ.
Къ ней подошедши, они ей сказали: желаемъ узнать мы,
¹¹⁰Дѣва, кто властвуетъ здѣшнимъ народомъ и здѣшней страной?
Домъ Антифата отца своего имъ она указала.

Въ домъ тотъ высокій вступивши, они тамъ супругу владыки
Встрѣтили, ростомъ съ великую гору—они ужаснулись.

Та же велѣла скорѣй изъ собранья царя Антифата

¹¹⁵Вызвать; и онъ, прибѣжавъ на погибель товарищей нашихъ,

Жадно схватилъ одного и сожралъ; то увидя, другіе

Бросились въ бѣгство и быстро къ судамъ возвратились; онъ же

Началъ ужасно кричать и встревожилъ весь городъ; на громкій

Крикъ отовсюду сбѣжалась толпа лестригоновъ могучихъ;

¹²⁰Много сбѣжалось ихъ, великанамъ, не людямъ подобныхъ.

Съ крути утесовъ они черезъ силу подъемные камни

Стали бросать; на судахъ поднялася тревога—ужасный

Крикъ убиваемыхъ, трескъ отъ крушенья снастей; тутъ злосчастныхъ

Спутниковъ нашихъ, какъ рыбъ, нанизали на колья, и въ городъ

¹²⁵Всѣхъ унесли на съѣденіе. Въ то время, какъ бѣдственно гибли

Въ пристани спутники, острый я мечъ обнажилъ и, отсѣкши

Крѣпкій канатъ, на которомъ стоялъ мой корабль темноносый,

Людямъ, собравшимся въ ужасѣ, молча, кивнулъ головою,

Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть

¹³⁰Близкой бѣды: устрашенные дружно ударили въ весла.

Мимо стремнистыхъ утесовъ въ открытое море успѣшно

Выплылъ корабль мой; другіе же всѣ невозвратно погибли.

Далѣе поплыли мы, въ сокрушеніи великомъ о милыхъ

Мертвыхъ; но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.

¹³⁵Мы напоследокъ достигли до острова Эи. Издавна

Сладкорѣчивая, свѣтлокудрявая тамъ обитаетъ

Дѣва Цирцея, богиня, сестра кознодѣя Аэта.

Былъ ихъ родителемъ Геліосъ, богъ, озаряющій смертныхъ;

Мать же была ихъ прекрасная дочь Океанова, Перса.

¹⁴⁰Къ берегу крутому приставъ съ кораблемъ, потаенно вошли мы

Въ тихую пристань: дорогу намъ богъ указалъ благосклонный.

На берегъ вышедъ, на немъ мы остались два дня и двѣ ночи,

Въ силахъ своихъ изнуренныя, съ тяжкой печалію сердца.

Третій намъ день привела свѣтозарно-кудрявая Эось.

¹⁴⁵Взявши копьѣ и двуострый свой мечъ опоясавъ, пошелъ я [дать
Съ мѣста, гдѣ былъ нашъ корабль, на утесистый берегъ, чтобъ свѣ-
Гдѣ мы? Не встрѣчу ль людей? Не послышится ль чей нибудь го-
Ставъ на вершинѣ утеса, я взоромъ окинулъ окрестность. [лосъ?
Дымъ, отъ земли путеносной вдали восходящій, увидѣлъ.

¹⁵⁰Я за ширококоразросшимся лѣсомъ въ жилищѣ Цириен.

Долго разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зпалъ я, идти ли
Къ мѣсту тому мнѣ гдѣ дымъ отъ земли подымался багровый?

Дѣло обдумавъ, увѣрился я наконецъ, что удобнѣй

Было сначала на брегъ, гдѣ стоялъ нашъ корабль, возвратиться,

¹⁵⁵Тамъ отобѣдать съ людьми и, надежнѣйшихъ выбравъ, отправить

Ихъ за вѣстями. Когда жъ къ кораблю своему подходилъ я.

Сжалился благостный богъ надо мной одинокомъ: навстрѣчу

Мнѣ онъ оленя богаторогатаго, тучнаго выслалъ;

Нажить лѣсную покинувъ, къ студеной рѣкѣ съ несказанной

¹⁶⁰Каждой бѣжалъ онъ, измученный зноемъ полдневнаго солнца.

Мѣткое бросивъ копьѣ, поразилъ я бѣгущаго звѣря

Въ спину: ее проколовши насквозь, остриемъ на другой бокъ

Вышло копьѣ; застонавъ, онъ упалъ и душа отлетѣла.

Ногу уперши въ убитаго, вынулъ копьѣ я изъ раны,

¹⁶⁵Подлѣ него на землѣ положилъ и немедля болотныхъ

Гибкихъ тростинокъ нарвалъ, чтобъ веревку въ три локтя длиною

Свить, переплетши тростинки и плотно скрутивъ ихъ. Веревку

Свивши, связалъ я оленю тяжелому длинныя ноги;

Между ногами просунувши голову, взялъ я на плечи

¹⁷⁰Носу, и съ нею пошелъ къ кораблю, на копьѣ опираясь:

Просто жъ ее на плечахъ я не могъ бы одною рукою

Снести: былъ чрезмѣрно огроменъ олень. Передъ судномъ на землю

Бросилъ его я, людей разбудилъ, и привѣтствовалъ всѣхъ ихъ,

Такъ имъ сказалъ: ободритесь, товарищи, въ область Анда

¹⁷⁵Прежде, пока не наступитъ нашъ день роковой, не сойдемъ мы:

Станемъ же нынѣ [ѣдой нашъ корабль запасенъ изобильно]—

Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голодь.—

Было немедля мое повелѣнье исполнено: снявши

Верхнія платья, они собрались у бесплоднаго моря;
¹⁸⁰Всѣхъ ихъ олень изумилъ, несказанно-великій и тучный;
 Очи свои удовольствовавъ сладостнымъ зрѣніемъ, умыли
 Руки они и поспѣшно обѣдъ приготовили вкусный.
 Цѣлый мы день до вечерняго сумрака, сидя на брегѣ,
 Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались;
¹⁸⁵Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тьма наступила ночная;
 Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
 Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось.
 Спутниковъ вѣрныхъ своихъ на совѣтъ пригласивъ, я сказалъ имъ:
 Спутники вѣрные, слушайте то, что скажу вамъ, печальный:
¹⁹⁰Намъ неизвѣстно, гдѣ западъ лежитъ, гдѣ является Эось,
 Гдѣ свѣтоносный подъ землю спускается Гелиосъ, гдѣ онъ
 На небо всходитъ; должны мы теперь совокушно размыслить,
 Можно ли чѣмъ отъ бѣды намъ спастися; я думаю, нечѣмъ.
 Съ этой крутой высоты я окрестность окинулъ глазами:
¹⁹⁵Островъ, безбрежною бездною морской, какъ вѣщомъ, окруженный,
 Плоско на влагѣ лежащій, увидѣлъ я; дымъ подымался
 Густо вдали изъ широкорастущаго, темнаго лѣса.—
 Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце:
 Въ память пришли имъ и злой лестригонъ Антифатъ и надменный
²⁰⁰Силою своею циклопъ Полифемъ, людоедъ святотатный;
 Громко они застонали, обильнымъ потокомъ проливши
 Слезы—напрасно; отъ слезъ и отъ стоновъ ихъ не было пользы.
 Тутъ раздѣлить я рѣшился товарищей мѣднообутыхъ
 На двѣ дружины; одною дружиной начальствовалъ самъ я;
²⁰⁵Избранъ вождемъ былъ дружины другой Эврилохъ благородный.
 Жеребьи въ мѣдноокованномъ шлемѣ потомъ потрясли мы—
 Вынулся жеребій твердому сердцемъ вождю Эврилоху.
 Въ путь собрался онъ и съ нимъ двадцать два изъ товарищей на-
 Съ плачемъ они удалились, оставивъ насъ горемъ объятыхъ. [шххъ.
²¹⁰Скоро они за горами увидѣли крѣпкій Цирцеинъ
 Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ открытомъ.
 Около дома толпилися горные львы и лѣсные
 Волки: питьемъ очарованнымъ ихъ укротила Цирцея.
 Въмѣсто того, чтобъ напасть на пришельцевъ, они подбѣжали

²¹⁵Къ нимъ миролюбно, и ихъ окруживши, махали хвостами.
 Какъ къ своему господину, хвостами махая, собаки
 Ластятся—имъ же всегда онъ приноситъ остатки обѣда—
 Такъ остролапые львы и шершавые волки къ припельцамъ
 Ластились. Ихъ появленьемъ они приведенные въ ужась,
²²⁰Къ дому прекраспокудрявой богини Цирцеи поспѣшно
 Всѣ устремились. Тамъ голосомъ звонкопріятнымъ богиня
 Пѣла, сидя за широкой, прекрасной, божественно-тонкой
 Тканью, какая изъ рукъ лишь богини безсмертной выходитъ.
 Къ спутникамъ тутъ обратясь, Политось, мужей предводитель,
²²⁵Мнѣ межъ другими вѣрнѣйшій, любезнѣйшій другъ мой, сказалъ
 Слышите ль голосъ пріятный, товарищи? Кто-то, за тканью [имъ:
 Сидя, поетъ тамъ, гармоніей всю наполняя окрестность.
 Кто же? Богиня иль смертная? Голосъ скорѣй подадимъ ей.—
 Такъ онъ сказалъ имъ; они закричали, чтобъ вызвать пѣвицу.
²³⁰Вышла немедля она, и блестящую дверь растворивши,
 Въ домъ пригласила вступить ихъ; забывъ осторожность, вступили
 Всѣ; Эврилохъ лишь одинъ назади, усомнившись, остался.
 Чиномъ гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
 Смѣси изъ сыра и меду съ ячменной мукой и съ прамнейскимъ
²³⁵Свѣтлымъ виномъ подала имъ, подсыпавъ волшебнаго зелья
 Въ чашу, чтобъ память у нихъ объ отчизнѣ пропала; когда же
 Ею былъ поданъ, а ими отвѣданъ напитокъ, ударомъ
 Быстрымъ жезла загнала чародѣйка въ свиную закуту
 Всѣхъ; очутился тамъ каждый съ щетинистой кожей, съ свиною
²⁴⁰Мордой и съ хрюкомъ свиннымъ, не утративъ однако разсудка.
 Плачущихъ всѣхъ заперла ихъ въ закутѣ волшебница, бросивъ
 Имъ желудей и свидаины и буковыхъ длкихъ орѣховъ
 Въ пищу, къ которой такъ лакомы свиньи, любящія рыломъ
 Землю копать. Къ кораблю Эврилохъ прибѣжалъ той порою
²⁴⁵Съ вѣстью плачевной о бѣдствіи, спутниковъ нашихъ постигшемъ.
 Долго не могъ, сколь ни силился, слово сказать онъ, могучимъ
 Горемъ проникнутый въ сердце; слезами наполнены были
 Очи его, и душа въ немъ терзалась отъ скорби; когда же
 Всѣ мы его въ изумлени великомъ разпрашивать стали,
²⁵⁰Такъ рассказалъ онъ мнѣ повѣсть о бѣдствіи посланныхъ нашихъ:

Лѣсъ перешедши, какъ ты повелѣлъ, Одиссей многославный,
 Скоро мы тамъ за горами увидѣли крѣпкій Цирцеинъ
 Домъ, сгромажденный изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ открытомъ.
 Въ немъ, мы услышали, пѣла прекрасно пѣвица, за тканью
²⁵⁵Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчасъ мы голосъ
 Подали; вышла она, и блестящую дверь растворивши,
 Въ домъ насъ вступить пригласила; забывъ осторожность, вступили
 Всѣ; я остался одинъ назади, предузнавши погибель;
 Всѣ тамъ исчезли они и обратно никто ужъ не вышелъ.
²⁶⁰Долго я ждалъ; напоследокъ ушелъ, ничего не узнавши.—
 Такъ онъ сказалъ; и немедля, надѣвъ на плечо среброгвоздный,
 Мѣдный, двустрый мой мечъ и схвативши свой тугосогбенный
 Лукъ, я велѣлъ Эврилоху меня проводить, возвратившись
 Той же дорогой со мною; но онъ, на колѣна въ великомъ
²⁶⁵Страхѣ упавъ, мнѣ съ рыданіемъ бросилъ крылатое слово:
 Нѣтъ, повелитель, позволь за тобой не ходить мнѣ; увѣренъ
 Я, что ни самъ ты назадъ не придешь, ни другихъ не воротитъ
 Спутниковъ нашихъ; совѣтую лучше, какъ можно скорѣе
 Бѣгствомъ спастись, иль всѣ мы ужаснаго дня не минемъ.—
²⁷⁰Такъ говорили Эврилохъ, и ему отвѣчая, сказала я:
 Другъ Эврилохъ, принуждать я тебя не хочу; оставайся
 Здѣсь, при моемъ кораблѣ утѣшаться питьемъ и ѣдою;
 Я же пойду; непреклонной нуждѣ покориться мнѣ должно.—
 Съ сими словами пошелъ я отъ моря, корабль тамъ оставивъ.
²⁷⁵Той же порой, какъ въ святую долину спустяся, ужъ былъ я
 Близко высокаго дома волшебницы хитрой Цирцеи,
 Эрмій съ жезломъ золотымъ предъ глазами моими, нежданнй,
 Сталь, заступивъ мнѣ дорогу; плѣнительный образъ имѣлъ онъ
 Юпоши съ дѣвственнымъ пухомъ на свѣжихъ ланитахъ, въ прекра-
²⁸⁰Младости цвѣтѣ. Мнѣ ласково руку подавши, сказалъ онъ: [сномъ
 Стой, злополучный, куда по горамъ ты бредешь одиноко,
 Здѣшняго края не вѣдая? Люди твои у Цирцеи;
 Всѣхъ обратила въ свиней чародѣйка и въ хлѣвъ заперла свой.
 Ихъ ты избавить спѣшишь; но и самъ, опасаясь, оттуда
²⁸⁵Цѣль не уйдешь; и съ тобою случится, что съ ними случилось.
 Слушай однако: тебя отъ бѣды я великой избавить

Средство имѣю; дамъ зелья тебѣ; ты въ жилище Цирцен
 Смѣло поди съ нимъ; оно охранить отъ ужаснаго часа.
 Я же тебѣ расскажу о волшебствахъ коварной богини:
²⁹⁰Пошло она приготовить и зелья въ то пошло подсыплетъ.
 Но надъ тобою не подѣйствуютъ чары; чудесное средство,
 Данное мною, ихъ силу разрушить. Послушай: какъ скоро
 Мощнымъ жезломъ чародѣйнымъ Цирцея къ тебѣ прикоснется,
 Острый свой мечъ обнаживъ, на нее устремись ты немедля,
²⁹⁵Быстро, какъ будто ее умертвить вознамѣрясь; въ испугѣ
 Станетъ на ложе съ собою тебя призывать чародѣйка—
 Ты не подумай отречься отъ ложа богини: избавишь
 Спутниковъ, будешь и самъ гостелюбно богиню принятьъ.
 Только потребуй, чтобъ прежде она поклялася великой
³⁰⁰Клятвой, что вреднаго замысла противъ тебя не имѣетъ:
 Иначе мужество, ею ослабленный, все ты утратишь.—
 Съ сими словами растенье мнѣ подаль божественный Эрмій,
 Вырвавъ его изъ земли и природу его объяснивъ мнѣ:
 Корень былъ черный, подобенъ былъ цвѣтъ молоку бѣлизною:
³⁰⁵Мѣли его называютъ безсмертные; людямъ опасно
 Съ корнемъ его вырывать изъ земли, но богамъ все возможно.
 Эрмій, подавъ мнѣ растенье, на свѣтлый Олимпъ удалился.
 Я же пошелъ вдоль лѣсистаго острова къ дому Цирцен,
 Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
³¹⁰Ставъ передъ дверью прекраснокудрявой богини, я громко
 Началъ ее вызывать; и услышавъ мой голосъ, не медля
 Вышла она, отворила блестящія двери, и въ домъ дружелюбно
 Мнѣ предложила вступить; съ сокрушеніемъ сердца вступилъ я.
 Введши въ покои меня и на стулъ посадивъ среброгвоздный
³¹⁵Рѣдкой работы [для ногъ же была тамъ скамейка], богиня
 Въ чашу златую влила для меня свой напитокъ; но прежде,
 Злое замысливъ, подсыпала зелья въ него; и когда онъ
 Ею былъ поданъ, а мною безвредно отвѣданъ, свершила
 Чару она, давъ ударъ мнѣ жезломъ и сказавъ мнѣ такое
³²⁰Слово: иди, и свиньею валяйся въ закутѣ съ другими.
 Я же свой мечъ изощренный извлекъ и его, подбѣжавъ къ ней,
 Поднялъ, какъ будто ее умертвить вознамѣрившись; громко

Вскрикнувъ, она отъ меча увернулась, и съ плачемъ великимъ
Сжавши колѣна мои, мнѣ крылатое бросила слово:

325 Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь?

Я въ изумленьи; питья моего ты отвѣдалъ и не былъ
Имъ превращенъ; а доселѣ никто не избѣгъ чародѣйства,
Даже и тотъ, кто не пивъ, лишь губами къ питью прикасался.
Сердце желѣзное бьется въ груди у тебя; и конечно

330 Ты Одиссей, многохитростный мужъ, о которомъ давно мнѣ
Эрмій, носитель жезла золотого, сказалъ, что сюда онъ
Будетъ, на черномъ пlying кораблѣ отъ разрушенной Трои.

Вдвинь же въ ножны мѣдноострый свой мечъ и со мною
Ложе мое раздѣли: сочетавшись любовью на сладкомъ

335 Ложѣ, другъ другу довѣрчиво сердце свое мы откроемъ.—
Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказала я:

Какъ же могу, о Цирцея, твоимъ быть довѣрчивымъ другомъ,
Если въ свиней обратила моихъ ты сопутниковъ? Мнѣ же,
Гибельный вѣрно замысла обманъ, ты теперь предлагаешь

340 Ложе съ тобой раздѣлить, затворившись въ твоей почивальнѣ—
Тамъ у меня безоружнаго мужество все ты похитишь.

Нѣтъ, не надѣйся, чтобъ ложе твое раздѣлилъ я съ тобою
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой
Клятвы, что вреднаго замысла противъ меня не имѣешь.—

345 Такъ я сказала, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила,
Съ нею въ ея почивальнѣ я легъ на прекрасное ложе.

Тою порою заботились въ свѣтлыхъ покояхъ четыре
Дѣвы, служанки проворныя, все учреждавшія въ домѣ;

350 Всѣ онѣ дочери были потоковъ и роцъ и священныхъ
Рѣкъ, въ необъятное лоно глубокаго моря бѣгущихъ.

Дѣва одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышныя сверху ковры, на ковры жъ полотняныя ткани.

Къ каждымъ кресламъ другая серебряный чудной работы

355 Столъ пододвинула съ хлѣбомъ въ златыхъ драгоценныхъ корзи-
Третья смѣшала въ кратерѣ серебряной воду съ медвянымъ, [нахъ.
Сладкимъ виномъ; на столы же поставила кубки златые.

Свѣтлой воды принесла напостѣдокъ четвертая дѣва:

Яркій огонь разложивъ подъ треножнымъ котломъ, вскипятила
 360 Воду она; вскипятивши же воду въ котлѣ, осторожно
 Стала сама, изъ котла подливая воды вскипяченной
 Въ свѣжую воду, плеча орошать мнѣ и голову теплой
 Влагой: и тѣмъ прекратилось томившее духъ разслабленье
 Тѣла. Когда жъ и омыть я и чистымъ натертъ быть елеемъ.
 365 Легкій надѣвши хитонъ и косматую мантию, съ дѣвой
 Въ свѣтлый покой я вступилъ, и она къ среброгвозднымъ, богатымъ
 Кресламъ меня проводила—была тамъ для ногъ и скамейка.
 Тутъ принесла на лахани серебряной руки умытъ мнѣ
 Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,
 370 Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
 Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
 Выданнымъ ею охотно, и стала меня дружелюбно
 Подчивать вкусною пищею; но пища была мнѣ противна.
 Думой объятый, сидѣлъ я съ недобрымъ предчувствіемъ въ сердцѣ.
 375 Видя, что думой объятый сижу и что къ лакомою пищѣ
 Рукъ не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
 Близко ко мнѣ подошедши, крылатое бросила слово:
 Что у тебя на душѣ, Одиссей? Отчего такъ уныло
 Здѣсь ты сидишь, какъ нѣмой, ни ѣды ни питья не вкушая?
 380 Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасенъ
 Страхъ твой; ты слышала, тебѣ поклялась я великою клятвой.—
 Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказала я:
 О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящій,
 Мужъ согласится себя утѣшать и питьемъ и ѣдою,
 385 Прежде, пока не увидитъ своимъ глазами спасенья
 Спутниковъ? Если желаешь, чтобъ пища твоей я коснулся,
 Спутниковъ дай мнѣ спасенье своими глазами увидѣть.—
 Такъ я сказалъ, и немедля съ жезломъ изъ покоевъ Цирцея
 Вышла, къ закутѣ свиной подошла, и ее отворивши,
 390 Ихъ, превращенныхъ въ свиней девятигодовалыхъ, оттуда
 Вывела; стали они передъ нею; она жъ, обошедъ ихъ
 Всѣхъ, поочередно помазала cadaго мазью, и разомъ
 Спала съ ихъ тѣла щетина, его покрывавшая густо
 Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Цирцея дала имъ волшебнаго зелья:

³⁹⁵Прежній свой видъ возвративъ, во мгновенье всѣ стали моложе,
Силами крѣпче, красивѣй лицомъ и возвышеннѣй станомъ;
Всѣ во мгновенье узнали меня и ко мнѣ протянули
Радостно руки; потомъ зарыдали отъ скорби; ихъ воплемъ
Домъ огласился; проникнула жалость и въ душу Цирцеи.

⁴⁰⁰Близко ко мнѣ подошедши богиня богинь мнѣ сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и вѣрнымъ
Спутникамъ всѣмъ совокупно втащить повели на зыбучій
Берегъ корабль твой; потомъ, всѣ богатства и снасти въ пещерѣ

⁴⁰⁵Скрывъ и товарищей взявши съ собою, сюда возвратися.—
Такъ мнѣ сказала, и я покорился ей мужескимъ сердцемъ.
Шагомъ поспѣшнымъ пришедъ къ кораблю на песчаное взморье.
Близъ корабля я на брегѣ нашель всѣхъ товарищей вѣрныхъ,
Стоящихъ громко, изъ глазъ изобильныя слезы ллющихъ.

⁴¹⁰Какъ запертые въ закутахъ телята, увидя идущихъ
Съ паствы коровъ, нанитавшихся сочной травой луговою,
Всѣ имъ на встрѣчу бѣгутъ, изъ заградъ вырываяся тѣсныхъ,
Всѣ окружають, мыча, возвратившихся съ пажити матокъ:

Такъ побѣжали толпою, увидя меня издалѣка,
⁴¹⁵Спутники всѣ мнѣ навстрѣчу; и сильно проникла ихъ сердце
Радость, какъ будто бѣ въ родную они возвратились Итаку,
Въ наше отечество милое, гдѣ родились и цвѣли мы.

Горько заплакавъ, они мнѣ крылатое бросили слово:
Радостно намъ возвращенье твое, повелитель, какъ будто бѣ

⁴²⁰Въ наше отечество, въ нашу Итаку мы вдругъ возвратились.

Но не скрывайся, скажи, гдѣ товарищи? Что ихъ постигло?—
Такъ говорили они, вопрошая; имъ такъ отвѣчалъ я:

Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучій
Берегъ всташите; въ пещерѣ потомъ всѣ богатства и снасти

⁴²⁵Скройте; потомъ соберитесь и слѣдуйте смѣло за мною.

Къ спутникамъ васъ поведу я въ святую обитель Цирцеи.

Всѣхъ ихъ, питьею и ѣдой веселящихся, тамъ вы найдете.—
Было немедля мое повелѣнье исполнено ими.

Но Эврилохъ, вопреки мнѣ, хотѣлъ удержать ихъ; онъ смѣло,

⁴³⁰Голосъ возвысивъ, товарищамъ бросить крылатое слово:

Стойте; куда вы безумцы? За нимъ по слѣдамъ вы хотите
 Въ домъ чародѣйки опасной идти? Но она превратитъ васъ [гривыхъ.
 Всѣхъ иль въ свиней иль въ шершавыхъ волковъ иль въ лѣсныхъ густо-
 Львовъ, чтобъ ея стерегли вы жилище; тамъ съ вами случится
⁴³⁵То жъ, что случилось въ пещерѣ циклона, куда безразсудно
 Наши товарищи слѣдомъ за дерзкимъ вошли Одиссеемъ.
 Онъ, необузданный, былъ ихъ погибели жалкой виною.—
 Такъ говорилъ Эврилохъ и меня побуждало ужь сердце
 Мечь длинноострый схватить и его обнаженною мѣдью
⁴⁴⁰Голову съ плечъ непокорнаго сбросить на землю, хотя онъ
 Былъ мнѣ и родственникъ близкій; но спутники всѣ, удержавши
 Руку мою, обратили ко мнѣ миротворное слово:
 Если желаешь, божественный, пусть Эврилохъ остается
 У моря здѣсь съ кораблемъ и его сторожить неусынно;
⁴⁴⁵Мы же пойдемъ за тобою въ святую обитель Цирцеи.—
 Всѣхъ ихъ отъ моря повель я, корабль нашъ покинувъ на брегѣ;
 Но Эврилохъ не остался одинъ съ кораблемъ и за нами
 Слѣдомъ пошелъ, приведенный моими угрозами въ трепеть.
 Тою порой остальные товарищи въ домѣ Цирцеи
⁴⁵⁰Баней себя освѣжили; душистымъ натершись елеемъ,
 Въ легкой хитонъ и косматую мантию каждый облекся.
 Я, возвратясь, ихъ напелъ за роскошной трапезой сидящихъ.
 Свидясь съ друзьями и все рассказавъ о случившемся съ ними,
 Громко они зарыдали, ихъ воплемъ весь домъ огласился.
⁴⁵⁵Близко ко мнѣ подошедши, богиня Цирцея сказала:
 Царь Одиссей, многохитростный мужъ, Лаэртидъ благородный,
 Всѣ вы свою укротите печаль и отъ слезъ воздержитесь;
 Знаю довольно я, что на водахъ многорыбнаго моря,
 Что на землѣ отъ свирѣбныхъ людей претергѣли вы; горе
⁴⁶⁰Бросивъ теперь, наслаждайтесь питьемъ и ѣдою, покуда
 Въ вашей груди не родится то мужество снова, съ которымъ
 Нѣкогда въ путь вы пустились, разставшись съ отчизною милою,
 Съ вашей суровой Итакою. Нынѣ въ безсиліи робкомъ,
 Всѣ помышляя о странствіи бѣдственномъ, сердце веселью
⁴⁶⁵Вы затворяете—были велики страданія ваши.—
 Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.

Съ тѣхъ поръ вседневно, въ теченье мы цѣлаго года
 Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
 Но когда наконецъ обращенъеъ временемъ совершенъь быть
 470Кругъ годовой, миновались мѣсяцы, дни пролетѣли,
 Спутники всѣ приступили ко мнѣ съ убѣдительною рѣчью:
 Время, несчастный, тебѣ о возвратѣ въ Итаку подумать,
 Если угодно богамъ, чтобъ спаслись мы, чтобъ могъ ты увидѣть
 Свѣтлобогатый свой домъ и отчизну и милыхъ домашнихъ.—
 475Такъ мнѣ сказали, и я покорился имъ мужескимъ сердцемъ.
 Весело весь мы тотъ день до вечерняго поздняго мрака
 Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тьма наступила ночная.
 Спутники всѣ предалися въ потемнѣвшихъ палатахъ покою.
 480Я жъ, возвратясь къ Цирцеѣ, съ ней рядомъ на ложѣ роскошномъ
 Легъ, и колѣна ея обхватилъ, и богинѣ, склонившей
 Слухъ свой ко мнѣ со вниманіемъ, бросилъ крылатое слово:
 О Цирцея! исполни свое обѣщанье—въ отчизну
 Насъ возвратить; сокрушается сердце по ней; въ сокрушеньи
 485Спутники всѣ приступаютъ ко мнѣ и мою раздираютъ
 Душу [когда ты бываешь отсутственна] жалобнымъ плачемъ.—
 Такъ говорилъ я и такъ, отвѣчая, сказала богиня:
 О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
 Въ домѣ своемъ я тебя поневолѣ держать не желаю.
 490Прежде однако ты долженъ, съ пути уклонясь, проникнуть
 Въ область Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона.
 Душу пророка, слѣща, обладавшаго разумомъ зоркимъ,
 Душу Тирезія Фивскаго должно тебѣ спросить тамъ.
 Разумъ ему сохраненъ Персефоной и мертвому; въ адѣ
 495Онъ лишь съ умомъ, всѣ другіе безумными тѣнями вѣютъ.—
 Такъ говорила богиня; во мнѣ растерзалось сердце;
 Горько заплакалъ я, сидя на ложѣ; мнѣ стала противна
 Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго
 Рвался, и долго, простершись на ложѣ, рыдалъ безутѣшно.
 500Но напоследокъ, богинѣ отвѣтствуя, такъ я сказалъ ей:
 Кто жъ, о Цирцея, на этомъ пути провожатымъ мнѣ будетъ?
 Въ адѣ еще не бывалъ съ кораблемъ ни одинъ земнородный.—

Такъ спросилъ я богиню, и такъ мнѣ она отвѣчала:
 О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
⁵⁰⁵Вѣрь, кораблю твоему провожатый найдется; объ этомъ
 Ты не заботься; но, мачту поставивъ и парусъ поднявши,
 Смѣло плыви; твой корабль передамъ я Борею; когда же
 Ты, Океанъ въ кораблѣ поперегъ переплывши, достигнешь
 Низкаго берега, гдѣ дико растеть Персефонинъ широкій
⁵¹⁰Лѣсъ изъ ракичь, свой теряющихъ плодъ, и изъ тополея черныхъ,
 Вздвинувъ на брегъ, подъ которымъ шумить Океанъ водовратный,
 Черный корабль свой, вступи ты въ Аидову мглстую область.
 Быстро бѣжить тамъ Пирѣфлегетонъ въ Ахероново лоно
 Вмѣстѣ съ Копитомъ, великою вѣтвю Стикса; утесъ тамъ
⁵¹⁵Виденъ и объ подъ нимъ многошумно сливаются рѣки.
 Слушай теперь, и о томъ, что скажу, не забудь: подъ утесомъ
 Выкопавъ яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
 Три соверши возліанія мертвымъ, всѣхъ вмѣстѣ призвавъ ихъ:
 Первое смѣсю медвяной, другое виномъ благовоннымъ,
⁵²⁰Третье водою, и все пересыпавъ мукою ячменной,
 Дай обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ:
 Въ домъ возвратяся, корову, тельцовъ не имѣвшую, въ жертву
 Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоценностей много
 Бросить, Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить, особо
⁵²⁵Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвятивши.
 Послѣ [когда обѣщаніе дашь многославнымъ умершимъ]
 Черную овцу и чернаго съ нею барана—къ Эреву
 Ихъ обративъ головою, а самъ обратясь къ Океану—
 Въ жертву тѣнямъ принеси; и къ тебѣ тутъ немедля великой
⁵³⁰Придутъ толпою отшедшія души умершихъ; тогда ты
 Спутникамъ дай повелѣнье, содравши съ овцы и съ барана,
 Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежащихъ въ крови передъ вами,
 Кожу, ихъ бросить немедля въ огонь и призвать громогласно
 Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Персефону;
⁵³⁵Самъ же ты, острый свой мечъ обнаживши и съ нимъ передъ ямой
 Сѣвъ, запрещай приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усопшихъ
 Къ крови, куда отвѣта не дастъ вопрошенный Тирезій.
 Скоро и самъ онъ, представъ предъ тобой, повелитель народовъ,

Скажетъ тебѣ, гдѣ дорога, и дологъ ли путь, и успѣшно ль
⁵⁴⁰Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься.—

Такъ говорила она; той порой златотронная Эосъ
 Встала; богиня, въ хитонъ и хламиду меня облачивши,
 Свѣтлосеребряной ризой изъ тонководдушныя ткани
 Нѣжныя плечи одѣла свои, золотымъ драгоцѣннымъ

⁵⁴⁵Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы опустила.

Я же, чертоги ея перешедши, товарищей вѣрныхъ
 Всѣхъ разбудилъ, и привѣтствіе каждому сдѣлавъ, сказалъ имъ:
 Время, друзья, вамъ отъ сладкаго сна пробудиться; покиньте
 Ложе; пойдемъ; насъ богиня сама побуждаетъ къ отъѣзду.—

⁵⁵⁰Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.

Но и оттуда не могъ я отилыть безъ утраты печальной:

Младшій изъ всѣхъ на моемъ кораблѣ, Эльпеноръ, неотличный
 Смѣлостью въ битвахъ, нещедро умомъ отъ боговъ одаренный,
 Спать для прохлады ушелъ на площадку возвышенной кровли

⁵⁵⁵Дома Цирцея священнаго, крупкимъ виномъ охмѣленный.

Шумные сборы товарищей, въ путь ужъ готовыхъ, услышавъ,
 Вдругъ онъ вскочилъ, и отъ хмѣля забывъ, что назадъ обратиться
 Долженъ былъ прежде, чтобъ съ кровли высокой сойти по ступенямъ,

Прянулъ съ просонья впередъ, сорвался, и ударясь затылкомъ

⁵⁶⁰Оземь, сломилъ позвоночную кость, и душа отлетѣла

Въ область Аида. Тѣмъ временемъ спутникамъ такъ говорилъ я:

Мыслите вѣрно друзья вы, что въ милую землю отчизны

Мы возвращаемся? Путь намъ иной указала Цирцея:

Въ царствѣ Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона,

⁵⁶⁵Душу Тирезія Фивскаго долженъ сперва спросить я.—

Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце;

Пали на землю они, въ изступленіи волосы рвали,

Все понапрасну—отъ слезъ и отъ воплей намъ не было пользы.

Всѣ къ своему кораблю, на песчаномъ стоявшему брегѣ,

⁵⁷⁰Вмѣстѣ пошли мы, печальные, льющіе слезы обильно.

Тою порою на брегъ привела чернорунную овцу

Съ чернымъ бараномъ Цирцея, и тамъ ихъ оставя, межъ нами

Тихо прошла, невидимая... смертнымъ увидѣть не можно

Бога, когда приходя къ нимъ, онъ хочетъ остаться невидимъ.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

ВЕЧЕРЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Сѣверный вѣтеръ приноситъ корабль его къ берегамъ киммеріянъ, гдѣ потокъ Океана ввергается въ море; совершивъ жертву тѣнямъ, Одиссей призываетъ ихъ. Явленіе Эвменора; онъ требуетъ погребенія. Тѣшь Одиссеевой матери. Явленіе Тирезія и его предсказанія. Бесѣда Одиссея съ тѣнію матери. Тѣши древнихъ женъ выходятъ изъ Эрева и разсказываютъ о судьбѣ своей Одиссею. Онъ хочетъ прервать свою повѣсть, по Алкиной требуетъ, чтобы онъ ее кончилъ, и Одиссей продолжаетъ. Явленіе Агамемнона, Ахиллеса съ Патрокломъ, Антилохомъ и Аяксомъ. Видѣніе судящаго Миноса, звѣроловствующаго Оріона, казней Титія, Таитала и Сизифа, грознаго Праклова образа. Незапный страхъ побуждаетъ Одиссея возвратиться на корабль, и онъ ильветъ обратно по теченію водъ Океана.

Къ морю и къ ждавшему насъ на пескѣ кораблю собралися
 Всѣ мы и, сдвинувши черный корабль на священныя воды,
 Мачту на немъ утвердили и къ ней паруса привязали.
 Взявши барана и овцу съ собой, на корабль совокупно
¹⁵Всѣ мы взошли, сокрушенные горемъ, люющіе слезы.
 Былъ намъ по темнымъ волнамъ провозатымъ надежнымъ попутный
 Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
 Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней;
 Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
¹⁶Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинувся кормилу и вѣтру.
 Были весь день паруса путеводнымъ дыханіемъ полны.
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
 Скоро пришли мы къ глубокотекущимъ водамъ Океана;
 Тамъ киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно
¹⁷Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
 Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю ль
 Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
 Съ неба ль звѣздами обильнаго сходитъ, къ землѣ обращаясь;
 Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ.
²⁰Судно, прибывъ, на песокъ мы встали; барана и овцу
 Взяли съ собой и пошли по теченію водъ Океана
 Берегомъ къ мѣсту, которое мнѣ указала Цирцея,
 Давъ Перимеду держать съ Эврилохомъ звѣрей, обреченныхъ

Въ жертву, я мечъ обнажилъ мѣдноострый, и имъ ископавши
²⁵Яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
 Три совершилъ возліянія мертвымъ, мной призваннымъ вмѣстѣ:
 Первое смѣсю медвяной, второе виномъ благовоннымъ,
 Третье водой, и мукою ячменною все пересыпавъ,
 Далъ обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ:
³⁰Въ домъ возвратяся, корову, тельцовъ не имѣвшую, въ жертву
 Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоценностей много
 Бросить; Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить, особо
 Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвятивши.
 Давъ обѣщанье такое и сдѣлавъ воззваніе къ мертвымъ,
³⁵Самъ я барана и овцу надъ ямой глубокой зарѣзалъ;
 Черная кровь полилася въ нее, и слетѣлись толпою
 Души усопшихъ, изъ темныя бездны Эрева подыавшись:
 Души невѣсть, малоопытныхъ юношей, опытныхъ старцевъ,
 Дѣвъ молодыхъ, о утратѣ недолгія жизни скорбящихъ,
⁴⁰Бранныхъ мужей, мѣдноострымъ копьемъ пораженныхъ смертельно
 Въ битвѣ, и брони обрызганной кровью еще не сложившихъ.
 Всѣ онѣ, вылетѣвъ вмѣстѣ безчисленнымъ роємъ изъ ямы,
 Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ блѣднымъ.
 Кликнувъ товарищей, имъ повелѣлъ я съ овцы и съ барана,
⁴⁵Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежавшихъ въ крови передъ нами,
 Кожу содрать и, огню ихъ предавши, призвать громогласно
 Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Персефону.
 Самъ же я мечъ обнажилъ изощренный и съ нимъ передъ ямой
 Сѣлъ, чтобъ мѣшать приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усопшихъ
⁵⁰Къ крови, пока мнѣ отвѣта не дастъ вопрошенный Тирезій.
 Прежде другихъ предо мною явилась душа Эльпенора;
 Бѣдный, еще не зарытый, лежалъ на землѣ путеносной.
 Не былъ онъ нами оплаканъ; ему не свершивъ погребенья,
 Въ домѣ Цирцеи его мы оставили; въ путь мы слѣшили.
⁵⁵Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье мнѣ душу проникло.
 Голосъ возвысивъ, я мертвому бросилъ крылатое слово:
 Скоро же, другъ Эльпеноръ, очутился ты въ царствѣ Аида!
 Пѣшій проворнѣе былъ ты, чѣмъ мы въ кораблѣ быстроходномъ.—
 Такъ я сказалъ; простонавши печально, мнѣ такъ отвѣчалъ онъ:

⁶⁰О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей многославный,
Демономъ злымъ погублёнъ я и силой вина неслыханной;
Крѣпко на кровлѣ заснувъ, я забылъ, что назадъ надлежало
Прежде пойти, чтобъ по лѣстницѣ съ кровли высокой спуститься;
Бросаясь впередъ, я упалъ, и затылкомъ ударившись оземь,

⁶⁵Кость изломалъ позвоночную: въ область Аида мгновенно
Духъ отлетѣлъ мой. Тебя же любовью къ отсутственнымъ милымъ,
Вѣрной женою, отцомъ, воспитавшимъ тебя, и цвѣтущимъ
Сномъ, тобой во младенческихъ лѣтахъ оставленныхъ дома,
Нынѣ молю—[мнѣ извѣстно, что, область Аида покинувъ,

⁷⁰Ты въ кораблѣ возвратишься на островъ Цирцен]—о! вспомни,
Вспомни тогда обо мнѣ, Одиссей благородный, чтобъ не былъ
Тамъ неоплаканный я и безгробный оставленъ, чтобъ гнѣва
Мстящихъ боговъ на себя не навлекъ ты мою бѣдою.

Бросивши трупъ мой со всѣми моими доспѣхами въ пламень,

⁷⁵Холмъ гробовой надо мною насыпьте близъ моря сѣдаго;
Въ памятный знакъ же о гибели мужа для позднихъ потомковъ
Въ землю на холмѣ моемъ то весло водрузите, которымъ
Нѣкогда въ жизни, вашъ вѣрный товарищъ, я волны тревожилъ.—
Такъ говорилъ Эльпеноръ и ему отвѣчая, сказалъ я:

⁸⁰Все, злополучный, какъ требуешь, мною исполнено будетъ.—
Такъ мы, печально бесѣдая, другъ подлѣ друга сидѣли,
Я, отгоняющій тѣни отъ крови мечемъ обнаженнымъ,
Онъ, говорящій со мною, товарища прежняго призракъ.

Вдругъ подошло, я увидѣлъ, ко мнѣ привидѣнье умершей

⁸⁵Матери милой моей Антиклей, рожденной великимъ
Автоликономъ—ее межъ живыми оставилъ я дома,
Въ Трою отплывъ. Я заплакалъ, печаль мнѣ проникнула душу;
Но и ей, сколь ни тяжело то было душѣ, не пустилъ я
Къ крови: мнѣ не далъ отвѣта еще прорицатель Тирезій.

⁹⁰Скоро предсталъ предо мной и Тирезія Фивскаго образъ;
Былъ онъ съ жезломъ золотымъ, и меня онъ узналъ, и сказалъ мнѣ:
Что, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинувъ предѣлы
Свѣтлаго дня, подойти къ безотрадной обители мертвыхъ?

⁹⁵Но отклонися отъ ямы и къ крови мечемъ не пренятствуй

Мнѣ подойти, чтобъ напившись, могъ я по правдѣ пророчить.—
 Такъ онъ сказалъ; отслоняся отъ ямы, я мечъ среброгвозднѣй
 Вдвинулъ въ ножны; а Тирезій, напившись чернѣя крови,
 Слово ко мнѣ обратилъ и сказалъ мнѣ, по правдѣ пророча:
¹⁰⁰Царь Одиссей, возвращенія сладкаго въ домъ свой ты жаждешь;
 Богъ раздраженный его затруднить несказанно, понеже
 Гонить тебя колебатель земли Посидонъ; ты жестоко
 Душу разгнѣвалъ его ослѣвленіемъ милаго сына.
 Но, и ему вопреки, и бѣды повстрѣчавъ, ты достигнуть
¹⁰⁵Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйныхъ
 Спутниковъ; съ ними ты къ острову знойной Тринакрин, бездну
 Темнолазурнаго моря измѣривъ, корабль приведешь свой;
 Тучныхъ быковъ и волнистыхъ барановъ пасеть тамъ издавна
 Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.
¹¹⁰Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣдствія встрѣтишь,
 Если воздержисья руку поднять на стада Геліоса;
 Если же руку подымеши на нихъ, то пророчу погибель
 Веѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и сопутникамъ; самъ ты избѣгнешь
 Смерти, но бѣдственно въ домъ возвратишься, товарищей въ морѣ
¹¹⁵Веѣхъ потерявъ, на чужомъ кораблѣ, и не радость тамъ встрѣ-
 Буйныхъ людей тамъ найдешь ты, твое достоянѣ губящихъ, [тишь:
 Мучащихъ дерзкимъ своимъ сватовствомъ Пенелопу, дарами
 Брачными ей докучая; ты имъ отомстишь. Но когда ты,
 Праведно мстя, жениховъ, захватившихъ насильственно домъ твой,
¹²⁰Въ немъ умертвишь иль обманомъ, иль явною силой—покинувъ
 Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься
 Странствовать снова и странствуй, куда людей не увидишь,
 Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,
 Также не зрѣвшихъ еще ни въ волнахъ кораблей быстроходныхъ.
¹²⁵Пуриурно-грудыхъ, ни весель, посящихъ какъ мощныя крылья
 Ихъ по морямъ—отъ меня же узнай несомнительный признакъ:
 Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ:
 Что за лопату несешь на блестящемъ плечѣ инопемецъ?
 Въ землю весло водрузи—ты окончилъ свое роковое
¹³⁰Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принеси
 Въ жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,

Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу
 Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
 Всѣмъ по порядку. И смерть не достигнетъ тебя на туманномъ
¹³⁵Морѣ; спокойно и медленно къ ней подходи, ты кончину
 Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и народнымъ
 Счастьемъ богатый. И сбудется все, предреченное мною.—
 Такъ говорилъ мнѣ Тирезій; ему отвѣчая, сказалъ я:
 Старець, пускай совершится, что мнѣ предназначили боги.
¹⁴⁰Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая;
 Матери милой я вижу отшедшую душу; близъ крови
 Тихо сидитъ неподвижная тѣнь и какъ будто не смѣетъ
 Сыну въ лицо поглядѣть и завестъ разговоръ съ нимъ. Скажи мнѣ,
 Старець, какъ сдѣлать, чтобъ мертвая сына живаго узнала?—
¹⁴⁵Такъ я его спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
 Легкое средство на это, въ немногихъ словахъ я открою:
 Та изъ безжизненныхъ тѣней, которой приблизиться къ крови
 Дашь ты, разумно съ тобою начнетъ говорить; но безмолвно
 Та отъ тебя удалится, которой ты къ крови непустишь.—
¹⁵⁰Съ сими словами обратно отшедши въ обитель Аида,
 Скрылась душа прорицателя, мнѣ мой сказавшая жребій.
 Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ: но ждалъ я недолго:
 Къ крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
 Съ тяжкимъ вздохомъ она мнѣ крылатое бросила слово:
¹⁵⁵Какъ же, мой сынъ, ты живой могъ проникнуть въ туманную об-
 Ада? Здѣсь все ужасаетъ живущаго; шумно бѣгутъ здѣсь [ласть
 Страшныя рѣки, потоки великіе; здѣсь Океана
 Воды глубокія льются; никто переплыть ихъ не можетъ
 Самъ; то однимъ кораблямъ крѣпкозданнымъ возможно. Скажи же,
¹⁶⁰Прямо ль отъ Трои съ своимъ кораблемъ и съ своими людьми ты,
 По морю долго скитавшись, прибылъ сюда? Неужели
 Все не видалъ ни Итаки, ни дома отцовъ, ни супруги?—
 Такъ говорила она и, отвѣтствуя, такъ ей сказалъ я:
 Милая мать, приведенъ я къ Аиду нуждой всемогущей;
¹⁶⁵Душу Тирезія Оивскаго мнѣ спросить надлежало.
 Въ землю ахеянъ еще я не могъ возвратиться; отчины
 Нашей еще не видалъ, безпріютно скитаюсь повсюду

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ съ великимъ царемъ Агамемнономъ по-
Въ градъ Иліонъ, избыльный конями, на гибель троянамъ. [Плыть

¹⁷⁰Ты жъ мнѣ скажи откровенно, какою изъ Паркъ непреклонныхъ
Въ руки навѣкъ усыпляющей смерти была предана ты?

Медленно ль тяжкимъ недугомъ? Иль вдругъ Артемида богиня
Тихой стрѣлою своею тебя безъ болѣзни убила?

Также скажи объ отцѣ и о сынѣ, покинутыхъ мною:

¹⁷⁵Царскій мой санъ сохранился ли имъ? Иль другой ужъ на мѣсто
Избранъ мое и меня ужъ въ народѣ считаютъ погибшимъ?

Также скажи мнѣ, что дѣлаетъ дома жена Пенелопа?

Съ сыномъ ли вмѣстѣ живетъ, неизмѣнная въ вѣрности мужу?

Иль ужъ съ какимъ изъ ахейскихъ владыкъ сочеталася бракомъ?—

¹⁸⁰Такъ я ее спросилъ; Антиклея мнѣ такъ отвѣчала:

Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоемъ Пенелопа
Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой и тратитъ

Долгіе дни и бессонныя ночи въ слезахъ и печали;

Царскій твой санъ никому отъ народа не отданъ; безспорно

¹⁸⁵Дома своимъ Телемакъ достоянемъ владѣетъ, пирами

Всѣхъ угощаетъ, какъ то облеченному саномъ высокимъ

Слѣдуетъ; всѣ и его угощаютъ. Лаэртъ же не ходитъ

Болѣе въ городъ; онъ въ полѣ далеко живетъ, не имѣя

Тамъ ни одра, ни богатыхъ покрововъ, ни мягкихъ подушекъ;

¹⁹⁰Дома въ дождливое зимнее время онъ вмѣстѣ съ рабами

Спитъ на полу у огня, покровенный одеждой убогой;

Въ лѣтнюю жъ знойную пору иль поздней порою осенней

Всюду находитъ себѣ на землѣ онъ въ саду виноградномъ

Ложе изъ листьевъ опалыхъ, насыпанныхъ мягкою грудой.

¹⁹⁵Тамъ онъ лежитъ, и вздыхаетъ, и сердцемъ крушится, и плачетъ,

Все о тебѣ помышляя; и старость его безотраднa.

Кончилось такъ и со мной, и моя совершилась судьбина.

Но не сестра Аполлонова съ лукомъ тугимъ Артемида

Тихой стрѣлою своею меня безъ болѣзни убила,

²⁰⁰Также не медленный, мной овладѣвшій недугомъ, растерзавши

Тѣло мое, изъ него изнуренную душу исторгнулъ:

Нѣтъ; но тоска о тебѣ, Одиссей, о твоемъ миролюбномъ

Нравѣ и разумѣ свѣтломъ до срока мою погубила

Сладостномилую жизнь.—И умолкла она. Увлеченный
²⁰⁵Сердцемъ, обнять захотѣлъ я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый, простеръ я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тѣнью иль сонной мечтой, изъ меня вырывая стenanье.
Ей наконецъ, сокрушенный, я бросилъ крылатое слово:
²¹⁰Милая мать, для чего, изъ объятій моихъ убѣгая,
Мнѣ запрещаешь въ жилищѣ Анда прижаться къ родному
Сердцу и скорбною сладостью плача съ тобой подѣлиться?
Иль Персефона могучая вмѣсто тебя мнѣ прислала
Призракъ пустой, чтобъ мое усугубить великое горе?—
²¹⁵Такъ говорилъ я; мнѣ мать благородная такъ отвѣчала:
Милый мой сынъ, злопучнѣйшій между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить въ заблужденье не мыслить;
Но такова ужъ судьбина всѣхъ мертвыхъ, разставшихся съ жизнью.
Крѣпкія жилы уже не связуютъ ни мышцъ, ни костей ихъ;
²²⁰Вдругъ истребляетъ пронзительной силой огонь погребальный
Все, лишь горячая жизнь охладѣлыя кости покинетъ:
Вовсе тогда, улетѣвши, какъ сонъ, ихъ душа исчезаетъ.
Ты же на радостный свѣтъ поспѣши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтобъ все повторить при свиданьи супруговъ.—
²²⁵Такъ, собесѣдуя, мы говорили. Тогда мнѣ явились
Призраки женъ—ихъ прислала сама Персефона; то были
Въ прежнее время супруги и дочери славныхъ героевъ;
Черную кровь обступили онѣ, подбѣжавъ къ ней толпою;
Я же обдумывалъ, какъ бы мнѣ ихъ спросить поочередно
²³⁰Каждую; вотъ что удобнѣйшимъ мнѣ наконецъ показалось:
Мечъ длинноострый немедля схватилъ, и его обнаживши,
Къ крови приблизиться имъ не дозволилъ я всею толпою;
Другъ за другомъ онѣ по одной подходили и имя
Мнѣ называли свое; и разспрашивать каждую могъ я.
²³³Прежде другихъ подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная въ мѣрѣ супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себѣ мнѣ она рассказала:
Сердце свое Энипеемъ, рѣкою божественно-свѣтлой;
Между рѣками земными прекраснѣйшей, Тиро плѣнила:

²⁴⁰Часто она посѣщала прекрасный потокъ Энипея;
 Въ образъ облекся его Посидонъ земледержецъ, чтобъ съ нею
 Въ устьѣ волнистокишучемъ рѣки сочетаться любовью;
 Воды пурпурныя встали горой, и слявшись прозрачнымъ
 Сводомъ надъ ними, сокрыли отъ взоровъ и бога и дѣву.
²⁴⁵Дѣвственный поясъ ея развязалъ онъ, ей очи смеживши
 Сномъ; и когда, распаленный, свое утолилъ вождельные,
 За руку взять, и по имени назвалъ ее, и сказалъ ей:
 Радуйся, богомъ любимая! Прежде чѣмъ полный свершится
 Годъ, у тебя два прекрасные сына родятся [безплоденъ
²⁵⁰Съ богомъ союзъ не бываетъ] и ихъ воспитай ты съ любовью.
 Но, возвратяся къ домашнимъ, мое называть имъ страшися
 Имя; тебѣ же откроюся: я богъ Посидонъ земледержецъ.—
 Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глубокое лоно.
 Въ срокъ отъ нея близнецы Пеліасъ и Нелей родилися;
²⁵⁵Слуги могучіе Зевса эгидоносителя были
 Оба они; обладая стадами барановъ, въ Іолхосѣ
 Тучнополянствомъ жилъ Пеліасъ; а Нелей жилъ въ песчаномъ
 Пилосѣ. Но отъ Крефея еще родились у прекрасной
 Тиро Эзонъ и Феритъ и могучій ѣздокъ Амивѡонъ.
²⁶⁰Послѣ нея мнѣ предстала Азонова дочь Антіона.
 Гордо хвалилась она, что объятія Дій отворилъ ей:
 Были плодомъ ихъ любви Амфідонъ и Цетосъ; положили
 Первое Оивъ седьмивратныхъ они основанье и много
 Башенъ воздвигли кругомъ, поелику въ широкоравнинныхъ
²⁶⁵Оивахъ они, и могучіе, жить не могли бъ безъ ограды.
 Амфитріонову послѣ узрѣлъ я супругу Алкмену;
 Сына Иракла, столь славнаго силой и мужествомъ лвынымъ,
 Зевсу она родила, цѣломудренно съ нимъ сочетавшись.
 Послѣ явилась Мегара; Креонъ необузданносмѣлый
²⁷⁰Былъ ей отцомъ; а супругомъ Иракль, въ испытаніяхъ твердый.
 Вслѣдъ за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
 Страшно-преступное дѣло въ незнаньи она совершила,
 Съ сыномъ роднымъ, умертвившимъ отца, сочетавшись бракомъ.
 Скоро союзъ святотатный открыли безсмертные людямъ. [вахъ
²⁷⁵Гибельно царствовать въ Кадмовомъ домѣ, въ возлюбленныхъ Ои-

Быль осужденъ отъ Зевеса Эдинъ, безотраднѣйшій страдалецъ.
 Но Эшикаста Андовы двери сама отворила:
 Петлю она роковую къ бревну потолка прикрутивши,
 Ею плачевную жизнь прервала; одинокъ онъ остался
²⁸⁰Жертвой терзаній отъ скликанныхъ матерью страшныхъ Эрииній.
 Послѣ явилась Хлорида; ея красотою плѣняся,
 Нѣкогда съ ней сочетался Нелей, дорогими дарами
 Дѣву прельстившій; былъ царь Амфiонъ Iазидъ, Орхомена
 Града Минiйскаго славнѣйшій властитель, отецъ ей; царица
²⁸⁵Пилоса, бодрыхъ она сыновей даровала Нелею:
 Нестора, Хромiя, жаднаго почестей Пѣриклимена;
 Послѣ Хлорида и дочь родила многославную Перу,
 Дивной красоты; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь
 Дочь непреклоннѣйшій Нелей назначалъ, кто быковъ круторогихъ
²⁹⁰Съ поля Филакiи сгонить, отнявъ у царя Ификлеса
 Силой все стадо его. Безпорочнѣйшій взялся прорицатель
 Смѣлое дѣло свершить; но ему положили преграду
 Злая судьба и темничныя узы и пастыри стада.
 Но когда миновались мѣсяцы, дни пробѣжали и года
²⁹⁵Кругъ совершился и Оры весну привели—Ификлесу
 Тайны боговъ онъ открылъ; Ификлесева сила святая
 Узы его прервала и исполнилась воля Зевеса.
 Славная Леда супруга Тиндара потомъ мнѣ явилась;
 Ей родилися отъ брака съ Тиндаромъ могучимъ два сына:
³⁰⁰Коней смиритель Касторъ и боецъ Полидейкъ многосильнѣйшій.
 Оба землю они жизнедарною взяты живые;
 Оба и въ мракѣ подземномъ честимы Зевесомъ; вседневно
 Братомъ смѣняется братъ; и вседневно, когда умираетъ
 Тотъ, воскресаетъ другой; и къ безсмертнымъ причислены оба.
³⁰⁵Ифимедѣю, жену Алоэя, потомъ я увидѣлъ:
 Съ ней сочетался—хвалилась она—Посидонъ земледержецъ;
 Были плодомъ ихъ союза два сына [но кратокъ былъ вѣкъ ихъ]:
 Отосъ божественнѣйшій съ славнымъ вездѣ на землѣ Эфиальтомъ.
 Щедрая, станомъ всѣхъ выше людей, ихъ земля возрастила:
³¹⁰Всѣхъ красотой затмѣвали они, одному Ориону
 Въ ней уступая; и оба, едва девяти лѣтъ достигнувъ,

Въ девять локтей толщиной, вышиною же въ тридевять были.
 Дерзкіе стали безсмертнымъ богамъ угрожать, что Олимпъ ихъ
 Шумной войной потрясутъ и губительнымъ боемъ взволнуютъ;
³¹⁵Оссу на древній Олимпъ взгромоздить, Целіонъ многолѣсный
 Взбросить на Оссу они покушались, чтобъ приступомъ небо
 Взять, и угрозу бѣ они совершили, когда бы достигли
 Мужеской силы; но сынъ громовержца, Латоной рожденный,
 Прежде, чѣмъ младости пухъ отѣнилъ ихъ ланиты и первый
³²⁰Волось пробился на ихъ подбородкѣ, сразилъ ихъ обоихъ.
 Федру я видѣлъ, Прокриду; явилась потомъ Ариадна,
 Дочь кознодѣя Миноса: изъ Крита бѣжать съ нимъ въ Аѳины
 Дѣву прекрасную бодрый Тезей убѣдилъ; но не могъ онъ
 Съ ней насладиться любовью; убила ее Артемида
³²⁵Тихой стрѣлой, наущенная Вакхомъ, на островѣ Діѣ.
 Видѣлъ я Меру, Климену, злодѣйку жену Эрифилу,
 Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотымъ ожерельемъ....
 Всѣхъ ихъ однако я счесть не могу; мнѣ не вспомнить, какія
 Тамъ мнѣ явились жены и дочери древнихъ героевъ;
³³⁰Цѣлой бы ночи не стало на то: ужъ пора мнѣ предаться
 Сну, удаляя ль на быстрый корабль вашъ къ товарищамъ бодрымъ,
 Здѣсь ли оставшись; а вы мой отъѣздъ учредите съ богами.—
 Такъ говорилъ Одиссей—всѣ другіе сидѣли безмолвно
 Въ свѣтлой палатѣ, и было у всѣхъ очаровано сердце.
³³⁵Тутъ бѣлорукая слово къ гостямъ обратила Арета:
 Что, феакіяне, скажете? Станомъ и видомъ и силою
 Разума всѣхъ изумляетъ насъ гость чужеземный. Хотя онъ
 Собственно мой гость, но будетъ ему угощеніе отъ всѣхъ насъ;
 Въ путь же его отсылать не спѣшите; нескупо дарами
³⁴⁰Должно его, претерпѣвшаго столько утратъ, надѣлать намъ:
 Много у всѣхъ васъ, по волѣ безсмертныхъ, скопилось богатства.—
 Тутъ поднялся Эхеней, благороднаго племени старецъ,
 Ранѣе всѣхъ современныхъ ему феакіянъ рожденный.
 Съ нашимъ желаньемъ, друзья, онъ сказалъ, и съ намѣреньемъ на-
³⁴⁵Слово разумной царицы согласно; ему покориться [шимъ
 Должно, и царь Алкиной пусть на дѣлѣ то слово исполнить.—
 Кончилъ. Отвѣтствовалъ такъ Алкиной благородному старцу:

Будеть, что сказано, мною на дѣлѣ исполнено такъ же
Вѣрно, какъ то, что я живъ и что царь я въ землѣ феакіянъ
³⁵⁰Веслолюбивыхъ. Но странникъ, хотя и безвѣрно сгѣшитъ онъ
Въ путь, подождетъ до утра, чтобъ имѣли мы время подарки
Наши собрать; отправленье въ отчизну его есть забота
Общая всѣмъ вамъ, моя жъ наипаче: я здѣсь повелитель.—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказали Одиссей хитроумный:
³⁵⁵Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Если бъ и цѣлый здѣсь годъ продержатъ вы меня захотѣли,
Мой учреждая отъѣздъ и дары для меня собирая,
Я согласился бъ остаться, понеже мнѣ выгодно будетъ.
Съ полными въ милую землю отповъ возвратиться руками:
³⁶⁰Больше почтенъ и съ живѣйшею радостью принять я буду
Всѣмъ, кто встрѣтитъ меня при моемъ возвращеньи въ Итаку.—
Онъ умолкнулъ; ему Алкиной отвѣчали дружелюбно:
Царь Одиссей, мы, внимая тебѣ, не имѣемъ обидной
Мысли, чтобъ былъ ты хвастливый обманщикъ, подобный
³⁶⁵Многимъ бродягамъ, которые землю обходятъ, повсюду
Ложь разсѣвая въ нелѣпныхъ разсказахъ о видѣнномъ ими.
Ты не таковъ; ты возвышенъ умомъ и плѣнителенъ рѣчью.
Повѣсть прекрасна твоя; какъ разумный пѣвецъ, разсказать ты
Намъ объ ахейскихъ вождахъ и о собственныхъ бѣдствіяхъ; кончить
³⁷⁰Долженъ однако ты повѣсть. Скажи жъ, ничего не скрывая,
Видѣлъ ли тамъ ты кого изъ могучихъ товарищей бранныхъ,
Бывшихъ съ тобой въ Иліонѣ и черную встрѣтившихъ участь?
Ночь несказанно долга, и останется времени много
Всѣмъ намъ для сна безмятежнаго. Кончи жъ начатую повѣсть:
³⁷⁵Слушать тебя я готовъ до явленія свѣтлой денницы,
Если разсказывать намъ о напастяхъ своихъ согласишься.—
Такъ говорилъ онъ; отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Время на все есть: свой часъ для бесѣды, свой часъ для покоя;
³⁸⁰Если однако желаешь теперь же дослушать разсказъ мой,
Я повинуюсь—и все разскажу, что печальнаго послѣ
Я претерпѣлъ: какъ утратилъ послѣднихъ сопутниковъ; также
Кто изъ аргивянъ, избѣгши погибели въ битвахъ троянскихъ,

Паль отъ убійцы, измѣной жены, при возвратѣ въ отчизну.

³⁸⁵Послѣ того, какъ разсѣяться призракамъ женъ Персефона,

Ада парица велѣла и всѣ, разлетѣвшись, пропали—

Тѣнь Агамемнона, сына Атревва, тихо и грустно

Вышла; и слѣдомъ за нею всѣ тѣни товарищей, падшихъ

Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ постигнутыхъ рокомъ.

³⁹⁰Крови напившись, меня во мгновение узналъ Агамемнонъ.

Тяжко, глубоко вздохнулъ онъ; заплакали очи; простерши

Руки, онъ ими ко мнѣ прикоснуться хотѣлъ, но напрасно:

Руки не слушались—не было въ нихъ ужъ ни силъ, ни движенья,

Нѣкогда члены могучаго тѣла его оживлявшихъ.

³⁹⁵Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье проникло

Душу мнѣ; мертвому другу я бросилъ крылатое слово:

Сынъ Атревва, владыка людей, государь Агамемнонъ,

Паркой какою ты въ руки навѣкъ усыпляющей смерти

Преданъ? Въ волнахъ ли тебя погубилъ Посидонъ съ кораблями,

⁴⁰⁰Бурею бездну великую всю всколебавши? На сушѣ ль

Былъ умерщвленъ ты рукою врага, имъ захваченный въ полѣ,

Гдѣ нападаль на его криворогихъ быковъ и барановъ,

Или во градѣ, гдѣ женъ похищаль и сокровища грабилъ?—

Такъ вопросилъ я его и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:

⁴⁰⁵О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,

Нѣтъ, не въ волнахъ съ кораблями я былъ погубленъ Посидономъ.

Бурныя волны воздвигшимъ на безднѣ морской; не на сушѣ

Былъ умерщвленъ я рукою противника явнаго въ битвѣ.

Тайно Эгистъ приготовилъ мнѣ смерть и плачевную участь;

⁴¹⁰Съ гнусной женою моею заодно, у себя на веселомъ

Пирѣ убилъ онъ меня, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;

Такъ я погибъ и товарищи вѣрные вмѣстѣ со мною

Были зарѣзаны всѣ, какъ клычистые венри, которыхъ

Вы пышномъ дому гостелюбца, скопившаго много богатства,

⁴¹⁵Рѣжутъ на складочный пиръ, на роскошный обѣдъ иль на свадьбу.

Часто безъ страха видалъ ты, какъ гибли могучіе мужи

Въ битвѣ, иной одиноко, иной въ многолюдствѣ сраженья—

Здѣсь же пришелъ бы ты въ трепеть, отъ страха бы обмеръ, увидя

Какъ межъ кратерьъ шировыхъ, межъ столами, покрытыми брашномъ,

420Всѣ на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
 Громкіе крики Пріамовой дочери юной Кассандры
 Близко услышалъ я: пожь ей во грудь Клитемнестра воззала
 Подлѣ меня; полумертвый лежа на землѣ, попытался
 Хладную руку къ мечу протянуть я: она равнодушно
 425Взоръ отвратила и мнѣ, отходящему въ область Анда,
 Тусклыхъ очей и мертвѣющихъ устъ запереть не хотѣла.
 Нѣтъ ничего отвратительнѣй, нѣтъ ничего ненавистнѣй
 Дерзкобезстыдной жены, замышляющей хитро такое
 Дѣло, какимъ навсегда осрамилась она, приготовитьъ
 430Мужу, богами ей данному, гибель. Въ отечество думалъ
 Я возвратиться на радость возлюбленнымъ дѣтямъ и ближнимъ—
 Злое напротивъ замысля, кровавымъ убійствомъ злодѣйка
 Стыдъ на себя навлекла и на всѣ времена посрамила
 Полъ свой и даже всѣхъ женъ, поведемъ своимъ безпорочныхъ.—
 435Такъ говорилъ Агамемнонъ; ему отвѣчая, сказалъ я:
 Горе! конечно Зевесъ громовержець потомству Атрея
 Быть навсегда предназначилъ игралищемъ бѣдственныхъ женскихъ
 Козней; погибло немало могучихъ мужей отъ Елены;
 Такъ и тебѣ издалѣка устроила смерть Клитемнестра.—
 440Выслушавъ слово мое, мнѣ отвѣствовали царь Агамемнонъ:
 Слишкомъ довѣрчивымъ быть Одиссей берегися съ женою;
 Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно:
 Вѣрь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
 Но для тебя, Одиссей, отъ жены не опасна погибель:
 445Слишкомъ разумна и слишкомъ незлобна твоя Пенелопа,
 Старца Икарія дочь благонравная; въ самыхъ цвѣтущихъ
 Лѣтахъ, едва сопряженный съ ней бракомъ, ее ты покинулъ,
 Въ Трою отплывъ, и грудной, лепетать не умѣвшій младенець
 Съ ней былъ оставленъ тогда; онъ конечно теперь засѣдаетъ
 450Въ сонмѣ мужей; и отецъ, возвратясь, съ нимъ увидится; нѣжно
 Къ сердцу родителя самъ онъ, какъ слѣдуетъ сыну, прижмется....
 Мнѣ жъ кознодѣйка жена не дала ни однимъ насладиться
 Взглядомъ на милого сына; я былъ во мгновение зарѣзанъ.
 Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про себя, что скажу я:
 455Скрой возвращенье свое, и войди съ кораблемъ непримѣтно

Въ пристань Итаки: на вѣрность жены полагаться опасно.
 Самъ же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
 Могъ ли ты что нибудь свѣдать о сынѣ моемъ? Не слыхалъ ли,
 Гдѣ онъ живетъ? Въ Орхоменѣ ль? Въ песчаномъ ли Пйлосѣ? Въ
 460Свѣтлопространной у славнаго дяди, царя Менелая? [Спартѣ ль
 Ибо не умеръ еще на землѣ мой Орестъ благородный.—
 Такъ спросилъ Агамемнонъ; ему отвѣчая, сказалъ я:
 Царь Агамемнонъ, о сынѣ твоёмъ ничего я не знаю;
 Гдѣ онъ, и живъ ли, сказать не могу; пустословіе вредно.—
 465Такъ мы, о многомъ минувшемъ бесѣдуя, другъ подлѣ друга
 Грустно сидѣли, и слезы лилися по нашимъ ланитамъ.
 Тѣнь Ахиллеса Пелеева сына потомъ мнѣ явилася;
 Съ нимъ былъ Патрокль, Антилохъ безпорочный и сынъ Теламоновъ
 Бодрый Аяксъ, межъ ахейцами мужескимъ видомъ и силой
 470Послѣ Пелеева сына великаго всѣхъ превзошедшій.
 Тѣнь быстроногаго внука Эакова, ставъ предо мною,
 Миѣ, возрыдавши, крылатое бросила слово: зачѣмъ ты
 Здѣсь, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный?
 Что, дерзновенный, какое великое дѣло замыслилъ?
 475Какъ проникнулъ въ предѣлы Аида, гдѣ мертвыя только
 Тѣни отшедшихъ, лишеныя чувства, безжизненно вѣютъ?—
 Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, сказалъ я:
 О Ахиллесъ, сынъ Пелеевъ, межъ всѣми данаями первый,
 Здѣсь я затѣмъ, чтобъ Тирезій слѣпецъ прорицатель открылъ мнѣ
 480Способъ вѣрнѣйшій моея каменистой Итаки достигнуть;
 Въ землю ахейнъ еще я не могъ возвратиться; отчизны
 Милой еще не видалъ; я скитаюсь и бѣдствую. Ты же
 Между людьми и минувшихъ временъ и грядущихъ былъ счастьемъ
 Первый; живаго тебя мы какъ бога безсмертнаго чтили; [жизни
 485Здѣсь же, надъ мертвыми царствуя, столь же великъ ты какъ въ
 Нѣкогда былъ; не рошши же на смерть, Ахиллесъ богоравный.—
 Такъ говорилъ я и такъ онъ отвѣтствовалъ, тяжело вздыхая:
 О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
 Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденьщикъ, работая въ полѣ,
 490Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
 Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать, мертвый.

Ты же о сынѣ извѣстїемъ душу теперь мнѣ порадуѣ.

Быль ли въ сраженїи мой сынъ? Впереди ли у всѣхъ онъ сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхалъ ли о старцѣ Пелеѣ?

⁴⁹⁵Все ли по-прежнему онъ повелитель земли Мирмидонской?

Иль ужъ его и въ Элладѣ и Фтіи чистить перестали,
Дряхлаго старца, безъ рукъ и безъ ногъ, изнуреннаго въ силахъ?

Въ области дня ужъ защитникомъ быть для него не могу я;

Нынѣ ужъ я не таковъ, какъ бывало, когда въ отдаленной

⁵⁰⁰Троѣ губилъ ополченья и грудью стоялъ за ахеянъ.

Еслибъ такимъ хоть на мигъ я въ жилищѣ отцовомъ явился,

Ужасъ бы сильная эта рука навела тамъ на многихъ,

Власти Пелея нечтущихъ и старость его оскорбившихъ.—

Такъ говорилъ Ахиллесъ и, ему отвѣчая, сказалъ я:

⁵⁰⁵Свѣдать не могъ ничего я о старцѣ Пелеѣ великомъ;

Но о твоемъ благородномъ, возлюбленномъ Неоптолѣмъ,

Все, Ахиллесъ, какъ желаешь, тебѣ расскажу я подробно.

Самъ я его въ кораблѣ крутобокомъ моемъ отъ Скирѣса

Моремъ привезъ къ мѣднолатнымъ данаямъ въ Троянскую землю;

⁵¹⁰Тамъ на совѣтахъ вождей о судьбѣ Иліона всегда онъ

Голосъ свой прежде другихъ подавалъ, и въ разумныхъ сужденьяхъ

Мною однимъ лишь и Несторомъ мудрымъ бывалъ побѣждаемъ.

Въ полѣ жъ троянскомъ широкомъ, гдѣ гибельной мѣдью мы бились.

Онъ никогда близъ дружинъ и въ толпѣ не хотѣлъ оставаться;

⁵¹⁵Быстро впередъ выбѣгалъ онъ одинъ, упряжая храбрѣйшихъ:

Много враговъ отъ него въ истребительной битвѣ погибло;

Я жъ не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа

Въ краѣ Троянскомъ побилъ онъ, гдѣ грудью стоялъ за аргивянъ.

Такъ Эврипила, Телефова сына, губительной мѣдью

⁵²⁰Онъ ниспровергъ, и кругомъ молодаго вождя всѣ кетейцы

Пали его, златолюбїя женскаго бѣдственной жертвой.

Послѣ Мемнона, подобнаго богу, былъ всѣхъ онъ прекраснѣй.

Въ чрево коня, сотвореннаго чудно Эпѣосомъ, скрыться

Быль онъ съ другими вождями назначенъ; а двери громады

⁵²⁵Мнѣ отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.

Всѣ, при вступленїи въ конскїя нѣдра, вожди отирали

Слезы съ ланить и у каждаго руки и ноги тряслися:

Въ немъ же единомъ мой никогда не подмѣтили очи
 Страха; не помню, чтобъ онъ отъ чего поблѣднѣлъ, содрогнулся,
⁵³⁰Или заплакалъ. Не разъ убѣждалъ онъ меня изъ затвора
 Дать ему выйти и, стиснувъ одною рукою двуострый
 Мечъ, а другою обитое мѣдью копье, порывался
 Въ бой на троянъ. А когда былъ разрушенъ Пріамовъ великій
 Градь, онъ съ богатой добычей, съ дарами почетными поплылъ
⁵³⁵Въ край свой, ни издали мѣткимъ копьемъ, ни вблизи длинноострой
 Мѣдью меча не пронзенный ни разу, какъ часто бываетъ
 Въ жаркомъ бою, гдѣ убійство кипитъ и Арей веселится.—
 Такъ говорилъ я; душа Ахиллеса съ гордой осанкой
 Шагомъ широкимъ по ровному Асфодилонскому лугу
⁵⁴⁰Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
 Души другихъ знаменитыхъ умершихъ явились; со мною
 Грустно они говорили о томъ, что тревожило сердце
 Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
 Молча стояла вдали, одинокая; все на побѣду
⁵⁴⁵Злобясь мою, мнѣ отдавшую въ станѣ аргивянъ доспѣхи
 Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелѣла
 Дать ихъ Фетида; судили трояне; ихъ судъ имъ Аѳина
 Тайно внушила.... Зачѣмъ, о! зачѣмъ одержалъ я побѣду,
 Мужа такого низведшую въ нѣдра земныя? Погибъ онъ
⁵⁵⁰Бодрый Аяксъ, и лица красотою и подвиговъ славою
 Послѣ великаго сына Пелеева всѣхъ превзошедшій.
 Голосъ возвысивъ, ему я сказалъ миротворное слово:
 Сынъ Теламоновъ, Аяксъ знаменитый, не долженъ ты, мертвый,
 Долѣ со мной, враждовать, сокрушаясь о гибельныхъ, взятыхъ
⁵⁵⁵Мною оружіяхъ; ими данаямъ жестокое боги
 Зло приключили: ты, наша твердыня, погибъ; о тебѣ мы
 Всѣ, какъ о сынѣ могучемъ Пелея, всечасно крушились,
 Раннюю смерть поминая твою; въ ней никто не виновенъ,
 Кромѣ Зевеса, постигшаго рать кошеньосныхъ данаевъ
⁵⁶⁰Страшной бѣдою: тебя онъ судьбинѣ безвременно предаль.
 Но подойди же, Аяксъ; на мгновенье бесѣдой съ тобою
 Дай насладиться мнѣ; гнѣвъ изгони изъ великаго сердца.—
 Такъ я сказалъ; не отвѣтствовалъ онъ; за другими гнѣями

Мрачно пошелъ; напоследокъ сокрылся въ глубокомъ Эрефѣ.

⁵⁶⁵Можетъ быть, сталъ бы и гнѣвный со мной говорить онъ иль я
Еслибъ меня не стремилъ желаніе милого сердца [съ нимъ,

Души другихъ знаменитыхъ умершихъ увидѣть. И скоро

Въ адѣ узрѣлъ я Зевесова мудраго сына Миноса;

Скипетръ въ десницѣ держа золотой, тамъ умершихъ судилъ онъ

⁵⁷⁰Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стѣя,

Ждали въ пространномъ съ вратами широкими домѣ Аида.

Послѣ Миноса явилась гигантская тѣнь Оріона;

Гналъ по широкому Асфодилопскому лугу звѣрей онъ—

Ихъ же своею желѣзной, ничѣмъ некрушимой дубиной

⁵⁷⁵Нѣкогда самъ онъ убилъ на горахъ неприступно-пустынныхъ.

Титія также увидѣлъ я, сына прославленной Гѣи;

Деять занявъ десятинъ подъ огромное тѣло, недвижимъ

Тамъ онъ лежалъ; по бокамъ же сидѣли два коршуна, рвали

Печень его и терзали ногтями утробу. И руки

⁵⁸⁰Тщетно на нихъ подымалъ онъ. Латону, супругу Зевеса,

Шедшую къ Пиею, онъ осрамилъ на лугу Панопейскомъ.

Видѣлъ потомъ я Тантала, казнимаго страшною казнью:

Въ озерѣ свѣтломъ стоялъ онъ по горло въ водѣ и, томимый

Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.

⁵⁸⁵Только что голову къ ней онъ склонялъ, упоая напитокъ,

Съ шумомъ она убѣгала; внизу жъ подъ ногами являлось

Черное дно и его осушалъ во мгновеніе Демонъ.

Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его головою,

Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,

⁵⁹⁰Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошно цвѣтущихъ.

Голодомъ мучась, лишь только къ плодамъ онъ протягивалъ руку,

Разомъ всѣ вѣтви деревъ къ облакамъ подымались темнымъ.

Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью:

Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками

⁵⁹⁵Въ гору; напрягли мышцы, ногами въ землю упершись,

Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины

Съ тяжелой ношей, назадъ устремленный невидимой силой,

Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень.

Снова силился вздвинуть тяжесть онъ, мышцы напрягли,

⁶⁰⁰Тѣло въ поту, голова вся покрытая черною пылью.

Видѣлъ я тамъ наконецъ и Ираклову силу, одинъ лишь
Призракъ воздушный; а самъ онъ съ богами на свѣтломъ Олимпѣ
Сладость блаженства вкушалъ близъ супруги Гебей, цвѣтущей
Дочери Зевса отъ златообутой владычицы Иры.

⁶⁰⁵Мертвые шумно летали надъ нимъ, какъ летаютъ въ испугѣ
Хищныя птицы; и темной подобяся ночи, держалъ онъ
Лукъ напряженный съ стрѣлой на тугой тетивѣ, и ужасно
Вкругъ озирался, какъ будто готовяся выстрѣлить; страшный
Перевязъ блескъ издавала, ему поперегъ перерѣзавъ

⁶¹⁰Грудь златолитнымъ ремнемъ, на которомъ съ чудеснымъ искус-
Львы грозноокіе, дикіе вепри, лѣсныя медвѣди, [ствомъ
Битвы, убійства, людей истребленье изваяны были:

Тотъ, кто свершилъ бы подобное чудо искусства, не могъ бы,
Самъ превзошедши себя, ничего ужъ создать совершеннѣй.

⁶¹⁵Взоръ на меня устремивъ, угадалъ онъ немедленно, кто я:
Жалобно, тяжко вздохнулъ и крылатое бросилъ мнѣ слово:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играетъ
Такъ же, какъ мной подъ лучами всезящаго солнца играла?

⁶²⁰Сынъ я Кроніона Зевса; но тѣмъ отъ безмѣрныхъ страданій
Не былъ спасенъ; покориться подъ власть недостойнаго мужа
Мнѣ повелѣла судьба. И труды на меня возлагалъ онъ
Тяжкіе. Такъ и отсюда былъ пса троеглаваго долженъ
Я увести: уповалъ онъ, что будетъ мнѣ трудъ не по силамъ.

⁶²⁵Я же его совершилъ и похищенъ былъ песь у Аида;

Помощь мнѣ подали Эрміи и дочь громовержца Аѳина.—
Такъ мнѣ сказавъ, удалился въ обитель Андова призракъ.

Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ и ждалъ, чтобъ явился
Кто изъ могучихъ героевъ, давно знаменитыхъ и мертвыхъ.

⁶³⁰Видѣть хотѣлъ я великихъ мужей, въ отдаленные вѣки
Славныхъ, богами рожденныхъ, Тезея царя, Пиритоя,
Многихъ другихъ; но толпою безчисленной души слетѣвшихъ,
Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ блѣднымъ,
Въ мысляхъ, что хочеть чудовище, голову страшной Горгоны,

⁶³⁵Выслать изъ мрака Аидова противъ меня Персефона:

Я побѣжалъ на корабль и велѣлъ, чтобъ, немедля ни мало,
 Люди мои на него собрались и канать отвязали.
 Всѣ на корабль собралися и сѣли на лавкахъ у веселья.
 Судно спокойно пошло по теченію водъ Океана,
⁶¹⁰Прежде на веслахъ, потомъ съ благовѣющимъ вѣтромъ попутнымъ.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей оканчиваетъ свое повѣствованіе. Возвращеніе на островъ Эю. Погребеніе Эльпенора! Цирдея описываетъ Одиссею опасности, ему на пути предстоящія. Опъ покидаетъ ея островъ. Сирены. Бродящія скалы. Плаваніе между утесовъ Харибды и Скиллы, которая разомъ похищаетъ шестерыхъ изъ спутниковъ Одиссея. Вопреки Одиссею, корабль его останавливается у береговъ Тринакріи. Спутники его, задержанные на островѣ противными вѣтрами, истощивъ всѣ свои запасы, терпятъ голодъ и наконецъ, нарушивъ данную ими клятву, убиваютъ быковъ Геліуса. Раздраженный богъ требуетъ, чтобы Зевесъ наказалъ святотатство, и корабль Одиссея, вышедшій снова въ море, разбитъ Зевесовымъ громомъ. Всѣ погибаютъ въ волнахъ, кромѣ Одиссея, который, снова избѣгнувъ Харибды и Скиллы, брошенъ наконецъ на берегъ Калиписпа острова.

Быстро своимъ кораблемъ Океана потокъ перерѣзавъ,
 Снова по многоиспытанному морю пришли мы на островъ
 Эю, туда, гдѣ въ жилищѣ туманнорожденныя Эосъ
 Легкія Оры ведутъ хоробы, гдѣ Геліосъ всходитъ;
⁵Къ брегу приставъ, на песокъ мы корабль быстроходный всталили.
 Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
 Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
 Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
 Спутниковъ скликавъ, послалъ я ихъ къ дому Цирдеи, чтобъ взять
¹⁰Трунъ Эльпеноровъ, его принести и свершить погребенье. [тамъ
 Много деревъ нарубивъ, мы на самомъ возвышенномъ мѣстѣ
 Берега предали тѣло землѣ съ сокрушеньемъ и плачемъ.
 Послѣ жъ того, какъ сожженъ былъ со всѣми доспѣхами мертвыи,
 Холмъ гробовой мы насыпали, памятный столбъ утвердили,
¹⁵Гладкое въ землю на холмѣ воткнули весло; и священный
 Долгъ погребенія былъ совершенъ. Но Цирдея узнала
 Скоро о нашемъ прибытіи къ ней отъ предѣловъ Аида.

Свѣтлой одеждой облекшись, она къ намъ пришла; и за нею
 Съ хлѣбомъ и мясомъ и пѣннопурпурнымъ виномъ молодья
²⁰Дѣвы пришли; и богиня богинь, къ намъ приближась, сказала:
 Люди желѣзные, заживо зрѣвшіе область Аида,
 Дважды узнавшіе смерть, всѣмъ доступную только однажды,
 Бросьте печаль и безопасно ѣдой и питьемъ утѣшайтесь
 Нынѣ, во все продолженіе дня; съ наступленьемъ же утра
²⁵Далѣе вы поплывете; я путь укажу и благое
 Дамъ наставленье, чтобъ снова какая безуміемъ вашимъ,
 Васъ не постигла напасть, ни на сушѣ, ни на морѣ темномъ. —
 Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
 Жертву принесши, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
³⁰Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
 Солнце тѣмъ временемъ скрылось и тьма наступила ночная.
 Люди въ томъ мѣстѣ легли, гдѣ корабль утверждень былъ канатомъ;
 Мнѣ же Цирцея привѣтливо руку дала; и когда я
 Сѣлъ въ отдаленнн отъ прочихъ, легла близъ меня и вопросы
³⁵Стала мнѣ дѣлать; и ей обо всемъ рассказалъ я подробно.
 Свѣтлая такъ напоследокъ сама мнѣ сказала богиня:
 Дѣло одно совершилъ ты успѣшно; теперь со вниманьемъ
 Выслушай то, что скажу, что потомъ и отъ бога услышишь.
 Прежде всего ты увидишь Сиренъ; неизбѣжною чарой
⁴⁰Ловятъ онѣ подходящихъ къ нимъ близко людей мореходныхъ.
 Кто, по незнанью, къ тѣмъ двумъ чародѣйкамъ приблизясь, ихъ сладкій
 Голосъ услышитъ, тому ни жены, ни дѣтей малолѣтнихъ
 Въ домъ своемъ никогда не утѣшитъ желаннымъ возвратомъ.
 Пѣніемъ сладкимъ Сирены его очаруютъ, на свѣтломъ
⁴⁵Сидя лугу; а на этомъ лугу человѣчьихъ бѣлѣтъ
 Много костей, и разбросаны тлѣющихъ кожъ тамъ лохмотья.
 Ты жъ, заклеивши товарищамъ уши смягченнымъ медвянымъ
 Воскомъ, чтобъ слышать они не могли, проплыви безъ оглядки
 Мимо; но ежели самъ роковой пожелаешь услышать
⁵⁰Голосъ, вели, чтобъ тебя по рукамъ и ногамъ привязали
 Къ мачтѣ твоей корабельной крѣпчайшей веревкой; тогда ты
 Можешь свой слухъ безъ вреда удовольствовать гибельнымъ пѣньемъ.
 Если жъ просить ты начнешь, иль приказывать станешь, чтобъ сняли

Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжутъ.

⁵⁸Послѣ, когда вы минуете островъ Сирень смертоносный,
Двѣ вамъ дороги представлятся; дать же совѣтъ здѣсь, какую
Выбрать изъ двухъ безопаснѣе, мнѣ невозможно; своимъ ты
Долженъ разсудкомъ рѣшить. Опину я и ту и другую.

Прежде увидишь стоящiе въ морѣ утесы; кругомъ ихъ

⁶⁰Шумно волнуется зыбь Амфитриды лазеревоокой;

Имя бродящихъ дано имъ богами; близъ нихъ никакая

Птица не смѣетъ промчатся, ни даже амброзiю Зевсу

Легкимъ полетомъ носящiе робкiе голуби; каждый

Разъ пронадаетъ изъ нихъ тамъ одинъ, объ утесъ убиваясь;

⁶⁵Каждый разъ и Зевесъ замѣняетъ убитаго новымъ.

Всѣ корабли, къ тѣмъ скаламъ подходившiе гибли съ пловцами:

Доски однѣ оставались отъ нихъ и бездушные труны,

Шумной волною и пламеннымъ вихремъ носимы въ морѣ.

Только одинъ, всѣ моря объжавшiй, корабль невредимо

⁷⁰Ихъ миноваль—посѣтитель Аэта, прославленный Арго;

Но и его на утесы бы кинуло море, когда бъ онъ

Тамъ не прошелъ провожаемый Ирой, любившей Язона.

Послѣ ты двѣ повстрѣчаешь скалы: до широкаго неба

Острой вершиной восходитъ одна; облака окружаютъ

⁷⁵Темногущенныя ту высоту, никогда не рѣдѣя.

Тамъ никогда не бываетъ ни лѣтомъ ни осенью свѣтелъ

Воздухъ; туда не взойдетъ и оттоль не сойдетъ ни единый

Смертный, хотя бъ съ двадцатю былъ руками и двадцать

Ногъ бы имѣлъ—столь ужасно, какъ будто обтесанный, гладокъ

⁸⁰Камень скалы; и на самой ея серединѣ пещера,

Темнымъ жерломъ обращенная къ мраку Эрева на западъ;

Мимо ея ты пройдеши съ кораблемъ, Одиссей многославный;

Даже и сильный стрѣлокъ не достигнетъ направленной съ моря

Быстролетящей стрѣлою до входа высокой пещеры;

⁸⁵Страшная Скилла живетъ искони тамъ. Безъ умолку лая,

Визгомъ пронзительнымъ, визгу щенка молодаго подобнымъ,

Всю оглашаетъ окрестность чудовище. Къ ней приближаться

Страшно не людямъ однимъ, но и самымъ безсмертнымъ. Двѣнадцать

Двигается спереди лапъ у нея; на плечахъ же косматыхъ

⁹⁰Шесть подымается длинныхъ, изгибистыхъ шей; и на каждой
Шеѣ торчитъ голова, а на челюстяхъ въ три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкаютъ;
Вдвинувшись задомъ въ пещеру и выдвинувъ грудь изъ пещеры,
Всѣмъ глядятъ головами изъ лога ужасная Скилла.

⁹⁵Лапами шаря кругомъ по скалѣ обливаемой моремъ,
Ловить дельфиновъ она, тюленей и могучихъ подводныхъ
Чудь, безъ числа населяющихъ хладную зыбь Амфитриды.
Мимо ея ни одинъ мореходецъ не могъ невредимо
Съ легкимъ пройти кораблемъ: всѣ зубастыя пасти разинувъ,

¹⁰⁰Разомъ она по шести человекъ съ корабля похищаетъ.
Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоять же отъ первой на выстрѣлъ изъ лука.
Дико растетъ на скалѣ той смоковница съ сѣнью широкой.
Страшно все море подъ тою скалою тревожитъ Харибда,

¹⁰⁵Три раза въ день поглощая и три раза въ день извергая
Черную влагу. Не смѣй приближаться, когда поглощаетъ:
Самъ Посидонъ отъ гибели вѣрной тогда не избавитъ.

Къ Скиллиной ближе держася скалѣ, проводи безъ оглядки
Мимо корабль быстроходный: отради те шесть потерять вамъ

¹¹⁰Спутниковъ, нежели вдругъ и корабль потопить и погибнуть
Всѣмъ.—Тутъ умолкла богиня; а я, отвѣчая, сказала ей:

Будь откровенна, богиня, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Если избѣгнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
Силой, когда на спутниковъ бросится жадная Скилла?—

¹¹⁵Такъ я спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказала богиня:
О! необузданный, снова о подвигахъ бранныхъ замыслить;

Снова о боѣ мечтаешь; ты радъ и съ богами сразиться.
Знай же: не смертное зло, а бессмертное Скилла. Свирѣпа,
Дико-сильна, ненасытна, сраженіе съ ней невозможно.

¹²⁰Мужество здѣсь не поможетъ; одно здѣсь спасеніе—бѣгство.

Горе! когда ты хоть мигъ тамъ для тщетнаго боя промедлишь:
Высунеть снова она изъ своей недоступной пещеры

Всѣ шесть головъ и опять съ корабля шестерыхъ на пограние
Схватить; не медли жъ; поспѣшно пройди; призови лишь Кратейю:

¹²⁵Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь

Дочь воздержать отъ втораго на васъ нападенія можетъ.
 Скоро потомъ ты увидишь Тринакрію островъ; издавша
 Геліосъ тучныхъ быковъ и барановъ пасеть тамъ на пышныхъ,
 Значныхъ равнинахъ; семь стадъ составляютъ быки; и бараны
¹³⁰Столько жъ; и въ каждомъ ихъ стадѣ числомъ пятьдесятъ; и число
 Вѣчно одно; не плодятся они, и пасутъ неусмынно [то
 Ихъ Фаэтуса съ Ламшетіей, пышнокудрявья нимфы.
 Геліосъ ихъ Иперіонъ съ божественной прижилъ Неерой.
 Свѣтлая мать, дочерей воспитавши, въ Тринакріи знойной
¹³⁵Ихъ поселила, чтобъ тамъ, отъ людей въ удаленіи, дѣвы
 Тучныхъ быковъ и барановъ отцовыхъ пасли неусмынно.
 Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣдствія встрѣтишь,
 Если воздержишься руку поднять на стада Геліоса;
 Если же руку подынешь на нихъ, то пророчу погибель
¹⁴⁰Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и сопутникамъ; самъ ты избѣгнешь
 Смерти; но, всѣхъ потерявъ, одиноко возвратишься въ отчизну.—
 Такъ говорила она. Златотронная Эось явилась
 На небѣ; въ домъ свой богиня пошла, разлучившись со мною.
 Я жъ, къ своему кораблю возвратясь, повелѣлъ, чтобъ немедля
¹⁴⁵Спутники всѣ на него собрались и канатъ отвязали;
 Всѣ на него собралися и, сѣвши на лавкахъ у весель,
 Разомъ могучими веслами вспѣняли темныя воды.
 Былъ намъ на темныхъ водахъ провожатымъ надежнымъ попутный
 Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
¹⁵⁰Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней.
 Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
 Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуюсь кормилу и вѣтру.
 Я жъ, обратясь къ сопутникамъ, такъ имъ сказалъ сокрушенный:
 Должно не мнѣ одному, и не двумъ лишь, товарищи, вѣдать
¹⁵⁵То, что намъ всѣмъ благосклонно богиня богинь предсказала:
 Всѣмъ вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, могли вы безстрашно
 Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избѣгнуть.
 Прежде всего отъ волшебнаго пѣня Сиренъ и отъ луга
 Ихъ цвѣтоснаго намъ уклониться велѣла богиня;
¹⁶⁰Мнѣ же ихъ голосъ услышать позволила; прежде однако
 Къ мачтѣ меня корабельной веревкой надежною плотно
 одисея.

Вы привяжите, чтобъ былъ я совѣмъ неподвиженъ; когда же стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы Узы—двойными скрутите мнѣ узами руки и ноги.—

¹⁶⁵Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая.

Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плывя, приближался къ острову страшныхъ Сиренъ, провожаемый легкимъ попутнымъ Вѣтромъ; но вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь воцарилась на морѣ: Демонъ уладилъ пучины зыбучее лоно.

¹⁷⁰Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули, сдѣлили съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на лавки сѣли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.

Я же, немедля медвянаго воску округъ изрубивши въ мелкія части мечемъ, раздавилъ на могучей ладони

¹⁷⁵Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ; его благосклонно Геліосъ, богъ жизнодатель, лучемъ разогрѣлъ теплоноснымъ.

Уши товарищамъ воскомъ тогда заклеилъ я; меня же плотной веревкой они по рукамъ и ногамъ привязали

къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ничѣмъ шевельнуться.

¹⁸⁰Снова подъ сильными веслами вспѣнилась темная влага.

Но въ разстояннн, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ.

Съ берегомъ онъ ихъ поравнялся; онѣ звонкогласно запѣли:

къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава ахеянъ,

¹⁸⁵къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сиренъ насладися!

Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ, Сердцеусладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;

кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое свѣдавъ.

Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской землѣ, и какая

¹⁹⁰Участь по волѣ безсмертныхъ постигла троянъ и ахеянъ;

Знаемъ мы все, что на лонѣ земли многодарной творится.—

Такъ насъ онѣ сладкопѣньемъ плѣнительнымъ звали. Влекомый

Сердцемъ ихъ слушать, товарищамъ подаль я знакъ, чтобъ немедля Узы мой разрѣшили: они же съ удвоенной силой

¹⁹⁵Начали грестъ; а ко мнѣ подошедъ, Перимедъ съ Эврилохомъ

Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули.

Но, когда удалился корабль нашъ и болѣе слышать

Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣнья Сирень бѣдоносныхъ,
 Вѣрные спутники выпули воскъ размягченный, которымъ
²⁰⁰Уши я имъ заклеилъ и меня отвязали отъ мачты.
 Островъ Сирень потеряли мы изъ виду. Вдругъ я увидѣлъ
 Дымъ и волненья великаго шумъ повсемѣстный услышалъ.
 Выпали весла изъ рукъ уstraшенныхъ гребцовъ; и, повиснувъ
 Праздно, они по волнамъ колыхавшимъ ихъ бились; а судно
²⁰⁵Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшя къ бѣгу.
 Я же его обѣжалъ, чтобъ людей ободрить оробѣлыхъ;
 Каждому сдѣлавъ привѣтствіе, ласково всѣмъ имъ сказала я:
 Спутники, въ бѣдствіяхъ мы не безопытны; все мы сносили
 Твердо; теперь же бѣда предстоитъ не страшнѣе постигшей
²¹⁰Насъ, заключенныхъ въ пещерѣ свирѣлою силой циклопа.
 Мужествомъ, хитрымъ умомъ и совѣтомъ разумнымъ тогда я
 Всѣхъ васъ избавилъ; о томъ не забыли вы, думаю; будьте жъ
 Смѣлы и нынѣ, исполнивъ покорно все то, что велю вамъ.
 Силу удвойте, гребцы, и дружнѣе во влагъ зыбучей
²¹⁵Острыми веслами бейте; быть можетъ Зевесъ покровитель
 Намъ отъ гибели близкой уйти невредимо поможетъ.
 Ты же вниманіе, кормщикъ удвой; на тебя попеченье
 Главное я возлагаю—ты правишь кормой корабельной:
 Восторону долженъ ты судно отвесить отъ волненья и дыма,
²²⁰Видимыхъ близко, держися на этотъ утесъ, чтобъ не сбиться
 Въ бокъ по стремленью—иначе корабль несомнѣнно погибнетъ.—
 Такъ я сказать; все исполнилось точно и скоро; о Скиллѣ жъ
 Я помянуть не хотѣлъ: неизбежно чудовище было;
 Весла бъ они побросали отъ страха и, грестъ переставши,
²²⁵Праздно бъ столпились внутри корабля въ ожиданьи напасти.
 Самъ же я, вовсе забывъ повелѣніе строгой Цирцеи,
 Мнѣ запретившей оружіе брать для напраснаго боя,
 Славныя латы на плечи накинულъ, и два мѣдноострыхъ
 Въ руки схвативши копыя, подоселъ къ корабельному носу
²³⁰Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго жадная Скилла
 Бросится лога и тамъ ей пошавшихся червяхъ похитить.
 Тщетно искалъ я очами ее, утомилъ лишь напрасно
 Очи, стараясь проникнуть въ глубокое нѣдро утеса.

Въ страхѣ великомъ тогда проходили мы тѣснымъ проливомъ;

²³⁵Скилла грозила съ одной стороны; а съ другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу; когда извергались

Воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ, на огнѣ раскаленномъ,

Съ свистомъ кипѣли онѣ, клопоча и буровясь; и пѣна

Вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; когда же

²⁴⁰Волны соленого моря обратно глотала Харибда,

Внутренность вся открывалась ея: передъ зѣвомъ ужасно

Волны спливались, а въ недрѣ утробы открытомъ кипѣли

Тина и черный песокъ. Мы, объятые ужасомъ блѣднымъ,

Въ трепетѣ очи свои на грозящую гибель вперяли.

²⁴⁵Тою порой съ корабля шестерыхъ, отличавшихся бодрой

Силою товарищей, разомъ схвата ихъ, похитила Скилла;

Взоръ на корабль и на схваченныхъ вдругъ обративши, успѣлъ я

Только ихъ руки и ноги вверху надъ своей головою

Мелькомъ примѣтить: они въ высотѣ призывающимъ гласомъ

²⁵⁰Имя мое прокричали съ послѣднею скорбію сердца.

Такъ рыболовъ, съ каменистаго берега длинносогбенной

Удой кидаящій въ воду коварную рыбамъ приманку,

Рогомъ быка луговаго ихъ ловить, потомъ, изъ воды ихъ

Выхвативъ, на берегъ жалкотрещущихъ быстро бросаетъ:

²⁵⁵Такъ трепетали они въ высотѣ, унесенные жадною Скиллой.

Тамъ передъ входомъ пещеры она сожрала ихъ, кричащихъ

Громко и руки ко мнѣ простирающихъ въ лютомъ терзаньи.

Страшное тутъ я очами узрѣлъ и страшнѣй ничего мнѣ

Здѣсь никогда въ продолженіе странствій моихъ не случилось.

²⁶⁰Скиллинъ утесъ миновавъ и избѣгнувъ свирѣпой Харибды,

Прибыли къ острову мы наконецъ свѣтоноснаго бога.

Тамъ на зеленыхъ равнинахъ быки криворогіе мирно

Съ множествомъ тучныхъ барановъ паслись, Геліосово стадо.

Съ моря уже, находяся на палубѣ, явственно могъ я

²⁶⁵Тяжкое слышать мычанье быковъ, на свободѣ гулявшихъ,

Съ шумнымъ бляньемъ барановъ; и тутъ же пришло мнѣ на память

Слово слѣднаго пророка Тирезія Фивскаго съ строгимъ

Словомъ Цирцеи, меня миновать убѣждавшей опасный

Островъ, гдѣ властвовалъ Геліосъ, смертныхъ людей утѣшитель.

²⁷⁰Тутъ къ сокрушеннымъ сопутникамъ рѣчь обратилъ я такую:
 Вѣрные спутники, слушайте то, что печальный скажу вамъ:
 Свѣдѣть должны вы пророка Тирезія Фивскаго слово
 Съ словомъ Цирцея, меня миновать убѣждавшей опасный
 Островъ, гдѣ властвуетъ Гелиось, смертныхъ людей утѣшитель:
²⁷⁵Тамъ несказанное бѣдствіе ждетъ насъ, они утверждаютъ.
 Мимо, товарищи, черный корабль провести поспѣшите.—
 Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце.
 Мнѣ жъ возражая, отвѣтствовали такъ Эврилохъ непокорный:
 Ты, Одиссей, непреклонно-жестокъ; одаренъ ты великой
²⁸⁰Силою; усталости нѣтъ для тебя, изъ желѣза ты скованъ.
 Намъ, изнуреннымъ, безсильнымъ и столь ужъ давно не вкушавшимъ
 Сна, запрещаешь ты на берегъ выйти. Могли бъ приготовить
 Ужинъ мы вкусный на островѣ, сладко на немъ отдохнувши.
 Ты жъ насъ идти наудачу въ холодную ночь принуждаешь
²⁸⁵Мимо пріютнаго острова въ темное, мглистое море.
 Ночью противные вѣтры шумятъ, корабли истребляя.
 Кто избѣжитъ потоленія вѣрнаго, если во мракѣ
 Вдругъ съ неожиданной бурей на черное море примчится
 Ночь иль Зефиръ истребительно-быстрый? Отъ нихъ наиболѣ
²⁹⁰Въ безднѣ морской, вопреки и богамъ, корабли погибають.
 Лучше теперь, покорившись велѣнію темныя ночи,
 На берегъ выйдемъ и ужинъ вблизи корабля приготовимъ.
 Завтра жъ съ денницею пустимся снова въ прострашное море.—
 Такъ говорилъ Эврилохъ, и товарищи съ нимъ согласились.
²⁹⁵Стало мнѣ ясно тогда, что готовилъ намъ бѣдствіе Демонъ.
 Голосъ возвысивъ, безумцу я бросилъ крылатое слово:
 Здѣсь я одинъ, отъ того и отвѣтъ, Эврилохъ, твой такъ дерзокъ.
 Слушайте жъ: мнѣ поклянитесь великою клятвой, что если
 Встрѣтите стадо быковъ криворогихъ иль стадо барановъ
³⁰⁰Тамъ на зеленыхъ лугахъ, святотатной рукой не коснетесь
 Къ нимъ; и убить ни быка ни барана отнюдь не дерзнете.
 Пищею насъ на дорогу обильно снабдила Цирцея.—
 Спутники клятвой великою мнѣ поклялися; когда же
 Всѣ поклялися и клятву свою совершили, въ заливѣ
³⁰⁵Острова тихомъ мы стали съ своимъ кораблемъ крѣпкозданнымъ.

Близко была ключевая вода; всѣ товарищи, вышедъ
 На берегъ, вкусный проворно на немъ приготовили ужинъ;
 Свой удовлетвовавъ голодъ обильнымъ питьемъ и ѣдою,
 Стали они поминать со слезами о милыхъ погибшихъ,
³¹⁰Схваченныхъ вдругъ съ корабля и растерзанныхъ Скиллою предъ
 Скоро на плачущихъ сонъ, усладитель печалей, спустился. [нами.
 Треть совершилася ночи и темнаго неба на онполь,
 Звѣзды склонилися—вдругъ громовержецъ Кроніонъ Борея,
 Страшно ревущаго, высалъ на насъ; облака обложили
³¹⁵Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.
 Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось;
 Черный корабль свой отъ бури мы скрыли подъ сводомъ пещеры,
 Гдѣ въ хороводы веселые нимфы полей собирались.
 Тутъ я товарищей всѣхъ пригласилъ на совѣтъ и сказалъ имъ:
³²⁰Черный корабль нашъ, друзья, запасенъ и питьемъ и ѣдою;
 Бойтесь же здѣсь на стада подымать святотатную руку;
 Богъ обладаетъ здѣсь всѣми стадами быковъ и барановъ,
 Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.—
 Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
³²⁵Но безпрестанно весь мѣсяцъ свирѣпствовалъ Нотъ; всѣ другіе
 Вѣтры молчали; порою лишь Эвръ подымался восточный;
 Спутники, хлѣба довольно имѣя съ виномъ пурпуровымъ,
 Были спокойны; быковъ Геліосовыхъ трогать и въ мысли
 Имъ не входило; когда же съѣстной нашъ запасъ истощился,
³³⁰Начали пицу охотою они промыслять; добывая
 Что, гдѣ случилось: стрѣляли дичину, иль рыбѣ
 Острогобвенными крючьями удили—голодъ томилъ ихъ.
 Разъ, помолитъся желая богамъ, чтобъ они намъ открыли
 Путь, одинокой дорогой я шель черезъ островъ; неволью,
³³⁵Тою дорогой идя, отъ товарищей я удалился;
 Въ мѣстѣ защитномъ отъ вѣтра я руки умылъ и молитвой
 Теплою къ безсмертнымъ владыкамъ Олимпа, къ богамъ обратился.
 Сладкій на вѣжды мнѣ сонъ низвели нечувствительно боги.
 Злое тогда Эврилохъ предложеніе спутникамъ сдѣлалъ:
³⁴⁰Спутники вѣрные, слушайте то, что скажу вамъ, печальный:
 Всякій родъ смерти для насъ земнородныхъ людей ненавистенъ;

Но умереть намъ голодною смертью всего ненавистнѣй.
 Выберемъ лучшихъ быковъ въ Геліосовомъ стадѣ и въ жертву
 Здѣсь принесемъ ихъ богамъ, безпредѣльнаго пеба владыкамъ.
³⁴⁵Послѣ—когда возвратимся въ родную Итаку, воздвигнемъ
 Въ честь Геліоса, надъ нами ходящаго бога, богатый
 Храмъ и его дорогими дарами обильно украсимъ;
 Если жъ, утратой своихъ круторогихъ быковъ раздраженный,
 Онъ совокунно съ другими богами корабль погубить нашъ
³⁵⁰Въ морѣ захочетъ, то легче, въ волнахъ захлебнувшись, погибнуть
 Вдругъ, чѣмъ на островѣ дикомъ отъ голода медленно таять.—
 Такъ говорилъ Эврилохъ и сопутники съ нимъ согласились.
 Лучшихъ тогда изъ быковъ Геліосовыхъ, вольно бродившихъ,
 Взяли они—невдали корабля темноносаго стадо
³⁵⁵Жирныхъ, огромнорогатыхъ и лбистыхъ быковъ тамъ гуляло—
 Ихъ обступили безумцы; воззвавши къ богамъ Олимпійскимъ,
 Листьевъ нарвали они съ густоглаваго дуба, ячменя
 Болѣ въ запасѣ на черномъ своемъ кораблѣ не имѣя.
 Кончивъ молитву, зарѣзавъ быковъ и содравши съ нихъ кожи,
³⁶⁰Бедрa они все отсѣкли, а кости, обвитыя дважды
 Жиромъ, кровавыми свѣжаго мяса кусками обклали.
 Но, не имѣя вина, возліянье они совершили
 Просто водою и бросили въ жертвенный пламень утробу,
 Бедрa сожгли, остальное же, сладкой утробы отвѣдавъ,
³⁶⁵Все изрубили на части и стали на вертелахъ жарить.
 Тутъ улетѣлъ усладительный сонъ, мнѣ рѣсницы смыкавшій.
 Я, пробудившись, пошелъ къ кораблю на песчаное взморье
 Шагомъ поспѣшнымъ; когда жъ къ кораблю подходилъ, благовон-
 Запахомъ пара мяснаго я былъ пораженъ; содрогнувшись, [нимъ
³⁷⁰Жалобный голосъ упрека вознесъ я къ богамъ Олимпійскимъ:
 Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
 Вы на бѣду обольстительный сонъ низвели мнѣ на вѣжды;
 Спутники тамъ безъ меня святотатное дѣло свершили.—
 Тою порой о убійствѣ быковъ Иперіоновъ свѣтлый
³⁷⁵Смынь извѣщенъ былъ Лампетіей, длиннодѣянной дѣвой.
 Съ гнѣвомъ великимъ къ безсмертнымъ богамъ обратясь, онъ восклик-
 Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги, [кнулъ:

Жалуюсь вамъ на людей Одиссея, Лаэртава сына!

Дерзко они у меня умертвили быковъ, на которыхъ

³⁸⁰Такъ любовался всегда я—всходилъ ли на звѣздное небо,

Съ звѣзднаго ль неба сходилъ и къ землѣ ниспускался.

Если же вами не будетъ наказано ихъ святотатство,

Въ область Аида сойду я и буду свѣтить для умершихъ.—

Гнѣвному богу отвѣтствовалъ такъ тученосецъ Кроніонъ:

³⁸⁵Геліосъ, смѣло сіяй для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ

Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.

Ихъ я корабль чернобокій, низвергнувши пламенный громъ свой,

Въ морѣ широкомъ на мелкія части разбить не замедлю.—

[Это мнѣ было открыто Калипсой божественной; ей же

³⁹⁰Все разказалъ вѣстонецъ крылатый Кроніоновъ Эрміѣ].

Я, возвратясь къ кораблю своему на песчаное взморье,

Спутниковъ собралъ и всѣхъ одного за другимъ упрекалъ; но испра-

Зла намъ ужъ было не можно; быки ужъ зарѣзаны были. [вить

Боги притомъ же и знаменье, въ страхъ насъ приведшее, дали:

³⁹⁵Кожѣ ползли, а сырое на вертелахъ мясо и мясо,

Снятое съ вертеловъ, жалобно ревъ издавали бычачій.

Цѣлые шесть дней мои непокорные спутники дерзко

Били отборныхъ быковъ Геліоса и ѣли ихъ мясо;

Но на седьмой день, предъизбранный тайно Кроніономъ Зевсомъ,

⁴⁰⁰Вѣтеръ утихъ и шумѣтъ перестала сердитая буря.

Мачту поднявши и бѣлый на мачтѣ расправивши парусъ,

Всѣ мы взошли на корабль и пустились въ открытое море.

Но, когда въ отдаленіи островъ пропалъ, и исчезла

Всюду земля и лишь небо, съ водами сліянное, зрѣлось,

⁴⁰⁵Богъ громовержецъ Кроніонъ тяжелую темную тучу

Прямо надъ нашимъ стусилъ кораблемъ и подъ нимъ потемнѣло

Море. И кратокъ былъ путь для него. Отъ заката примчался

Съ воемъ Зефиръ и возсталъ великая бури тревога;

Лошнули разомъ веревки, державшія мачту; и разомъ

⁴¹⁰Мачта, сломаясь, съ парусами своими, гремящая, пала

Вся на корму и въ паденьи тяжелымъ ударомъ разбила

Голову кормщику; черепъ его подъ упавшей громадой

Всѣхъ былъ расплюснутъ, и онъ, водолазу подобно, съ высокихъ

Ребрь корабля кувырнувшись въ глубь, тамъ пропаль и изъ тѣла
⁴¹⁵Духъ улетѣль. Тутъ Зевесъ, заблеставъ, на корабль громовую
 Бросилъ стрѣлу; закружилось пронзенное судно и дымомъ
 Сбранимъ его обхватило. Всѣ разомъ товарищи были
 Сброшены въ воду и всѣ, какъ вороны морскія разсѣясь,
 Въ шумной исчезли пучинѣ—возврата лишилъ ихъ Кроніонъ.
⁴²⁰Я жъ, уцѣлѣвъ, межъ обломковъ остался до тѣхъ портъ, покуда
 Киль водой не отбило отъ ребръ корабельныхъ: онъ поплылъ;
 Мачта за нимъ поплыла; обвивался сплетенный изъ крѣпкой
 Кожы воловѣй ремень вокругъ нея: за ремень уцѣпившись,
 Мачту и киль имъ поспѣшно опуталь и плотно связаль я,
⁴²⁵Ихъ обхватилъ и отдался во власть безпредѣльнаго моря.
 Стихнулъ Зефиръ, присмирѣла сердитая буря; но быстрый
 Нотъ поднялся: онъ меня въ несказанную ввергнулъ тревогу.
 Снова обратной дорогой меня на Харибду помчалъ онъ.
 Цѣлую ночь былъ туда я несомъ; а когда возсіяло
⁴³⁰Солнце—себя я узрѣлъ межъ скалами Харибды и Скиллы.
 Въ это мгновеніе влагу соленую хлябь поглощала;
 Я, ухватясь за смоковницу, росшую тамъ, прицѣпился
 Къ вѣтвямъ ея, какъ летучая мышь, и повисъ, и нельзя мнѣ
 Было ногой ни во что упереться—висѣлъ на рукахъ я.
⁴³⁵Корни смоковницы было далѣко въ скалѣ и, расширясь,
 Вѣтви объемомъ великимъ Харибду кругомъ осѣняли;
 Такъ тамъ, вися безъ движенія, ждалъ я, чтобъ вынесли волны
 Мачту и киль изъ жерла, и въ тоскѣ несказанной я долго
 Ждалъ—и ужъ около часа, въ который судья, разрѣшивши
⁴⁴⁰Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходитъ
 Съ площади—выплыли вдругъ изъ Харибды желанныя бревна.
 Бросился внизъ я, раскинувши руки и ноги, и прямо
 Тяжестью всею упалъ на обломки несомые моремъ.
 Ихъ осѣдлавши, я началъ руками какъ веслами править.
⁴⁴⁵Скиллѣ жъ владыка безсмертныхъ Кроніонъ меня не дозволить
 Въ морѣ примѣтитъ: иначе была бъ неизбѣжна погибель.
 Девять носился я дней по водамъ; на десятый съ наставшей
 Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо
 Царствуетъ, свѣтлокудрявая, сладкорѣчивая нимфа.

⁴⁵⁰Принять я былъ благосклонно богиней. Объ этомъ однако Мнѣ говорить ужъ не нужно: вчера описаль я подробно Все и тебѣ и царицѣ; весьма неразумно и скучно Снова рассказывать то, что ужъ мы рассказали однажды.

ПѢСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ И УТРО ТРИДЦАТЬ ПЯТАГО.

Одиссей, одаренный щедро царемъ Алкиноемъ, царицею Аретою и феакійцами, покидаетъ съ наступленіемъ ночи ихъ островъ. Онъ засыпаетъ. Тѣмъ временемъ корабль феакійскій, (быстро совершивъ свое плаваніе,) достигаетъ Итаки. Вошедши въ пристань Форкинскую, мореходцы выносятъ Одиссея на берегъ, соннаго, и тамъ оставляютъ его со всѣми сокровищами, полученными имъ отъ феакійцевъ. Они удаляются. Раздраженный Посидонъ превращаетъ корабль ихъ въ утесъ. Одиссей пробуждается, но не узнаетъ земли своей, которую Аѳина покрыла густымъ туманомъ. Богиня встрѣчается съ нимъ подъ видомъ юноши. Онъ рассказываетъ ей о себѣ вымышленную повѣсть; тогда Аѳина отгрывается ему, принявъ на себя образъ дѣвы. Спрятавъ сокровища Одиссеевы въ гротѣ Нялдѣ, Богиня даетъ ему наставленіе, какъ отмстить женихамъ, превращаетъ его въ стараго нищаго и, повелѣвъ ему идти во внутренность острова къ свинопасу Эвмею, сама улетаетъ въ Лакедемонъ къ Телемаку.

Такъ Одиссей говорилъ, и ему въ потемнѣвшемъ чертогѣ Молча внимали другіе, и всѣ очарованы были.

Тутъ обратилась къ нему Алкиноева сила святая:

Если мой домъ мѣднокованный ты посѣтилъ, благородный

⁵Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствій не встрѣтишь

Нынѣ, въ отчизну отъ насъ возвращаясь, хотя и немало

Бѣдъ испыталъ ты. А я обращуся теперь, феакійцы,

Къ вамъ, ежедневно вино искрометное пьющимъ со мною

Въ царскихъ палатахъ, внимая струнамъ золотымъ пѣснопѣвца.

¹⁰Все ужъ въ ковчегѣ лежитъ драгоценномъ, и данна гостю

Ризы, и чудной работы златые сосуды и много

Разныхъ подарковъ другихъ отъ владыкъ феакійскихъ; пускай же

Къ нимъ по большому котлу и треножнику прочной работы

Каждый прибавитъ; себя жъ наградимъ за убытокъ богатымъ

¹⁵Сборомъ съ народа: столь щедро дарить одному не посыламъ.—

Такъ Алкиной говорилъ; и одобрявъ его предложеніе,

Всѣ по домамъ разошлись, о ложѣ и снѣ помышляя.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось,
Каждый поспѣшно отнесъ на корабль мѣдиолитную утварь;

²⁰Какъ же ту утварь подъ лавками судна укласть [чтобъ работать
Веслами въ морѣ могли, не вреда ей, гребцы молодые],
Самъ Алкиной, обошедши корабль, осторожно устроить.

Всѣ они въ царскихъ палатахъ потомъ учредили обѣдъ свой.

Тутъ собирателю тучъ, громоносу Кроііону Зевсу

²⁵Въ жертву быка принесла Алкиноева сила святая.

Бедра предавши огню, насладились роскошною пицей

Гости; и громко звуча вдохновенною лирой, предъ ними

Пѣлъ Демодокъ, многотимый въ народѣ. Но голову часто

Царь Одиссей обращалъ на всемірно-свѣтящее солнце,

³⁰Съ неба его понуждая сойти, чтобъ отъѣздъ ускорить свой.

Такъ помышляетъ о сладостной вечерѣ пахарь, день цѣлый

Свѣжее поле съ четою воловъ бороздившій могучимъ

Плугомъ и весело день провожаетъ онъ взоромъ на западъ;

Тащится тяжкой стопою домой онъ готовить свой ужинъ.

³⁵Такъ Одиссей веселился, увидя склоненье на западъ

Дня. Обращаясь ко всѣмъ феакіанамъ вмѣстѣ, такое

Слово сказалъ онъ, глаза устремивъ на царя Алкиноа:

Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,

Въ путь снарядите меня, сотворивъ возліянье безсмертнымъ;

⁴⁰Сами же радуйтесь. Все ужъ готово, чего такъ желало

Милое сердце, корабль и дары; да пошлютъ благодать мнѣ

Боги Ураниды нынѣ, чтобъ я, возвратясь въ отчизну,

Дома жену безъ порока нашель и возлюбленныхъ ближнихъ

Всѣхъ сохраненныхъ; а вы благоденствуйте каждый съ своею,

⁴⁵Сердцемъ избранной супругой и съ чадами; все да пошлютъ вамъ

Доброе боги, и зло никакое чтобъ васъ не коснулось.—

Кончилъ; и всѣ, изъявивъ одобренье, рѣшили немедля

Гостя, плѣнившаго ихъ столь разумною рѣчью, отправить

Въ путь. Обратясь тогда къ Понтоною, сказалъ феакіанъ

⁵⁰Царь благородный: наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ

Чаши, дабы, помолвившись владыкѣ Кроііону Зевсу,

Странника въ милую землю отцовъ отпустили мы съ миромъ.—

Такъ онъ сказалъ и, кратеры наполнивъ виномъ благовоннымъ,
 Подаль съ нимъ чаши гостямъ Понтоной; и они возліянье
 55Имъ совершили богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
 Каждый на мѣстѣ своемъ. Одиссей хитромысленный, вставши,
 Подаль царицѣ Аретѣ двуярусный кубокъ; потомъ онъ,
 Голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово: царица,
 Радуйся нынѣ и жизнь проводи безпечально, доколѣ

60Старость и смерть не придуть въ обреченное каждому время.
 Я возвращаюсь въ отеческій домъ свой; а ты благоденствуй
 Дома съ дѣтьми, съ домочадцами, съ добрымъ царемъ Алкиноемъ.—
 Слово такое сказавъ, черезъ мѣдный порогъ перешелъ онъ.—

Съ нимъ повелѣлъ Понтоною идти Алкиной, чтобъ ему онъ
 65Путь указалъ къ кораблю и къ песчаному берегу морскому.
 Также царица Арета послала за нимъ трехъ служанокъ,
 Съ вымытой чисто одеждой одну и съ хитономъ, другую
 Съ отданнымъ ей въ сохраненіе блестящимъ ковчегомъ, а третью
 Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ и съ запасомъ ѣды на дорогу.

70Къ берегу морскому онѣ подошли и, принявши изъ рукъ ихъ
 Платье, ковчегъ и вино и дорожную пищу, немедля
 Все на корабль отнесли быстроходный гребцы, и на гладкой
 Палубѣ мягкоширокой коверъ съ простыней полотняной
 Подлѣ кормы разостлали, чтобъ могъ Одиссей безтревожно
 75Спать. И вступилъ Одиссей на корабль быстроходный; и молча
 Легъ онъ на мягкоширокой коверъ. И на лавки порядкомъ
 Сѣли гребцы, и канатъ отвязавъ отъ причального камня,
 Разомъ ударили въ весла и взбрызнули темную влагу.

Тою порой миротворно слетѣлъ Одиссею на вѣжды
 80Сонъ непробудный, усладный, съ безмолвною смертію сходный.

Быстро [какъ полемъ широкимъ коней четверня, безпрестанно
 Сильнымъ гонимыхъ бичемъ, поражающимъ всѣхъ совокушно,
 Чуть до земли прикасаяся ногами, легко совершаетъ
 Путь свой] корабль, воздвигая корму, побѣжалъ, и пурпурной

85Сзади волной напирая, его многошумное море
 Мчало впередъ; безпрепятственно плыль онъ; и соколъ, быстрѣйшій
 Между пернатыми неба, его не догналъ бы въ полетѣ—
 Такъ онъ стремительно, зыбъ разсѣвая, летѣлъ черезъ море,

Мужа неся богоравнаго, полнаго мыслей высокихъ,

⁹⁰Много встрѣчавшаго бѣдъ, сокрушающихъ сердце, средь бурной

Странствуя зыби, и много великихъ выдавшаго браней—

Нынѣ же спать онъ, забывъ претерпѣнное, сномъ беззаботнымъ.

Но поднялася звѣзда лучезарная, вѣстница свѣтлой,

Въ сумракѣ раннемъ родившейся Эосъ; и путь свой окончивъ,

⁹⁵Къ берегу Итаки достигнулъ корабль, обѣгающій море.

Пристань находится тамъ, посвященная старцу морскому

Форку; ее образуютъ двѣ длинныя вѣтви крутаго

Брега, скалами зубчатыми въ море входящаго; вѣтрамъ

Онъ возбраняетъ извинѣ нагонять на спокойную пристань

¹⁰⁰Волны тревожныя; могутъ внутри корабли на притонномъ

Мѣстѣ безъ привязи вольно стоять, не страшась непогоды;

Въ самой вершинѣ залива широкосѣпная зрится

Маслина; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сводомъ

Гротъ, посвященный прекраснымъ, сливающимъ Наядами, нимфамъ;

¹⁰⁵Много въ томъ гротѣ кратеръ и большихъ двоеручныхъ кувшиновъ

Каменныхъ; пчелы, гнѣздяся въ ихъ нѣдрахъ, свой медъ составляютъ;

Также тамъ много и каменныхъ длинныхъ становъ; за стенами

Сидя, чудесно одежды пурпурныя ткуть тамъ Наяды;

Вѣчно шумить тамъ вода ключевая; и въ гротѣ два входа:

¹¹⁰Людямъ одинъ лишь изъ нихъ, обращенный къ Борю, доступенъ;

Къ Ноту жъ на югъ обращенный богамъ посвященъ—не дерзаетъ

Смертный къ нему приближаться, однимъ лишь безсмертнымъ открытъ

Зная то мѣсто, къ нему подошли мореходцы; корабль ихъ [онъ.

Цѣлой почти половиною на берегъ вспрянулъ—такъ быстро

¹¹⁵Мчался онъ, веслами сильныхъ гребцовъ понуждаемый къ бѣгу.

Сталь неподвижно у берега могучій корабль. Мореходцы,

Съ палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной

Снявъ съ простынею и съ мягкимъ ковромъ, на которыхъ лежалъ

Спящій глубоко, его положили на брегѣ песчаномъ; [онъ

¹²⁰Послѣ, богатства собравъ, отъ разумныхъ людей феакійскихъ

Имъ полученныя въ даръ по внушенью великой Аѳины,

Бережно склади у корня оливы широкосѣпной

Все, отъ дороги поодаль, дабы никакой проходящій,

Пользуясь сномъ Одиссея глубокимъ, чего не похитилъ.

¹²⁵Кончивъ, пустился въ море они. Но земли колебатель,
 Помня во гнѣвѣ о прежнихъ угрозахъ своихъ Одиссею,
 Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, съ такой обратился молитвой
 Къ Зевсу: о Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, не буду богами
 Болѣ честимъ я, когда мной ругаться начнутъ феакійцы,
¹³⁰Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
 Вѣдалъ всегда я, что въ домъ свой, немало тревогъ испытавши,
 Долженъ вступить Одиссей; я не могъ у него возвращеня
 Въ все похитить: ты прежде ужъ судъ произнесъ свой.
 Нынѣ жъ его феакійцы въ своемъ кораблѣ до Итаки
¹³⁵Спящаго, мнѣ вопреки, довели, напередъ одаривши
 Золотомъ, мѣдью и множествомъ ризъ, драгоценотканныхъ,
 Такъ изобильно, что даже изъ Трои подобной добычи
 Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно въ домъ возвратился. —
 Гнѣвному богу отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
¹⁴⁰Странное слово сказалъ ты, могучій земли колебатель;
 Ты ль не въ чести у боговъ, и возможно ль, чтобъ лучшій,
 Старшій и силою первый не чтимъ былъ отъ младшихъ и низшихъ?
 Если же кто изъ людей земнородныхъ, съ тобою неравныхъ
 Силою и властью, тебя не почтитъ, накажи беспощадно.
¹⁴⁵Дѣйствуй теперь, какъ желаешь ты самъ, какъ пріятнѣе сердцу. —
 Богъ Посидонъ, колебатель земли, отвѣчалъ громовержцу:
 Смѣло бъ я дѣйствовать сталъ, о Зевесъ чернооблачный, если бъ
 Силы великой твоей и тебя раздражить не страшился;
 Нынѣ же мной феакійскій прекрасный корабль, Одиссея
¹⁵⁰Въ землю его проводившій и моремъ обратно плывущій,
 Будетъ разбить, чтобъ впередъ ужъ они по водамъ не дерзали
 Всѣхъ провожать, и горою великой задвину ихъ городъ. —
 Гнѣвному богу отвѣтствовалъ такъ громовержецъ Кроніонъ:
 Другъ Посидонъ, полагаю, что самое лучшее будетъ,
¹⁵⁵Если [когда подходящій корабль издалѣка увидятъ
 Жители града] его передъ ними въ утесъ обратишь ты,
 Образъ плывущаго судна ему сохранивши, чтобъ чудо
 Всѣхъ изумило; потомъ ты горою задвинешь ихъ городъ. —
 Слово такое услышавъ, могучій земли колебатель
¹⁶⁰Въ Схерию, гдѣ обиталъ феакійскій народъ, устремился

Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. Къ нему подошедъ, колебатель земли во мгновенье
Въ камень его обратилъ и ударомъ ладони къ морскому
Дну основаніемъ крѣпко притиснулъ; потомъ удалился.

¹⁶⁵Шумно словами крылатыми спрашивать стали другъ друга
Веселюбивые, смѣлые гости морей феакійцы,

Глядя одинъ на другого, и такъ межъ собой разсуждая:

Горе! кто вдругъ на водахъ оковалъ нашъ корабль быстроходный,
Къ берегу шедшій? Его ужъ вдали различали мы ясно.—

¹⁷⁰Такъ говорили они, не постигнувъ того, что случилось.

Къ нимъ обратился тогда Алкиной и сказалъ: феакійцы,
Горе! я вижу, что нынѣ сбылося все то, что отецъ мой
Мнѣ предсказалъ, говоря, какъ на насъ Посидонъ негодуеть
Сильно за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ безопасно.

¹⁷⁵Нѣкогда, онъ утверждалъ, феакійскій корабль, проводившій
Странника въ землю его, возвращаяся моремъ туманнымъ,
Будетъ разбитъ Посидономъ, который высокою горою
Градъ нашъ задвинетъ. Такъ мнѣ говорилъ онъ, и все совершилось.

Вы жъ, феакійскіе люди, исполните то, что скажу вамъ:

¹⁸⁰Съ этой поры мы не станемъ уже по морямъ, какъ бывало,
Странниковъ, нашъ поспѣвающихъ градъ, провожать; Посидону жъ
Въ жертву немедля двѣнадцать быковъ принесемъ, чтобъ на милость
Онъ преклонился, и града горой не задвинулъ великой.—

Такъ онъ сказалъ и быковъ приготовилъ на жертву обѣятый

¹⁸⁵Страхомъ народъ; и усердно молясь Посидону владыкѣ,
Всѣ феакійскіе старцы, вожди и вельможи стояли

Вкругъ алтаря. Той порой Одиссей, привезенный въ отчизну
Сонный, проснулся, и милой отчизны своей не узналъ онъ—

Такъ былъ отсутственъ давно; да и сторону всю ту покрыла

¹⁹⁰Мглою туманною дочь громовержца Аѳина, чтобъ не былъ
Прежде, покуда всего отъ нея не услышитъ, кѣмъ встрѣченъ.
Царь Одиссей, чтобъ его ни жена, ни домашній, ни житель
Града какой не узнали, пока женихамъ не отмститъ онъ;
Вотъ почему и явилось очамъ Одиссея столь чуждымъ

¹⁹⁵Все, и излучины длинныхъ дорогъ, и заливъ межъ стѣнами
Гладкихъ утесовъ, и темныя сѣни деревь черноглавыхъ.

Вставши, съ великимъ волненьемъ онъ началъ кругомъ озираться;
Скорбь овладѣла душою его, по бедрамъ онъ могучимъ
Крѣпко ударивъ руками; въ печали великой воскликнулъ:
²⁰⁰Горе! къ какому народу зашелъ я! здѣсь, можетъ быть, область
Дикихъ, незнающихъ правды людей, иль, быть можетъ, я встрѣчу
Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ.
Гдѣ же я скрою богатства мои и куда обратиться
Мнѣ самому? Для чего межъ людьми феакійскими долѣ
²⁰⁵Я не остался! къ другому изъ сильныхъ владыкъ въ ихъ народѣ
Я бы прибѣгнулъ, и онъ бы помогъ мнѣ достигнуть отчизны;
Нынѣ жъ не знаю, что дѣлать съ своимъ мнѣ добромъ; безъ хра-
Здѣсь не оставлю его, отъ прохожихъ расхищено будетъ. [ненья
Горе: я вижу теперь, что не во все умны и правдивы
²¹⁰Были въ поступкахъ со мною и царь и вожди феакійцевъ:
Ими я брошенъ въ краю мнѣ чужомъ; отвезти обѣщались
Въ милую прямо Итаку меня, и нарушили слово;
Ихъ да накажетъ Зевесъ, покровитель лишенныхъ покрова,
Зрящій на наши дѣла и карающій наши злодѣйства.
²¹⁵Должно однако богатства мои перечестъ, чтобъ увидѣть,
Цѣло ли все, не украли ль чего въ корабль быстроходномъ?—
Онъ сосчиталъ всѣ котлы, всѣ треножки, всѣ золотыя
Утвари, всѣ драгоцѣнно-сотканныя ризы, и цѣлымъ
Все оказалось; но горько онъ плакалъ о милой отчизнѣ,
²²⁰Глядя на шумное море, бродя по песчаному берегу
Въ тяжелой печали. Къ нему подошла тутъ богиня Аѳина,
Образъ принявъ пастуха, за овечьимъ ходяшаго стадомъ,
Юнаго, нѣжной красою подобнаго царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,
²²⁵Ноги сіяли въ сандаляхъ, легкимъ кошемъ подпиралась.
Радуюсь встрѣчѣ такой, Одиссей подошелъ къ свѣтлоокой
Дѣвѣ и, голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово:
Другъ, ты въ землѣ незнакомой мнѣ страннику встрѣтился первый;
Радуйся! сердце жъ на милость свое преклони, береги мнѣ
²³⁰Это добро, и меня самого защити; я какъ бога,
Другъ, умоляю тебя и колѣна твои обнимаю:
Мнѣ отвѣчай откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать,

Гдѣ я? Въ какой сторонѣ? И какой здѣсь народъ обитаетъ?

Островъ ли это гористый иль въ море входящій, высокій
²³⁵Берегъ земли матерой, покровенной крутыми горами?—

Дочь свѣтлокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Видно, что ты издалека, пришелець, иль вовсе безмысленъ,

Если объ этомъ не вѣдаешь краѣ? Но онъ не безславенъ

Между краями земными, народамъ земнымъ онъ извѣстенъ

²⁴⁰Всѣмъ, какъ живущимъ къ востоку, гдѣ Эосъ и Гелиосъ всходятъ,

Такъ и живущимъ на западъ, гдѣ область туманныя ночи;

Правда, гористъ и суровъ онъ, конямъ неприволенъ, но въ все жъ

Онъ и не дикъ, не бесплоденъ, хотя не широкъ и полями

Бѣдентъ; онъ жатву сторицей даетъ и на немъ винограда

²⁴⁵Много родится отъ частыхъ дождей и отъ росъ плодотворныхъ;

Пажитей много на немъ для быковъ и для козь, и богатъ онъ

Лѣсомъ и множествомъ водъ, безущербно годъ цѣлый текущихъ.

Странникъ, конечно молва объ Итакѣ дошла и къ предѣламъ

Трон, лежащей, какъ слышно, далеко отъ края ахеянъ.—

²⁵⁰Кончила. Въ грудь Одиссея веселье отъ словъ сихъ проникло;

Радъ былъ услышать онъ имя отчизны изъ устъ свѣтлокой

Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Аѳины;

Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово богинѣ

[Правду однако онъ скрылъ отъ нея хитроумною рѣчью,

²⁵⁵Въ сердцѣ своемъ осторожно о пользѣ своей помышляя]:

Имя Итаки впервые услышалъ я въ Критѣ обширномъ,

За моремъ; нынѣ жъ и самъ я предѣловъ Итаки достигнулъ,

Много сокровищъ съ собою привезши и столько же дома

Дѣтямъ оставивъ; бѣжалъ я оттуда, убивъ Архилока,

²⁶⁰Идоменеева милаго сына, который въ обширномъ

Критѣ мужей предприимчивыхъ всѣхъ побѣждалъ быстротою

Ногъ; онъ хотѣлъ у меня всю добычу троянскую [столько

Злыхъ мнѣ тревогъ приключившую въ тѣ времена, какъ во многихъ

Браняхъ я былъ и среди бѣдоноснаго странствовалъ моря]

²⁶⁵Силой отнять, поелику его я отцу отказался

Въ Троѣ служить и своими людьми предводилъ; по его я,

Шедшаго съ поля, съ товарищемъ подлѣ дороги укрывшись,

Мѣтконаправленнымъ мѣднымъ копьемъ умертвилъ изъ засады;

Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой насъ
 270 Видѣть не могъ челоѣкъ; и не свѣдаль никто, что убійца
 Я; но, копьемъ мѣдноострымъ его умертвивъ, не замедлить
 Я, къ кораблю финикійскихъ людей благородныхъ пришедши,
 Ихъ убѣдить предложеньемъ даровъ, чтобъ меня на корабль свой
 Взявши и въ Пилосъ привезши, тамъ на берегъ дали мнѣ выдти,
 275 Или въ Элиду, священную область эпеянь, меня проводили:
 Но береговъ ихъ достигнуть намъ не далъ враждующій вѣтеръ
 Къ горю самихъ мореходцевъ, меня обмануть не хотѣвшихъ:
 Сбившись съ дороги, сюда мы приплыли ночью порою;
 Въ пристань на веслахъ ввели мы корабль и никто не помыслилъ,
 280 Сколь ни стремилъ къ тому насъ желанье, объ ужинѣ; всѣ мы,
 вмѣстѣ сошедъ съ корабля, улеглись на брегъ песчаномъ:
 Въ это мгновенье въ глубокой я сонъ погрузился; они же,
 Взявши пожитки мои съ корабля, ихъ сложили на землю
 Тамъ, гдѣ заснувши лежалъ на пескѣ я; потомъ, возвратяся
 285 Всѣ на корабль, къ берегамъ многолюдной Сидоніи путь свой
 Быстро направили. Я же остался одинъ, сокрушенный.—
 Кончилъ. Съ улыбкой Аѳина ему свѣтлоокая щеки
 Нѣжной рукой потрепала, явившись прекрасною, съ станомъ
 Стройно высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ искусною дѣвой.
 290 Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:
 Долженъ быть скритень и хитръ несказанно, кто спорить съ тобою
 Въ вымыслахъ разныхъ захочетъ; то было бы трудно и богу.
 Ты, кознодѣй, на коварныя выдумки дерзкой, не можешь,
 Даже и въ землю свою возвратясь, оторваться отъ темной
 295 Лжи и отъ словъ двоясмысленныхъ, смолода къ нимъ приучившись:
 Но объ этомъ теперь говорить бесполезно: мы оба
 Любимъ хитрить. На землѣ ты межъ смертными разумомъ первый,
 Также и сладкою рѣчью; я первая между безсмертныхъ
 Мудрымъ умомъ и искусствомъ на хитрые вымыслы. Какъ же
 300 Могъ не узнать ты Паллады Аѳины, тебя неизмѣнно
 Въ тяжкихъ трудахъ подкрѣплявшей, хранившей въ напастяхъ, и нынѣ
 Всѣмъ феакіянамъ сердце къ тебѣ на любовь преклонившей?
 Знай же теперь: я пришла, чтобъ, съ тобой все разумно обдумавъ,
 Къ мѣсту прибратъ здѣсь все то, что отъ щедрыхъ людей феакійскихъ

³⁰⁵Ты получилъ при отъздѣ моимъ благосклоннымъ внушеньемъ;
Также, чтобъ зналъ ты, какія судьба въ многославномъ жилищѣ
Царскомъ бѣды для тебя приготовила. Ты же мужайся:

Но берегись, чтобъ никто тамъ, ни мужъ, ни жена, не проникли
Тайны, что бѣдный скиталець—ты самъ, возвратившійся: молча
³¹⁰Всѣ оскорбленья сноси, наглцамъ уступая безъ гнѣва.—

Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
Смертный, и самый разумный, съ тобою случайно, богиня,
Встрѣтясь, тебя не узнаеть: во всѣхъ ты являешься видахъ.

Помню однако я, сколь ты бывала ко мнѣ благосклонна

³¹⁵Въ тѣ времена, какъ въ Троянской землѣ мы сражались, ахейцы.
Но, когда испровергнувши городъ Пріамовъ великій,

Мы къ кораблямъ возвратились, разгнѣванный богъ разлучилъ насъ.
Съ тѣхъ поръ съ тобой не верѣчался я, Діева дочь, не примѣтилъ
Также, чтобъ ты, на корабль мой вступивши, меня отъ какого

³²⁰Зла защитила. Съ разорваннымъ сердцемъ, безъ всякой защиты,
Странствовалъ я: наконецъ отъ напастей избавили боги.

Только въ странѣ плодоносной мужей феакійскихъ меня ты
Словомъ своимъ ободрила и въ городъ мнѣ путь указала.

Нынѣ жъ, колѣна объемя твои, умоляю Зевесомъ

³²⁵[И сомнѣваюсь, чтобъ былъ я въ Итакѣ: я въ землю иную
Прибыль; ты, такъ говоря, безъ сомнѣнья испытывать шуткой
Хочешь мнѣ сердце: ты хочешь мой разумъ ввести въ заблужденъ],
Правду скажи мнѣ, я подлинно ль милой отчизны достигнулъ?

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

³³⁰Въ сердцѣ моемъ благосклонность къ тебѣ сохранилася таже:

Мнѣ невозможно въ несчастьи покинуть тебя; ты приемишь

.Ласково каждый совѣтъ, ты понятливъ, ты смѣлъ въ исполненьи,

Всякій, на чужѣ скитавшійся долго, достигнувъ отчизны,

Домъ свой, жену и дѣтей пламенѣть желаньемъ увидѣть;

³³⁵Ты жъ, Одиссей, не спѣши узнавать, воздержись отъ разсирасовъ:

Прежде ты долженъ жену испытать: неизмѣнная сердцемъ,

Дома она ожидаетъ тебя съ нетерпѣньемъ, тратя

Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали.

Я же сомнѣнья въ томъ никогда не имѣла—напротивъ

³⁴⁰Знала, что спутниковъ всѣхъ потерявъ, ты домой возвратишься;

Но неприлично мнѣ было вражду заводить съ Посидономъ,
Братомъ родителя Зевса, тобой оскорбленнымъ: ты сильно
Душу разгнѣвалъ его умерщвленіемъ милого сына.

Но, чтобъ ты могъ мнѣ повѣрить, тебѣ я открою Итаку.

³⁴⁵Здѣсь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;

Въ самой вершинѣ залива ширококошенистую видишь

Маслину; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сводомъ

Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывающимъ Наядами, нимфамъ

[Самый тотъ хладный, въ утесѣ таящійся гротъ, гдѣ столь часто

³⁵⁰Ты приносишь экатомбы богатя чистымъ Наядамъ].

Вотъ и гора Неріонъ, покровенная лѣсомъ широкимъ.—

Кончивъ, богиня туманъ раздѣлила; окрестность явилась;

Въ грудь Одиссея при видѣ такомъ пролилося веселье;

Бросился онъ цѣловать плододарную землю отчизны;

³⁵⁵Руки поднявъ, обратился потомъ онъ съ молитвой къ Наядамъ:

Нимфы Наяды, Зевесовы дочери, я ужъ не думалъ

Здѣсь васъ увидѣть; теперь веселитесь моею веселой,

Нимфы, молитвой; и будутъ дары вамъ обычные, если

Дочь броненосная Зевса Аѳина и мнѣ благосклонно

³⁶⁰Жизнь сохранить, и милого сына спасетъ отъ напасти.—

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты тревожиться долженъ;

Долженъ напротивъ сокровища въ нѣдрѣ пространнаго грота

Спрятать свои, чтобъ изъ нихъ ничего у тебя не пропало.

³⁶⁵Послѣ, все дѣло обдумавъ, мы выберемъ то, что полезнѣй.—

Кончивъ, богиня во внутренность грота вошла и рукою

Темные стѣны закоулки ощупала; сынъ же Лаэртонъ

Все, и нетлѣнную мѣдь, и богатя платья, и злато,

Имъ отъ людей Феакійской земли полученныя, собрасть;

³⁷⁰Въ гротѣ ихъ склавъ, передъ входомъ его положила огромный

Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Аѳина.

Оба тогда, подъ ширококошенистою маслиной сѣвши,

Стали обдумывать, какъ погубить жениховъ многобуйныхъ.

Дочь свѣтлоокая Зевса богиня Аѳина сказала:

³⁷⁵О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,

Выдумай, какъ бы тебѣ жениховъ наказать беззаконныхъ,

Болѣ трехъ лѣтъ самовластно твоимъ обладающихъ домою,
 Муча докучнымъ своимъ сватовствомъ Пенелопу; она же,
 Сердцемъ въ разлукѣ съ тобою крушась, подаетъ имъ надежду
³⁸⁰Всѣмъ, и каждому порознь себя обѣщаетъ, и вѣсти
 Добрыя шлетъ къ нимъ, недоброе въ сердцахъ для нихъ замышляя. —
 Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовать такъ Одиссей многоумный:
 Горе! и мнѣ бѣ, какъ царю Агамемнону сыну Артея,
 Жалостной гибели въ царскомъ жилищѣ моемъ не избѣгнуть,
³⁸⁵Если бы вовремя мнѣ ты всего не открыла богиня!
 Дай мнѣ теперь наставленіе, какъ отомстить имъ; сама же
 Мнѣ помоги и такую жъ даруй мнѣ отважность, какъ въ Троѣ,
 Гдѣ мы разрушили свѣтлыя стѣны Пріамова града.
 Стой за меня и теперь, какъ тогда, свѣтлоокая: смѣло
³⁹⁰Выдти готовъ и на триста мужей я, хранимый твоею
 Силою божественной, если ко мнѣ ты еще благосклонна. —
 Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
 Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставленъ
 Мною и тогда, какъ приступимъ мы къ дѣлу; и думаю скоро
³⁹⁵Доно земли безиредѣльной обрызжется кровью и мозгомъ
 Многихъ изъ нихъ, беззаконныхъ, твое достоянье губящихъ.
 Прежде однако тебя превращу я, чтобъ не былъ никѣмъ ты
 Узнавъ: наморщю блестящую кожу твою на могучихъ
 Членахъ, сниму съ головы златотемные кудри, покрою
⁴⁰⁰Рубищемъ бѣднымъ плеча, чтобъ глядѣлъ на тебя съ отвращень-
 Каждый, и струпомъ глаза, столь прекрасные нынѣ, подерну; [емъ
 Въ видѣ такомъ женихамъ ты, супругѣ и сыну [который
 Дома тобою былъ оставленъ], неузнанный, будешь противенъ.
 Прежде однако отсюда ты долженъ пойти къ свинопасу,
⁴⁰⁵Главному здѣсь надъ стадами свинными смотрителю; вѣрнѣ
 Онъ и тебѣ и разумной твоей Пенелопѣ и сыну;
 Встрѣтишь его ты у стада свиней: близъ утеса Коракаса,
 Подлѣ ключа Аретузы лазоревой стадо пасется,
 Жадно питаяся тамъ желудьми, и водой зашивая
⁴¹⁰Пищу, которая тушу свиную густымъ наливаетъ
 Жиромъ. Съ нимъ сѣдя, его обо всемъ ты подробно разспросишь.
 Тою порою я въ женопрекрасный пойду Лакедѣмонъ

Вызвать къ тебѣ, Одиссей, твоего Телемака оттуда:
 Онъ же въ широкоравнинную Спарту пошелъ, чтобъ услышать
⁴¹⁵Вѣсть о тебѣ отъ Атрида, и живъ ли еще ты, провѣдать.—
 Свѣтлой Аоніи отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
 Вѣдая все, для чего жъ ему не сказала ты правды?
 Странствуя, многимъ и онъ сокрушеньямъ подвергнуться можетъ
 На морѣ бурномъ, во власти грабителей домъ свой оставивъ.—
⁴²⁰Дочь свѣтлоокая Зевса Аонна ему отвѣчала:
 Много о томъ Одиссей ты тревожиться сердцемъ не долженъ.
 Я проводила его, чтобъ людей посмотрѣлъ и межъ ними
 Нажилъ великую славу; легко все окончивъ, теперь онъ
 Въ домѣ Атреева сына сидитъ и роскошно пируетъ.
⁴²⁵Правда, его женихи стерегутъ въ кораблѣ темногрудомъ,
 Злую погибель готовя ему на возвратной дорогѣ;
 Я имъ однако того не дозволю; и прежде могила
 Многихъ изъ нихъ, разоряющихъ дерзостно домъ твой, поглотить.—
 Съ сими словами богиня къ нему прикоснулась тростью.
⁴³⁰Разомъ на членахъ его, вдругъ изсохшее, сморщилось тѣло,
 Спали съ его головы златотемные кудри, сухою
 Кожею дряхлаго старца дрожащія кости покрылись,
 Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись стружомъ,
 Плечи одѣлись тряпичей, въ лохмотье разорваннымъ, старымъ
⁴³⁵Рубищемъ, грязнымъ, совсѣмъ почернѣвшимъ отъ смраданаго дыма;
 Сверхъ же одежды оленья широкая кожа повисла,
 Голая, вовсе безъ шерсти; давъ посохъ ему и котомку,
 Всю въ заплатяхъ, висящую вмѣсто ремня на веревкѣ,
 Съ нимъ разлучилась богиня; что дѣлать, его научивши,
⁴⁴⁰Къ сыну его полетѣла она въ Лакедѣмонъ священникъ.

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ДЕНЬ.

Одиссей приходитъ къ Эвмею; позавтракавъ съ нимъ, онъ увѣряетъ стараго сви-
 нопаса, что господинъ его скоро возвратится и подтверждаетъ то клятвою, но
 Эвмей ему не вѣритъ. Одиссей рассказываетъ ему вымышленную о себѣ повѣсть.
 (Въ вечеру всѣ другіе пастухи возвращаются съ паствы. Эвмей убиваетъ откормлен-

ную свиною на ужинъ. Холодная ночь; Одиссей вымышленнымъ о себѣ разсказомъ побуждаетъ Эвмея дать ему теплую мантию на ночь. Всѣ засыпаютъ въ домѣ; одинъ Эвмей уходитъ наблюдать за стадомъ, оставленнымъ въ полѣ.)

Тою порою изъ пристани вокругъ по тропинкѣ нагорной
Лѣсомъ пошелъ онъ въ ту сторону, гдѣ по сказанью Аенны
Жилъ свинопасъ богоравный, который усердиѣ прочихъ
Царскихъ рабовъ наблюдалъ за добромъ своего господина.

⁵Онъ на дворѣ передъ домомъ въ то время сидѣлъ за работою;
Домъ же стоялъ на высокомъ, открытомъ и крутообразномъ
Мѣстѣ, просторный, отвсюду обходный; его для свинныхъ тамъ
Стадъ свинопасъ, не спросясь ни съ царицей, ни съ старцемъ Лаэръ-
Самъ, поелику его господинъ былъ отсутственъ, изъ твердыхъ [томъ,

¹⁰Камней построилъ; ограда терновая стѣны вѣнчала;
Тынь изъ дубовыхъ, обтесанныхъ, близко одинъ отъ другаго
Въ землю вколоченныхъ колебъ его окружалъ; на дворѣ же
Цѣлыхъ двѣнадцать просторныхъ закутъ для свиней находилось:

Каждую ночь въ тѣ закуты свиней загоняли и въ каждой
¹⁵Ихъ пятьдесятъ, на землѣ неподвижно лежащихъ, тамъ было
Заперто—матки однѣ для расплода, самцы же во вѣншихъ

Спали закутахъ, и въ меньшемъ числѣ: убавляли, ширя,
Ихъ женихи незаконные [самъ свинопасъ принужденъ былъ
Лучшихъ и самыхъ откормленныхъ имъ посылать ежедневно];

²⁰Триста ихъ тамъ шестьдесятъ борововъ на лицо оставалось;
Ихъ сторожили четыре собаки, какъ дикіе звѣри,
Злобныя: самъ свинопасъ, повелитель мужей, для себя ихъ
Выкормилъ. Сидя тогда передъ домомъ, кроилъ онъ изъ крѣпкой
Кожи воловѣй подошвы для ногъ; пастухи же другіе

²⁵Были въ отлучкѣ: на пажити съ стадомъ свиней находились
Трое, четвертый самимъ повелителемъ посланъ былъ въ городъ
Лучшую въ стадѣ свиною женихамъ необузданнымъ противъ
Воли отдать, чтобъ зарѣзавъ ее, насладились ѣдою.

Вдругъ вдалекѣ Одиссея увидѣли злыя собаки;

³⁰Съ лаемъ онѣ на него побѣжали; къ землѣ осторожно,
Видя опасность, присѣлъ Одиссей, но изъ рукъ уронилъ онъ
Посохъ, и жалкую гибель въ своемъ бы онъ встрѣтилъ владѣнны,
Если бы самъ свинопасъ, за собаками бросающъ поспѣшно,

Выбѣжать, кинувъ работу свою, не успѣлъ изъ заграды: [большими
 35Крикнувъ на бѣшеныхъ псовъ, чтобъ пугнуть ихъ, швырять онъ
 Камнями началъ; потомъ онъ сказалъ, обратясь къ Одиссею:

Былъ бы, старикъ, ты разорванъ, когда бь опоздалъ я минуту;
 Тяжкимъ упрекомъ легло бь мнѣ на сердце такое несчастье;
 Мнѣ же и такъ ужь довольно печалей безсмертныя дали;

40Здѣсь, о моемъ господинѣ божественномъ сѣтуя, долженъ
 Я для незванныхъ гостей борововъ Одиссеевыхъ жирныхъ
 Прочить, тогда какъ, быть можетъ, онъ самъ безъ покрова, безъ пищи
 Странствуетъ въ чуждыхъ земляхъ, межъ народовъ инаго языка
 [Если онъ только еще гдѣ сіяніемъ дня веселится].

45Въ домъ мой послѣдуй за мною, старикъ; я тебя дружелюбно
 Пищею тамъ угощу и виномъ; отдохнуши, ты скажешь,
 Кто ты, откуда, какія бѣды и напасти гдѣ встрѣтилъ?—
 Кончить, и въ домъ съ Одиссеемъ вошелъ свинопасъ богоравный;
 Тамъ онъ на кучу его посадилъ многолиственныхъ свѣжихъ

50Сучьевъ, недавно нарубленныхъ, прежде косматою кожей
 Серны, на ней же онъ спалъ по ночамъ, ихъ покрывъ. Одиссею
 Былъ по душѣ столь радушный приемъ; онъ сказалъ свинопасу:
 Зевса молю я и вѣчныхъ боговъ, чтобъ тебѣ ниспослали
 Всякое благо за то, что меня ты такъ ласково принялъ.—

55Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
 Если бы, другъ, кто и хуже тебя посѣтилъ насъ, мы долгъ свой
Гостя почтить сохранили бы свято—Зевесъ къ намъ приводить
 Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ.

Слишкомъ же щедрыми быть намъ не можно, рабамъ, въ безпре-

60Страхѣ живущимъ, понеже теперъ господа молодые [станномъ
 Властвуютъ нами. Крононъ рѣшилъ, чтобъ лишень былъ возврата
 Онъ, столь ко мнѣ благосклонный; меня бь онъ устроилъ, мнѣ далъ
 Поле, и домъ, и невѣсту съ богатымъ приданымъ и, словомъ, [бы
 Все, что служителямъ вѣрнымъ давать господинъ благодушный

65Долженъ, когда справедливыя боги успѣхомъ усердье
 Ихъ наградили, какъ здѣсь и меня за труды награждаютъ;
 Такъ бы со мною здѣсь милостивъ былъ онъ, когда бь могъ дости-
 Старости, дома; но нѣтъ ужь его.... о! зачѣмъ не Еленинъ [гнуть
 Родъ истребленъ! отъ нея сокрушились колѣна славнѣйшихъ

⁷⁰Нашихъ героевъ: и онъ за обиду Атрида съ другими
 Въ Трою неволей пошелъ истребить Иліонъ многоконный.—
 Такъ говорилъ онъ, и поясомъ легкій хитонъ свой стянувши,
 Къ той отдѣленной закутѣ пошелъ, гдѣ одни поросята
 Заперты были; взявъ двухъ пожирѣй, онъ обоихъ зарѣзавъ,
⁷⁵Ихъ опалилъ и на части разсѣкъ, и на вертелъ наткнувши
 Части, изжарилъ ихъ; кончивъ, горячее мясо онъ подаль
 Гостю на вертелѣ, ячной мукою его пересыпавъ;

Послѣ, медвянымъ виномъ деревянный наполнивши кубокъ,
 Сѣлъ противъ гости за столъ и, его приглашая къ обѣду:

⁸⁰Странникъ, сказалъ, не угодно ль тебѣ поросятины, нашей
 Пищи убогой, отвѣдать? Свиной же одни безопасно
 Жрутъ женихи, не страшась никакого за то наказанья;
 Дѣлъ незаконныхъ однако блаженные боги не любятъ:
 Правда одна и благіе поступки людей имъ угодны;

⁸⁵Даже разбойники, злые губители, разныя земли
 Грабятъ обычіе—многой добычей, имъ данной Зевсомъ,
 Свой нагруживши корабль и на немъ возвращаясь въ отчизну—
 Страхъ наказанья великій въ душѣ сохраняютъ; они же
 [Видно имъ бога какого пророческій слышался голосъ],

⁹⁰Вѣря, что гибель постигла его, ни свое, какъ прилично,
 Вестъ сватовство не хотятъ, ни къ себѣ возвратиться не мыслятъ,
 Въ домъ напротивъ пируютъ его и безчинно все грабятъ;
 Каждую Зевсову ночь тамъ и каждый ниспосланный Зевсомъ
 День не одну и не двѣ мы свиньи на сѣденье имъ рѣжемъ:

⁹⁵Также они и вино, неумѣренно пьянствуя, тратятъ.
 Домъ же его несказанно богатъ былъ, никто изъ живущихъ
 Здѣсь благородныхъ мужей—на твердыи ли чернаго Зама
 Или въ Итакѣ—того не имѣлъ; получалъ онъ дохода
 Болѣ, чѣмъ десять у насъ богачей; я сочту по порядку:

¹⁰⁰Стадъ криворогихъ быковъ до двѣнадцати было, овечьихъ
 Также, и столько жъ свинныхъ, и не менѣ козыхъ [пасутъ ихъ
 Здѣсь козоводы свои и наемные]; также на разныхъ
 Паствахъ еще здѣсь гуляетъ одиннадцать козыхъ особыхъ
 Стадъ: и особые ихъ стерегутъ на горахъ козоводы:

¹⁰⁵Каждый изъ тѣхъ козоводовъ вседневно, чередъ наблюдая,

Въ городъ съ жирнѣйшей козою, межъ лучшими выбранной ходить;
Также вседневно и я, надъ стадами свинными здѣсь главный,
Лучшаго борова имъ на обѣдъ посылать приневоленъ.—

Такъ говорилъ онъ, а гость той порою ѣлъ мясо, усердно
¹¹⁰Пилъ, и молчалъ, женихамъ истребленіе въ мысляхъ готовя.

Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубокъ онъ свой, изъ котораго самъ пилъ, хозяину подаль
Полный вина—и его свинопасъ съ удовольствіемъ принять:

Гость же, къ нему обратившись бросилъ крылатое слово:

¹¹⁵Другъ, расскажи о купившемъ тебя господинѣ, который
Былъ такъ несмѣтно богатъ, такъ могучъ, и потомъ, говоришь ты.
Въ Троѣ погибъ, за обиду отмщая Атреева сына?

Знать я желаю: не встрѣтился ль гдѣ онъ случайно со мною?
Зевсу и прочимъ безсмертнымъ извѣстно, могу ли въ свою вамъ

¹²⁰Очередь что про него рассказать—я давно ужъ скитаюсь.—

Такъ свинопасъ, повелитель мужей, отвѣчалъ Одиссею:

Старецъ, теперь никакой ужъ изъ странниковъ, много бродившихъ,
Радостной вѣстью объ немъ ни жены не обманетъ, ни сына.

Часто въ надеждѣ, что ихъ, угостивъ, одарятъ, здѣсь бродяги

¹²⁵Дгутъ, небылицы и басни о немъ вымышляя: и кто бы,
Страпствуя въ разныхъ земляхъ, ни зашелъ къ намъ въ Итаку, ужъ
Явится къ нашей царицѣ съ нелѣпою сказкой о мужѣ: [вѣрно

Ласково всѣхъ принимаетъ она и рассказы ихъ жадно

Слушаетъ всѣ, и съ рѣсницъ у внимающей падаютъ капли

¹³⁰Слезъ, какъ у всякой жены, у которой погибъ въ отдаленнѣ

Мужъ. Да и ты намъ, старикъ, небылицу расскажешь охотно,

Если хламиду тебѣ иль хитонъ за труды посулимъ мы.

Нѣтъ! ужъ конечно ему иль собаки иль хищныя птицы

Кожу съ костей оборвали—и съ тѣломъ душа разлучилась,

¹³⁵Или онъ рыбами съѣденъ морскими, иль кости на взморьѣ

Гдѣ нибудь, въ зыбкомъ пескѣ глубоко погребенныя, тлѣютъ;

Такъ онъ погибъ, въ сокрушеннѣ великомъ оставивъ домашнихъ

Всѣхъ, наипаче меня; никогда, никогда, не найти ужъ

Мнѣ господина столь добраго, гдѣ бы я ни жилъ, хотя бы

¹⁴⁰Снова по волѣ безсмертныхъ къ отцу былъ и къ матери милой

Въ домъ приведенъ, гдѣ родился, гдѣ годы провелъ молодые.

Но не о томъ я крушуся, хотя и желалъ бы хоть разъ ихъ
 Образъ увидѣть глазами, хоть разъ пощѣтнить ихъ въ отчизнѣ—
 Нѣтъ, объ одномъ Одиссеѣ далекомъ я плачу: ахъ! добрый
 145Гость мой, его и далекаго здѣсь не могу называть я
 Просто по имени [такъ онъ со мною былъ милостивъ]: братомъ
 Милымъ его я, хотя и въ разлукѣ мы съ нимъ, называю.—
 Царь Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:
 Если, не вѣря вѣстямъ, утверждаешь ты, другъ, что сюда онъ
 150Болѣ не будетъ и если ужъ такъ ты упоренъ разсудкомъ,
 Я не скажу ничего; но лишь въ томъ, что навѣрное скоро
 Къ вамъ Одиссей возвратится, дамъ клятву; а мнѣ ты заплатишь
 Только тогда, какъ входящаго въ домъ свой его здѣсь увидишь:
 Платье тогда подарить мнѣ, хитонъ и хламиду; до тѣхъ норъ,
 155Сколь ни великую бѣдность терплю, ничего не приму я;
 Мнѣ самому ненавистнѣй Аидовыхъ вратъ ненавистныхъ
 Каждый обманщикъ, ко лжи припеволенный бѣдностью тяжкой:
 Я же Зевесомъ владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
 Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
 160Здѣсь, что навѣрно и скоро исполнится то, что сказалъ я;
 Прежде, чѣмъ солнце окончитъ свой кругъ, Одиссей возвратится;
 Прежде, чѣмъ мѣсяцъ наставшій смѣненъ наступающимъ будетъ,
 Вступитъ онъ въ домъ свой; и мнѣе тогда совершится надъ каж-
 Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидѣлъ.— [дымъ,
 165Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
 Нѣтъ, ни за вѣсти свои ты отъ насъ не получишь награды,
 Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придетъ; успокойся жъ,
 Пей, и начнемъ говорить о другомъ; мнѣ и слышать объ этомъ
 Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мнѣ
 170Кто здѣсь хоть словомъ напомнитъ о добромъ моемъ господнѣ.
 Также и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нѣтъ ли
 Къ намъ господинъ мой, какъ всѣ бы желали мы—я, Пенелопа,
 Старецъ Лаэртъ и подобный богамъ Телемакъ—но о сынѣ
 Болѣ теперь, чѣмъ о славномъ, родившемъ его Одиссеѣ,
 175И сокрушаюсь: какъ вѣтъ молодая, воспитанъ богами
 Былъ онъ; я мнилъ, что со временемъ, мужеской силы достигнувъ,
 Будетъ подобно отцу онъ прекрасенъ и видомъ и станомъ—

Знать непріязненный демонъ какой иль враждующій смертный
 Разумъ его помутить: чтобъ узнать объ отцѣ отдаленномъ, [засадѣ,
¹⁸⁰Въ Пилосѣ божественный поплылъ онъ; здѣсь же, укрывшись въ
 Ждутъ женихи, чтобъ его умертвить на возвратной дорогѣ,
 Въ немъ и потомство Аркезія все уничтожить въ Итакѣ.
 Мы же однако оставимъ его—попадется ль имъ въ руки
 Онъ, избѣжить ли ихъ козней, спасенный Зевесомъ—теперь ты
¹⁸⁵Мнѣ расскажи, что съ тобой и худаго и добраго было
 Въ свѣтѣ? Скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
 Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
 Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какую дорогою
 Прибылъ въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ край нашъ
¹⁹⁰[Это конечно я знаю и самъ] не пѣшкомъ же пришелъ ты.—
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
 Если бъ мы оба съ тобой запаслися на долгое время
 Пищей и сладкимъ питьемъ, и глазъ на глазъ остались двое
¹⁹⁵Здѣсь пировать на просторѣ, отправивъ другихъ на работу,
 То и тогда, ежедневно рассказъ продолжая, едва ли
 Въ годъ бы я кончилъ печальную повѣсть о многихъ напастяхъ,
 Мною претерпѣнныхъ съ трудомъ несказаннымъ по волѣ безсмерт-
 Славлюсь я быть уроженцемъ широкоравниннаго Крита; [ныхъ.
²⁰⁰Сынъ я богатаго мужа; и вмѣстѣ со мною другихъ онъ
 Многихъ имѣлъ сыновей, имъ рожденныхъ и выросшихъ дома;
 Были они отъ законной супруги; а я отъ рабыни,
 Купленной имъ, родился, но въ семействѣ почтенъ, какъ законный
 Сынъ, былъ отцомъ благороднымъ, Касторомъ Гилаксовымъ сыномъ;
²⁰⁵Онъ же отъ всѣхъ обитателей Крита какъ богъ уважаемъ
 Былъ за богатство, за власть и за доблесть сыновъ многославныхъ;
 Но приносящія смерть, безошадно-могучія Керы
 Въ область Анда его увели; сыновья же, богатства
 Всѣ раздѣливъ межъ собою по жеребью, дали мнѣ самый
²¹⁰Малый участокъ и домъ небольшой для житья; за меня же
 Вышла богатыхъ родителей дочь; предпочтенъ былъ другимъ я
 Всѣмъ женихамъ за великую доблесть; на многое годный,
 Былъ я и въ дѣлѣ военномъ не робокъ.... но все миновалось;

Я лишь солома теперь, но соломѣ однако и прежній

²¹⁵Колось легко распознаешь ты; нынѣ жъ я бѣдный бродяга.

Съ мужествомъ бодрымъ Арей и богиня Аѳина вселили

Мнѣ боелюбіе въ сердце; не разъ выходилъ я, созвавши

Самыхъ отважнѣйшихъ, противъ враговъ злонамѣренныхъ въ битву;

Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;

²²⁰Первый напротивъ всегда выбѣгалъ я съ копьемъ, чтобъ настиг-

Въ полѣ противника, мнѣ уступавшаго ногъ быстрою; [нуть

Смѣлый въ бою, полеваго труда не любилъ я, ни тихой

Жизни домашней, гдѣ милымъ мы дѣтямъ даемъ воспитанье;

Островесельные мнѣ корабли привлекательнѣй были;

²²⁵Бой и крылатая стрѣлы и мѣднobleстящія копья,

Грозные, въ трепеть великій и въ страхъ приводящіе многихъ,

Были по сердцу мнѣ—боги любовь къ нимъ вложили мнѣ въ сердце:

Люди несходны, тѣ любятъ одно, а другіе другое.

Прежде, чѣмъ въ Трою пошло броненосное племя ахеянъ,

²³⁰Девять я разъ въ кораблѣ быстроходномъ съ отважной дружиной

Противъ людей иноземныхъ ходилъ—и была намъ удача:

Лучшее бралъ я себѣ изъ добычъ, и по жеребью также

Много на часть мнѣ досталось; свое увеличивъ богатство,

Сталъ я могучъ и почтенъ межъ народами Крита; когда же

²³⁵Грозногремящій Зевесъ учредилъ роковой для ахеянъ

Путь, сокрушившій колѣна столь многихъ мужей знаменитыхъ,

Съ Идомеенею, царемъ многославнымъ, отъ критянъ былъ избранъ

Я съ кораблями идти къ Иліону; и было отречься

Намъ невозможно: мы властью народа окованы были.

²⁴⁰Девять тамъ лѣтъ воевали упорно мы, чада ахеянъ;

Но на десятый, когда, ниспровергнувъ Пріамовъ великій

Градъ, мы къ своимъ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ.

Мнѣ злополучному бѣдствія многія Зевесъ приготовилъ.

Цѣлый мѣсяцъ провелъ я съ дѣтьми и съ женою въ семейномъ

²⁴⁵Домѣ, великимъ богатствомъ моимъ веселясь; нанослѣдокъ

Сильно въ Египетъ меня устремило желаніе; выбравъ

Смѣлыхъ товарищей, я корабли изготовилъ; ихъ девять

Тамъ мы оснастили новыхъ; когда жъ въ корабли собралися

Бодрые спутники, цѣлыхъ шесть дней до отплытія всѣ мы

²⁵⁰Тамъ пировали; я много зрѣзаль быковъ и барановъ
 Въ жертву богамъ, на роскошное людямъ моимъ угощенье:
 Но на седьмой день, покинувши Критъ, мы въ открытое море
 Вышли, и съ быстропопутнымъ, пронзительнохладнымъ Бореемъ
 Плыли, какъ будто по стремю, легко; и ничѣмъ ни одинъ нашъ
²⁵⁵Не былъ корабль поврежденъ; насъ здоровыхъ, веселыхъ и бод-
 По морю мчали они, повинуясь кормилу и вѣтру. [рыхъ
 Дней черезъ пять мы къ водамъ свѣтлоструйнымъ потока Египта
 Прибыли: въ лонѣ потока легкоповоротные наши
 Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди
²⁶⁰Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же
 Даль приказаніе съ ближнихъ высотъ обозрѣть всю окрестность.
 Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буйство; они, обезумѣвъ,
 Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта
 Бросились, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтнихъ,
²⁶⁵Звѣрски мужей убивая—тревога до жителей града
 Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
 Рать; колесницами, пѣшими, яркою мѣдью оружія
 Поле кругомъ закигло; Зевесъ, веселящійся громомъ,
 Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ; отразить ни единый
²⁷⁰Силы врага не посмѣлъ и отсюду насъ смерть окружила;
 Многихъ тогда изъ товарищей мѣдъ умертвила, и многихъ
 Пѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное рабство.
 Я благовременно былъ принужденъ всемогущимъ Зевесомъ
 [О! для чего избѣжалъ я судьбины и вѣрной не встрѣтилъ
²⁷⁵Смерти въ Египтѣ! мнѣ злѣе бѣды приготовилъ Кроніонъ],
 Снявъ съ головы драгоценно-украшенный, кожаный шлемъ мой,
 Щитъ мой сложивши съ плеча и копье мѣдноострое бросивъ,
 Я подбѣжалъ къ колесницѣ царя и съ молитвой колѣна
 Обнялъ его; онъ меня не отвергнулъ; но, сжалась, съ нимъ рядомъ
²⁸⁰Сѣсть въ колесницу велѣлъ мнѣ, ллющему слезы, и въ домъ свой
 Царскій со мной удалился—а съ копыями слѣдомъ за нами
 Много бѣжало ихъ, мнѣ угрожавшихъ; избавленъ
 Былъ я отъ смерти царемъ—онъ во гнѣвъ привести гостелюбца
 Зевса, карателя строгаго дѣлъ злочестивыхъ, страшился.
²⁸⁵Цѣлыхъ семь лѣтъ я провелъ въ сторонѣ той и много богатства

Всякаго собралъ: египтяне щедро меня одарили;
 Годъ напослѣдокъ осмой приведенъ былъ временемъ обращенъ;
 Прибыль въ Египеть тогда финикіецъ, обманщикъ коварный,
 Злой кознодѣй, отъ котораго много людей пострадало:
²⁹⁰Онъ, увлекательной рѣчью меня оболстивъ, Финикію,
 Гдѣ и помѣстье и домъ онъ имѣлъ, убѣдилъ посѣтитъ съ нимъ:
 Тамъ я гостилъ у него до скончанія года. Когда же
 Дни протекли, миновалися мѣсяцы, полнаго года
 Кругъ совершился и Оры весну привели молодую,
²⁹⁵Въ Ливію съ нимъ въ корабль, облетателъ моря, меня онъ
 Плыть пригласилъ, говоря, что товаръ свой тамъ выгодно сбудемъ;
 Самъ же, напротивъ, меня, не товаръ нашъ, продать тамъ замыслилъ;
 Съ нимъ и поѣхалъ я, противъ желанья, добра не предвидя.
 Мы съ благосклонно-попутнымъ, пронзительно-хладнымъ Бореємъ
³⁰⁰Плыли: ужъ Критъ былъ за нами... но Дій намъ готовилъ погибель:
 Островъ изъ нашихъ очей въ отдаленіи пропалъ и исчезла
 Всюду земля, и лишь небо съ водами сліянное зрѣлось:
 Богъ громовежець Кроніонъ тяжелую темную тучу
 Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ нимъ потемнѣло
³⁰⁵Море; и вдругъ, заблеставъ, онъ съ небесъ на корабль громовую
 Бросилъ стрѣлу: закружилось пронзенное судно и дымомъ
 Сѣрнымъ его обхватило; всѣ разомъ товарищи были
 Сброшены въ воду и всѣ, какъ вороны морскія разсѣясь,
 Въ шумной исчезли пучинѣ—возврата лишилъ ихъ Кроніонъ
³¹⁰Всѣхъ; лишь объятаго горемъ великимъ меня надоумилъ
 Въ время онъ корабля остроносаго мачту руками
 Въ бурной тревогѣ схватить, чтобъ погибели вѣрной избѣгнуть:
 Вѣтрамъ губящимъ во власть отдался я, привязанный къ мачтѣ.
 Девять посившихъ дней по волнамъ, на десятый съ наставшей
³¹⁵Ночью ко берегу оеспротовъ высокобѣгущей волною
 Былъ принесенъ я: Федонъ, благомыслящій царь ихъ, безъ платы
 Дома меня у себя угощалъ, поелику я милымъ
 Сыномъ его былъ, терзаемый голодомъ, встрѣченъ и въ царскій
 Домъ приведенъ: на его я, покуда мы шли, опирался
³²⁰Руку: когда же иришли мы, онъ далъ мнѣ хитонъ и хламиду.
 Тамъ я впервые узналъ о судьбѣ Одиссея: сказали мнѣ

Царь, что гостилъ у него онъ, въ отчизну свою возвращаясь;
 Мнѣ и богатство, какое скопилъ Одиссей, показаль онъ:
 Золото, мѣдь и желѣзную утварь чудесной работы;
³²⁵Даже и внукамъ въ десятомъ колѣнѣ достанется много—
 Столько сокровищъ царю Одиссей въ сохраненіе оставилъ;
 Самъ же пошелъ, мнѣ сказали, въ Додону затѣмъ, чтобъ оракулъ
 Темно-сѣнистаго Діева дуба его научилъ тамъ,
 Какъ, по отсутствіи долгомъ—открыто ли, тайно ли—въ землю
³³⁰Тучной Итаки ему возвратиться удобнѣе будетъ?
 Мнѣ самому, совершивъ возліаніе въ домѣ, поклялся
 Царь, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди
 Въ милую землю отцовъ проводить Одиссея; меня же
 Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ
³³⁵Быль для ѳеспротовъ, въ Дулихій, богатый пшеницею, педшихъ;
 Онъ повелѣлъ, чтобъ къ Ликасту царю безопасно я ими
 Былъ отвезенъ. Но они злонамѣреннымъ сердцемъ иное
 Дѣло замыслили, въ бѣдствіе ввергнуть меня сговорившись.
 Только отъ берега ѳеспротовъ корабль отошелъ мореходный,
³⁴⁰Часъ наступилъ, мнѣ назначенный ими для жалкаго рабства.
 Силой сорвавши съ меня и хитонъ и хламиду, они мнѣ
 вмѣсто ихъ бѣдное рубище дали съ нечистой рубашкой,
 Въ жалкихъ лохмотьяхъ, какъ можешь своими глазами ты видѣть.
 Вечеромъ прибыли мы къ берегамъ многогорной Итаки.
³⁴⁵Тутъ съ корабля крѣпкозданнаго—прежде веревкою, плотно
 Свитою, руки и ноги связавъ мнѣ—всѣ на берегъ вмѣстѣ
 Вышли, чтобъ сѣвъ на зыбучемъ пескѣ; тамъ поужинать сладко.
 Я же отъ тягостныхъ узъ былъ самими богами избавленъ.
 Голову платьемъ, изорваннымъ въ тряпки, свою обернувши,
³⁵⁰Бережно съ судна я къ морю, скользя по кормилу, спустился;
 Бросаясь въ него, я поспѣшно, обѣими правя руками,
 Поплылъ и силы свои напрягалъ, чтобъ скорѣе изъ глазъ ихъ
 Скрыться: въ кустарникѣ, густо покрытомъ цвѣтами, лежалъ я,
 Клубомъ свернувшись; они жъ въ бесполезномъ исканіи съ крикомъ
³⁵⁵Бѣгали мимо меня; напоследокъ, нашедъ неудобнымъ
 Долѣ напрасно бродить, возвратились назадъ, и собравшись
 Всѣ на корабль свой, пустилися въ путь; такъ самими богами

Быль я спасень, и они же меня проводили въ жилище

Многоразумнаго мужа: еще не судьба умереть мнѣ.—

³⁶⁰Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:

Бѣдный скиталець, все сердце мое возмутилъ ты разсказомъ

Многихъ твоихъ приключеній, печалей и странствій далекихъ.

Только одно не въ порядкѣ: зачѣмъ о царѣ Одиссеѣ

Ты помянулъ? И зачѣмъ такъ на старости лѣтъ бесполезно

³⁶⁵На вѣтеръ лжешь? По несчастью, я слишкомъ увѣренъ, что мнѣ

Здѣсь не видать моего господина; жестоко богами [ужь

Быль онъ преслѣдуемъ; если бъ онъ въ Троѣ погибъ на сраженъи,

Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь скончался,

Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ ахейскимъ народомъ,

³⁷⁰Сыну бъ великую славу на всѣ времена онъ оставилъ....

Нынѣ же Гариинъ взяли его и безвѣстно пропалъ онъ.

Я же при стадѣ живу здѣсь печальнымъ пустынникомъ; въ городѣ

Къ нимъ не хожу я, какъ развѣ когда Пенелопой бываю

Призванъ, чтобъ вѣсть отъ какого пришельца услышать; они же

³⁷⁵Гостя вопросами жадно, усѣвшись кругомъ, оснаютъ

Всѣ—какъ и тѣ, кто о немъ, о возлюбленномъ, искренно плачутъ,

Такъ и всѣ тѣ, кто его здѣсь имущество грабятъ безъ платы.

Я же не терплю ни вѣстей, ни разспросовъ о немъ бесполезныхъ

Съ тѣхъ поръ, какъ былъ здѣсь обманутъ бродягой этольскимъ, кото-

³⁸⁰Казни страшась за убійство, повсюду скитался, и въ домъ мой [рыи,

Случаемъ былъ заведенъ; я его съ уваженіемъ принялъ;

„Видѣлъ я въ Критѣ, въ царевомъ дворцѣ Одиссея, сказалъ онъ;

Тамъ исправлялъ онъ свои корабли, потерпѣвшіе въ бурю.

Лѣтомъ иль осенью [такъ говорилъ Одиссей мнѣ], въ Итаку

³⁸⁵Я и товарищи будемъ съ несмѣтно-великимъ богатствомъ“.

Ты же, старикъ, испытавшій столь много, намъ посланный Діемъ,

Баснею мнѣ угодить иль меня успокоить не думай;

Мной не за это уваженъ, не тѣмъ мнѣ любезенъ ты будешь—

Нѣтъ! я Зевеса страшусь гостелюбца, и самъ ты мнѣ жалокъ.—

³⁹⁰Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Подлинно, слишкомъ ужъ ты недовѣрчивъ, мой добрый хозяинъ,

Если и клятва моя не всеяетъ въ тебя убѣжденья;

Можемъ однако мы сдѣлать съ тобой уговоръ, и пускай намъ

Будутъ обоимъ поруками боги, владыки Олимпа:

³⁹⁵Если домой возвратится, какъ я говорю, господинъ твой—
Давъ мнѣ хитонъ и хламиду, меня ты въ Дулихій, который
Сердцемъ такъ жажду увидѣть, отсюда отпавишь; когда же
Мнѣ вопреки господинъ твой домой не воротится—всѣхъ ты
Слугъ соберешь и съ утеса низвергнешь меня, чтобъ впередъ вамъ

⁴⁰⁰Басень нелѣпыхъ не смѣли разсказывать здѣсь побродяги.—
Страшнику такъ отвѣчая, сказалъ свинопасъ богоравный:

Другъ, похвалу бѣ повсемѣстную, имя бы славное нажилъ
Я межъ людьми и теперь и въ грядущее время, когда бы,
Въ домъ свой принявши тебя и тебя угостивъ, какъ прилично,

⁴⁰⁵Жизнь дорогую твою незаконнымъ убійствомъ похитилъ;
Съ сердцемъ веселымъ Кроніону могъ бы тогда я молиться.

Время однако намъ ужинать; скоро воротятся люди

Съ паствы—тогда и желанную вечерю здѣсь мы устроимъ.—

Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.

⁴¹⁰Скоро съ стадами своими пришли пастухи свиноводы:

Стали свиней на ночлегъ ихъ они загонять, и съ ужаснымъ
Визгомъ и хрюканьемъ свиньи, спираясь, ломились въ закуты.

Туть пастухамъ подчиненнымъ сказалъ свинопасъ богоравный:
Лучшую выбрать свинью, чтобъ зарѣзавъ ее, дорогаго

⁴¹⁵Гостя поподчивать, съ нимъ и самимъ насладиться ѣдою;
Много тяжелыхъ заботъ намъ отъ нашихъ свиней свѣтлозубыхъ;
Плодь же тяжелыхъ заботъ пожираютъ безъ платы другіе.—

Такъ говоря, топоромъ разрубилъ онъ большія полѣна;

Тѣ же, свинью пятилѣтнюю, жирную, взявъ и вогнавши

⁴²⁰Въ горницу, съ ней подошли къ очагу: свинопасъ богоравный
[Сердцемъ онъ набоженъ былъ] напередъ о безсмертныхъ подумаль;

Шерсти щепотку сорвавъ съ головы у свиньи свѣтлозубой,
Бросилъ ее онъ въ огонь; и потомъ, всѣхъ боговъ призывая,

Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.

⁴²⁵Туть онъ ударилъ свинью сбереженнымъ отъ рубки полѣномъ;
Замертво пала она, и ее опалили, дорѣзавъ,

Тотчасъ другіе, разсѣкли на части и первый изъ каждой

Части кусокъ, отложенный на жиръ для боговъ, былъ Эвмеемъ

Брошенъ въ огонь, пересыпанный ячной мукой; остальные жъ

⁴³⁰Части, на острые вертелы вздѣвъ, на огнѣ осторожно
Начали жарить, дожаривъ же, съ вертеловъ сняли и кучей
Все на подносныя доски сложили. И поровну началъ
Пищею всѣхъ одѣлять свинопасъ: онъ приличіе вѣдалъ.

На семь частей предложенное все раздѣливъ, онъ назначилъ
⁴³⁵Первую Нимфамъ, и Эрмію, Манну сыну, вторую;

Прочія жъ каждому, какъ кто сидѣлъ, наблюдая порядокъ,
Раздалъ; но лучшей, хребтовою частью свиньи остроzubой
Гостя почтилъ; и вниманьемъ такимъ несказанно довольный,
Голосъ возвысивъ, сказалъ Одиссей хитроумный: да будетъ

⁴⁴⁰Столь же, Эвмей, и къ тебѣ многомилостивъ вѣчный Кроніонъ,
Сколь ты ко мнѣ, сиротѣ старнику, былъ привѣтливъ и ласковъ.—
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Ѣшь на здоровье, таинственный гость мой, и нашимъ доволенъ
Будь угощеньемъ; одно намъ даруетъ, другаго лишаетъ

⁴⁴⁵Насъ своенравный въ даяннѣхъ Кроніонъ; ему все возможно.—
Съ сими словами онъ, первый кусокъ отдѣлившіи безсмертнымъ
Въ жертву, пурпурнымъ наполненный кубомъ виномъ Одиссею,
Градорушителю подаль; тотъ сѣлъ за приборъ свой; и мягкихъ
Хлѣбовъ принесъ имъ Мезавлій, который въ то время, какъ въ Троѣ

⁴⁵⁰Царь Одиссей находился, самимъ свинопасомъ изъ денегъ
Собственныхъ былъ безъ согласья царицы, безъ спроса съ Лаэртомъ,
Куплень для разныхъ прислугъ у тафійскихъ купцовъ мореходныхъ.
Подняли руки они къ приготовленной лакомою пицѣ.

Послѣ жъ, когда насладились довольно питьемъ и ѣдою,

⁴⁵⁵Хлѣбъ со стола былъ проворнымъ Мезавліемъ снятъ; а другіе,
Сытые хлѣбомъ и мясомъ, на ложе ко сну обратились.

Мрачно-безлунна была наступившая ночь и Зевесовъ

Ливень холодный шумѣлъ и Зефиръ бушевалъ дожденосный.

Началъ тогда говорить Одиссей [онъ хотѣлъ, чтобъ хозяинъ

⁴⁶⁰Даль ему маптію, или свою, или съ кого изъ другихъ имъ
Снятую: ибо о немъ онъ съ великимъ радушіемъ некъ]:

Слушай, Эвмей, и послушайте всѣ вы; хочу передъ вами

Дѣломъ однимъ я похвастать—вино мнѣ языкъ развязало:

Сила вина несказанна: оно и умнѣйшаго громко

⁴⁶⁵Пѣть и безмѣрно смѣяться и даже плясать заставляеть;

Часто внушаетъ и слово такое, которое лучше бѣ
 Было сберечь про себя. Но я началъ, и долженъ докончить.
 О! для чего я не молодѣ, какъ прежде, и той не имѣю
 Силы, какъ въ Троѣ, когда мы сидѣли однажды въ засадѣ!
 470 Были Атридъ Менелай съ Одиссеемъ вождями; и съ ними
 Третій начальствовалъ я, къ нимъ приставшій, по ихъ приглашенью;
 Къ твердовысокимъ стѣнамъ многославнаго града пришедши,
 Всѣ мы отъ нихъ недалеко въ кустарникѣ, сросшемся густо,
 Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
 475 Тихо. Была непріязненна ночь, прилетѣлъ полуночный
 Вѣтеръ съ морозомъ и сыпался шумно-холодной метелью
 Снѣгъ, и щиты хрусталемъ отъ мороза подернулись тонкимъ.
 Теплыя мантии были у всѣхъ и хитоны; и спали,
 Ими одѣвшись, спокойно они подъ своими щитами;
 480 Я жъ, безразсудный, товарищу мантию отдалъ, собравшись
 Въ путь, не подумавъ, что ночью дрожать отъ мороза придется;
 Взялъ со щитомъ я лишь поясъ одинъ мой блестящій; когда же
 Треть совершилася ночи и звѣзды склонилися съ неба,
 Такъ я сказалъ Одиссею, со мною лежавшему рядомъ,
 485 Локтемъ его подтолкнувъ [во мгновенье онъ понялъ, въ чемъ дѣло]:
 О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
 Смертная стужа; порывистый вѣтеръ и снѣгъ хладоносный
 Мнѣ нестерпимы; я мантию бросилъ; хитонъ лишь злой демонъ
 Взять надоумилъ меня; никакого нѣтъ средства согрѣться.
 490 Такъ я сказалъ. И недолго онъ думалъ, что дѣлать: онъ первый
 Былъ завсегда и на умный совѣтъ и на храброе дѣло.
 Шопотомъ на ухо мнѣ отвѣчалъ онъ: молчи, чтобъ не могъ насъ
 Кто изъ ахеянъ товарищей нашихъ, здѣсь спящихъ, подслушать.
 Такъ отвѣчавъ мнѣ, привсталъ онъ, и голову локтемъ подперши,
 495 Братя, сказалъ, мнѣ приснился божественный сонъ; мы далѣко,
 Слишкомъ далѣко отъ нашихъ зашли кораблей; не пойдетъ ли
 Кто къ Агамемнону, пастырю многихъ народовъ, Атриду [медлилъ.
 Съ просьбой, чтобъ въ помощь людей намъ прислать съ кораблей не за-
 Такъ онъ сказалъ. Поднялся, пробудившись, Фоасъ Андремонидъ;
 500 Сбросивъ для легкости съ плечъ пурпуровую мантию, быстро [шисъ,
 Опъ побѣжалъ къ кораблямъ; я жъ, оставленнымъ платьемъ одѣв-

Сладко проспаль до явленія златопрестольной денницы.
 О! для чего я не молодѣ, не силенѣ какъ въ прежніе годы!
 Вѣрно тогда бы и мантию дали твои свинопасы
⁵⁰⁵Мнѣ—изъ пріязни ль, могучаго ль мужа во мнѣ уважая.
 Нынѣ жь кто хилаго ницаго въ рубищѣ бѣдномъ уважитъ?—
 Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
 Подлинно чудною повѣстью насъ ты, мой гость, позабавилъ;
 Нѣтъ ничего неприличнаго въ ней и на пользу разсказъ твой
⁵¹⁰Будеть: ни въ платѣ ты здѣсь и ни въ чемъ, для молящаго, много
 Бѣдъ испытавшаго странника нужномъ, отказа не встрѣтишь;
 Завтра однако въ свое ты одѣнешься рубище снова;
 Мантий у насъ здѣсь запасныхъ не водится, мы не богаты
 Платьемъ; у каждаго только одно; онъ его до износа
⁵¹⁵Съ плечь не скидаетъ. Когда же возлюбленный сынъ Одиссеевъ
 Будеть домой, онъ и мантию дастъ и хитонъ, чтобъ одѣться
 Могъ ты, и въ сердцемъ желанную землю имъ будешь отправленъ.
 Кончивъ, онъ всталъ и пошелъ; близъ огня приготовилъ постелю
 Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьею
⁵²⁰Шкурою; легъ Одиссей на постель; на него онъ набросилъ
 Теплую, толсто-сотканную мантию, ея жь во время
 Зимней, бушующей дико метели онъ самъ одѣвался;
 Сладко на ложѣ своемъ отдыхалъ Одиссей; и другіе
 Всѣ пастухи улеглись кругомъ. Но Эвмей, разлучиться
⁵²⁵Съ стадомъ свиней опасаясь, не легъ, не заснулъ; онъ, послѣшно
 Взявши оружіе, въ поле идти изготавился. Видя,
 Какъ онъ ему и далекому вѣренъ, въ душѣ веселился
 Тѣмъ Одиссей. Свинопасъ же, на крѣпкія плечи повѣсивъ
 Мечъ свой, одѣлся косматою, отъ вѣтра защитной, широкой
⁵³⁰Мантией, голову шкурою козы длинношерстной окуталъ,
 Послѣ копы на собакъ и на встрѣчу съ ночнымъ побродягой
 Взять, и въ то мѣсто пошелъ ночевать, гдѣ клычистыя свиньи
 Спали подъ сводомъ скалы, недоступнымъ дыханью Борея.

ПѢСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ И ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ДЕНЬ. УТРО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАГО.

Аѳина, являя во снѣ Телемаку, побуждаетъ его возвратиться въ отечество (Одаренный щедро Менелаемъ и Еленою,) онъ покидаетъ вмѣстѣ съ Пизистратомъ Лакедемонъ. (Ночлегу у Діоклеса.) На другой день, (миновавъ Пплось,) Телемакъ садится на корабль, (беретъ съ собою Теоклимена) и пускается въ море. Тѣмъ временемъ Одиссей объявляетъ Эвмею, что онъ намѣренъ идти въ городъ просить подавнїя и вступить въ службу къ женихамъ. Эвмей его удерживаетъ у себя и совѣтуетъ ему дожидаться возвращенїя Телемакова. По просьбѣ Одиссея онъ рассказываетъ ему о его отцѣ и о его матери, наконецъ и о томъ, что съ нимъ самимъ въ жизни случалось. Телемакъ, прибывши рано по утру къ берегамъ Итаки, посылаетъ корабль свой въ городъ, а самъ идетъ къ Эвмею.

Тою порою въ Лакедемонъ широкоравнинный достигла Зевсова дочь, чтобъ Лаэртиа внука, ему объ Итакѣ Милой напомя, понудить скорѣй возвратиться въ отцовскїй Домъ; и она тамъ нашла Телемака съ возлюбленнымъ сыномъ⁵ Нестора, спящихъ въ сѣняхъ Менелаева славнаго дома. Сладостнымъ сномъ побѣжденный, лежалъ Пизистратъ неподвижно. Полонъ тревоги былъ сонъ Одиссея сына: во мракѣ Ночи божественной онъ объ отцѣ помышлялъ и крушился. Близко къ нему подошедши, богиня Аѳина сказала:
¹⁰Сынъ Одиссеевъ, напрасно такъ долго въ чужой сторонѣ ты Медлишь, наслѣдье отца благороднаго бросивъ на жертву Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно; расхитятъ Все, и безъ пользы останется путь совершенный тобою. Встань; пусть немедля отъѣзды Менелай, вызыватель въ сраженье,
¹⁵Вамъ учредить, чтобъ еще безъ порока застать Пенелопу Могъ ты: ее и отецъ ужъ и братья вступить понуждаютъ [чихъ Въ бракъ съ Эвримахомъ; числомъ и богатствомъ подарковъ онъ про- Всѣхъ жениховъ превзошелъ, и приносить дары безпрестанно. Могутъ легко и твое тамъ похитить добро; ты довольно
²⁰Знаешь, какъ женщина сердцемъ измѣнчива: въ новый вступая Бракъ, лишь для новаго мужа она помышляетъ устроить Домъ, но о дѣтяхъ отъ перваго брака, о прежнемъ умершемъ Мужѣ не думаетъ, даже и словомъ его не помянетъ.

Въ домъ возвратяся, тамъ все, что твое, поручи особливо

²⁵Самой надежной изъ вашихъ рабынь, чтобъ хранила, покуда
Боги тебѣ самому не укажутъ достойной супруги.

Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:

Выбравъ отважнѣйшихъ въ шайкѣ своей, женихи имъ велѣли,
Между Итакой и Замомъ крутымъ притаяся въ засадѣ,

³⁰Злую гибель тебѣ на возвратномъ пути приготовить.

Я же того не дозволю; и прежде могла поглотить

Многихъ изъ нихъ, беззаконно твое достоянье губящихъ;

Ты жъ, съ кораблемъ отъ обоихъ держась острововъ въ отдаленнѣ,

Мимо ихъ ночью пройди; благовѣющій вѣтеръ попутный

³⁵Богъ благосклонный, тебя берегущій, пошлетъ за тобою.

Но, подошедъ къ каменисто-высокому берегу Итаки,

Въ городъ со всѣми людьми отпусти свой корабль быстроходный;

Самъ же останься на брегѣ и послѣ поди къ свинопасу,

Главному тамъ надъ свинными стадами смотрителю; вѣрный

⁴⁰Твой онъ слуга; у него ты ночуешь; его же съ извѣстьемъ

Въ городъ пошлешь къ Пенелопѣ разумной, дабы объявилъ ей

Онъ, что въ отчизну изъ Пилоса ты невредимъ возвратился.—

Кончивъ, богиня Паллада на свѣтлый Олимпъ возвратилась.

Тутъ отъ покойнаго сна пробудилъ Телемакъ Пизистрата,

⁴⁵Пяткой толкнувши его и сказавши ему: пробудися,

Несторовъ сынъ Пизистратъ, и коней громозвучнокопытныхъ

Въ нашу скорѣе впряги колесницу; въ дорогу пора намъ.—

Несторовъ сынъ благородный отвѣтствовалъ такъ Телемаку:

Сынъ Одиссеевъ, хотя и спѣшишь ты отъѣздомъ, но въ путь намъ

⁵⁰Темною ночью пускаться не должно; разсвѣтъ недалеко.

Должно притомъ подождать, чтобъ Атридъ благородный, метатель

Славный копья, Менелай, положилъ въ колесницу подарки

Мнѣ и тебѣ, отпустилъ насъ съ прощальнымъ привѣтливимъ словомъ:

Сладостно гостю, простившись съ хозяиномъ дома, о нѣжной

⁵⁵Ласкѣ, съ какою онъ былъ угощенъ, вспоминать ежедневно.—

Такъ онъ сказалъ. Возсіяла съ небесъ златотронная Эосъ. [шисъ

Къ нимъ тутъ пришелъ Менелай, вызыватель въ сраженъе, поднявъ

Съ ложа отъ свѣтлокудрявой супруги, прекрасной Елены.

Сынъ Одиссеевъ, его подходящаго вида, поспѣшно

⁶⁰Тѣло блестящее чистымъ хитономъ облекъ и широкой
 Мантией крѣпкія плечи, герой многославный, украсилъ;
 Встрѣтивъ въ дверяхъ Менелая и ставши съ нимъ рядомъ, сказалъ
 Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ Телемакъ благородный: [онъ,
 Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
⁶³Въ милую землю отцовъ мнѣ теперь возвратиться позволъ ты:
 Сердце мое несказанно по домѣ семейномъ тоскуеть.—
 Кончилъ. Ему отвѣчалъ Менелай, вызыватель въ сраженъе:
 Сынъ Одиссеевъ, тебя здѣсь удерживать болѣ не буду,
 Если такъ сильно домой ты желаешь. И самъ не одобрю
⁷⁰Я гостелюбца, который безмѣрною лаской безмѣрно
 Людямъ скучаетъ: во всемъ наблюдать намъ умѣренность должно;
 Худо, если мы гостя, который хотѣлъ бы остаться,
 Нудимъ въ дорогу, а гостя въ дорогу спѣшащаго держимъ:
 Будь съ остающимся ласковъ, привѣтно простись съ уходящимъ.
⁷³Но подожди, Телемакъ, чтобъ въ твою колесницу подарки
 Я уложилъ, ихъ тебѣ показавъ, и чтобъ также рабынѣ
 Сытныи вамъ завтракъ велѣлъ на отъѣздъ во дворцѣ приготовить:
 Честь, похвала и услада хозяину, если гостей онъ,
 Ъдущихъ въ дальнюю землю, насыщенныхъ въ путь отпускаетъ.
⁸⁰Если жъ ты хочешь Аргосъ посѣтить и объѣхать Элладу—
 Самъ я тебѣ проводникъ; дай коней лишь запрячь въ колесницу:
 Многихъ людей городъ покажу я; никто не откажетъ
 Намъ въ угощеньи, вездѣ и подарокъ обычный получимъ:
 Иль дорогой мѣднолитный треножникъ, иль чашу, иль крѣпкихъ
⁸⁵Муловъ чету, иль сосудъ золотой двоеручный.—Атриду
 Такъ отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
 Должно прямымъ мнѣ скорѣй возвратиться путемъ—безъ надзора
 Домъ и богатства мои, отправляясь въ путь, я оставилъ;
⁹⁰Можетъ, пока за отцовъ я божественнымъ буду скитаться,
 Тамъ приключится бѣда, иль похитится что дорогое.
 Царь Менелай, вызыватель въ сраженъе, при этомъ отвѣтъ,
 Тотчасъ Еленѣ супругѣ своей и домашнимъ рабынямъ
 Завтракъ велѣлъ для гостей на отъѣздъ во дворцѣ приготовить.
⁹⁵Близко къ Атриду тогда подошелъ Этеонъ, сынъ Возтовъ,

Только что вставшій съ постели: онъ жилъ отъ царя недалеко.
 Царь повелѣлъ Этеону огонь разложить и немедля
 Мяса изжарить: и тотъ повелѣнне съ покорностью принять.
 Самъ же въ чертогъ кладовой благовоный сошелъ по ступенямъ.
¹⁰⁰Царь, не одинъ, но съ Еленой и съ сыномъ своимъ Мегапендомъ;
 Вшедъ въ благовоный чертогъ кладовой, гдѣ хранились богатства,
 Выбралъ Атридъ тамъ двуярусный кубокъ, потомъ Мегапенду
 Сыну кратеру велѣлъ сребролитную взять; а Елена
 Къ тѣмъ подошла запертымъ на замокъ сундукамъ, гдѣ лежало
¹⁰⁵Множество пестрыхъ, узорчатыхъ платьевъ ея рукодѣля.
 Стала Елена, богиня межъ смертными, пестрыя платья
 Всѣ разбирать, и шитьемъ богатѣйшее, блескомъ какъ солнце
 Яркое, выбрала: было оно тамъ на самомъ исподѣ
 Спрятано. Кончивъ, они по дворцу къ Телемаку навстрѣчу
¹¹⁰Вмѣстѣ пошли; Менелай златовласый сказалъ: благородный
 Сынъ Одиссеевъ, желанное сердцемъ твоимъ возвращенье
 Въ домъ твой тебѣ да устроитъ супругъ громоогненный Пры!
 Я же изъ многихъ сокровищъ, которыми здѣсь обладаю,
 Самое рѣдкое выбралъ тебѣ на прощальный подарокъ;
¹¹⁵Дамъ пировую кратеру богатую; эта кратера
 Вся изъ сребра, но края золотые, искусной работы
 Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ благородный.
 Царь сидонянь, въ то время, когда возвращаясь въ отчизну,
 Въ домѣ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь.—
¹²⁰Съ сими словами вручилъ Телемаку двуярусный кубокъ
 Сынъ благородный Атреевъ; кратеру работы Ифеста
 Подаль, пришедши, ему Мегапендъ, Менелаевъ могучій
 Сынъ, сребролитную. Свѣтло-образная, съ пестрымъ пришедши
 Платьемъ, Елена, его позвала, и сказала: одежду
¹²⁵Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтобъ меня ты
 Помнилъ, чтобъ этой мной спитой одеждой на брачномъ веселомъ
 Пиру невесту украсилъ свою; а дотоль пусть у милой
 Матери будетъ храниться она; ты жъ теперь возвратися
 Съ сердцемъ веселимъ въ Итаку, въ отеческій домъ многославный.—
¹³⁰Кончивъ, одежду она подала; благодарно онъ принялъ.
 Тутъ осторожно дары уложили Пизистратъ въ колесничный

Коробъ, съ большимъ удивленьемъ все порознь сперва осмотрѣвши.
 Всѣхъ въ пировую палату повель Менелай златовласый;
 Тамъ помѣстились они по порядку на креслахъ и стульяхъ.
¹³⁵Тутъ принесла на лохани серебряной руки умытъ имъ
 Полный студеной воды золотой рукомоиникъ рабыня,
 Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
 Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
 Выданнымъ ею охотно, чтобъ было для всѣхъ угощенье;
¹⁴⁰Мясо на части разрѣзаль и подалъ гостямъ сынъ Возтовъ;
 Кубки златые наполнилъ виномъ Мегапендъ многославный;
 Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
 Сынъ Одиссеевъ и Несторовъ сынъ Пизистратъ привязали
¹⁴⁵Къ дышлу коней и, въ богатую ставши свою колесницу,
 Выѣхать въ ней со двора черезъ звонкій готовились портикъ.
 Выпелъ за ними Атридъ Менелай златовласый, держащій
 Въ правой рукѣ драгоцѣнный, виномъ благовоннымъ налитый
 Кубокъ, чтобъ ихъ на дорогу почтить возляньемъ прощальнымъ:
¹⁵⁰Сталь впереди онъ коней и, вина отхлебнувши, воскликнулъ:
 Радуйтесь дѣти, и Нестору, пѣстуну многихъ народовъ,
 Мой отвезите поклонъ; какъ отецъ былъ ко мнѣ благосклоненъ
 Въ тѣ времена онъ, когда мы сражались въ Троѣ ахейцы.—
 Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ Менелаю:
¹⁵⁵Нестору все, что о немъ ты сказалъ намъ, Зевесовъ питомецъ,
 Мы перескажемъ, прибывши къ нему. О! когда бъ, возвратясь
 Въ домъ мой, въ Итаку, и я могъ отцу моему Одиссею
 Также сказать, какъ любезно меня угощаль ты, какъ много
 Разныхъ привезъ я сокровищъ, тобою въ подарокъ мнѣ данныхъ!—
¹⁶⁰Кончилъ; и въ это мгновеніе справа орель темнокрылый
 Шумно поднялся, большаго, домашняго, блага гуся
 Въ сильныхъ когтяхъ со двора унеся; и толпою вся дворня
 Съ крикомъ бѣжала за хищникомъ; онъ, подлетѣвъ къ колесницѣ,
 Мимо коней прошумѣлъ и ударился вправо. При этомъ
¹⁶⁵Видѣ, у всѣхъ предвѣщаніемъ радостнымъ сердце व्यграло.
 Несторовъ сынъ Пизистратъ благородный сказалъ Менелаю:
 Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни намъ,

Знаменье это Кроніонъ послалъ, для тебя ли, для насъ ли?—
Такъ онъ спросилъ и, Арея любимецъ, задумался бодрый
¹⁷⁰Царь Менелай, чтобъ отвѣтъ несомнительный дать Пизистрату.

Длиннопокровная слово его упредила Елена:

Слушайте то, что скажу вамъ, что мнѣ всемогущіе боги
Въ сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется вѣрно.

Также какъ этого блага гуся, вскормленнаго дома,

¹⁷⁵Сильный похитилъ орель, прилетѣвшій съ горы, гдѣ родился
Самъ и гдѣ вывелъ могучихъ орлятъ, такъ скитавшійся долго,
Въ домъ возвратясь, Одиссей отомститъ; но быть можетъ уже онъ
Дома, и смерть женихамъ неизбежную въ мысляхъ готовить.—

Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

¹⁸⁰Если то Иры супругъ, громоносный Кроніонъ позволить,

Буду, тебя поминая, тебѣ я какъ богу молиться.—

Такъ отвѣчая ей, онъ сильнымъ ударилъ бичемъ; понеслись

Быстро по улицамъ города въ поле широкое кѣни.

Цѣлый день мчались кони, тряся колесничное дышло.

¹⁸⁵Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.

Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха, Алфеемъ

Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діоклесъ благородный;

Давъ у себя имъ ночлегъ, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось,

¹⁹⁰Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставши,

Быстро на ней со двора черезъ портикъ помчались звонкій,

Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.

Скоро достигли они до великаго Пилоса града.

Сынъ Одиссеевъ сказалъ Пизистрату, къ нему обратясь:

¹⁹⁵Можно ли, Несторовъ сынъ, обѣщанье мнѣ дать, что исполнишь

Просьбу мою? Мы гостями другъ другу считаемся съ давнихъ

Лѣтъ по наслѣдству любви отъ отцовъ; мы ровесники; этотъ

Путь, совершенный вдвоемъ неразрывнѣе дружбой связалъ насъ

Другъ, не минуи моего корабля; но позволь мнѣ остаться

²⁰⁰Тамъ, чтобъ отецъ твой меня въ изъявленье любви не принудилъ

Въ домѣ промедлить своемъ—возвратиться безмѣрно спѣшу я.—

Такъ онъ сказалъ; Пизистратъ колебался разсудкомъ и сердцемъ,

Думая, какъ бы свое обѣщанье исполнить, обдумавъ

Все, напоследокъ увѣрился онъ, что удобнѣе будетъ
 203 Звонкокопытныхъ коней обратить къ кораблю и къ морскому
 Брегу. Вступя на корабль, положилъ на кормѣ онъ подарки:
 Золото, платье и все, чѣмъ Атридъ одарилъ Телемака.

Послѣ, его понуждая, онъ бросилъ крылатое слово:

Медлить не должно; всѣ люди твои собрались; уѣзжайте
 210 Прежде, пока, возвратясь домой, не успѣлъ обо всемъ я
 Старцу отцу рассказать; убѣжденъ я разсудкомъ и сердцемъ,
 [Зная упрямство его], что тебя онъ не пуститъ, что самъ онъ
 Вслѣдъ за тобой съ приглашеньемъ сюда прибѣжитъ, и отсюда
 Вѣрно одинъ не воротится, такъ онъ упорствовать будетъ.—

215 Кончивъ, бичемъ онъ погналъ длинногривыхъ коней и помчался
 Въ городъ пилійцевъ и славнаго города скоро достигнулъ.

Къ спутникамъ тутъ обратясь, сказалъ Телемакъ благородный:
 Братья, скорѣй корабля чернобокаго снасти устройте,
 Всѣ соберитесь потомъ на корабль, и отправимся въ нуть свой.—

220 То повелѣніе было гребцами исполнено скоро;

Всѣ на корабль собралися и сѣли на лавкахъ у весель.

Тою порой Телемакъ приносилъ на кормѣ корабельной
 Жертву богинѣ Палладѣ; къ нему подошелъ, оя увидѣлъ,
 Странникъ. Убіиство свершивъ, онъ покинулъ Аргосъ и скитался;

225 Былъ прорицатель; породу же вель отъ Мелампа, который
 Нѣкогда въ Пилосѣ жилъ овцеводномъ. Въ роскошныхъ палатахъ
 Между пилійцевъ Мелампъ обиталъ, отличаясь богатствомъ;
 Былъ онъ потомъ принужденъ уѣзжать изъ отчины въ иную
 Землю, гонимый надменнымъ Нелеемъ, изъ смертныхъ сильнѣйшимъ

230 Мужемъ, который его всѣмъ богатствомъ, пока продолжался
 Кругъ годовой, обладалъ, между тѣмъ, какъ въ Филаковомъ домѣ
 Въ тяжкихъ оковахъ, въ глубокой темницѣ былъ жестоко мучимъ
 Онъ за Нелееву дочь, погруженный въ слѣпое безумство,
 Душу его омрачившее силою страшныхъ Эринній.

235 Керы однако избѣгнулъ и громкомычащихъ коровъ онъ
 Въ Пилосѣ угналъ изъ Филакіи. Тамъ, отомстивши за злое
 Дѣло герою Нелею, желанную къ брату родному
 Въ домъ проводилъ онъ супругу, потомъ удалился въ иную
 Землю, въ Аргосъ многоконный, гдѣ былъ предназначенъ судьбою

²⁴⁰Жить, многочисленнымъ тамъ обладая народомъ аргиянъ.
 Въ бракъ тамъ вступивъ, поселился онъ въ пышноустроенномъ домѣ;
 Двухъ онъ имѣлъ сыновей: Антифата и Мантія, славныхъ
 Силой. Родилъ Антифатъ Оиклея отважнаго. Сыномъ
 Былъ Оиклеевымъ Амфіарей, волнователь народовъ,
²⁴⁵Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
 Но до порога дней старыхъ ему не судили достигнуть
 Боги: онъ въ Фивахъ погибъ златолюбія женскаго жертвой.
 Были его сыновья Алкмеонъ съ Амфилохомъ. Меламповъ
 Младшій сынъ Мантіи родилъ Полифейда пророка и Клита.
²⁵⁰Клита похитила, свѣтлой его красотою плѣняя,
 Златопрестольная Эось, чтобъ былъ онъ причисленъ къ безсмерт-
 Силу пророчества гордому давъ Аполлонъ Полифейду, [нымъ.
 Сдѣлалъ его знаменитымъ межъ смертныхъ, когда ужъ не стало
 Амфіарей; но онъ въ Гиперезію жить, раздраженный
²⁵⁵Противъ отца, перешель, и живя тамъ, пророчилъ всѣмъ людямъ.
 Тотъ же странникъ, котораго сынъ Одиссеевъ увидѣлъ,
 Былъ Полифейдовъ сынъ, называвшійся Теоклименомъ;
 Онъ Телемаку, Аѳинѣ тогда приносившему жертву,
 Съ просьбой къ нему обратившися, бросилъ крылатое слово:
²⁶⁰Другъ, я съ тобой, совершающимъ жертву встрѣчаясь, твоею
 Жертвой тебя и твоимъ божествомъ и твоей головою,
 Также и жизнью сопутниковъ вѣрныхъ твоихъ умоляю:
 Мнѣ на вопросъ отвѣчай, ничего отъ меня не скрывая,
 Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь?—
²⁶⁵Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
 Я изъ Итаки; отцомъ же моимъ Одиссей богоравный
 Нѣкогда былъ; но теперь онъ погибелью горькой постигнутъ;
 Спутниковъ вѣрныхъ создавъ, въ корабль черпобокомъ за нимъ я,
²⁷⁰Долго отсутственнымъ, странствую, вѣсти о немъ собирая.—
 Теоклименъ благородный отвѣтствовалъ внуку Лаэрта:
 Странствую также и я—знаменитый былъ мною въ отчизнѣ
 Мужъ умерщвленъ; въ многоконномъ Аргосѣ онъ много оставилъ
 Сродниковъ ближнихъ и братьевъ, могучихъ въ народѣ ахейскомъ;
²⁷⁵Гибель и мстящую Керу отъ нихъ опасаясь встрѣтить,

Я убѣждалъ; межъ людей безпріютно скитаться удѣлъ мой.
 Ты жъ, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
 Иначе будетъ мнѣ смерть: я преслѣдуемъ сильно ихъ злобой.—
 Кончили. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ, Одиссеевъ
²⁸⁰Другъ, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
 Ёдемъ; и въ домъ у насъ съ гостелобіемъ будешь ты принять.—
 Такъ онъ сказалъ и, коше мѣдноострое взявъ у пришельца,
 Подлѣ перилъ корабельныхъ его положилъ на помостѣ.
 Самъ же, вступивъ на корабль, оплывающій темное море,
²⁸⁵Сѣлъ у кормы корабельной, съ собою тамъ сѣсть пригласивши
 Теоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
 Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ немедля
 Снасти убрать и, ему повинуюсь, сосновую мачту
 Подняли разомъ они, и глубоко въ гнѣздо водрузивши,
²⁹⁰Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки,
 Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;
 Тутъ свѣтлокая Зевсова дочь имъ послала попутный,
 Зыби ээира пронзающій вѣтеръ, чтобъ темносолоной
 Бездною моря корабль ихъ бѣжалъ, не встрѣчая преграды.
²⁹⁵Круно и Халкисъ они свѣтловодной уже миновали;
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
 Фѣу корабль, провожаемый Зевсовымъ вѣтромъ, оставивъ
 Сзади, прошелъ и священную область эпеевъ Элиду.
 Острые тутъ острова Телемакъ въ отдаленьи увидѣлъ.
³⁰⁰Плылъ онъ туда, размышляя, погибнетъ ли тамъ иль спасется.—
 Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ пищу
 Ыли вечернюю, съ ними и всѣ пастухи вечеряли.
 Свой удовольствовавъ голодъ обильно-роскошной їдою,
 Такъ имъ сказалъ Одиссей [онъ хотѣлъ испытать, благосклонно ль
³⁰⁵Сердце Эвмея къ нему, пригласить ли его онъ остаться
 Въ хижинѣ съ нимъ, иль его отошлетъ непріязненно въ городъ]:
 Слушай, мой добрый Эвмей, и послушайте всѣ вы; намѣрентъ
 Завтра поутру я въ городъ идти, чтобъ собирать подаянье
 Тамъ отъ людей, чтобъ и вашего хлѣба не їсть вамъ въ убытокъ.
³¹⁰Дай мнѣ, хозяинъ, совѣтъ и вели, чтобъ дорогу мнѣ въ городъ
 Кто указалъ. Я по улицамъ буду бродить, и конечно

Кто нибудь дастъ мнѣ вина иль краюшку мнѣ вынесетъ хлѣба;
Въ домъ многославный царя Одиссея пришедши, скажу тамъ
Людымъ, что добрыя вѣсти о немъ я принесъ Пенелопѣ.

³¹⁵Также пойду и къ ея женихамъ многобуйнымъ; ужъ вѣрно
Мнѣ, такъ роскошно пируя, они не откажутъ въ подачѣ.

Я же и самъ быть могу имъ на всякую службу пригоденъ;
Вѣдать ты долженъ и выслушай то, что скажу: благодатенъ
Эрмій ко мнѣ былъ, боговъ благовѣстникъ, который всѣмъ смертнымъ
³²⁰Людымъ успѣхъ, красоту и великую славу даруетъ;

Мало найдется такихъ, кто бъ со мною поспорилъ въ искусствѣ
Скоро огонь разводитъ, и сухія дрова для вренья
Пищи колотъ, и вино подноситъ, и разрѣзываетъ мясо,
Словомъ, во всемъ, что обязанность низкихъ на службѣ у знатныхъ.—

³²⁵Со гнѣвомъ на то отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Стыдно тебѣ, чужеземецъ; какъ могъ ты такія дозволить
Странныя мысли себѣ? Ты своей головы не жалѣешь,
Въ городъ собираясь идти къ женихамъ беззаконнымъ, которыхъ
Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба:

³³⁰Тамъ не тебѣ, другъ, чета имъ рабы подчиненные служить;
Нѣтъ! но проворные, въ платьяхъ богатыхъ, въ красивыхъ хитонахъ,
Юноши, свѣтлокудрявые, каждый красавецъ—такіе

Служать рабы имъ; и много на гладко-блестящихъ столахъ тамъ
Хлѣба и мяса, и кубковъ съ виномъ благовоннымъ. Останься

³³⁵Лучше у насъ. Никому ты конечно межъ нами не будешь
Въ тягость, ни мнѣ, ни товарищамъ, вмѣстѣ со мною живущимъ.
Послѣ жъ, когда возвратится возлюбленный сынъ Одиссеевъ,
Ты отъ него и хитонъ и другую одежду получишь;

Будешь имъ также и въ сердцемъ желанную землю отправленъ.—

³⁴⁰Голось возвысивъ, ему отвѣчалъ сынъ Лаэртовъ: да будешь,
Добрый хозяинъ мой, ты и великому Зевсу владыкѣ

Столь же любезенъ, какъ стралику мнѣ, о которомъ съ такою
Лаской печешься. Несносно бездомное странствіе; тяжкой
Мучитъ заботой во всякое время голодный желудокъ

³⁴⁵Бѣдныхъ, которымъ бродить суждено по землѣ безъ пріюта.

Здѣсь я охотно дождусь Телемака; а ты расскажи мнѣ
Все, что о славной въ женахъ Одиссеевой матери знаешь,

Все, что съ отцомъ, на порогѣ оставленномъ старости, было—
 Если еще Геліосовымъ блескомъ они веселятся;
³⁵⁰ Или ужь нѣтъ ихъ и оба они ужь въ Аидовомъ домѣ?—
 Сыну Лаэртovu такъ отвѣчалъ свинопасъ богоравный:
 Все по порядку тебѣ расскажу, ничего не скрывая;
 Живъ благородный Лаэртъ, но всечасно Зевеса онъ молить
 Дома, чтобъ душу его онъ исторгнуть изъ дряхлаго тѣла;
³⁵⁵ Горько онъ плачетъ о долго-отсутственномъ сынѣ, лишившись
 Добраго, разумной и сердцемъ избранной супруги, которой
 Смерть преждевременно въ дряхлость его погрузила; о миломъ
 Сынѣ крушась неутѣшно и сѣтуя, съ свѣтлою жизнью
 Рано разсталась она. Да не встрѣтитъ никто изъ любимыхъ
³⁶⁰ Мною и мнѣ оказавшихъ любовь столь печальной кончины!
 Я же, покуда ея сокрушенная жизнь продолжалась,
 Въ городъ къ ней часто ходилъ, чтобъ ее навѣщать, поелику
 Былъ я въ ребячествѣ съ дочерью доброй царицы, Клименой
 Самою младшею между другими, воспитанъ; я съ нею
³⁶⁵ Росъ и, почти какъ она, былъ любимъ въ ихъ семействѣ; когда же
 Мы до желаннаго возраста младости зрѣлой достигли,
 Выдали за мужъ въ Самосѣ ее, взявъ большіе подарки.
 Былъ награжденъ я красивой хламидой и новымъ хитомомъ,
 Также для ногъ получилъ и сандаліи; послѣ, царица
³⁷⁰ Въ поле къ стадамъ отослала меня и со мною дружелюбнѣй
 Преняго стала. Но все миновалось. Блаженные боги
 Щедро однако успѣхомъ прилежный мой трудъ наградили,
 Имъ я кормлюсь, да и добрыхъ людей угощать мнѣ возможно.
 Но отъ моей госпожи ничего ужь веселаго нынѣ [мились
³⁷⁵ Мнѣ не бываетъ, ни словомъ, ни дѣломъ, съ тѣхъ поръ, какъ вло-
 Въ домъ нашъ грабители: намъ же рабамъ иногда такъ утѣшно
 Было бъ ее навѣстить, про себя ей все высказать, свѣдать
 Все про нее и, за царскимъ столомъ отобѣдавъ, съ подачей
 Весело въ поле домой на всеневный свой трудъ возвратиться.—
³⁸⁰ Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Чудно! такъ въ дѣтствѣ еще ты, Эмвей свинопасъ, изъ отчизны
 Въ землю далекую былъ увезенъ отъ родителей милыхъ?
 Все мнѣ теперь расскажи, ничего отъ меня не скрывая:

Городъ ли тотъ, населенный обильно людьми, былъ разрушенъ,
 385Гдѣ твой отецъ и твоя благородная мать находились,
 Или, оставшись у стада быковъ и барановъ одинъ, ты
 Схваченъ морскимъ былъ разбойникомъ; онъ же тебя здѣсь и про-
 Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну?— [даль
 Другъ, отвѣчалъ свинопасъ богоравный, людей повелитель,
 390Если ты вѣдать желаешь, то все расскажу откровенно;
 Слушай, въ молчаніи сладкодушистымъ виномъ утѣшаясь;
 Ночи теперь безконечны, есть время для сна, и довольно
 Времени будетъ для нашей радушной бесѣды; не нужно
 Рано ложиться въ постелю намъ: сонъ неумѣренный вреденъ.
 395Всѣ же другіе, кого побуждаетъ желанье, пусть идутъ
 Спать, чтобъ при первыхъ лучахъ восходящей денницы на паству
 Въ поле, позавтракавъ дома, съ господскими выдти свиньями;
 Мы на просторѣ здѣсь двое, виномъ и ѣдой веселяся,
 Память минувшихъ печалей веселымъ о нихъ разговоромъ
 400Въ сердцѣ пробудимъ; о прошлыхъ бѣдахъ поминаетъ охотно
 Мужъ, испытавшій ихъ много, и долго бродившій на свѣтѣ.
 Я же о томъ, что желаешь ты знать, расскажу откровенно.
 Есть [вѣроятно ты вѣдаешь] островъ, по имени Сира,
 Выше Ортигій, гдѣ поворотъ совершаетъ свой солнце;
 405Онъ не обильно людьми населенъ, но удобенъ для жизни,
 Тученъ, приволенъ стадамъ, виноградомъ богатъ и ипеницей:
 Тамъ никогда не бываетъ губящаго голода; люди
 Тамъ никакой не страшатся заразы; напротивъ, когда тамъ
 Хилая старость объемлетъ одно поколѣнье живущихъ,
 410Лукъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ
 Тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть послать имъ.
 Два есть на островѣ города, каждый съ своею отдѣльной
 Областью; былъ же владѣльцемъ обоихъ родитель мой Ктезій,
 Сынъ Орменоновъ, безсмертнымъ подобный. Случилось, что въ Сирю
 415Прибыли хитрые гости морей, финикійскіе люди,
 Мелочи всякой привезши въ своемъ кораблѣ чернобокомъ.
 Въ домѣ жъ отцовомъ рабыня жила финикійская, станомъ
 Стройная, рѣдкой красы, въ рукодѣльяхъ искусная женскихъ.
 Душу ее обольстить удалось финикійцамъ коварнымъ:

⁴²⁰Мыла она, не вдали корабля ихъ, бѣлье; тутъ одинъ съ ней Тайно въ любви сочелся—любовь же всегда въ заблужденъ Женщинъ, и самыхъ невинныхъ своимъ поведеніемъ, вводитъ. Кто и откуда она, у рабыни спросилъ обольститель.

Домъ указавъ своего господина, она отвѣчала:

⁴²⁵Я уроженница мѣднобогатаго града Сидона;

Тамъ мой отецъ Арибасъ знаменитъ былъ великимъ богатствомъ; Силой морскіе разбойники, злые тафійцы схватили Шедшую съ поля меня и сюда увезли на продажу Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну.

⁴³⁰Ей отвѣчая, сказалъ финикіецъ ея обольститель:

Будешь конечно ты рада въ отчизну свою возвратиться Съ нами; опять тамъ увидишь и мать и отца въ ихъ блестящемъ Домѣ: они же, мы вѣдаемъ, живы и славны богатствомъ.

Выслушавъ то, что сказалъ онъ, ему отвѣчала рабыня:

⁴³⁵Я бы на все согласилась охотно, когда бъ мореходцы,

Вы поклялися въ отчизну меня отвезти безъ обиды.

Такъ отвѣчала рабыня; и тѣ поклялися; когда же

Всѣ поклялися они и клятву свою совершили,

Къ нимъ обратясь, рабыня крылатое бросила слово:

⁴⁴⁰Будемъ теперь осторожны; молчите; изъ васъ ни который

Слова не молви со мной, гдѣ меня бы ему ни случилось

Встрѣтить, на улицѣ ль, подлѣ колодца ль, чтобъ кто господину,

Насъ подсмотрѣвъ, на меня не донесъ: раздраженный, меня онъ

Въ цѣпи велитъ заключить, да и вамъ приготовить погибель.

⁴⁴⁵Скуйте жъ языкъ свой; окончите торгъ поскорѣй, и когда вы

Въ путь изготовитесь, нужнымъ запасомъ корабль нагрузивши,

Въ домъ царевомъ меня обо всемъ извѣстите немедля;

Золота, сколько мнѣ подъ руку тамъ попадется, возьму я;

Будетъ притомъ отъ мѣня вамъ еще и особый подарокъ:

⁴⁵⁰Знать вы должны, что смотрю я за сыномъ царя малолѣтнимъ;

Мальчикъ смысленный; со мною гулять изъ дворца онъ вседневно

Ходитъ; я съ нимъ на корабль вашъ приду: за великую цѣну

Этотъ товаръ продадите вы людямъ инаго языка.

Такъ имъ сказавши, она возвратилась въ палаты царевы.

⁴⁵⁵Тѣ же, годъ цѣлый оставшись на островѣ нашемъ, прилежно

Свой крутобокій корабль нагружали, торгуя, товаромъ;
 Но когда изготовился въ путь нагруженный корабль ихъ,
 Ими былъ вѣстникъ о томъ къ финикійской рабынѣ отпращенъ;
 Въ домъ онъ отца моего дорогое принесъ ожерелье:
⁴⁶⁰Крупный электронъ, оправленный въ золото съ чуднымъ искус-
 Тѣмъ ожерельемъ моя благородная мать и рабыни [ствомъ;
 Всѣ любовались; оно по рукамъ ихъ ходило и цѣну
 Разную всѣ предлагали. А онъ, по условію, молча
 Ей головою кивнулъ и потомъ на корабль возвратился.
⁴⁶⁵Изъ дому, за руку взявши меня, поспѣшила со мною
 Выдти она; проходя же палату, гдѣ множествомъ кубковъ
 Столъ былъ уставленъ для царскихъ вельможъ, приглашенныхъ къ
 [Были въ то время они на совѣтѣ въ собраньи народномъ], [обѣду
 Три двоеручныхъ сосуда проворно она, ихъ подъ платьемъ
⁴⁷⁰Скрывъ, унесла; я за нею пошелъ, ничего не размысла.
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
 Пристани славной, поспѣшно идя, наконецъ мы достигли;
 Тамъ, ошлыватель морей, ожидалъ насъ корабль финикійскій;
 Всѣ собрались на корабль и пошелъ онъ дорогою влажной,
⁴⁷⁵Взявъ насъ—меня и ее; и Зевесъ ниспослалъ намъ попутный
 Вѣтеръ; шесть сутокъ и денно и ноцно мы по морю плыли.
 Но на седьмой день, какъ то предназначено было Зевесомъ,
 Вдругъ Артемида измѣнницу быстрой убила стрѣлою:
 Мертвая на полъ она корабельный упала морскою
⁴⁸⁰Курицей—рыбамъ ее и морскимъ тюленямъ на съѣденье
 Бросили въ море; а я тамъ остался одинъ сокрушенный.
 Волны и вѣтеръ попутный корабль принесли нашъ въ Итаку;
 Здѣсь я Лаэртомъ на деньги его былъ у хищниковъ купленъ.
 Такъ я Итаку впервые своими глазами увидѣлъ.—
⁴⁸⁵Выслушавъ повѣсть, Эвмею сказалъ Одиссей богоравный:
 Добрый Эвмей; несказанно всю душу мою ты растрогалъ,
 Мнѣ повѣствуя, какія съ тобою бѣды приключились;
 Съ горемъ однако и радость тебѣ ниспослалъ многодарный
 Зевсъ, проводившій тебя, претерпѣвшаго много, въ жилище
⁴⁹⁰Кроткаго мужа, который тебя и поитъ здѣсь и кормитъ
 Съ нѣжной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мнѣ же

Участь не та—безъ приюта брожу межъ людей земнородныхъ.—
 Такъ говоря о былыхъ временахъ, напоследокъ и сами
 Въ сонъ погрузились они, но на малое время; былъ кратокъ
⁴⁹⁵Сонъ ихъ: взошла свѣтлотронная Эось. Въ то время у брега,
 Снасти убравъ, Телемаковы спутники мачту спустили,
 Быстро къ причалу на веслахъ корабль привели и, закинувъ
 Якорь, надежнымъ канатомъ корабль утвердили у брега;
 Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волною,
⁵⁰⁰Вкусный обѣдъ приготовили съ сладкимъ виномъ пурпуровымъ.
 Свой удовольствовавъ голодъ питьемъ и роскошной ѣдою,
 Такъ мореходцамъ сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Въ городъ на веслахъ теперь отведите корабль чернобокій;
 Самъ же я въ поле пойду навѣститъ пастуховъ и порядкомъ
⁵⁰⁵Все осмотрѣть тамъ; а вечеромъ въ городъ пѣшкомъ возвращуся;
 Завтра жъ, друзья, въ благодарность за ваше соупутствіе, васъ я
 Въ домъ нашъ со мной отобѣдать и выпить вина приглашаю.—
 Феоклимень богоравный тогда спросилъ Телемака:
 Сынъ мой, куда же пойти присовѣтуешь мнѣ ты? Къ какому
⁵¹⁰Жителю горносуровой Итаки мнѣ въ домъ обратиться?
 Или прямою дорогою въ вашъ домъ пойти къ Пенелопѣ?—
 Феоклимень, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
 Въ прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы въ домъ свой
 Я пригласилъ; мы тебя угостили бъ какъ должно; теперь же
⁵¹⁵Худо тамъ будетъ тебѣ безъ меня; ты увидѣть не можешь
 Матери милой; она, на глаза женихамъ не желая
 Часто являться, сидитъ на верху за тканьемъ одиноко;
 Но одного я изъ нихъ назову, онъ доступнѣе прочихъ:
 То Эвримахъ благородный, Полибія умнаго сынъ; на него же
⁵²⁰Смотритъ въ Итакѣ народъ, какъ на бога, съ почтеньемъ вели-
 Онъ безъ сомнѣнія лучшій межъ ними; усерднѣй другихъ онъ [кимъ.
 Съ матерью брака, чтобъ мѣсто занять Одиссеево, ищетъ;
 Но лишъ единый въ эирѣ живущій Зевесъ Олимпіецъ
 Вѣдаетъ, что имъ судьбой предназначено—бракъ иль погибель?—
⁵²⁵Кончилъ; и въ это мгновеніе справа поднялся огромный
 Соколъ, посоль Аполлоновъ, съ пронзительнымъ крикомъ; въ ког-
 Дикаго голубя мчалъ и ощипывать: перья упали [тяхъ онъ

Между Лаэртovýmъ внукомъ и судномъ его быстроходнымъ.
 Феоклимень, то увидя, отвель отъ другихъ Телемака,
 530 За руку взялъ, и по имени назвалъ, и попотомъ моливиль:
 Знай, Телемакъ, не безъ воли Зевеса поднялся тотъ соколъ
 Справа; я вѣщую птицу, его разсмотрѣвъ, угадалъ въ немъ.
 Царственнѣй вашего царскаго рода не можетъ въ Итакѣ
 Быть никакой; навсегда вамъ владычество тамъ сохранится.—
 535 Феоклимену отвѣтствовалъ сынъ Одиссеевъ разумный:
 Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
 Будешь отъ насъ угощенъ ты какъ другъ, и дарами оснанъ
 Такъ изобильно, что каждый, съ кѣмъ встрѣтишься, счастіемъ такому
 Будетъ дивиться.—Потомъ онъ сказалъ, обратясь къ Пирею:
 540 Клитіевъ сынъ, благородный Пирей, изъ товарищей, въ Пилосъ
 Вмѣстѣ со мною ходившихъ, ты самый ко мнѣ былъ усердный;
 Будь же таковъ и теперь, пригласи моего чужеземца
 Въ домъ свой и пусть тамъ живетъ онъ, покуда я самъ не приду къ
 Выслушавъ, такъ отвѣчалъ Телемаку Пирей копьeverжець: [взмъ.—
 545 Сдѣлаю все, и сколь долго бы въ домѣ моемъ онъ ни прожилъ,
 Буду его угощать и ни въ чемъ онъ отказа не встрѣтитъ.—
 Кончилъ Пирей и, вступивъ на корабль, приказалъ, чтобъ немедля
 Люди взошли на него и причальный канатъ отвязали.
 Люди взошедъ на корабль, помѣстились на лавкахъ у весель.
 550 Тутъ, въ золотыя сандалии сынъ Одиссеевъ обувши
 Ноги, свое боевое копье, заостренное мѣдью,
 Съ палубы взялъ; а гребцы отвязали канатъ и на веслахъ
 Къ городу поплыли, судно отчаливъ, какъ то повелѣлъ имъ
 Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ Телемакъ благородный.
 555 Сынъ Одиссеевъ тѣмъ временемъ шель и пришелъ напослѣдокъ
 Къ дому, гдѣ множество было въ закутахъ свиней и гдѣ съ ними
 Сторожъ ихъ спать свинопасъ, Одиссеевъ слуга неизмѣнный.

ПѢСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.

Телемакъ приходитъ въ жилище Эвмея, который принимаетъ его съ несказанною радостію. Онъ посылаетъ Эвмея въ городъ возвѣстить Пенелопѣ о возвращеніи

сына. Одиссей, повинуваясь Аѳинѣ, открывается Телемаку; они обдумываютъ вмѣстѣ, какъ умертвить жениховъ. ~~Сн~~ послѣдніе тѣмъ временемъ, подстрекаемые Антипоемъ, составляютъ заговоръ противъ Телемаковой жизни; но Амфиномъ совѣтуетъ имъ напередъ узнать волю Зевеса. Пенелопа, свѣдавъ о ихъ замыслѣ, дѣлаетъ упреки Антипою; Эвримахъ лицемѣрно старается ее успокоить. Эвмей возвращается въ хижину.

Тою порою Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ, рано
 Вставъ и огонь разложивъ, приготовили завтракъ. Насытясь
 Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. Къ Телемаку
 Бросились дружно навстрѣчу Эвмеевы злая собаки;
⁵Ластясь къ идущему, прыгали дикіе звѣри; услышавъ
 Топотъ двухъ ногъ, подходящихъ поспѣшно, Лаэртовъ разумный
 Сынъ, изумившійся, бросилъ крылатое слово Эвмею:
 Слышишь ли, добрый хозяинъ? Тамъ кто-то идетъ, твой товарищъ
 Или знакомецъ; собаки навстрѣчу бѣгутъ и, не лая,
¹⁰Машутъ хвостами; шаги подходящаго явственно слышу.—
 Словъ онъ еще не докончилъ, какъ въ двери вошелъ, онъ увидѣлъ,
 Сынъ; въ изумленьи вскочилъ свинопасъ; уронилъ изъ обѣихъ
 Рукъ онъ сосуды, въ которыхъ студеную смѣшивалъ воду
 Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ. Къ своему господину навстрѣчу
¹⁵Бросясь, онъ голову, свѣтлыя очи и милыя руки
 Сталь у него цѣловать, и изъ глазъ полилися ручьями
 Слезы; какъ нѣжный отецъ съ несказанной любовью ласкаетъ
 Сына, который незапно явился ему черезъ двадцать
 Лѣтъ по разлукѣ—единственный, поздно рожденный имъ, долго
²⁰Жданный въ печали—съ такой свинопасъ Телемака любовью,
 Крѣпко обнявши, всего цѣловалъ, какъ воскресшаго; плача
 Взрыдъ, своему господину онъ бросилъ крылатое слово:
 Ты ль, ненаглядный мой свѣтъ, Телемакъ, возвратился? Тебя я,
 Въ Пилосъ отплывшаго, видѣть уже не надѣялся болѣ.
²⁵Милости просимъ, войди къ намъ, дитя мое милое; дай мнѣ
 Очи тобой насладить, возвратившимся въ домъ свой; донинѣ
 Въ поле не часто къ своимъ пастухамъ приходилъ ты; но болѣ
 Въ городѣ жилъ межъ народа: знать было тебѣ непротивно
 Видѣть, какъ въ домѣ твоемъ безъ стыда женихи бунтовали.—
³⁰Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:

Правду сказалъ ты, отецъ; но теперь для тебя самого я
Здѣсь: повидаться пришелъ я съ тобою, Эвмей, чтобъ провѣдать
Дома ль еще Пенелопа, иль бракомъ уже сочелась
Съ кѣмъ изъ своихъ жениховъ, Одиссеево жъ ложе пустое
³⁵Въ спальной стоитъ одиноко, покрытое злой паутиной? —
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ свинопасъ богоравный:
Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоёмъ Пенелопа
Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой и тратитъ
Долгіе дни и бессонныя ночи въ слезахъ и печали. —
⁴⁰Такъ говоря, у него онъ копые мѣдноострое принялъ;
Въ домъ тутъ вступилъ Телемакъ, черезъ гладкій порогъ перешедши.
Съ мѣста поспѣшно вскочилъ передъ нимъ Одиссей; Телемакъ же,
Мѣсто отрекшись принять, Одиссею сказалъ: не трудися,
Странникъ, сиди; для меня ужъ конечно найдется мѣстечко
⁴⁵Здѣсь; мнѣ очистить его не замедлитъ нашъ умный хозяинъ. —
Такъ онъ сказалъ; Одиссей возвратился на мѣсто; Эвмей же
Прутьевъ зеленыхъ охапку принесъ и покрылъ ихъ овчиной;
Сынъ Одиссеевъ возлюбленный сѣлъ на нее; деревянный
Съ мясомъ, отъ прошлаго дня сбереженнымъ, подносъ передъ милымъ
⁵⁰Гостемъ поставилъ усердный Эвмей свинопасъ, и корзину
Съ хлѣбомъ большую принесъ, и наполнилъ до самаго края
Вкусномедвянымъ виномъ деревянную чашу. Потомъ онъ
Сѣлъ за готовый обѣдъ съ Одиссеемъ божественнымъ рядомъ.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
⁵⁵Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Такъ свинопасу сказалъ Телемакъ богоравный: отецъ мой,
Кто чужеземный твой гость? На какомъ кораблѣ онъ въ Итаку
Привылъ? Какіе его привезли корабельщики? Въ край нашъ
[Это конечно я знаю и самъ] не пѣшкомъ же пришелъ онъ. —
⁶⁰Такъ отвѣчалъ Телемаку Эвмей, свинопасъ богоравный:
Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Онъ уроженецъ широкоравниннаго острова Крита,
Многихъ людей городà, говоритъ, посѣтилъ и немало
Странствовалъ: такъ для него ужъ судьбиною сѣткано было.
⁶⁵Нынѣ жъ, бѣжавъ съ корабля отъ еспротовъ, людей злоковарныхъ,
Въ хижину нашу пришелъ онъ; тебѣ я его уступаю;

Дѣлай, что хочешь: твоей онъ защитѣ себя повѣряетъ.
 Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
 Добрый Эвмей, ты для сердца печальное слово сказалъ мнѣ;
 70Какъ же могу я въ свой домъ пригласить твоего чужеземца?
 Я еще молодъ; еще я своею рукой не пытался
 Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго злую обиду;
 Мать же, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не знаетъ, что выбрать,
 Вмѣстѣ ль со мною остаться и домъ содержать нашъ въ порядкѣ,
 75Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
 Иль наконецъ предпочесть изъ ахейцевъ того, кто усерднѣй
 Ищетъ супружества съ ней и дары ей щедрѣе приноситъ;
 Но чужеземцу, котораго гостемъ ты принялъ, охотно
 Магтiю я подарю и красивый хитонъ и подошвы
 80Ноги обуть; да и мечъ отъ меня онъ получить двуострый;
 Послѣ и въ сердцемъ желанную землю его я отправлю;
 Пусть онъ покуда живетъ у тебя, угощаемый съ лаской;
 Плате жь сюда я немедля пришлю и съ запасомъ для вашей
 Пищи, дабы отъ убытка избавить тебя и домашнихъ.
 85Въ городъ ходить къ женихамъ я ему не совѣтую; слишкомъ
 Буйны они и въ поступкахъ своихъ необузданно дерзки;
 Могутъ обидѣть его, для меня бы то было прискорбно;
 Самъ же я ихъ укротить не могу: противъ многихъ и самый
 Сильный безсиленъ, когда онъ одинъ; ихъ число тамъ велико.—
 90Царь Одиссей хитроумный отвѣтствовалъ такъ Телемаку:
 Если позволишь ты мнѣ, мой прекрасный, сказать откровенно—
 Милымъ я сердцемъ жестоко досажую, слыша, какъ много
 Вамъ женихи незаконные здѣсь оскорбленiй наносятъ,
 Домъ захвативши такого, какъ ты, молодаго героя;
 95Знать бы желалъ я, ты самъ ли то волею сносишь? Народъ ли
 Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенiю бога?
 Или, быть можетъ, ты братьевъ винишь, на которыхъ отважность
 Мужъ полагается каждый, при общемъ великомъ раздорѣ?
 Если бъ имѣлъ я и свѣжую младость твою и отважность—
 100Или когда бы возлюбленный сынъ Одиссеевъ, иль самъ онъ,
 Странствуя, въ домъ возвратился [еще не пропала надежда]—
 Первому встрѣчному голову мнѣ бы отсѣчь я позволилъ,

Если бы, имъ на погибель, одинъ не рѣшился проникнуть
 Въ домъ Одиссея Лаэртова сына, чтобъ выгнать оттуда
¹⁰⁵Шайку ихъ. Если бъ одинъ я съ толпой и не сладилъ, то все же,
 Было бы лучше мнѣ, въ домѣ моемъ пораженному, встрѣтить
 Смерть, чѣмъ свидѣтелемъ быть тамъ безчинныхъ поступковъ и видѣть,
 Какъ въ немъ они обижаютъ гостей, какъ рабынь принуждаютъ.
 Ихъ угождать вождельніямъ гнуснымъ въ обителяхъ царскихъ.
¹¹⁰Какъ расточаютъ и хлѣбъ и вино, безопадно запасы
 Всѣ истребляя, и главнаго дѣла окончить не мысля.—
 Добрый нашъ гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать:
 Нѣтъ! ни мятежный народъ не враждуетъ со мною, ни братьевъ.
¹¹⁵Также моихъ не могу я винить, на которыхъ отважность
 Мужъ полагается каждый при общемъ раздорѣ, понеже
 Въ каждомъ колѣнѣ у насъ, какъ извѣстно, всегда лишь одинъ былъ
 Сынъ; одного лишь Лаэрта имѣлъ прародитель Аркезій;
 Сынъ у Лаэрта одинъ Одиссей; Одиссей равномѣрно
¹²⁰Прижилъ меня одного съ Пенелопой. И былъ я младенцемъ
 Здѣсь имъ оставленъ, а домъ нашъ заграбили хищные люди.
 Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
 Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закиноа,
 Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
¹²⁵Нудятъ упорно ко браку и наше имѣніе грабятъ;
 Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить, ни отъ брака
 Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожираютъ нещадно
 Наше добро, и меня самого напоследокъ погубятъ.
 Но, конечно, того мы не знаемъ, что въ лонѣ безсмертныхъ
¹³⁰Скрыто. Теперь побѣги ты, Эвмей, къ Пенелопѣ разумной
 Съ вѣстью о томъ, что изъ Пилоса я невредимъ возвратился.
 Самъ же останусь я здѣсь у тебя; приходи къ намъ скорѣе.
 Но берегись, чтобъ никто не провѣдалъ, опрічь Пенелопы,
 Тамъ, что я дома: тамъ многіе смертію мнѣ угрожаютъ.—
¹³⁵Такъ Телемаку сказать ты, Эвмей, свинонасъ богоравный:
 Знаю, все знаю, и мнѣ все понятно; и все, что велишь ты,
 Будетъ исполнено; ты же еще мнѣ скажи откровенно,
 Хочешь ли также, чтобъ съ вѣстью пошелъ я и къ дѣду Лаэрту?

Бѣдный старикъ! онъ до сихъ поръ, хотя и скорбѣлъ о далекомъ
¹⁴⁰Сынѣ, но все наблюдалъ за работами въ полѣ, и голодъ
Чувствуя, ѣлъ за обѣдомъ и пилъ, какъ бывало, съ рабами.
Съ той же поры, какъ пошелъ въ кораблѣ чернобокомъ ты въ Пи-
Онъ, говорятъ, ужъ не ѣсть, и не пьеть, и его никогда ужъ [лось,
Въ полѣ никто не встрѣчаетъ, но, охая тяжело и плача,
¹⁴⁵Дома сидитъ онъ, изчахлый, чуть дышущій, кожа да кости.—
Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
Жаль! но его, какъ ни горько мнѣ это, оставить должны мы;
Если бы все по желанію смертныхъ, судьбинѣ подвластныхъ,
Дѣлалось, я пожелалъ бы, чтобъ прибылъ отецъ мой въ Итаку.
¹⁵⁰Ты же, увидѣвши мать, возвратись, заходить не заботясь
Въ поле къ Лаэрту, но матери можешь сказать, чтобъ немедля,
Тайно отъ всѣхъ, и чужихъ и домашнихъ, отправила къ дѣду
Ключницу нашу обрадовать вѣстью нежданною старца.—
Кончивъ, велѣлъ онъ идти свинопасу. Взявъ въ руки подошвы,
¹⁵⁵Подъ ноги ихъ подвязалъ онъ и въ городъ пошелъ. Отъ Аѳины
Не было скрыто, что домъ свой Эвмей, удаляся, покинулъ;
Тотчасъ явилась богиня, младую, прекрасною, съ станомъ
Стройно-высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ искусною дѣвой;
Въ двери вступивъ, Одиссею предстала она; Телемаку жъ
¹⁶⁰Видѣть себя не дала; онъ ея не примѣтилъ: не всѣмъ намъ
Боги открыто являются; но Одиссей могъ очами
Ясно увидѣть ее, и собаки увидѣли также:
Лаять не смѣя, онѣ, завизжавъ, со двора побѣжали.
Знакъ головою она подала. Одиссей, догадавшись,
¹⁶⁵Вышелъ изъ хижины; подлѣ высокой заграды богиню
Встрѣтилъ онъ; слово къ нему обращая, сказала Аѳина:
Другъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все рассказать Телемаку;
Оба, условяся, какъ женихамъ приготовить ихъ гибель,
¹⁷⁰Вмѣстѣ подите немедля вы въ городъ; сама я за вами
Скоро тамъ буду, и мстительный бой совершимъ совокушно.—
Кончивъ, жезломъ золотымъ прикоснулась она къ Одиссею:
Тотчасъ опрятнымъ и вымытымъ чисто хитономъ покрылись
Плечи его; онъ возвышеннѣй сдѣлался станомъ, моложе

¹⁷⁵Свѣтлымъ лицомъ, посмуглѣвшія щеки стали полнѣе;
 Черной густой бородою покрылся его подбородокъ.
 Собственный образъ ему возвративши, богиня исчезла.
 Въ хижину снова вступилъ Одиссей; Телемакъ, изумленный,
 Очи потушилъ: онъ мыслилъ, что видитъ безсмертнаго бога.
¹⁸⁰Въ страхѣ къ отцу обратясь, онъ бросилъ крылатое слово:
 Странникъ, не въ прежнемъ теперь предо мной ты являешься видѣ;
 Платье не то на тебѣ, и совсѣмъ измѣнился твой образъ;
 Вѣрно одинъ изъ боговъ ты, владыкъ безпредѣльнаго неба;
 Будь же къ намъ благостенъ; золота много тебѣ принесемъ мы
¹⁸⁵Здѣсь съ экатомбой великой, а ты насъ, могучій, помилуй.—
 Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
 Нѣтъ, я не богъ; какъ дерзнулъ ты безсмертнымъ меня уподобить?
 Я Одиссей, твой отецъ, за котораго съ тяжкимъ вздыханьемъ
 Столько обидъ ты терпѣлъ, притѣснителямъ злымъ уступая.—
¹⁹⁰Кончивъ, съ любовію сына онъ сталъ цѣловать, и съ рѣсницы
 Пала на землю слеза—удержать онъ ее былъ не въ силахъ.
 Но—что предъ нимъ былъ желанный отецъ Одиссей, не повѣря—
 Снова ему возражая, сказалъ Телемакъ богоравный:
 Нѣтъ, не отецъ Одиссей ты, но демонъ, своимъ чародѣйствомъ
¹⁹⁵Очи мои ослѣпившій, чтобъ послѣ я горестнѣй плакалъ;
 Смертному мужу подобныхъ чудесъ совершать невозможно
 Собственнымъ разумомъ: можетъ лишь богъ превращать во мгновеніе
 Волей своей старика въ молодаго и юношу въ старца;
 Былъ ты сначала старикъ, неопратно одѣтый; теперь же
²⁰⁰Вижу, что свой ты богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.—
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Нѣтъ, Телемакъ, не чуждайся отца, возвращеннаго въ домъ свой;
 Также и бывшему чуду со мною не слишкомъ дивися;
 Къ вамъ никакой ужъ другой Одиссей, говорю я, не будетъ
²⁰⁵Кромѣ меня, претерпѣвшаго въ странствіяхъ много, и нынѣ
 Волей боговъ приведеннаго въ землю отцовъ черезъ двадцать
 Лѣтъ. А мое превращеніе было богини Аины,
 Мощной добычницы дѣло; возможно ей все; превращенъ былъ
 Прѣжде я въ стараго нищаго ею, потомъ въ молодаго
²¹⁰Крѣпкаго мужа, носящаго чистое платье на тѣлѣ;

Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ, легко насъ
Смертныхъ людей надѣлять и красой и лицомъ безобразнымъ.—
Такъ онъ отвѣтствовалъ, сѣлъ; Телемакъ въ несказанномъ волненіи
Пламенно обнялъ отца благороднаго съ громкимъ рыданьемъ.

²¹⁵Въ сердце тогда имъ обоимъ проникло желаніе плача:

Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; какъ стонетъ
Соколыль крутокогтистый орелъ, у которыхъ охотникъ
Выкралъ еще некрылатыхъ птенцовъ изъ роднаго гнѣзда ихъ,
Такъ заливаясь слезами, рыдали они и стонали

²²⁰Громко; и въ плачѣ могло бъ ихъ застать заходящее солнце,
Если бы вдругъ не спросилъ Телемакъ, обратясь къ Одиссею:

Какъ же, отецъ, на какомъ кораблѣ ты, какою дорогой
Прибылъ въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ край нашъ
[Это конечно я знаю и самъ] не пѣшкомъ же пришелъ ты.—

²²⁵Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:

Все я, мой сынъ, расскажу, ничего отъ тебя не скрывая;
Славные гости морей феакійцы меня привезли къ вамъ;
Всѣхъ, кто ихъ помощи просить, они по морямъ провожаютъ.

Спалъ я, когда мы достигли Итаки, и сонный былъ ими

²³⁰На берегъ вынесень [щедро меня, отпуская въ дорогу,
Золотомъ, мѣдью и платьемъ богатымъ они одарили:

Все то по волѣ безсмертныхъ здѣсь спрятано въ гротѣ глубокомъ].
Присланъ сюда я богиней Аѳиной затѣмъ, чтобъ съ тобою
Вмѣстѣ враговъ истребленіе здѣсь на свободѣ устроить.

²³⁵Ты же теперь назови жениховъ и число ихъ скажи мнѣ;

Должно, чтобъ вѣдалъ я, кто и откуда они, и какъ много
Тамъ ихъ, дабы все подробно обдумавъ разсудкомъ и сердцемъ,

Мы разрѣшили, возможно ль двоимъ, никого не призвавши

Въ помощь, ихъ всѣхъ одолѣть, иль другіе помощники нужны?—

²⁴⁰Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ благородный:

Слышалъ я много, отецъ, о дѣяньяхъ твоихъ многославныхъ;

Какъ ты разуменъ въ совѣтѣ, какой кошевержець могучій—

Но о песьюточномъ мнѣ ты теперь говоришь; невозможно

Двумъ намъ со всею толпой жениховъ многосильныхъ бороться.

²⁴⁵Долженъ ты знать, что числомъ ихъ не десять, не двадцать; го-
Болѣе; всѣхъ перечестъ ихъ тебѣ я могу по порядку; [раздо

Слушай: пришло ихъ съ Дулихія острова къ намъ пятьдесятъ два.
Знатны всѣ родомъ они, шесть служителей съ ними; съ Закинеа
Острова прибыло двадцать; а съ темнолѣсистаго Зама

²⁵⁰Двадцать четыре: всѣ знатныхъ отцовъ сыновья; нанослѣдокъ
Къ нимъ мы и двадцать должны изъ Итаки причестъ, при которыхъ
Фемій, пѣвецъ богоравный, глашатай Медонъ и проворныхъ
Двое рабовъ, соблюдать за обѣдомъ порядокъ искусныхъ.

Если съ такою толпою бороться одни мы задумаемъ,

²⁵⁵Будетъ намъ мщеніе горько, возвратъ твой погибеленъ будетъ;
Лучше подумай о томъ, не найдется ль помощникъ, который
Могъ бы за насъ постоять, благосклонно подавши намъ руку?—

Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Выслушай то, что скажу, и въ умѣ сохрани, что услышишь;

²⁶⁰Если бь Крононъ отецъ и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда бь мы приискивать новыхъ?—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ богоравный:

Подлинно ты мнѣ надежныхъ помощниковъ назвалъ; высоко
Правда они въ облакахъ обитаютъ; но оба не намъ лишь

²⁶⁵Смертнымъ однимъ, но и вѣчнымъ богамъ всемогуществомъ страш-
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый: [ны.—
Оба они не останутся долго отъ насъ въ отдаленн

Въ часъ воздаянья, когда у меня съ женихами въ жилищѣ
Царскомъ послѣдній Ареевъ расчетъ смертоносный начнется.

²⁷⁰Завтра поутру, лишь только подыметъ Эось, ты въ городъ
Прямо пойдешь; тамъ останься въ толпѣ жениховъ многобуйныхъ.

Позже туда я приду съ свинопасомъ Эвмеемъ подъ видомъ
Стараго нищаго въ рубищѣ бѣдномъ. Когда тамъ ругаться
Станутъ они надо мною въ жилищѣ моемъ, не давай ты

²⁷⁵Милому сердцу свободы, и что бь ни терпѣлъ я, хотя бы
За ногу вытащень былъ изъ палаты и выброшенъ въ двери,
Или хотя бы въ меня чѣмъ швырнули—ты будь равнодушенъ.
Можешь конечно сказать иногда [чтобъ унять ихъ буянство]

Кроткое слово; тебя не послушаютъ; будетъ напрасно

²⁸⁰Все: предназначенный день ихъ погибели близко; терпѣнье!
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Я, въ ту минуту, когда свой совѣтъ мнѣ на сердцѣ положить

Втайнѣ Аѳина, тебѣ головою кивну; то замѣтя,
 Всѣ изъ палаты, какіе ни есть тамъ, доспѣхи Арея
 285 Вверхъ отнеси и оставь тамъ, ихъ кучею въ уголь сложивши;
 Если жь, примѣтивъ, что нѣтъ ужь въ палатѣ тамъ бывшихъ оружій,
 Спросятъ о нихъ женихи, ты тогда отвѣчай имъ: въ палатѣ
 Дымно; ужь сдѣлались вовсе они не такія, какими
 Здѣсь ихъ отецъ Одиссей, при отбытіи въ Трою, покинулъ:
 290 Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти смрадной покрылись.
 Миѣ же и вышую въ сердце влагаетъ Зевесъ осторожность:
 Можетъ межъ вами отъ хмѣля вражда загорѣться лихая;
 Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится;
 Само собою прилипаетъ къ рукѣ роковое желѣзо.
 295 Намъ же двоимъ два коня, два меча ты отложишь, и съ ними
 Два изъ воловьей кожи щита приготовишь, чтобъ въ руки
 Взять ихъ, когда нападеніе начнемъ; женихамъ же конечно
 Умъ ослѣпитъ всемогущій Зевесъ и Аѳина Паллада.
 Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
 300 Если ты въ правду мой сынъ и отъ крови моей производишь,
 Тайну храни, чтобъ никто о моемъ возвращеніи не свѣдалъ
 Здѣсь, ни Лаэртъ мой отецъ, ни Эвмей свинопасъ, ни служитель
 Царскаго дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое—
 Ты лишь, да я—наблюдать за рабынями нашими будемъ;
 305 Также и многихъ рабовъ испытанью подвергнемъ, чтобъ свѣдать,
 Кто между ими тебя и меня уважаетъ и любитъ,
 Кто, насъ забывъ, оскорбляетъ тебя, столь достойнаго чести.—
 Такъ, возражая отцу, отвѣчалъ Телемакъ многославный:
 Сердце мое ты, отецъ, уповаю я, скоро на самомъ
 310 Дѣлѣ узнаешь; и духъ мой не слабымъ найдешь ты конечно.
 Думаю только, что опыту всѣхъ подвергать бесполезно
 Будетъ для насъ; я объ этомъ тебя убѣждаю размыслить:
 Много истратится времени, если испытывать всѣхъ ихъ,
 Каждаго порознь, начнемъ мы тогда, какъ враги беззаботно
 315 Будутъ твой домъ разорять и твое достояніе грабить.
 Но я желаю и самъ, чтобъ подвергнувши опыту женщинъ,
 Могъ отличить ты порочныхъ отъ честныхъ и вѣрныхъ; рабовъ же
 Трудно испытывать всѣхъ, одного за другимъ, на работѣ

Порознь живущихъ; то сдѣлаешь послѣ въ досужное время,

³²⁰Если ужъ подлинно знакъ ты имѣлъ отъ владыки Зевеса.—

Такъ говорили о многомъ они, собесѣдую сладко.

Тою порой крѣпкозданный корабль, Телемака носившій

Въ Пилосъ съ дружиной, приблизился къ берегу Итаки. Когда же

Въ пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,

³²⁵На берегъ вздвинуть они посигѣшили его совокуиной

Силою; а слуги проворные, судно совсѣмъ разгрузивши,

Въ Клитіевъ домъ отнесли всѣ подарки царя Менелая.

Въ царскій же домъ Одиссеевъ, былъ вѣстникъ пловцами немедля

Посланъ сказать Пенелопѣ разумной, что сынъ, возвратяся,

³³⁰Въ поле пошелъ, кораблю же прямою дорогою въ городъ

Плыть повелѣлъ [чтобъ, о сынѣ отсутственномъ въ сердцѣ тревожась,

Плакать напрасно о немъ перестала царица]. Тотъ вѣстникъ

Встрѣтился, путь свой окончить спѣша, съ свинопасомъ, который

Съ вѣстью подобной къ своей госпожѣ Телемакомъ былъ посланъ.

³³⁵Къ дому царя многославнаго оба пришли напоследокъ.

Вслухъ передъ всѣми рабынями вѣстникъ сказалъ Пенелопѣ:

Прибылъ обратно въ Итаку возлюбленный сынъ твой, царица.—

Но свинопасъ подошелъ къ Пенелопѣ и на ухо все ей,

Что Телемакъ повелѣлъ рассказать, прошепталъ осторожно.

³⁴⁰Кончивъ рассказъ и исполнивъ свое порученіе, царскій

Домъ онъ оставилъ и въ поле къ свиньямъ возвратился поспѣшно.

Но женихи, пораженные духомъ уныли; покинувъ

Залу, они у ограды высокаго царскаго дома

Рядомъ на каменныхъ гладкихъ скамьяхъ за воротами сѣли.

³⁴⁵Такъ говорить имъ тогда Эвримахъ, сынъ Полибевъ, началъ:

Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ смѣло отправясь

Въ путь, Телемакъ, отъ него мы подобной отваги не ждали.

Должно намъ, черный удобнѣйшій къ бѣгу корабль изготовивъ,

Въ немъ мореходныхъ отправить людей, чтобъ они убѣдили

³⁵⁰Нашихъ товарищей въ городъ какъ можно скорѣй возвратиться.

Кончить еще не успѣлъ онъ, какъ съ мѣста на пристань взглянувши,

Только что къ берегу приставшій корабль Анфиномъ усмотрѣлъ тамъ;

Снасти и весла на немъ убирали пловцы. Обратяся

[дитесь

Съ радостнымъ смѣхомъ къ товарищамъ, такъ онъ сказалъ: не тру-

355 Вѣсти своей посылать понапрасну: они возвратились.

Видно ихъ богъ надоумилъ какой, иль увидѣли сами
Быстробѣгушій корабль и настигнуть его не успѣли.—
Такъ онъ сказали; тѣ, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
На берегъ скоро былъ вздвинуть корабль чернобокіи пловцами.

360 Бодрые слуги немедля сгрузили съ него всю поклажу;
Сами жъ на площади всѣ женихи собрались; но съ собою
Тамъ никому засѣдать не дозволили. Такъ напослѣдокъ,
Къ нимъ обратясь, Алкиной, сынъ Эвпейтовъ надменный, сказалъ
Горе! безсмертные сами его отъ бѣды сохранили! [имъ:

365 Каждый тамъ день сторожа на лобзаемыхъ вѣтромъ вершинахъ
Другъ подлѣ друга толпою сидѣли; когда жъ заходило
Солнце, мы, берегъ покинувъ всю ночь въ кораблѣ быстроходномъ
По морю плавали взадъ и впередъ до восхода денницы,
Тщетно надѣясь, что встрѣтимъ его и немедля погубимъ.

370 Демонъ тѣмъ временемъ въ пристань его проводилъ невредимо.
Мы же надъ нимъ совершить, что замыслили вмѣстѣ, удобно
Можемъ и здѣсь; онъ отъ насъ не уйдетъ; по до тѣхъ поръ, покуда
Живъ онъ, исполнить намѣренье наше мы будемъ не въ силахъ;
Онъ возмужаль и разсудкомъ созрѣлъ для совѣта и дѣла;

375 Люди жъ Итаки не съ прежней на насъ благосклонностью смотрять.
Должно намъ прежде—пока онъ народа не созвалъ на помощь—
Кончить, понеже онъ медлитъ, какъ я въ томъ увѣренъ, не станетъ.
Злобой на насъ разразившись, при цѣломъ народѣ онъ скажетъ,
Какъ мы его погубить сговорились и въ томъ не успѣли;

380 Тайнаго нашего замысла вѣрно народъ не одобритъ;
Могутъ, озлобясь на наши поступки, и насъ изъ отчизны
Выгнать, и всѣ мы тогда по чужимъ сторонамъ разбреемся.
Можемъ напасть на него мы далеко отъ города въ полѣ,
Можемъ близъ города выждать его на дорогѣ; тогда намъ

385 Все раздѣлить ихъ придется имущество; домъ же уступимъ
Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею межъ нами.

Если же вамъ не угоденъ совѣтъ мой и если хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтобъ отцовскимъ владѣлъ достояньемъ—
То пировать вамъ по прежнему, въ домѣ его собираясь,

390 Будетъ нельзя, и ужъ каждый особо, въ свой домъ возвратясь,

Свататься станеть, подарки свои присылая; она же
 Выбереть доброю волей того, кто щедрѣй и пріятнѣй.—
 Такъ говорилъ онъ; сидя неподвижно, внимали другіе.
 Тутъ, обратясь къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный,
³⁹⁵Низовъ, блистательный сынъ, отъ Аретовой царственной крови;
 Злачный Дулихій пшеницей богатый покинулъ, въ Итакѣ
 Онъ отличался отъ всѣхъ жениховъ и самой Пенелопѣ
 Нравился умною рѣчью, благими лишь мыслями полный.
 Такъ, обратясь къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный:
⁴⁰⁰Нѣтъ! посягать я на жизнь Телемака, друзья, не желаю;
 Царскаго сына убійство есть страшно-безбожное дѣло;
 Прежде боговъ спросите, чтобъ свѣдать, какая ихъ воля;
 Если Зевесомъ одобрено будетъ намѣренье наше,
 Самъ соглашусь я его поразить и другихъ на убійство
⁴⁰⁵Вызову; если жъ Зевесъ запретить, мой совѣтъ: воздержитесь.—
 Такъ онъ сказалъ, подтвердили его предложеніе другіе.
 Вставши, всѣ вмѣстѣ они возвратилися въ домъ Одиссея;
 Въ домъ же вступивъ, тамъ на стульяхъ они помѣстилися гладкихъ.
 Но Пенелопа разумная, дѣло иное придумавъ,
⁴¹⁰Вышла къ своимъ женихамъ многобуйнымъ изъ женскихъ покоевъ:
 Слухъ къ ней достигнулъ о замыслѣ тайномъ на жизнь Телемака:
 Все благородный глашатай Медонъ ей открылъ; и поспѣшно
 Взявши съ собой двухъ служанокъ, она, божество межъ женами,
 Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали;
⁴¹⁵Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
 Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ.
 Рѣчь къ Антиною свою обративъ, Пенелопа сказала:
 Злой кознодѣй, Антиной необузданный, словомъ и дѣломъ
 Ты изъ товарищей самый разумнѣйшій—такъ здѣсь въ Итакѣ
⁴²⁰Всѣ утверждаютъ. Но гдѣ же и въ чемъ твой прославленный ра-
 бѣшенный! что побуждаетъ тебя Телемаку готовить [зумъ?
 Смерть и погибель? Зачѣмъ ты сиротъ притѣсняешь, любезныхъ
 Зевсу? Неправъ человѣкъ, замышляющій ближнему злое.
 Иль ты забылъ, какъ отецъ твой сюда прибѣжалъ, уstraшенный
⁴²⁵Гнѣвомъ народа, которымъ гонимъ былъ за то, что, приставши
 Къ шайкѣ тафійскихъ разбойниковъ, съ ними ограбилъ ееспровотъ,

Нашихъ союзниковъ вѣрныхъ? Его здѣсь народъ порывался
Смерти предать и готовъ у него былъ исторгнуть изъ груди
Сердце, и все, что имѣлъ онъ въ Итакѣ, предать истребленью;

⁴³⁰Но Одиссеей, за него заступившись, народъ успокоилъ;

Ты жъ Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея

Мучишь своимъ сватовствомъ, Одиссееву сыну готовишь

Смерть. Удержись! говорю и тебѣ и другимъ въ осторожность.—

Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Пенелопѣ:

⁴³⁵О многоумная, старца Икарія дочь, Пенелопа,

Будь беззаботна; зачѣмъ ты такой предаешься тревогѣ?

Не было, нѣтъ и не будетъ изъ насъ никого, кто бъ помыслилъ

Руку поднять на убійство любимца боговъ Телемака.

Нѣтъ, и покуда я живъ и покуда очами я землю

⁴⁴⁰Вижу, тому не бывать, иль—скажу передъ всѣми, и вѣрно

Сбудется слово мое—обольется убійца своею

Кровью, моимъ пораженный копьемъ; Одиссеей, не забылъ я,

Бралъ здѣсь нерѣдко меня на колѣна и мяса куски мнѣ

Клалъ на ладонь и вина благовоннаго выпить давалъ мнѣ.

⁴⁴⁵Вотъ почему и всѣхъ болѣ людей я люблю Телемака.

Нѣтъ! никогда онъ убійства не долженъ страшиться, по крайней

Мѣрѣ отъ насъ жениховъ. Но судьбы избѣжать невозможно.—

Такъ говорилъ онъ, ее утѣшая, а мыслилъ иное.

Но Пенелопа, къ себѣ возвратясь, тамъ въ свѣтлыхъ покояхъ

⁴⁵⁰Плакала горько о милкомъ своемъ Одиссееѣ, покуда

Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.

Смерклось, когда къ Одиссею и къ сыну его возвратился

Старый Эвмей. Онъ нашель ихъ, готовящихъ ужинъ, зарѣзавъ

Взятую въ стадѣ свинью годовалую. Прежде однако,

⁴⁵⁵Тайно пришедъ, Одиссея богиня Аѳина ударомъ

Трости своей превратила по-прежнему въ хилаго старца,

Рубищемъ жалкимъ одѣвши его, чтобъ Эвмей благородный

Съ перваго взгляда его не узналъ и [сберечь неспособный

Тайну] не бросился въ городъ обрадовать вѣстью царицу.

⁴⁶⁰Встрѣтивъ его на порогѣ, сказалъ Телемакъ: наконецъ ты,

Честный Эвмей, возвратился? Скажи же, что видѣлъ? Что слышалъ?

Въ городъ обратно пришли ль наконецъ женихи изъ засады.

Или еще тамъ сидятъ и меня стерегутъ на дорогѣ?—

Такъ, отвѣчая, сказалъ Телемаку Эвмей благородный:

⁴⁶⁵Свѣдать о нихъ и спрашивать мнѣ не входило и въ мысли;

Въ городѣ я объ одномъ лишь заботился: какъ бы скорѣе

Данное мнѣ порученье исполнить и къ вамъ возвратиться.

Шедши жъ туда, я съ гонцомъ, отъ ходившихъ съ тобой мореходцевъ

Посланнымъ, встрѣтился—первый онъ все объявилъ Пенелопѣ:

⁴⁷⁰Только одно расскажу я, что видѣлъ своими глазами:

Къ городу близко уже, на вершинѣ Эрмейскаго холма

Былъ я, когда быстролетный, въ глубокую нашу входящій

Пристань, корабль усмотрѣлъ; я примѣтилъ, что было въ немъ много

Ратныхъ; щитами, двуострыми копьями ярко блистала онъ;

⁴⁷⁵Это они, я подумалъ: но правда ли? Знать мнѣ невозможно.—

Такъ онъ сказалъ. Телемакова сила святая блеснула

Легкой улыбкою въ очи отцу, непримѣтно Эвмею.

Кончивъ работу и нищу состряпавъ, они съ свиноносомъ

Сѣли за столъ и порадовали душу имъ ужинъ; когда же

⁴⁸⁰Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой ѣдою, о ложѣ

Каждый подумалъ; и сна благодать ниспослали имъ боги.

ПѢСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЙ ДЕНЬ.

Телемакъ уходитъ въ городъ, повелѣвъ Эвмею проводить туда и своего гостя.

Встрѣченный радостно матерью и домашними, онъ потомъ идетъ на площадь и

приводитъ оттуда съ собою Теоклимена. Пенелопа спрашиваетъ его о томъ,

что съ нимъ было во время путешествія; Теоклимень пророчествуетъ ей возвра-

щеніе Одиссея. Тѣмъ временемъ Эвмей отправляется съ Одиссеемъ въ городъ;

дорогою встрѣчаютъ они Мелантія, который ихъ обонхъ оскорбляетъ. Пришедеъ

къ своему дому, Одиссей видитъ на дворѣ свою старую собаку, которая, узнавши

его, умираетъ. Онъ входитъ въ широкую палату, просить милостыни у жениховъ;

Антиной, ругаясь имъ, бросаетъ въ него скамейкой. Пенелопа зоветъ его къ себѣ,

желая спросить объ Одиссеѣ; онъ обѣщается придти къ ней ввечеру.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.

Сынъ Одиссеевъ, любезный богамъ Телемакъ благородный,

Къ свѣтлымъ ногамъ привязавъ золотыя сандалии, въ руку

Взявъ боевое копьё, заощренное мѣдью, котормъ

5.Ловко владѣль, и готовый въ дорогу, сказалъ свинопасу:
 Въ городъ иду я, отецъ, чтобъ утѣшить свиданьемъ со мною
 Милую мать: безъ сомнѣнья, до толѣ крушиться и горько
 Плакать она безутѣшная будетъ, пока не увидитъ
 Сына своими глазами; тебѣ же, Эвмей, поручаю

10Этого странника; въ городъ поди съ нимъ, дабы подаяньемъ
 Могъ онъ себя прокормить; тамъ подастъ, кто захочетъ,
 Хлѣба ему иль вина. Мнѣ нельзя на свое попеченье
 Всякаго нищаго брать; и своихъ ужъ заботъ мнѣ довольно;

Если же этимъ обидится твой чужеземецъ, тѣмъ хуже

15Будетъ ему самому; я люблю говорить откровенно.—

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Здѣсь неохотно и самъ бы я, другъ, согласился остаться;

Нашему брату обѣдъ добывать подаяньемъ легче

Въ городѣ, нежели въ полѣ: тамъ каждый даетъ намъ, что хочетъ.

20Мнѣ жъ не по лѣтамъ смотрѣть за скотиной и всякую службу

Съ тяжкимъ трудомъ отправлять, пастухамъ повинуюся. Добрый

Путь, мой прекрасный; меня же проводитъ хозяинъ, когда я

Здѣсь у огня посогрѣюсь, когда на дворѣ потеплѣетъ;

Въ рубищѣ этомъ мнѣ холодно; тѣло насквозь проникаетъ

25Утренникъ рѣзкій; до города жъ, вы говорите, не близко.—

Такъ отвѣчалъ Одиссей. Телемакъ благородный поспѣшнымъ

Шагомъ пошелъ со двора, и недоброе въ мысляхъ готовилъ

Онъ женихамъ. Наконецъ онъ пришелъ безпрепятственно въ домъ

Тамъ, боевое копье прислонивши къ высокой колоннѣ, [свой.

30Онъ черезъ двери высокій порогъ перешелъ и увидѣлъ

Первую въ домѣ усердную няню свою Эвриклею:

Мягкія клала на стулья овчины старушка. Потоконъ

Слезъ облилася, увидя его, Эвриклея; и скоро

Всѣ собрались Одиссеева дома рабыни; и съ плачемъ

35Голову, плечи и руки онѣ у него лобызали.

Вышла разумная тутъ изъ покоевъ своихъ Пенелопа,

Свѣтлымъ лицомъ съ золотою Афродитой, съ молодой Артемидой

Сходная; сына она обняла, и съ любовію нѣжной

Свѣтлыя очи и руки и голову стала, рыдая

40Громко, ему цѣловать, и крылатое бросила слово:

Ты ль, непаглядный мой, милый мой сынъ, возвратился? Тебя я
 Видѣть уже не надѣялась болѣ, отлившаго въ Пилосъ
 Тайно, со мной не простясь, чтобъ узнать объ отцѣ отдаленномъ.
 Все расскажи мнѣ теперь по порядку, что видѣлъ, что слышать.—
⁴⁵Ласково ей отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Милая мать, не печаль мнѣ души, и тревоги напрасной
 Въ грудь не вливай мнѣ, спасенному чудно отъ гибели вѣрной;
 Но, сотворивъ омовенье и чистой облекшись одеждой,
 вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой поди и съ молитвой
⁵⁰Тамъ обѣщаніе дай принести экатомбу безсмертнымъ,
 Если враговъ наказать намъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.
 Самъ я на площадь пойду, чтобъ позвать чужеземца, который
 Нынѣ со мною, когда возвращался я, прибылъ въ Итаку:
 вмѣстѣ съ моими людьми онъ сюда напередъ былъ отпавленъ;
⁵⁵Въ городъ его проводить поручилъ я Пирею, дабы онъ
 Въ домъ его подождать моего возвращенія съ поля.—
 Такъ говорилъ онъ и слово его не промчалось мимо
 Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
 вѣчнымъ богамъ обѣщала она принести экатомбу,
⁶⁰Если враговъ наказать имъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.
 Тою порой Телемакъ изъ высокаго царскаго дома
 Вышелъ съ копьемъ; двѣ лихія за нимъ побѣжали собаки;
 Образъ его несказанной красой озарила Аѳина
 Такъ, что дивилися люди, его подходящаго видя.
⁶⁵Всѣ вокругъ него собрались женихи многобуйные; каждый
 Доброе съ нимъ говорилъ, замышляя недоброе въ сердцѣ.
 Скоро, отъ ихъ многолюдной толпы отдѣляясь, подошелъ онъ
 Къ мѣсту, гдѣ Менторъ сидѣлъ и при немъ Антифать съ Галиноеръ
 Въ сердцѣ своемъ сохранившіе вѣрность царю Одиссею. [домъ,
⁷⁰Сѣвши близъ нихъ, о себѣ онъ имъ все разсказалъ, что случилось.
 Скоро явился Пирей копьeverжецъ, и Теоклименъ съ нимъ
 вмѣстѣ пришелъ, погулявши по улицамъ города; не былъ
 Долго къ нему Телемакъ безъ вниманья; къ нему подошелъ онъ.
 Первое слово сказать тутъ Пирей Одиссееву сыну:
⁷⁵Въ домъ мой пошли, Телемакъ благородный, невольницъ, чтобъ
 Тамъ всѣ подарки, которые ты получилъ отъ Атрида.— [взяли

Такъ, отвѣчая Пирею, сказалъ Телемакъ богоравный:
 Намъ неизвѣстно, мой вѣрный Пирей, чѣмъ окончится дѣло;
 Если въ жилищѣ моемъ женихами надменными тайно
⁸⁰Буду убитъ я, они все имущество наше раздѣлятъ;
 Лучше тогда, чтобъ твоимъ, а не ихъ тѣ подарки наслѣдствомъ
 Были; но если на нихъ обратится губящая Кера—
 Все мнѣ веселому, самъ веселящійся, въ домъ принесешь ты.—
 Кончивъ, повелъ за собою онъ многострадаваго гостя
⁸⁵Въ домъ свой; и скоро туда безпрепятственно прибыли оба.
 Тамъ положивши на кресла и стулья свои всѣ одежды,
 Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться. Когда же
 Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня,
 Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантии, оба
⁹⁰Вышедъ изъ гладкихъ купалень, они помѣстились на стульяхъ.
 Тутъ принесла на лохани серебряной руки умытъ ихъ
 Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,
 Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
 Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
⁹⁵Выданнымъ ею охотно, чтобъ пищею они насладились.
 Противъ же нихъ, невдали отъ двустворныхъ дверей, Пенелопа
 Въ креслахъ за пряжей сидѣла и тонкія нити сучила.
 Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой ѣдой, Пенелопа
¹⁰⁰Старца Икарія дочь многоумная, сыну сказала:
 Видно мнѣ лучше на верхъ мой уйти и лежать одиноко
 Тамъ на постели, печалью перестланной, горькимъ потокомъ
 Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ въ далекую Трою
 Мстить за Атрида пошелъ Одиссей—ты, я вижу, не хочешь,
¹⁰⁵Прежде, чѣмъ здѣсь женихи многобуйные вновь соберутся,
 Мнѣ разказать, что узналъ объ отцѣ: возвратится ль онъ, живъ ли?—
 Милая мать, отвѣчала разсудительный сынъ Одиссеевъ,
 Слушай, я все расскажу, ничего отъ тебя не скрывая.
 Прежде мы прибыли въ Пилосъ, гдѣ пастырь людей многославный
¹¹⁰Несторъ меня въ благолѣпно-устроенномъ принялъ жилищѣ,
 Принялъ такъ нѣжно, какъ сына отецъ принимаетъ, когда онъ
 Въ домъ возвращается, долго напрасно имъ жданный; такъ Несторъ

Самъ и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но объ отцѣ ничего разказать онъ не могъ мнѣ;
¹¹⁵Живъ ли, скитается ль гдѣ на землѣ, иль погибъ ужъ, объ этомъ
Слуховъ къ нему не дошло. Къ Менелаю Атриду меня онъ,
Давъ мнѣ коней съ колесницею кованой, въ Спарту отправилъ.
Тамъ я увидѣлъ Елену Аргивскую, многихъ ахейцъ,
Многихъ троянъ погубившую, волей боговъ всемогущихъ.
¹²⁰Царь Менелай, вызыватель въ сраженъе, спросилъ, за какою
Нуждою прибылъ къ нему я въ божественный градъ Лакедемонъ?
Все разказать я подробно ему, ничего не скрывая.
Такъ на мои мнѣ слова отвѣчалъ Менелай златовласый:
О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе,
¹²⁵Сами безсильные, мыслить они захватить произвольно!
Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ логовищѣ
Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцовъ положила, сама же
Стала по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ, травую обильнымъ
Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибѣжалъ въ логовище—
¹³⁰Разомъ бы страшная участь птенцовъ безпомощныхъ постигла:
Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки Одиссея.
Если бъ, о Дій громовержець! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лесбосѣ, обильно людьми населенномъ —
Гдѣ, съ силачемъ Филомиледомъ выступивъ въ бой рукобашный.
¹³⁵Онъ опрокинулъ врага на великую радость ахейцамъ—
Если бы въ видѣ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я разкажу откровенно и мною обмануть не будешь:
¹⁴⁰Что самому возвѣстилъ мнѣ морской проникательный старецъ,
То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Видѣлъ его на далекомъ онъ островѣ, льющаго слезы
Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини богинь, произвольно
Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:
¹⁴⁵Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Вотъ что сказалъ мнѣ Атридъ Менелай, вызыватель въ сраженъе.
Спарту покинувъ, я поплылъ назадъ, и послали попутный

Вѣтеръ намъ боги—въ отечество милое насъ проводилъ онъ.—

¹⁵⁰Кончилъ разсказъ Телемакъ; взволновалась душа Пенелопы.

Оеоклимень богоравный тогда ей сказалъ: не крушися,

Многоразумная старца Икарія дочь, Пенелопа,

Знаеть не все онъ; теперь на мое обратися вниманьемъ

Слово: я то, что случится должно, предскажу вамъ навѣрно;

¹⁵⁵Самъ же Зевесомъ отцомъ, гостелюбною вашей трапезой,

Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуса

Въ томъ, что въ отечествѣ миломъ уже Одиссей, что сокрытъ онъ

Гдѣ нибудь въ домѣ, иль ходитъ незнаемый, все узнавая

Здѣсь, и бѣду женихамъ неизбежную въ мысляхъ готовить.

¹⁶⁰Вѣщая птица, которую видѣлъ вблизи корабля я,

То мнѣ открыла, и все я тогда жъ объявилъ Телемаку.—

Оеоклимену разумная такъ отвѣчала царица:

Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,

Будешь отъ насъ угощенъ ты какъ другъ, и дарами осыпанъ

¹⁶⁵Столь изобильно, что счастьемъ такому всѣ будутъ дивиться.—

Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.

Тою порою женихи въ Одиссеевомъ домѣ бросаньемъ

Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собравшись

Всѣ на мошеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ шумныя игры.

¹⁷⁰Но когда отовсюду съ полей на обѣдъ имъ пригнали

Мелкій скотъ пастухи, приводившіе къ нимъ ежедневно

Козъ и барановъ, ихъ кликнулъ глашатай Медонтъ; былъ любимецъ

Онъ жениховъ и вседневно къ столу ихъ его приглашали.

Юноши, онъ имъ сказалъ: вы играли довольно; войдите

¹⁷⁵Въ домъ и начнемъ нашъ обѣдъ совокупною силою готовить:

Знаете сами, что въ время пища намъ вдвое вкуснѣе.—

Такъ онъ сказалъ имъ. Они, покоряся его приглашенью,

Встали, и къ дому пошли всей толпою; когда же вступили

Въ домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды,

¹⁸⁰Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огромныхъ,

Жиромъ налитыхъ свиней убивать; былъ зарѣзанъ и тучный

Быкъ. И за стряпанье всѣ принялися они. Той порою

Въ городъ идти съ Одиссеемъ Эвмей собрался; и готовый

Въ путь, онъ сказалъ наконецъ, обратися къ Лаэртovu сыну:

¹⁸⁵Добрый мой гость, ты желаешь, чтобъ нынче жъ тебя проводить я
Въ городъ, какъ намъ повелѣлъ господинъ мой—сказать откровенно,
Лучше хотѣлъ бы я сторожемъ дома тебя здѣсь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господинъ мой
Будетъ за это меня; а господская брань неприятна.

¹⁹⁰Время однако идти намъ; ужъ болѣ прошло половины
Дня; съ наступленіемъ вечера холодъ пронзителенъ будетъ. —
Кончиль. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Знаю, все знаю, и все мнѣ понятно, и все, какъ желаешь,
Точно исполню; пойдемъ же, и будь ты моимъ провожатымъ.

¹⁹⁵Только сыщи мнѣ какой бы то ни было посохъ, чтобъ могъ я
Чѣмъ подпираться: дорога столь трудная—слышно—что шею
Можно сломить. Такъ сказавъ, на плеча онъ набросилъ котомку,
Всю въ заплатахъ, висѣвшую вмѣсто ремня на веревкѣ.

Даль ему въ руки Эвмей суковатую палку; и оба

²⁰⁰Вмѣстѣ пошли, пастуховъ и собакъ сторожами оставивъ
Дома. И въ городъ повелъ свинопасъ своего господина
Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ набросивъ на плечи.

Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напоследокъ

²⁰⁵Къ городу близко они подошли. Находился тамъ свѣтлый
Ключъ; обложонъ былъ онъ камнемъ, и брали въ немъ граждане воду.
Въ старое время Итакъ, Неріонъ и Поликторъ—прекрасный
Создали тамъ водоемъ; окруженъ былъ онъ рощею темныхъ
Ольхъ, надъ водою растущихъ; и падалъ студеной струею

²¹⁰Ключъ въ водоемъ со скалы, на вершинѣ которой воздвигнуть
Нимфамъ алтарь былъ; всегда приносили тамъ путники жертву.

Тамъ козоводъ повстрѣчался имъ—сынъ Доліоновъ Мелантій;
Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно,
Въ городъ онъ гналъ женихамъ на обѣдъ; съ нимъ товарищей двое

²¹⁵Было. Увидя идущихъ, онъ началъ ругаться, и громко
Ихъ поносилъ, и разгнѣвалъ въ груди Одиссеевой сердце;
Подлинно здѣсь негодяй негодяя ведетъ—говорилъ онъ—
Права пословица: ровнаго съ ровнымъ безсмертные сводятъ.

Ты, свинопасъ безтолковый, куда путешествуешь съ этимъ

²²⁰Нищимъ, столовъ обирателемъ, грязнымъ бродягой, который.

Стоя въ дверяхъ, неопрятныя плечи объ притолку чешеть,
 Крохи одни, не мечи, не котлы получая въ подарокъ.
 Могъ бы у насъ онъ, когда бы его намъ прислалъ ты, закуты
 Наши стеречь, выметать ихъ, козлятамъ подстилки готовить;
²²⁵Скоро бы онъ раздобрѣлъ, простоквашей у насъ обжираясь;
 Это однако ему не по нраву, одно тунеядство
 Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
 По міру, хлѣбомъ чужимъ набивать ненасытный желудокъ.
 Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно;
²³⁰Если войти онъ отважится въ домъ Одиссея—скамеекъ
 Много изъ рукъ жениховъ на его полетитъ тамъ пустую
 Голову; ребра, таская его, тамъ ему обломаютъ
 Объ полъ, и такъ говоря, Одиссея онъ, съ нимъ поровнявшись,
 Пяткою въ ляшку толкнулъ, но съ дороги не сбиль, не принудилъ
²³⁵Даже шатнуться. И въ гнѣвѣ своемъ ужъ готовъ былъ Лаэртговъ
 Сынъ, побѣжавши за нимъ, суковатою палкою душу
 Выбить изъ тѣла его, иль взорвавши на воздухъ, ударить
 Оземь его головою. Но онъ удержался. Эвмей же
 Началъ ругать оскорбителя; руки поднявъ онъ воскликнулъ:
²⁴⁰Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вамъ
 Тукомъ обвитыя бедра козловъ и барановъ здѣсь въ жертву
 Царь Одиссей приносилъ, не отриньте мольбы, возвратите
 Намъ Одиссея; да благостный геній его къ намъ проводить!
 Выгнали тогда бъ изъ тебя онъ надменные мысли, забылъ бы
²⁴⁵Ты какъ шальной по дорогамъ шататься и бѣгать безъ дѣла
 Въ городъ, стада подъ надзоромъ неопытныхъ слугъ оставляя.—
 Кончилъ. Мелантій, на то возражая, сказалъ свинопасу:
 Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслилъ?
 Дай срокъ, тебя какъ товаръ въ кораблѣ чернобокомъ отсюда
²⁵⁰Я увезу и продамъ въ иноземье за добрыя деньги,
 Здѣсь же иль самъ Аполлонъ сребролукій сразитъ Телемака
 Тихой стрѣлой, иль мечемъ жениховъ пораженный погибнетъ
 Онъ, какъ отецъ, на чужбинѣ утратившій день возвращенья.—
 Такъ онъ сказалъ и ушелъ, на дорогѣ оставивъ обоихъ,
²⁵⁵Медленнѣй шедшихъ; достигнувъ обители царской, онъ прямо
 Тамъ въ ширую палату вступилъ и за столъ съ женихами

Сѣль, Эвримаха напротивъ, къ которому былъ онъ усерднѣй,
 Нежели къ прочимъ; ему предложилъ тутъ служитель мяснаго,
 Ключница хлѣба дала и ѣды изъ запаса; онъ началъ
²⁶⁰Бсть. Той порой Одиссей подошелъ съ свинопасомъ Эвмеемъ
 Къ царскому дому; и вдругъ имъ оттуда послышались струны
 Цитры глубокой, потомъ раздалося и пѣніе; Фемій
 Пѣль; Одиссей, ухватясь за Эвмееву руку, воскликнулъ:
 Другъ, мы конечно пришли къ Одиссееву славному дому.
²⁶⁵Можетъ легко быть онъ узнанъ межъ всѣми другими домами: .
 Длинный рядъ горницъ просторныхъ, широкій и чисто мощный
 Дворъ, обведенный зубчатой стѣною, двойныя ворота
 Съ крѣпкимъ замкомъ—въ нихъ ворваться насильно никто не по-
 Думаю я, что теперь тамъ обѣдаютъ; царь благовонный [мыслить].
²⁷⁰Мяса я чувствую; слышу и стройнозвучація струны
 Цитры, богами въ сопутницы пиру веселому данной.—
 Такъ отвѣчалъ Одиссею Эвмей, свинопасъ богоравный:
 Правда, и все ты, какъ есть, угадалъ; человѣкъ ты разумный;
 Прежде однако должны мы размыслить о томъ, что намъ сдѣлать
²⁷⁵Лучше: тебѣ ли во внутренность дома вступить и явиться
 Тамъ на глаза жениховъ многобуйныхъ, а мнѣ здѣсь остаться?
 Или тебѣ на дворъ подождать одному, а войти къ нимъ
 Мнѣ? Ты однако не медли, чтобъ кто здѣсь съ тобой не подражалъ,
 Или въ тебя не швырнулъ чѣмъ—я такъ говорю въ осторожность.—
²⁸⁰Голосъ возвысивъ, ему отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
 Знаю, все знаю, и мысли твои мнѣ понятны; войди ты
 Прежде одинъ: я покуда остануся здѣсь; я довольно
 Въ жизни тревожной ударовъ сносилъ; и швыряемо было
 Многимъ въ меня; мнѣ терпѣть не учиться; немало видалъ я
²⁸⁵Бурь и сраженій; пусть будетъ и инѣ со мной, что угодно
 Дію. Одинъ лишь не можетъ ничѣмъ побѣжденъ быть желудокъ,
 Жадный, насильственный, множество бѣдъ приключаящій смертнымъ
 Людямъ: ему въ угожденье и крѣпикорebritые ходять
 Моремъ пустыи корабли, принося разоренье народамъ.—
²⁹⁰Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
 Уши и голову, слушая ихъ, подняла тутъ собака
 Аргусъ; она Одиссеева прежде была, и ее онъ

Выкормилъ самъ; но на ловъ съ ней ходить не успѣлъ, принужденъ
Плыть въ Иліонъ. Молодые охотники часто на дикихъ [ный
²⁹⁵Козъ, на оленей, на зайцевъ съ собою ее уводили.

Нынѣ жъ забытый [его господинъ былъ далеко], онъ, бѣдный
Аргусъ, лежалъ у воротъ на навозѣ, который отъ многихъ
Муловъ и многихъ коровъ на запасъ тамъ копили, чтобъ послѣ
Имъ Одиссеевы были поля уважены тучно;

³⁰⁰Тамъ полумертвый лежалъ неподвижно покинутый Аргусъ.

Но Одиссееву близость почувствовалъ онъ, шевельнулся,
Тронулъ хвостомъ и поджалъ въ изъявленіе радости уши;
Близко жъ подползть къ господину и даже подняться онъ не былъ
Въ силахъ. И вкось на него поглядѣвши, слезу, отъ Эвмея

³⁰⁵Скрытно, обтеръ Одиссей, и потомъ онъ сказалъ свинопасу:

Странное дѣло, Эвмей; тамъ на кучѣ навозной собаку

Вижу: прекрасной породы она, но сказать не умѣю,

Сила и легкость ея на бѣгу таковы ль, какъ наружность?

Иль она лишь такая, какихъ у господъ за столами

³¹⁰Часто мы видимъ: для роскоши держатъ ихъ знатные люди.—

Такъ отвѣчая, сказалъ ты, Эвмей, свинопасъ Одиссею:

Это собака погибшаго въ дальнемъ краю Одиссея;

Если бъ она и нынѣ была такова же, какою,

Плыть собираясь въ Троянскую землю, ее господинъ мой

³¹⁵Дома оставилъ—ея быстротѣ и отважности вѣрно бѣ

Ты подивился; въ лѣсу ни въ какомъ захоlustѣ укрыться

Дичь отъ нея не могла; въ ней чутье несказанное было.

Нынѣ же бѣдная брошена; нѣтъ ужъ ея господина,

Въ чужѣ погибъ онъ; служанки жъ о ней и подумать лѣнятся;

³²⁰Рабъ нерадивъ; не принудъ господинъ повелѣніемъ строгимъ

Къ дѣлу его, за работу онъ самъ не возьмется охотой:

Тягостный жребій печальнаго рабства избравъ челоуѣку,

Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ.—

Кончилъ и, въ двери свѣтло-населеннаго дома вступивши,

³²⁵Прямо вошелъ онъ въ столовую, гдѣ женихи шировали.

Въ это мгновеніе Аргусъ, увидѣвшій вдругъ черезъ двадцать

Лѣтъ Одиссея, былъ схваченъ рукой смертоносною Керы.

Прежде другихъ Телемакъ богоравный Эвмея, который,

Ходя кругомъ, озирался, увидѣлъ; ему головую

³³⁰Подаль онъ знакъ, чтобъ къ нему подошелъ; осмотрѣвшись, пустую
Взялъ онъ скамью, на которой всегда за столомъ раздаватель
Пищи сидѣлъ, чтобъ ее разсылать женихамъ по порядку.

Эту скамью пододвинувъ къ столу Телемакову, сѣлъ онъ

Прогнвъ него; предложилъ тутъ, приблизившись съ блюдомъ, глашатай

³³⁵Мяса варенаго часть имъ и хлѣбъ, изъ корзины имъ взятой.

Вслѣдъ за Эвмеемъ явился и самъ Одиссей богоравный

Въ образѣ хилаго старца, который чуть шель, подпираясь

Посохомъ, съ бѣдной котомкою, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ;

Сѣлъ онъ въ дверяхъ на порогѣ, спиной прислонясь къ дубовой

³⁴⁰Притолкѣ [выскоблилъ острою скобелюю плотникъ искусный

Гладко ее, напередъ топоромъ по шнуру обтесавши].

Тутъ свинопасу Эвмею сказалъ Телемакъ, подавая

Хлѣбъ, изъ корзины межъ лучшими взятой, и вкуснаго мяса,

Сколько въ обѣихъ горстяхъ умѣститься могло: отнеси ты

³⁴⁵Это, Эвмей, старику, и скажи, чтобъ потомъ обошелъ онъ

Всѣхъ жениховъ, и у нихъ попросилъ подаянья—стыдливымъ

Нищему, тяжелой нуждой удрученному, быть неприлично.—

Такъ онъ сказалъ и Эвмей, повинувъ, пошелъ къ Одиссею.

Близко къ нему приступивши, онъ бросилъ крылатое слово:

³⁵⁰Это прислалъ Телемакъ; и велѣлъ онъ сказать, чтобъ потомъ ты,

Всѣхъ обойдя жениховъ, попросилъ подаянья—стыдливымъ

Нищему быть, говорить онъ, въ жестокой нуждѣ неприлично.—

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Зевсъ да пошлетъ благоденствіе между людьми Телемаку,

³⁵⁵Давъ совершиться всему, что теперъ замышляетъ онъ въ сердцѣ!—

Такъ онъ сказалъ и, обѣими взявши руками подачу,

Мясо и хлѣбъ близъ себя положилъ на убогой котомкѣ.

Началъ онъ ѣсть; той порой вдохновенно запѣлъ предъ гостями

Фемій; когда же тотъ вдоволь наѣлся, а этотъ умолкнулъ—

³⁶⁰Начали вновь женихи бушевать; но богиня Аѳина,

Тайно приближась къ Лаэртovu сыну, ему повелѣла

Встать и ходить вокругъ столовъ ихъ, прося подаянья: хотѣла

Видѣть она, кто изъ нихъ благодушенъ и кто беззаконникъ;

Въ мысляхъ же всѣхъ безъ изыятія смерти предать назначала.

³⁶⁵Вставъ, онъ пошелъ и у каждаго началъ просить подающаго,
Руку къ нему простирая, какъ нищій, скитаться обыкшій.

Съ жалостнымъ сердцемъ они на него въ изумленьи смотрѣли,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришелъ онъ. Сидѣвшій
Съ ними пастухъ козоводъ, забіяка Мелантій, сказалъ имъ:

³⁷⁰Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видѣлъ
Этого нищаго, съ нимъ на дорогѣ сюда повстрѣчавшись;
Думаю, былъ онъ сюда приведенъ свинопасомъ Эвмеемъ;
Самъ же не знаю я, кто и въ какой сторонѣ родился онъ.—
Такъ онъ сказалъ. Антиной на Эвмея съ досадою крикнулъ:

³⁷⁵Ты свинопасъ, негодяй всѣмъ извѣстный, зачѣмъ ты приводишь
Въ городъ такихъ развращенныхъ бродягъ? Ужъ и здѣшняя сволочь
Этихъ столовъ обирателей намъ нестерпимо докучна;
Мало конечно тебѣ, что отъ нищихъ домашнихъ всѣ ваши
Гибнутъ запасы—чужаго еще ты привелъ къ намъ обжору.—

³⁸⁰Такъ, возражая, Эвмей свинопасъ отвѣчалъ Антиною:

Ты, Антиной, неразумное мнѣ и недоброе молвилъ
Слово теперь. Приглашаетъ ли кто человѣка чужаго
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ на
Или гадателей, или врачей, иль искусниковъ зодчихъ, [дѣло:

³⁸⁵Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ—
Ихъ приглашаютъ съ охотою всѣ земнородные люди;
Нищаго жъ, каждому скучнаго, кто пригласитъ произвольно?

Ты же изъ всѣхъ жениховъ Пенелопы къ рабамъ Одиссея
Самый неласковый былъ всегда, и ко мнѣ особливо;

³⁹⁰Я не печалюсь объ этомъ, покуда моя здѣсь царица
Здравствуетъ съ сыномъ своимъ Телемакомъ, моимъ господиномъ.—
Кротко Эвмею сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Полно, Эвмей, замолчи; говорить съ нимъ не долженъ ты много;
Знаешь, какъ скоръ Антиной на обидное слово; онъ любитъ

³⁹⁵Ссориться самъ, и другихъ на раздоръ подбиваетъ охотно.

Тутъ обратясь къ Антиною, онъ бросилъ крылатое слово:

Ты обо мнѣ, какъ о сынѣ отецъ благодушный, печешься,
Другъ Антиной, выгоня своимъ повелительнымъ словомъ [лень?
Странниковъ, въ домъ мой входящихъ—но будетъ ли Дій тѣмъ дово-

⁴⁰⁰Дай, что захочешь; не спорю я; самъ приглашаю напротивъ;

Матери также моей не страшися; тебя не осудить
 Здѣсь и никто изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ домѣ живущихъ.
 Но, конечно, подобныя мысли тебѣ не приходятъ
 Въ сердце: себѣ все берешь ты, другимъ же давать не охотникъ.—
⁴⁰⁵Кончилъ, и гнѣвно ему возразилъ Антиной, сынъ Эвнейтовъ:
 Что ты сказалъ, Телемакъ, необузданный, гордорѣчивый?
 Если бъ вотъ это отъ каждаго здѣсь жениха, получить онъ—
 Вѣрно сюда бы три мѣсяца впровъ заглянуть не подумаль.—
 Такъ говоря, онъ скамейку схватилъ, на которую ноги
⁴¹⁰Клалъ подъ столомъ, и грозяся, ее показавъ Одиссею.
 Прочіе жъ всѣ подавали, котомку его наполняя
 Хлѣбомъ и мясомъ. И много собравъ, Одиссей уже готовъ былъ
 Сѣсть на порогъ свой, чтобъ данной насытиться пищей; но прежде
 Онъ подошелъ къ Антиною и бросилъ крылатое слово:
⁴¹⁵Дай мнѣ и ты. Не послѣднимъ тебя здѣсь считаю, но первымъ
 Лучшимъ и самымъ знатнѣйшимъ; царю ты подобился видомъ:
 Щедродаянье должно быть тебѣ и приличнѣй и легче
 Всѣхъ ихъ; и славить тебя я отнынѣ по всей безпредѣльной
 Буду землѣ. Я и самъ межъ людьми не всегда безпріютно
⁴²⁰Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владѣлъ, и доступенъ
 Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;
 Много имѣлъ я невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно
 Люди живутъ, и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.
 Все уничтожилъ Кроніонъ—была безъ сомнѣнья святая
⁴²⁵Воля его, чтобъ съ дружиной отважныхъ добычниковъ поплылъ
 Я въ отдаленный Египетъ [онъ тамъ приготовилъ мнѣ гибель].
 Въ лонѣ потока Египта легкѣповоротные наши
 Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди
 Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же
⁴³⁰Даль приказаніе съ ближнихъ высотъ обзрѣть всю окрестность.
 Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буйство; они, обезумѣвъ,
 Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта
 Бросились, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтнихъ,
 Звѣрски мужей убивая—тревога до жителей града
⁴³⁵Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
 Рать; колесницами, пѣшими, яркою мѣдью оружіи

Поле кругомъ закипѣло; Зевесъ, веселящійся громомъ,
 Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ; отразить ни единый
 Силы врага не посмѣлъ и отвсюду насъ смерть окружила;
 440Многихъ тогда изъ товарищей мѣдъ умертвила, и многихъ
 Плѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное рабство.
 Я же былъ жителю Крита, въ Египетъ прибывшему, проданъ
 Дметору, сыну Эзона, владѣвшаго Кипромъ; въ Итаку
 Прибылъ изъ Кипра я, много имѣвъ на пути злоключеній.—
 445Гнѣвно сказалъ, отвѣчая ему, Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
 Вѣрно намъ демонъ такую чуму посылаетъ, такую
 Порчу пировъ! отойди отъ стола моего; на срединѣ
 Стой тамъ, чтобъ не было хуже тебѣ и Египта и Кипра.
 Что за наглець неотступный! какой подбродяга безстыдный!
 450Всѣхъ поочередно ты здѣсь обошелъ; и тебѣ, что попалось
 Подъ руки каждому, подали всѣ, не изъ щедрости: здѣсь имъ
 Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся жъ
 Прочь.—Отъ стола отступивъ, отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
 Горе! такъ видно съ лицомъ у тебя твой разсудокъ несходенъ;
 455Въ домъ своемъ ты и соли щепотку мнѣ дать пожалѣлъ бы,
 Если ужъ здѣсь, за обѣдомъ чужимъ прохлаждаяся, хлѣба
 Корку жалѣешь мнѣ бросить; а столъ вашъ, я вижу, обилень.—
 Такъ онъ сказалъ. Антиной, разсердясь, на него изъ подлѣбья
 Грозно очами сверкнулъ и бросилъ крылатое слово:
 460Если еще грубиянить ты вздумалъ, бродяга, то даромъ
 Это тебѣ не пройдетъ, и добромъ ты не выйдешь отсюда.—
 Тутъ онъ скамейкой швырнулъ—и жестоко ударила въ спину
 Подлѣ плеча Одиссея она; какъ утесъ, не шатнувшись,
 Онъ устоялъ на ногахъ, несраженный ударомъ; онъ только
 465Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
 Къ двери потомъ возвратяся, онъ сѣлъ на порогъ и, котомку
 На полъ съ ѣдой положивши, сказалъ женихамъ: обратите
 Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи многославной царицы, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
 470Не было бъ въ томъ ни бѣды, ни прискорбїя тяжкаго сердцу,
 Если бы кто, за имѣнье свое, за быковъ, за блестящихъ
 Шерстью овецъ заступааяся, вытерпѣлъ злые побои;

Мнѣ жъ отъ руки Антиноя побои достались за грѣшный,
 Жадный и множество бѣдъ приключаящій людямъ желудокъ.
⁴⁷⁵Если же боги и мщенье Эринній живутъ и для бѣдныхъ—
 Смерть, Антиной, а не бракъ вождѣннй ты встрѣтишь, обидчикъ.—
 Гнѣвно, ему возражая, сказала Антиной, сынъ Эвшеитовъ:
 Ъшь и молчи, негодяй; иль бѣги неоглядкой отсюда;
 Иначе, такъ нагрубивъ мнѣ, ты за ноги будешь рабами
⁴⁸⁰Вытащентъ въ дверь и всѣ кости твои обломаются объ полъ.—
 Кончилъ; угрозы его не одобрилъ никто; негодую,
 Такъ говорили иные изъ юношей дерзконадменныхъ:
 Ты, Антиной, поступилъ непохвально, обиду нанесши
 Этому пишему; что же, когда онъ одинъ изъ безсмертныхъ?
⁴⁸⁵Боги нерѣдко, облекшись въ образъ людей чужестранныхъ,
 Входятъ въ земныя жилища, чтобъ видѣть своими очами,
 Кто изъ людей беззаконствуетъ, кто наблюдаетъ ихъ правду.—
 Такъ женихи говорили; но рѣчи ихъ были напрасны.
 Злою обидой глубоко въ душѣ Телемакъ сокрушался
⁴⁹⁰Вмѣстѣ съ обиженнымъ; слезы свои утаивши, онъ только
 Молча потрясъ головою и страшное въ сердце помыслилъ.
 Но Пенелопа разумная, слыша, что былъ чужеземецъ
 Въ домѣ ихъ такъ оскорбленъ, обратяся къ рабынямъ, сказала:
 О! когда бы его поразилъ Аполлонъ сребролукій!—
⁴⁹⁵Ей Эвринома разумная ключница, такъ отвѣчала:
 Если бы все исполнялось согласно съ желаніемъ нашимъ,
 Завтра же свѣтлой денницы изъ нихъ ни одинъ бы не встрѣтилъ.—
 Кончила. Ей Пенелопа разумная такъ возразила:
 Правда, мнѣ всѣ ненавистны они, намъ отъ всѣхъ притѣсненье;
⁵⁰⁰Но Антиной наиболѣе съ черною Керою сходентъ:
 Принять въ нашъ домъ чужеземецъ, и хѳдя кругомъ, подающа
 Просить у всѣхъ онъ гостей, приневоленный строгой нуждою—
 Подали всѣ, и свою онъ наполнилъ котомку; лишь этотъ,
 Вмѣсто подачи, въ него какъ безумный скамейкою бросилъ.—
⁵⁰⁵Такъ Пенелопа рабынямъ своимъ говорила въ покояхъ
 Верхнихъ своихъ. Одиссей же, сидя на порогѣ, обѣдалъ.
 Кликнуть къ себѣ повелѣвъ свинопаса, царица сказала:
 Слушай, Эвмей благородный, скажи иноземцу, что я съ нимъ

Здѣсь повидаться желаю, чтобъ знать отъ него, не слыхаль ли

⁵¹⁰Онъ о супругѣ моемъ и ему не случилось ли гдѣ съ нимъ
Встрѣтиться: кажется мнѣ человѣкомъ онъ много выдавшимъ.—

Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, свиноноса богоравный:

Если бъ твои женихи хоть на мигъ поутихли, царица,
Милое сердце твое онъ своимъ бы разговоромъ утѣшилъ.

⁵¹⁵Три дня и три ночи онъ ужъ гостить подъ моею убогой
Кровлей; пришелъ же ко мнѣ, съ корабля убѣжавъ отъ ееспротовъ.

Мнѣ о своихъ приключеньяхъ еще онъ не кончилъ разказа;

Но какъ внимаютъ пѣвцу, вдохновенному свыше богами,
Пѣснь о великомъ поющему людямъ, судьбинѣ подвластнымъ,

⁵²⁰Въ нихъ возбуждая желаніе слушать его непрестанно,

Такъ я внималъ чужеземцу, сидѣ передъ нимъ неподвижно;

Съ нимъ Одиссей по отцу, говоритъ онъ, считается гостемъ;

Въ Критѣ широкоравнинномъ, отчизнѣ Миноса, рожденный,
Прибыль оттолѣ сюда онъ, и много превратностей встрѣтилъ,

⁵²⁵Скудно мірскимъ подаяньемъ питаюсь; и слыхаль онъ, будто

Края ееспротовъ, сосѣдняго съ нашею Итакой, достигнулъ

Царь Одиссей, возвращаяся въ домъ свой съ великимъ богатствомъ.—

Кончилъ. Разумная такъ отвѣчала ему Пенелопа:

Клихни его самого; я желаю, чтобъ самъ разсказалъ онъ

⁵³⁰Все мнѣ подробно, куда игрой на дворѣ передъ дверью

Или во внутреннихъ горницахъ будутъ они забавляться;

Дома они про себя сберегаютъ свои всѣ запасы,

Хлѣбъ и вино золотое; ихъ тратятъ домашніе люди;

Имъ же удобнѣй, всѣдневно врываяся въ домъ нашъ толпою,

⁵³⁵Нашихъ быковъ и барановъ и козъ откормленныхъ рѣзать,

Жрать до упада и свѣтлое наше вино безпощадно

Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ въ немъ такого

Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья избавить.

Если же онъ возвратится и снова отчизну увидитъ,

⁵⁴⁰Съ сыномъ своимъ онъ отмстить имъ за все.—Такъ царица сказала.

Въ это мгновеніе чихнулъ Телемакъ и такъ сильно, что въ цѣломъ

Домѣ какъ громъ раздалось; засмѣявшись, Эвмею, поспѣшно

Кликнувъ его, Пенелопа крылатое бросила слово:

Добрый Эвмей, приведн ты сюда чужеземца немедля:

545 Слово мое зачихнуль Телемакъ; я теперь несомнѣнно
 Знаю, что злые мои женихи неизбѣжно погибнуть
 Всѣ: ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керу.
 Выслушай то, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
 Если меня безъ обмана онъ доброю вѣстью утѣшитъ,
 550 Мантию дамъ я ему и хитонъ и красивую обувь.—
 Кончила. Ей повинуюсь, пошелъ свинопасъ къ Одиссею;
 Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:
 Слушай, отецъ чужеземецъ, разумная наша царица,
 Мать Телемака, тебя приглашаетъ къ себѣ; о супругѣ
 555 Хочетъ она разспросить, сокрушаясь о немъ безпрестанно.
 Если ее безъ обмана ты доброю вѣстью утѣпишь,
 Мантию ты и хитонъ и красивую обувь получишь.
 Хлѣбъ же, чтобъ свой успокоить желудокъ, по улицамъ ходя,
 Въ городѣ можешь собирать отъ людей—тамъ подастъ, кто захочетъ.—
 560 Такъ Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:
 Все безъ обмана я могъ бы теперь рассказать Пенелопѣ,
 Старца Икарія дочери многоразумной; я много
 Знаю о мужѣ ея; мы одно съ нимъ терпѣли на свѣтѣ.
 Но жениховъ я боюсь необузданно-дерзкихъ, которыхъ
 565 Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба;
 Видѣлъ ты самъ, какъ въ меня, тамъ ходившаго смирно и мысли
 Злой не имѣвшаго, этотъ неистовый бросилъ скамейкой—
 Кто жъ за меня заступился? Никто. Промолчалъ и прекрасный
 Сынъ Одиссеевъ. Пускай же царица, хотя нетерпѣнье
 570 Въ ней и велико, дождется, чтобъ Геліосъ скрылся; тогда я
 Все, что узнать пожелаетъ она о супругѣ далѣкомъ,
 Ей расскажу, помѣстясь у огня, чтобъ согрѣться: одѣтъ я
 Плохо—то вѣдаешь самъ ты, тебя я здѣсь перваго встрѣтилъ.—
 Такъ онъ сказалъ; и Эвмей, повинуюсь, пошелъ къ Пенелопѣ;
 575 Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопа спросила:
 Онъ не съ тобою, Эвмей? Для чего же придти не хотѣлъ онъ,
 Бѣдный? Бойтся ль обиды какой? На глаза ль показаться
 Людямъ стыдится? Стыдливому нищему плохо на свѣтѣ.—
 Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, свинопасъ богоравный:
 580 Нѣтъ, онъ умно разсуждаетъ, и съ нимъ ты должна согласиться,

Онъ, жениховъ необузданно-дерзкихъ, царица, бояся,
 Проситъ тебя терпѣливо дожидаться, чтобъ Геліосъ скрылся;
 Думаю также и я, что гораздо удобнѣе будетъ,
 Если его ты одна обо всемъ на досугъ разспросишь.—

⁵⁸⁵Выслушавъ, умная такъ отвѣчала Эвмею царица:

Странникъ твой, кто бы онъ ни былъ, умно разсуждаетъ; и правъ
 Въ цѣломъ свѣтѣ, нигдѣ среди земнородныхъ не можно [онъ:
 Встрѣтитъ людей, столь неистовыхъ, столь беззаконноразвратныхъ.—

Такъ отвѣчала Эвмею она. Свинопасъ богоравный,

⁵⁹⁰Все передавъ ей, пошелъ къ женихамъ; съ Телемакомъ въ столовой
 Встрѣтился онъ и, приблизившись, бросилъ крылатое слово
 Шопотомъ въ ухо ему, чтобъ его не слышали другіе:

Милый, теперь я иду; за свиньями, за домомъ, за всѣми
 Въ домѣ запасами должно смотрѣть мнѣ; а ты остороженъ

⁵⁹⁵Будь здѣсь, себя береги, и смотри, что бѣ съ тобой никакого
 Зла не случилось: зломысленныхъ много тебя окружаетъ.

Зевсъ да погубитъ ихъ прежде, чѣмъ бѣдствіе наше созрѣетъ!—

Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Добрый совѣтъ ты даешь мнѣ, отецъ; но ты самъ, ночевавши

⁶⁰⁰Дома, сюда возвратися поутру съ отборной свиньею.

Боги мой умъ просвѣтятъ и меня надоумятъ, что дѣлать.—

Такъ отвѣчалъ Телемакъ. Свинопасъ помѣстился на гладкомъ

Стулѣ; поужинавъ сытно и свой удовольствовавъ голодъ,

Въ поле пошелъ онъ къ свиньямъ острозубымъ, оставивши царскій

⁶⁰⁵Домъ, оглашаемый шумомъ пирующихъ; пѣньемъ и пляской

Тамъ веселились. Тѣмъ временемъ темная ночь наступила.

ПѢСНЬ ОСЬМНАДЦАТАЯ.

тридцать восьмой день.

Бой Одиссея съ Промъ. Онъ напрасно совѣтуетъ Анфиному разстаться съ женихами. Пенелопа подаетъ имъ надежду на скорый бракъ; они приносятъ ей подарки. Меланто оскорбляетъ Одиссея. Эвримахъ бросаетъ въ него скамейкою. Женихи расходятся по домамъ.

Въ двери вошелъ тутъ одинъ всѣмъ извѣстный бродяга; шатаясь
 По міру, скуднымъ онъ жилъ подаянемъ, и въ цѣлой Итакѣ

Славень былъ жаднымъ желудкомъ своимъ, и нахальствомъ и пьян-
 Силы однако большой не имѣлъ онъ, хотя и высокъ былъ [ствомъ;
 5Ростомъ. По имени слылъ Арнеономъ [такъ матерью названъ
 Былъ при рожденнѣ], но въ городѣ вся молодежь величала
 Иромъ его, потому что у всѣхъ онъ тамъ былъ на посылкахъ.
 Въ двери вступивъ, Одиссея онъ сталъ принуждать, чтобъ покинулъ
 Домъ свой; и бросилъ ему раздраженный крылатое слово:
 10Прочь отъ дверей, старикашка, иль за ноги вытащентъ будешъ;
 Развѣ не видишь, что всѣ мнѣ мигаютъ, меня понуждая
 Вытолкать въ двери тебя; но марать понапрасну своихъ я
 Рукъ не хочу: убирайся, иль дѣло окончится дракой.—
 Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный:
 15Ты сумасбродъ, я не дѣлаю зла никому здѣсь, и сколько бъ
 Тамъ кто ни подалъ тебѣ, я не стану завидовать; оба
 Можемъ на этомъ порогѣ сидѣть мы просторно; нѣтъ нужды
 Споръ заводить намъ. Ты, вижу, такой же какъ я безпріютный
 Странственникъ; бѣдны мы оба. Лишь боги даруютъ богатство.
 20Воли однако рукамъ не давай; не совѣтую; старъ я:
 Но, разсердяся, всю грудь у тебя разобью и все рыло
 Въ кровь; и просторнѣе будетъ тогда мнѣ на этомъ порогѣ
 Завтра, понеже ужъ, думаю, ты не придешь во второй разъ
 Властвовать въ домѣ царя Одиссея, Лаэртова сына.—
 25Пръ въ несказанной досадѣ воскликнулъ, ему отвѣчая:
 Онъ же прожора и умничать вздумалъ! не хуже стряпухи
 Старой лепечеть! постой же; тебя проучить мнѣ порядкомъ
 Должно, принявъ въ кулаки и изъ челюстей зубы повибивъ
 Всѣ у тебя, какъ у жадной свиньи, истребляющей ниву.
 30Полно жъ сидѣть; выходи, покажи намъ свое здѣсь умѣнье;
 Вотъ поглядимъ мы, ты сладишь ли съ тѣмъ, кто тебя посильнѣе.—
 Такъ межъ обоями нищими въ бранныхъ словахъ загорѣлась
 Ссора на гладкомъ порогѣ дверей. То примѣтила прежде
 Всѣхъ Антиноева сила святая. И съ хохотомъ громкимъ
 35Онъ, къ женихамъ обратясь, воскликнулъ: друзья, поглядите,
 Что тамъ въ дверяхъ происходитъ. Подобнаго мнѣ не случалось
 Видѣть нигдѣ; намъ чудесную Дій посылаетъ забаву:
 Съ старымъ бродягой поссорился Пръ, и конечно ужъ скоро

Драка тамъ будетъ; пойдемъ поскорѣе, намъ должно сравить ихъ.—

⁴⁰Такъ онъ сказалъ; женихи, засмѣявшись, вскочили послѣшно съ мѣстъ и соперниковъ, грязнымъ одѣтыхъ тряпьемъ, обступили. Тутъ, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ имъ: Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю;

Козьи желудки лежатъ тамъ на угольяхъ; сами на ужинъ
⁴⁵Ихъ для себя отложили мы, жиромъ и кровью наливши;
Я предлагаю, чтобъ тотъ, кто изъ двухъ побѣдителемъ будетъ,
Взялъ для себя изъ желудковъ обжаренныхъ лучшій: потомъ мы
Будемъ вседневно его приглашать и къ обѣду; другимъ же
Нищимъ собирать здѣсь столовые крохи впередъ не дозволимъ.

⁵⁰Такъ предложилъ Антиной и одобрили всѣ предложенье.
Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный:
Въ бой выходить съ молодымъ старику, изнуренному въ силахъ
Нищенской жизнию, трудно, друзья; но докучный желудокъ
Нудитъ меня согласиться, хотя бъ и стерпѣть здѣсь побой.

⁵⁵Слушайте жъ то, что скажу: поклонитесь великою клятвой
Мнѣ, что потворствуя Иру, никто на меня не подыметъ
Рукъ и сопернику верхъ надо мной одержать не поможетъ.—
Такъ говорилъ Одиссей; женихи поклялися; когда же
Всѣ поклялися они и клятву свою совершили,

⁶⁰Слово къ отцу обративши, сказалъ Телемакъ богоравный:
Если ты самъ добровольно желаешь и смѣло рѣшился
Выступить въ бой съ нимъ, то страха не долженъ имѣть: кто посмѣетъ
Руку поднять на тебя, тотъ съ собою здѣсь многихъ поссорить.
Я здѣсь хозяинъ, защитникъ гостей, и конечно со мною

⁶⁵Будутъ теперь заодно Антиной, Эвримахъ и другіе.—
Такъ онъ сказалъ. Женихи согласились. Тогда сынъ Лаэртвъ
Рубище снялъ и себя имъ, пристойность храня, опоясалъ.
Тутъ обнаружилися крѣпкія ляшки, широкія плечи,
Твердая грудь, жиливатя руки, и сдѣлала выше

⁷⁰Ростомъ его, непримѣтно къ нему подошедши, Аѳина.
Всѣ женихи на него съ изумленіемъ великимъ смотрѣли;
Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:
Иру бѣда; за нахальство теперь онъ заплатитъ. Какія
Крѣпкія мышцы подъ рубищемъ этого нищаго скрыты!—

⁷⁵Такъ говорили они. Обуяла великая трусость
 Пра. Его, опоясавъ, рабы притащили насильно;
 Блѣдный, дрожащій отъ страха, едва на ногахъ онъ держался.
 Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
 Лучше тебѣ хвастуну умереть иль совсѣмъ не родиться
⁸⁰Было бы, если теперь такъ дрожишь, такъ безстыдно робѣешь
 Ты передъ этимъ, измученнымъ бѣдностью, старымъ бродягой.
 Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно:
 Если тебя побѣдитъ онъ и силой своей одолѣетъ,
 Будешь ты брошенъ на черный корабль и на твердую землю
⁸⁵Къ злomu Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ.
 Уши и носъ безошадною мѣдью тебѣ онъ обрѣжетъ,
 Въ крохи изрубить тебя и собакамъ отдастъ на сѣденье.—
 Такъ говорилъ онъ. Ужасная робость проникнула Пра;
 Силою слуги его притащили; и подняли руки
⁹⁰Оба. Себя самого тутъ спросилъ Одиссей богоравный:
 Сильно ль ударить его кулакомъ, чтобъ издохъ онъ на мѣстѣ?
 Или несильнымъ ударомъ его опрокинуть? Обдумавъ
 Все, нанослѣдокъ онъ выбралъ несильный ударъ, поелику
 Иначе могъ бы въ сердцахъ жениховъ возбудить подозрѣнье:
⁹⁵Оба тутъ вышли; въ плечо кулакомъ Одиссея ударилъ
 Ирѣ. Одиссей же его по затылку близъ уха: вдавилась
 Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
 Ртомъ; онъ, завывъ, опрокинулся; зубы его скрежетали,
 Объ полъ онъ пятками билъ. Женихи же, всплеснувши руками,
¹⁰⁰Рсѣ помирали отъ смѣха. А сынъ благородный Лаэртъвъ,
 За ногу Пра схвативъ, черезъ двери и портикъ къ воротамъ
 Дома его черезъ дворъ протащилъ; и, его приневоливъ
 Сѣсть тамъ, спиною къ стѣнѣ прислонилъ, суковатую палку
 Втиснулъ ему полумертвому въ руки и гнѣвное бросилъ
¹⁰⁵Слово: сиди здѣсь, собакъ и свиней отгоняй; и нахально
 Властвовать въ домѣ чужомъ не пытайся впередъ, высылая
 Нищихъ оттуда, самъ нищій бродяга: иль будетъ съ тобою
 Хуже бѣда.—Онъ сказалъ и, на плечи набросивъ котомку,
 Всю въ заплатахъ, висѣвшую вмѣсто ремня на веревкѣ,
¹¹⁰Къ двери своей возвратился и сѣлъ на порогѣ. А гости

Встрѣтили смѣхомъ его и, къ нему подступивши, сказали:
 Молимъ мы Зевса и вѣчныхъ боговъ, чтобъ они совершили
 Все то, чего наиболѣе теперь ты желаешь, о чемъ ты
 Молишь ихъ самъ; навсегда ты избавишь отъ злаго прожоры
¹¹⁵Край нашъ. Онъ нами немедленно будетъ на твердую землю
 Къ злomu Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ.—
 Такъ женихи говорили; былъ радъ Одиссей прорицанью.

Съ угольевъ снявши желудокъ, наполненный жиромъ и кровью,
 Подаль Лаэртву сыну его Антиной, и два хлѣба

¹²⁰Взявъ изъ корзины, принесъ ихъ ему Анфиномъ: онъ наполнилъ
 Кубокъ виномъ и сказалъ Одиссею, его поздравляя:
 Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! теперь нищетою
 Ты удрученъ; да пошлутъ наконецъ и тебѣ изобиліе
 Боги!—Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

¹²⁵Ты, Анфиномъ, благомыслящій юноша, вижу я; знатенъ
 Твой благородный отецъ, повсемѣстно молвою хвалимый,
 Низъ, уроженецъ Дулихія многобогатый; его ты

Сынъ, миѣ сказали; и самъ испыталъ я, сколь ты добродушенъ.
 Слушай же, другъ, и размысли, размысли о томъ, что услышишь:

¹³⁰Все на землѣ измѣняется, все скоротечно; всего же,
 Что ни цвѣтеть, ни живетъ на землѣ, человѣкъ скоротечнѣй;
 Онъ о возможной въ грядущемъ бѣдѣ не помыслить, покуда
 Счастьемъ боги лелѣютъ его и стоитъ на ногахъ онъ;
 Если жъ бѣду ниспошлутъ на него всемогущіе боги,

¹³⁵Онъ негодуетъ, но твердой душой неизбѣжное сноситъ:

Такъ суждено ужъ намъ всѣмъ, на землѣ обитающимъ людямъ,
 Что бъ ни послалъ намъ Кроніонъ, владыка безсмертныхъ и смертныхъ.
 Нѣкогда славенъ и я межъ людьми былъ великимъ богатствомъ;
 Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовалъ много

¹⁴⁰Я, на отца и возлюбленныхъ братьевъ своихъ полагаясь.

Горе тому, кто себѣ на землѣ позволяетъ неправду!

Должно въ смиреньи напротивъ дары отъ боговъ принимать намъ.

Видю, какъ здѣсь женихи, самовластно безчинствуя, губятъ
 Все достоянье царя и наносятъ обиды супругѣ

¹⁴⁵Мужа, который, я мыслю, недолго съ семьей и съ отчизной
 Будетъ въ разлукѣ. Онъ близко. О другъ, да хранительный Демонъ

Въ время въ домъ твой тебя уведеть, чтобъ ему на глаза ты
 Здѣсь не попался, когда возвратится въ отеческій домъ онъ.
 Здѣсь не пройдетъ безъ пролитія крови, когда съ женихами
¹⁵⁰Станетъ вести свой расчетъ онъ, вступя подъ домашнюю кровлю,—
 Такъ онъ сказалъ и вина золотого, свершивъ возліянье,
 Вышилъ, и кубокъ потомъ возвратилъ Анфиному. И тихимъ
 Шагомъ пошелъ Анфиномъ съ головой наклоненной, съ печалью
 Милого сердца, какъ будто предчувствіемъ бѣдствія полный:
¹⁵⁵Но не ушелъ отъ судьбы онъ; его оковала Паллада,
 Пасть отъ коня Телемакова вмѣстѣ съ другими назначивъ.
 Сѣлъ онъ на стулъ свой опять, къ женихамъ возвратяся безопасно.
 Тутъ свѣтлоокая дочь громовержца вложила желанье
 Въ грудь Пенелопы разумной супруги Лаэтова сына
¹⁶⁰Выдти, дабы, женихамъ показавшись, сильнѣйшимъ желаньемъ
 Сердце разжечь имъ, въ очахъ же супруга и милого сына
 Болѣ, чѣмъ прежде, явиться достойною ихъ уваженья.
 Такъ, улыбнуться уста приневоливъ, она Эвриномѣ
 Ключницѣ старой сказала: хочу я—чего не входило
¹⁶⁵Прежде мнѣ въ умъ—женихамъ ненавистнымъ мсимъ показаться;
 Также хочу и совѣтъ тамъ подать Телемаку, чтобъ болѣ
 Съ шайкою ихъ, многобуйныхъ грабителей, онъ не водился:
 Добры они на словахъ, но недобрыя мысли въ умѣ ихъ.—
 Ей Эвринома усердная ключница такъ отвѣчала:
¹⁷⁰То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ.
 Выдь къ нимъ и милому сыну подай откровенно совѣтъ свой.
 Прежде однако омойся, натри благовоннымъ елеемъ
 Щеки; тебѣ не годится съ лицомъ, безобразнымъ отъ плача,
 Къ нимъ выходить; красота увядаетъ отъ скорби всегдашней.
¹⁷⁵Сынъ же твой милый созрѣлъ, и тебѣ, какъ молила ты, боги
 Дали увидѣть его съ бородою разцвѣтшаго мужа.—
 Ключницѣ вѣрной отвѣтствуя, такъ Пенелопа сказала:
 Нѣтъ, никогда, Эвринома, для нихъ ненавистныхъ не буду
 Я омываться и щекъ натирать благовоннымъ елеемъ.
¹⁸⁰Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
 Въ самый тотъ часъ, какъ пошелъ Одиссей въ отдаленную Трою.
 Но позови Гипподамію, съ нею пускай Автоноя

Также придетъ, чтобъ меня проводить въ пировую палату:
 Къ нимъ не пойду я одна, то стыдливости женской противно.—
 185Такъ говорила царица. Поспѣшно пошла Эвринома
 Кликнуть обѣихъ служанокъ, чтобъ тотчасъ послать къ госпожѣ ихъ.
 Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ Аѳины Паллады:
 Сну мирноспу велѣла богиня сойти къ Пенелопѣ.
 Сонъ прилетѣлъ и ея улелѣялъ, и все въ ней утихло.
 190Въ креслахъ она неподвижно сидѣла; и ей усыпленной
 Все, чѣмъ плѣняются очи мужей, даровала богиня:
 Образъ ея просіялъ той красой несказанной, какою
 Въ пламенно-быстрой и въ сладостно-томной съ Харитами пляскѣ
 Образъ Киприды, вѣнкомъ благовоннымъ вѣнчанной, сіяетъ;
 195Стройный ея возвеличился станъ и все тѣло нѣжнѣе,
 Чище, свѣжей и блистательнѣй сдѣлалось кости слоновой.
 Такъ одаривши ее, удалилась богиня Аѳина.
 Но бѣлорукія обѣ рабыни, вбѣжавши поспѣшно
 Въ горницу, шумомъ нарушили сладостный сонъ Пенелопы.
 200Щеки руками съ просонья потерши, она имъ сказала:
 Какъ же я сладко заснула въ моемъ сокрушеньи! О, если бѣ
 Мнѣ и такую же сладкую смерть принесла Артемида
 Въ это мгновенье, чтобъ я непрерывной тоской перестала
 Жизнь сокрушать, все не вѣдая, гдѣ Одиссей, гдѣ супругъ мой,
 205Доблестью всякой украшенный, между ахеянъ славнѣйшій.—
 Кончивъ, по лѣстницѣ внизъ Пенелопа сошла; вслѣдъ за нею
 Обѣ служанки сошли; и она, божество красотою,
 Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
 Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
 210Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ
 [Справа и слѣва почтительно стали служанки]. Колѣна
 Ихъ задрожали при видѣ ея красоты, и сильнѣе
 Вспыхнуло въ каждомъ желаніе ложе ея раздѣлить съ ней.
 Сына къ себѣ подзвавши, его Пенелопа спросила:
 215Сынъ мой, скажи мнѣ, ты въ полномъ ли разумѣ? Въ возрастѣ
 Былъ ты умнѣй и приличіе всякое болѣе вѣдалъ. [дѣтскомъ
 Нынѣ жъ ты мужеской силы достигнулъ, и кто ни посмотритъ
 Здѣсь на тебя, чужеземецъ ли, здѣшній ли, каждый породу

Мужа великаго въ свѣтлой твоей красотѣ угадаетъ.

²²⁰Гдѣ же однако твой умъ? Ты совсѣмъ позабылъ сираведливость.

Дѣло безчинное здѣсь у тебя на глазахъ совершилось;

Этого странника въ домъ своемъ допустилъ ты обидѣть;

Что же? Когда чужеземецъ, довѣрчиво твой посѣтившій

Домъ, оскорбленный тамъ будетъ сидѣть, и ругаться имъ станетъ

²²⁵Всякій—постыдный упрекъ отъ людей на себя навлечешь ты.—

Матери такъ отвѣчала благомысленный сынъ Одиссеевъ:

Милая мать, твой упрекъ сираведливъ; на него не могу я

Сѣтовать. Нынѣ я все понимаю; и мнѣ ужъ не трудно

Зло отличать отъ добра; изъ ребячества вышелъ я, правда;

²³⁰Но не всегда и теперь удастся мнѣ лучшее выбрать:

Наши незваные гости приводятъ мой умъ въ безпорядокъ;

Злое одно замышляютъ они; у меня жъ руководца

Нѣтъ. Но сраженіе странника съ Иромъ не ихъ самовольствомъ

Было устроено; высшая здѣсь обнаружилась воля.

²³⁵Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонт! о Аѳна!

Всѣ женихи многобуйные въ нашей обители нынѣ,

Кто на дворѣ, кто во внутреннихъ дома покояхъ, сидѣли,

Головы свѣсивъ на грудь, всѣ избитые, такъ же, какъ этотъ

Пръ побродяга, теперь за воротами дома сидящій!

²⁴⁰Трепетной онъ головою мотаетъ, какъ пьяный; не можетъ

Прямо стоять на ногахъ, ни сидѣть, ни подняться, чтобъ въ домъ свой

Медленнымъ шагомъ добрестъ черезъ силу; совсѣмъ онъ изломанъ.—

Такъ про себя говорили они, отъ другихъ въ отдаленнн.

Тутъ, обратясь къ Пенелопѣ, сказалъ Эвримахъ благородный:

²⁴⁵О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,

Если бъ могли всѣ ахейцы Язійскаго Аргоса нынѣ

Видѣть тебя, жениховъ бы двойное число собралоса

Въ домѣ твоємъ пировать. Превосходишь ты всѣхъ земнородныхъ

Женъ красотой и возвышеннымъ станомъ и разумомъ свѣтлымъ.—

²⁵⁰Такъ говорилъ Эвримахъ. Пенелопа ему отвѣчала:

Нѣтъ, Эвримахъ, красоту я утратила волей безсмертныхъ

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобокихъ ахейцы

Въ Трою и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный.

Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся

²⁵⁵Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна.
 Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой Демонъ со мною.
 Въ самый тотъ часъ, какъ отчизну свою онъ готовъ былъ покинуть,
 Взявши за правую руку меня, онъ сказалъ на прощаньи:
 Думать не должно, чтобъ воинство мѣднообутыхъ ахеянъ
²⁶⁰Все безъ урона изъ Трои въ отчизну свою возвратилось;
 Слышно, что въ боѣ отважны троянскіе мужи, что копьа
 Мѣтко бросаютъ; въ стрѣляннн изъ лука зорки; искусно
 Грозно-летучими, часто сраженье межъ двухъ равносильныхъ
 Ратей рѣшащими разомъ, конями владѣютъ. Навѣрно
²⁶⁵Знать не могу я, позволить ли Дій возвратиться сюда мнѣ,
 Или погибель я въ Троѣ найду. На твое попеченье
 Все оставляю. Пекись объ отцѣ и объ матери милой
 Также усердно, какъ прежде, и даже усерднѣй: понеже
 Буду не здѣсь я; когда же нашъ сынъ возмужаетъ, ты замужъ
²⁷⁰Выдѣ, за кого пожелаешь и домъ нашъ покинь. На прощаньи
 Такъ говорилъ Одиссей мнѣ; и все ужъ исполнилось. Скоро,
 Скоро она, ненавистная ночь ненавистнаго сердцу
 Брака наступитъ для бѣдной меня, всѣхъ земныхъ утѣшеній
 Зевсомъ лишенной. На сердцѣ моемъ несказанное горе.
²⁷⁵Въ прежнее время обычай бывалъ, что когда начинали
 Свататься, знатнаго рода вдову иль богатую дѣву
 Выбравъ, одинъ предъ другимъ женихи отличиться старались;
 Въ домъ приводя къ нареченной невѣстѣ быковъ и барановъ,
 Тамъ угощали они всѣхъ друзей; и невѣсту дарили
²⁸⁰Щедро; чужое жъ имущество тратить безъ платы стыдились.—
 Кончила. Въ грудь Одиссея проникло веселье, понеже
 Было пріятно ему, что отъ нихъжелала подарковъ,
 Лстя имъ словами, душою же ихъ ненавидя, царица.
 Ей отвѣчая, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ надменный:
²⁸⁵О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
 Всякій подарокъ, тебѣ отъ твоихъ жениховъ подносимый,
 Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарятъ намъ.
 Мы же, ты знай, не пойдемъ отъ тебя ни домой, ни въ иное
 Мѣсто, пока ты изъ насъ по желанью не выберешь мужа.—
²⁹⁰Такъ говорилъ Антиной; согласились всѣ съ нимъ другіе.

Каждый потомъ за подаркомъ глашатая въ домъ свой отпавилъ.
 Посланный длинную мантию съ пестрымъ шитьемъ Антиною
 Подаль; двѣнадцать застежекъ ее золотыхъ украшали, [жалъ онъ
 Каждая съ гибкимъ крючкомъ, чтобъ въ кольцо задѣваясь, дер-
²⁹⁵Мантию. Цѣпь изъ обдѣланныхъ въ золото съ чуднымъ искусствомъ,
 Свѣтлыхъ какъ солнце, большихъ янтарей принесли Эвримаху.
 Серьги—изъ трехъ, съ шелковичной пурпурною ягодой сходныхъ
 Шариковъ каждая—подаль проворный слуга Эвридаму;
 Былъ молодому Пизандру, Поликтора умнаго сыну,
³⁰⁰Женскій уборъ принесенъ, ожерелье богатое; столь же
 Были нескупы и прочіе всѣ на подарки. Принявъ ихъ,
 Вверхъ по ступенямъ высокимъ обратно пошла Пенелопа.
 Съ ней удалились, подарки неся, и младыя рабыни.
 Тѣ же, опять обратившись къ пляскѣ и сладкому пѣнью,
³⁰⁵Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи; когда же
 Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,
 Три по срединѣ палаты поставивъ жаровни, наклали
 Много полѣньевъ туда, изощренной нарубленныхъ мѣдью,
 Мелкихъ, сухихъ, и лучиною тонкой зажгли ихъ, смолистыхъ
³¹⁰Факеловъ къ нимъ подложивши. Смотрѣтъ за огнемъ попередно
 Были должны Одиссева дома рабыни. И съ ними
 Такъ говорить Одиссей хитромысленный началъ: подите,
 Вы, Одиссева дома рабыни, отсюда въ покои
 Вашей царицы, Икарія дочери многоразумной;
³¹⁵Сядьте съ ней, тонкія нити сучите, и волну руками
 Дергайте, горе ея развлекая своимъ разговоромъ.
 Я же останусь смотрѣтъ за огнемъ, и свѣтло здѣсь въ палатѣ
 Будеть, хотя бы они до утра пировать здѣсь остались;
 Имъ не удастся меня утомить; я терпѣтъ научился.—
³²⁰Такъ говорилъ онъ. Рабыни одна на другую взглянули
 Съ громкимъ смѣхомъ; и грубо ему отвѣчала Меланто,
 Дочь Доліона [ее воспитала сама Пенелопа
 Съ дѣтства, и много игрушекъ и всякихъ ей лакомствъ давала;
 Сердце жъ ея нечувствительно было къ печалямъ царицы;
³²⁵Тайно любовный союзъ съ Эвримахомъ она заключила];
 Такъ отвѣчала она Одиссею ругательнымъ словомъ:

Видно совсѣмъ потерялъ ты разсудокъ, бродяга; не хочешь
 Видно искать ты ночлега на кузницѣ, или въ закутѣ,
 Или въ шинкѣ, здѣсь конечно пріютнѣй тебѣ; на слова ты
³³⁰Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ господъ; и душою не робокъ;
 Знать отъ вина помутился твой умъ, иль быть можетъ такой ужъ
 Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать, иль осиливъ
 Бѣднаго Ира, такъ поднялъ ты носъ—берегися однако;
 Можетъ съ тобою здѣсь встрѣтиться ктонибудь Ира сильнѣе:
³³⁵Зубы твои всѣ своимъ кулакомъ онъ желѣзнымъ повибьетъ;
 Вытолкнуть въ дверь по затылку имъ будешь ты, кровью облитый.—
 Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Я на тебя Телемаку пожалуюсь, злая собака;
 Въ мелкія части болтуню тебя искрошится онъ прикажетъ.—
³⁴⁰Слово его испугало рабынь; и онѣ во мгновенье
 Всѣ изъ палаты ушли; ихъ колѣна дрожали отъ страха;
 Думали всѣ, что на дѣлѣ исполнится то, что сказалъ имъ
 Странникъ. А онъ у жаровень стоялъ, наблюдая, чтобъ ярче
 Пламя горѣло; и глазъ не сводилъ съ жениховъ, имъ готова
³⁴⁵Мыслию все, что потомъ и на самомъ исполнилось дѣлѣ.
 Тою порой жениховъ и Аѳина сама возбуждала
 Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорѣлось сильнѣе
 Мщеніе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэртова сына.
 Такъ говоритъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ [обидѣтъ
³⁵⁰Словомъ своимъ Одиссея, другихъ разсмѣшивши, хотѣлъ онъ]:
 Слухъ вашъ склоните ко мнѣ, женихи Пенелопы, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
 Этотъ нашъ гость безъ сомнѣнія Демономъ посланъ, чтобъ было
 Намъ за трапезой свѣтлѣй; не отъ факеловъ такъ все сіяетъ
³⁵⁵Здѣсь, но отъ плѣши его, на которой нѣтъ волоса болѣ.—
 Такъ онъ сказалъ и потомъ, обратясь къ Одиссею, примолвилъ:
 Странникъ, ты вѣрно поденьщикомъ будешь согласенъ наняться
 Въ службу мою, чтобъ работать за плату хорошую въ полѣ,
 Рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя;
³⁶⁰Круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обильную пищу,
 Всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь.
 Думаю только, что будешь худой ты работникъ, привыкнувъ

Къ лѣни, безъ дѣла бродя и мірскимъ подаяннемъ питаюсь:
 Даромъ свой жадный желудокъ кормить для тебя веселѣе.—
³⁶⁵Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Если бъ съ тобой, Эвримахъ, привелось мнѣ поспорить работой,
 Если бъ весною, когда продолжительнѣй быть начинаютъ
 Дни, по косѣ одинаково острой обоимъ намъ дали
 Въ руки, чтобъ вмѣстѣ работая съ самаго ранняго утра
³⁷⁰Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
 Или когда бы, запрягши намъ въ плугъ двухъ быковъ круторогихъ,
 Огненныхъ, рослыхъ, откормленныхъ тучной травою, могучей
 Силою равныхъ, равно молодыхъ, равно работающихъ,
 Дали четыре намъ поле вспахать для посѣва, тогда бы
³⁷⁵Самъ ты увидѣлъ, какъ быстро бы въ длинныя борозды плугъ мой
 Поле изрѣзалъ. А если бъ войну запалилъ здѣсь Кроніонъ
 Зевсъ и мнѣ дали бы щитъ, два копья мѣдноострыхъ и мѣдный
 Кованый шлемъ, чтобъ моею головѣ былъ надежной защитой,
 Первымъ въ сраженіи меня ты тогда бы увидѣлъ; тогда бы
³⁸⁰Мнѣ ты не сталъ попрекать ненасытностью жадной желудка;
 Но человекъ ты надменный; твое неприязненно сердце;
 Самъ же себя, Эвримахъ, ты считаешь великимъ и сильнымъ
 Лишь потому, что находишься въ обществѣ низкихъ и слабыхъ.
 Если бъ однако, нежданый никѣмъ, Одиссей вамъ явился—
³⁸⁵Сколь ни просторная плотникомъ сдѣлана дверь здѣсь, она бы
 Узкой тебѣ, неоглядкой бѣгущему, вдругъ показала.—
 Онъ замолчалъ. Эвримахъ, разсердясь, на него изъ подлобья
 Грозно очами сверкнулъ и слово крылатое бросилъ:
 Вотъ погоди, я съ тобою раздѣлаюсь, грязный бродяга:
³⁹⁰Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ господъ и не робокъ душой ты;
 Видно вино помутило твой умъ, иль быть можетъ такой ужъ
 Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать, иль осиливъ
 Бѣднаго Пра, такъ сдѣлался гордъ—берегися однако.—
 Такъ онъ сказалъ и скамейку схватилъ, чтобъ пустить въ Одиссея;
³⁹⁵Но Одиссей, отскочивши, къ колѣнамъ припалъ Анфинома;
 Мимо его прошумѣвъ, виночерпія сильно скамейка
 Въ правую треснула руку, и чаша въ ней бывшая на полъ
 Грянулась; тотъ, опрокинутый, навзничъ упалъ, застонавши.

Начали громко шумѣть женихи въ потемнѣвшей палатѣ;
⁴⁰⁰Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:
 Лучше бы было, когда бъ до прихода къ намъ этотъ незванный
 Гость на дорогѣ издохъ, не завелъ бы у насъ онъ такого
 Шума. Теперь мы за нищаго ссоримся; пиръ нашъ испорченъ;
 Кто при великомъ раздорѣ такомъ веселиться захочетъ?—
⁴⁰⁵Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая:
 Буйные люди, вы всѣ помѣшались; не можете болѣ
 Скрыть вы, что хмѣль обуялъ васъ. Знать Демонъ какой поджигаетъ
 Всѣхъ на раздоръ; пировали довольно вы, спать ужъ пора вамъ;
 Можетъ, кто хочетъ, уйти; принуждать никого я не буду.—
⁴¹⁰Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
 Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
 Тутъ, обратясь къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный,
 Низовъ блистательный сынъ, отъ Аретовой царственной крови:
 Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое
⁴¹⁵Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ; не трогайте болѣ
 Старога странника; также оставьте въ покоѣ и прочихъ
 Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртова славнаго сына.
 Пусть виночерпій опять намъ наполнить виномъ благовоннымъ
 Кубки, чтобъ мы, возліявъ, на покой по домамъ разошлись;
⁴²⁰Странника жъ здѣсь ночевать въ Одиссеевомъ домѣ оставимъ,
 На руки сдавъ Телемаку: онъ гость Телемакова дома.—
 Такъ Анфиномъ говорилъ, и понравилось всѣмъ, что сказалъ онъ.
 Тутъ Муліонъ, дуликійскій глашатай, слуга Анфиномовъ,
 Мужъ благородной породы, вина намѣшавши въ кратеры,
⁴²⁵Кубки наполнилъ до края и подаль гостямъ; совершивши
 Имъ возліянье блаженнымъ богамъ; осушили всѣ кубки
 Гости; когда жъ, совершивъ возліянье, виномъ насладились
 Вдоволь они, всѣ пошли по домамъ, чтобъ предаться покою.

ПѢСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ВЕЧЕРЬ ТРИДЦАТЬ ОСЬМАГО ДНЯ.

Одиссей вмѣстѣ съ Телемакомъ выносить оружія изъ столовой, потомъ остается одинъ. Меланто снова его оскорбляетъ. Онъ рассказываетъ Пенелопѣ вымышленную о себѣ повѣсть и увѣряетъ ее, что Одиссей скоро возвратится въ домъ свой.

Эвриклея узнаеть его по рубцу на ногѣ; онъ повелѣваетъ ей молчать. Пенелопа рассказываетъ ему сонъ свой, потомъ говоритъ, что отдастъ руку свою тому изъ жениховъ, который побѣдитъ другихъ стрѣльбою изъ Одиссеева лука; наконецъ Пенелопа удаляется.

Всѣ разошлись; одинъ Одиссей въ опустѣвшей палатѣ

Смерть замышлять женихамъ совокупно съ Аѳиной остался.

Съ нимъ Телемакъ; и сказалъ онъ, къ нему обратясь: мой милый Сынъ, напередъ надлежитъ всѣ оружія вынести отсюда.

⁵Если жъ, примѣтивъ, что нѣтъ ужъ въ палатѣ какъ прежде оружій,

Спросятъ о нихъ женихи, ты тогда отвѣчай имъ: въ палатѣ

Дымно; ужъ сдѣлались вовсе они не такія, какими

Здѣсь ихъ отецъ Одиссей при отбытіи въ Трою покинулъ:

Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти смрадной покрылись.

¹⁰Также и вышую въ сердце вложилъ мнѣ Зевесъ осторожность:

Можетъ межъ вами отъ хмѣля вражда загорѣться лихая;

Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится—

Само собой прилипаетъ къ рукѣ роковое желѣзо.—

Такъ онъ сказалъ. Телемакъ, повинувся родителя волѣ,

¹⁵Кликнувъ старушку, усердную няню свою Эвриклею;

Няня, сказалъ онъ, смотри, чтобъ служанки сюда не входили

Прежде, покуда наверхъ не отнесъ я отцовыхъ оружій;

Здѣсь безъ присмотра они; всѣ испорчены дымомъ; отца же

Нѣтъ. Я донинѣ ребенокъ безсмысленный былъ, но теперъ я

²⁰Знаю, что должно отнести ихъ туда гдѣ не можетъ ихъ портить

Копоть.—Сказалъ. Эвриклея старушка ему отвѣчала:

Дѣльно! пора, мой прекрасный, за разумъ приняться и дома

Быть господиномъ, и знать обходиться съ отцовымъ богатствомъ.

Кто же, когда покидать не велишь ты служанкамъ ихъ горницъ,

²⁵Факеломъ будетъ зажженнымъ тебѣ здѣсь свѣтить за работой?—

Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Этотъ старикъ; не трудясь, никто, и хотя бъ онъ чужой былъ,

Въ домѣ моемъ, получая нашъ кормъ, оставаться не долженъ.—

Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклея его пролетѣло

³⁰Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки, замкнула

Тотчасъ она. Одиссей съ Телемакомъ тогда принялся

Мѣднѣ съ гребнями племы, съ горбами щиты, съ остріями

Длинными копыя на верхъ выносить; и Афина Паллада
Имъ невидимо, держа золотую лампаду, свѣтила.

³⁵Тѣмъ изумленный, сказалъ Телемакъ Одиссею: родитель,

Въ нашихъ очахъ происходитъ великое, думаю, чудо;

Гладкія стѣны палаты, сосновые средніе брусья,

Всѣ потолка перекладыны, всѣ здѣсь колонны такъ ясно [гомъ ихъ—

Видны глазамъ, такъ блистаютъ, какъ будто бь пожаръ былъ кру-

⁴⁰Видно здѣсь кто изъ боговъ Олимійскихъ присутствуетъ тайно.—

Такъ онъ спросилъ; отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный

Сыну: молчи, ни о чемъ не спрашивай, бояся и мыслить:

Боги, владыки Олимпа, такой ужъ имѣютъ обычай.

Время тебѣ на покой удалиться, а я здѣсь останусь:

⁴⁵Видѣть хочу поведеніе служанокъ; хочу въ Пенелопѣ

Сердце встревожить, чтобъ, плача, меня обо всемъ спросила.—

Такъ онъ сказалъ. Телемакъ изъ палаты немедленно вышелъ;

Факель зажженный неся, онъ пошелъ въ тотъ покой почивальный,

Гдѣ по ночамъ миротворному сну предавался обычно.

⁵⁰Въ спальню пришедши, онъ легъ и заснулъ въ ожиданьи денницы.

Тою порою одинъ Одиссей въ опустѣвшей палатѣ

Смерть замыслить женихамъ совокупно съ Палладой остался.

Вышла разумная тутъ изъ покоевъ своихъ Пенелопа,

Свѣтлымъ лицомъ съ золотой Афродитой, съ молодой Артемидой

⁵⁵Сходная. Сѣсть ей къ огню пододвинули стулъ, изъ слоновой

Кости точеный, съ оправой серебряной, чудной работы

Икмаліона [для ногъ и скамейку придѣлалъ художникъ

Къ дивному стулу]. Онъ мягкоширокой покрытъ былъ овчиной.

Многоразумная сѣла на стулъ Пенелопа. Вступивши

⁶⁰Съ ней бѣлорукія царскаго дома служанки въ палату,

Начали всѣ убирать тамъ столы съ недоѣденнымъ хлѣбомъ,

Кубки и множество чашъ, изъ которыхъ надменные гости

Пили; и выбросивъ на полъ золу изъ жаровень, наклали

Новыхъ полѣньевъ туда, чтобъ нагрѣлась палата и былъ въ ней

⁶⁵Свѣтъ. А Меланто опять привязалась ругать Одиссея:

Здѣсь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя

Дать намъ, бродя здѣсь какъ стѣнь, чтобъ подмѣтить, чтѣ въ домѣ

Дѣлаютъ. Вонъ! говорю я тебѣ, побродяга; наѣлся [служанки

Здѣсь ты довольно! уйди, иль швырну я въ тебя головнею.—

⁷⁰Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей хитроумный:

Что жъ такъ неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?

Или противно тебѣ, что въ грязи я, что въ рубищѣ бѣдномъ

По міру ходя, прошу подавня? Что жъ дѣлать? Я нищій.

Жребій такой ужъ намъ всѣмъ безотрадно бродящимъ скитальцамъ.

⁷³Въ прежніе дни я и самъ межъ людьми не совсѣмъ безпріютно

Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владѣлъ, и доступенъ

Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;

Много имѣлъ я невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно

Люди живутъ, и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.

⁸⁴Все уничтожилъ Кроніонъ—такъ было ему то угодно.

Ты, безразсудная, также [кто знаетъ, какъ скоро!] утратишь

Всю красоту молодую, которою такъ здѣсь гордишься;

Станешь тогда ты противна своей госпожѣ; да и можетъ

Самъ Одиссей возвратиться—надежда не вовсе пропала;

⁸⁵Если же онъ и погибъ, и возврата лишень, то еще здѣсь

Сынъ Одиссеевъ, младой Телемакъ, Аполлоновъ питомецъ,

Здравствуетъ; знаетъ онъ все поведеніе служанокъ домашнихъ,

Скрыться не можетъ ничто отъ него; онъ изъ дѣтства ужъ вышелъ.—

Такъ онъ сказалъ. Пенелопа, услышавъ разумное слово,

⁹⁰Рѣчь обратила свою раздраженная къ дерзкой служанкѣ:

Ты, какъ собака, безстыдница, злишься; меня жъ не обманешь—

Знаю твое поведеніе; за все головою заплатишь.

Развѣ не слышала ты, какъ сюда пригласить я велѣла

Этого странника, мысля, что можетъ сказать мнѣ какую

⁹⁵Вѣсть о супругѣ моемъ, о которомъ давно такъ я плачу?—

Тутъ, обратясь къ Эвриномѣ, сказала она: Эвринома,

Стулъ пододвижь поскорѣе, покрытый овчиною мягкой;

Должно, чтобъ здѣсь иноземецъ покойно сидѣлъ, и свои намъ

Всѣ рассказалъ приключенья, и мнѣ отвѣчалъ на вопросы.—

¹⁰⁰Такъ говорила она. Эвринома немедленно гладкій

Стулъ принесла и покрыла его густошерстной овчиной;

Сѣсть приглашень былъ на стулъ Одиссей богоравный женою.

Такъ, обратясь къ нему, начала говорить Пенелопа:

Странникъ, сначала тебя я сама вопрошу, отвѣчай мнѣ:

¹⁰⁵Кто ты, мой добрый старикъ? Кто отецъ твой? Кто мать? Гдѣ ро-
Такъ, отвѣчая, сказала Одиссей, въ испытаніяхъ твердый: [дился?—

О царица, повсюду и всѣ на землѣ безпредѣльной
Люди тебя превозносятъ, ты славой до неба достигла;

Ты уподобиться можешь царю безпорочному; страха

¹¹⁰Божія полный, и многихъ людей повелитель могучій,
Правду творить онъ; въ его областяхъ изобильно родится
Рожь и ячмень и пшено, тяготѣютъ плодами дерева,
Множится скотъ на поляхъ, и кипятъ многорыбіемъ воды;

Праведно властвуетъ онъ и его благоденствуютъ люди.

¹¹⁵Ты же, царица, меня вопрошай обо всемъ; не касайся

Только отчизны моей и семьи и семейнаго дома:

Горе мнѣ душу глубоко проникнетъ, когда говорить здѣсь
Буду, о нихъ вспоминая; страдалъ я немало. Въ чужомъ же
Домѣ, въ бесѣдѣ съ людьми предаваться слезамъ неприлично.

¹²⁰Слезы напрасны: бѣдамъ не приносятъ онѣ изцѣленья.

Можетъ притомъ и на мысли придти здѣсь рабынямъ, сама ты
Можешь подумать, что слезы отъ хмѣля мои происходятъ.—

Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица:

Странникъ, мою красоту я утратила волей безсмертныхъ [ахейцы

¹²⁵Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобокихъ.

Въ Трою и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный.

Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся

Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна;

Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой Демонъ со мною.

¹³⁰Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,

Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закинеа,

Первые люди утесистой, солнечносвѣтлой Итаки,

Нудятъ упорно ко браку меня, и нашъ домъ разоряютъ;

Мнѣ жъ не по сердцу никто; ни просящій защиты, ни странникъ,

¹³⁵Ниже глашатай служитель народа; одинъ есть, желанный

Мной—Одиссей, лишь его неотступное требуетъ сердце.

Тѣ же твердятъ непрестанно о бракѣ; прибѣгнуть къ обману

Я попыталась однажды; и Демонъ меня надуомилъ

Стань превеликій поставитъ въ покояхъ моихъ; начала я

¹⁴⁰Тонкоширокую ткань и, собравъ жениховъ, имъ сказала:

Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ.
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
¹⁴⁵Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова.
Такъ я сказала; они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
Цѣлый я день за тканьемъ проводила; а ночью, зажегли
¹⁵⁰Факель, сама все натканное днемъ распускала. Три года
Длилася хитрость удачно и я убѣждать ихъ умѣла.
Но когда, обращенъ время приведенный, четвертый
Годъ совершился, промчались мѣсяцы, дни пролетѣли—
Все имъ открыла одна изъ служанокъ, лихая собака;
¹⁵⁵Сами они тутъ застали меня за распущенной тканью:
Такъ и была приневолена ими я трудъ мой окончить.
Способа нѣтъ ужъ теперь избѣжать мнѣ отъ гнуснаго брака;
Хитрости новой на умъ не приходитъ; меня всѣ родные
Нудятъ къ замужству; и сынъ огорчается, видя, какъ домъ нашъ
¹⁶⁰Грабятъ; а онъ ужъ созрѣлъ и теперь за хозяйствомъ способенъ.
Самъ наблюдать, и къ нему уваженъ Зевесъ пробуждаетъ
Въ людяхъ. Скажи жъ откровенно мнѣ кто ты? Ужъ вѣрно не отрасль
Славнаго въ древности дуба, не камень отъ груди утеса.—
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
¹⁶⁵О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Вижу, что ты о породѣ моей неотступно желаешь
Свѣдать. Я все расскажу, хоть печаль и усилить рассказъ мой
Въ сердцѣ моемъ. Такъ бываетъ со всякимъ, кто долго въ разлукѣ
Съ милой семьей, сокрушенный какъ я, межъ людей земнородныхъ
¹⁷⁰Странствуетъ, ихъ посѣщая обители, самъ безпріютный.
Но отвѣчать на вопросы твои я съ охотою буду.
Островъ есть Критъ посреди виноцвѣтнаго моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Тамъ девяносто они городовъ населяютъ великихъ.
¹⁷⁵Разные слышатся тамъ языки: тамъ находишь ахейцъ,
Съ первоплеменной породой воинственныхъ критянь; кидоны

Тамъ обитають, дорійцы кудрявые, племя пеласговъ,
 Въ городѣ Гноссѣ живущихъ. Едва девяти лѣтъ достигнувъ,
 Тамъ ужъ царемъ былъ Минось, собесѣдникъ Кроніона мудрый,
¹⁸⁰Дѣдъ мой, родитель великаго Девкаліона, который
 Идоменея родилъ и меня. Въ кораблѣ крутоносомъ
 Идоменей, многославный мой братъ, въ отдаленную Трою
 Поплылъ съ Атридомъ; мое жъ знаменитое имя Антонъ;
 Послѣ него родился я; онъ старшій и властью сильнѣйшій.
¹⁸³Въ Критѣ гостилъ Одиссей; и онъ мною, какъ гость, одаренъ былъ.
 Въ Критъ же его занесло буреносною силою вѣтра:
 Въ Трою плывя и у мыса Маллеи застигнутый бурей,
 Въ устьѣ Амизія ввелъ онъ свой быстрый корабль и въ опасной
 Пристани сталъ близъ скалы Элеѣйской, богами спасенный.
¹⁹⁰Къ Идоменею онъ въ городъ пришелъ, утверждая, что гостемъ
 Былъ онъ царю, что его почиталъ и любилъ несказанно. [плылъ
 Но ужъ дней десять прошло иль одиннадцать съ тѣхъ поръ, какъ по-
 Царь въ корабляхъ крутоносныхъ въ Троянскую землю. Я принялъ
 Въмѣсто царя во дворцѣ Одиссея, и мной угощенъ былъ
¹⁹⁵Онъ дружелюбно съ великою роскошью: было запасовъ
 Много у насъ; и сопутники всѣ Одиссеевы хлѣбомъ,
 Собраннымъ съ міра, и огненноцвѣтнымъ виномъ и прекраснымъ
 Мясомъ быковъ угощаемы досыта были: двѣнадцать
 Дней провели богоравные люди ахейскіе съ нами:
²⁰⁰Въ море идти не пустилъ ихъ Борей, бушевавшій съ такою
 Силою, что было нельзя на ногахъ устоять и на сушѣ;
 Демонъ его разъярилъ; на тринадцатый день онъ утихнулъ.
 Въ море пустились они.—Такъ неправду за чистую правду
 Онъ выдавалъ имъ. И слезы изъ глазъ ихъ лилися; какъ таетъ
²⁰⁵Снѣгъ на вершинахъ высокихъ, заоблачныхъ горъ, теплоноснымъ
 Эвромъ согрѣтый и прежде туда нанесенный Зефиромъ—
 Имъ же, растаяннымъ, рѣки полнѣютъ и льются быстрѣе—
 Такъ по щекамъ Пенелопы прекраснымъ струею лилися
 Слезы печали о миломъ, предъ нею сидѣвшемъ супругѣ.
²¹⁰Онъ же, глубоко проникнутый горькимъ ея сокрушенъемъ
 [Очи свои, какъ желѣзо иль рогъ неподвижные, крѣпко
 Въ темныхъ рѣсницахъ сковавъ, и въ нее ихъ вперивъ, не мигая],

Воли слезамъ не давалъ. И насытятся горестнымъ плачемъ,
Такъ напоследокъ ему начала говорить Пенелопа:

²¹⁵Странникъ, я способъ имѣю, тебя испытанью подвергнуть,
Вывѣдать, подлинно ль ты Одиссея и спутниковъ, бывшихъ
Съ нимъ, угощаль тамъ въ палатахъ царя, какъ теперь увѣряешь.
Можешь ли мнѣ описать ты, какое въ то время носилъ онъ
Платье, каковъ онъ былъ видомъ, и кто съ нимъ сопутники были?—

²²⁰Ей отвѣчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Трудно отвѣтствовать мнѣ на вопросъ твой, царица; ужъ много
Времени съ этой поры протекло, и тому ужъ двадцатый
Годъ, какъ мою посѣтивши отчизну, супругъ твой пустился
Въ море; но то, что осталось въ памяти, вамъ расскажу я:

²²⁵Въ мантию былъ шерстяную, пурпурнаго цвѣта, двойную
Онъ облеченъ; золотою прекрасной съ двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастеръ на бляхѣ искусно
Грознаго пса и въ могучихъ когтяхъ у него молодую
Лань изваялъ; какъ живая, она трепетала; и страшно

²³⁰Песъ на нее разъяренный глядѣлъ, и изъ лапъ порываясь
Выдраться, билась ногами она: въ изумленье та бляха
Всѣхъ приводила. Хитонъ, я примѣтилъ, носилъ онъ изъ чудной
Ткани, какъ плѣнка съ головки сушенаго снятая лука,
Тонкой и свѣтлой, какъ яркое солнце; всѣ женщины, видя

²³⁵Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же—замѣть ты—не вѣдаю, гдѣ онъ такую одежду
Взялъ? Надѣвалъ ли ужъ дома ее до отбытія въ Трою?
Въ даръ ли ее получилъ отъ кого изъ своихъ при отъѣздѣ?

Взялъ ли въ подарокъ прощальный, какъ гость? Одиссея любили

²⁴⁰Многіе люди; сравниться же мало могло съ нимъ ахеянъ.
Мечъ мѣдноострый, двойную пурпурную мантию, съ тонкимъ,
Спитымъ по мѣркѣ хитономъ ему подаривъ на прощаньи,
Съ почестью въ путь проводилъ я его въ кораблѣ крѣпкозданномъ.
Съ нимъ находилъ глашатай; немного постарѣ годами

²⁴⁵Былъ онъ; его и теперь описать вамъ могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на тѣлѣ;
Звали его Эвридамомъ; его всѣхъ товарищей болѣ

Чтилъ Одиссей, поелику онъ вѣдалъ, сколь былъ онъ разуменъ.—

Такъ говорилъ онъ. Усилилось горе въ душѣ Пенелопы:

²⁵⁰Всѣ Одиссеевы признаки ей описалъ онъ подробно.

Горестнымъ плачемъ о миломъ, далекомъ супругѣ насытятся,

Такъ напоследокъ опять начала говорить Пенелопы:

Странникъ, до сихъ поръ одно сожалѣнье къ тебѣ я имѣла—

Будешь отнынѣ у насъ ты любимъ и почтенъ несказанно.

²⁵⁵Платье, которое мнѣ описалъ ты, сама я сложила

Въ складки, доставъ изъ ларца, и ему подала, золотую

Бляхой украсивъ. И мнѣ ужъ его никогда здѣсь не встрѣтить

Въ домѣ семейномъ, въ отечествѣ миломъ! зачѣмъ онъ, зачѣмъ онъ

Насъ покидалъ! непріязненный Демонъ его съ кораблями

²⁶⁰Въ море увелъ, къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Пліона.—

Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:

О многоумная старца Икарія дочь Пенелопы,

Нѣжной своей красоты не губи сокрушеньемъ, не сѣтуй

Такъ безутѣшно о миломъ супругѣ. Тебя укорять я

²⁶⁵Въ этомъ не буду: нельзя не крушиться женѣ объ утратѣ

Сердцемъ избраннаго мужа, съ которымъ въ любви родились ей

Дѣти; красой же богамъ Одиссей, говорятъ, былъ подобенъ.

Ты успокойся однако и выслушай то, что скажу я:

Правду одну я скажу, ничего отъ тебя не скрывая,

²⁷⁰Все объявивъ, что узналъ о прибытіи къ вамъ Одиссея

Въ области тучной ѳеспротовъ, отъ здѣшнихъ береговъ недалёкой.

Живъ онъ; и много везетъ на своемъ кораблѣ къ вамъ сокровищъ,

Собранныхъ имъ отъ различныхъ народовъ; но спутниковъ вѣрныхъ

Всѣхъ онъ утратилъ; его крутобокий корабль, виноцвѣтнымъ

²⁷⁵Моремъ отъ знойной Тринакріи плившій, Зевесъ и блестящій

Геліосъ громомъ разбили своимъ за пожранье священныхъ,

Солнцу любезныхъ быковъ—всѣ погибли въ волнахъ святотатцы.

Онъ же, схватившій оторванный киль корабля, былъ на островъ

Выброшенъ, гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійцы;

²⁸⁰Почесть ему оказали они, какъ безсмертному богу;

Щедры его одарили и даже сюда безопасно

Сами хотѣли его проводить. И давно бъ ужъ въ Итакѣ

Былъ онъ; но здраво размысливши, онъ убѣдился, что прежде

Разныя земли ему для скопленья богатствъ надлежало

²⁸³Видѣть. Никто изъ людей земнородныхъ не могъ съ нимъ сравниться
Въ знаніи выгодъ своихъ и въ расчетливомъ, тонкомъ разсудкѣ—

Такъ говорилъ мнѣ о немъ царь Федонъ благодушный, который
Послѣ, безсмертнымъ богамъ совершивъ возліянье, поклялся

Мнѣ, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди

²⁹⁰Въ милую землю отцовъ проводить Одиссея; меня же

Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ

Быль для оеспротовъ, въ Дулихій обильный пшеницею шедшихъ;

Мнѣ и богатство, какое скопиль Одиссей, показалъ онъ.

Даже и внукамъ въ десятомъ колѣнѣ достанется много—

²⁹⁵Столько добра имъ оставлено было царю въ сохраненье.

Самъ же, сказали, пошелъ онъ въ Додону затѣмъ, чтобъ оракулъ

Темносѣнистаго Діева дуба его научилъ тамъ,

Какъ по отсутствіи долгомъ въ отчизну, въ желанную землю

Милой Итаки ему возвратиться удобнѣе будетъ.

³⁰⁰Живъ онъ, ты видишь сама; и конечно здѣсь явится скоро;

Вѣрно теперь и отъ милыхъ своихъ и отъ родины свѣтлой

Онъ недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;

Зевсомъ, метателемъ грома, отцомъ и владыкой безсмертныхъ,

Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуса

³⁰⁵Вамъ, что навѣрно и скоро исполнится то, что сказалъ я.

Прежде, чѣмъ солнце окончитъ свой кругъ, Одиссей возвратится;

Прежде, чѣмъ мѣсяцъ наставшій смѣненъ наступающимъ будетъ,

Вступитъ онъ въ домъ свой.—Ему отвѣчая, сказала царица:

Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,

³¹⁰Будешь отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ, и дарами осыпанъ

Столь изобильно, что счастьемъ такому всѣ будутъ дивиться.

Мнѣ жъ не то предвѣщаетъ мое сокрушенное сердце:

Нѣтъ! и сюда Одиссей не придетъ, и тебя не отправимъ

Въ путь мы отсюда: недобрые люди здѣсь властвуютъ въ домѣ;

³¹⁵Здѣсь никого не найдется такого, каковъ Одиссей былъ,

Странниковъ всѣхъ угощавшій, и всѣмъ на прощаньи дарившій

Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,

Мантіей теплою покрытую, здѣсь приготовьте, чтобъ могъ онъ

Спать не озябнувъ, до первыхъ лучей златотронной денницы.

³²⁰Завтра жъ поутру его вы, въ купальнѣ омывши, елеемъ

Чистымъ натрите, дабы онъ опрятный за столъ съ Телемакомъ
 Съль и съ гостями обѣдалъ. И горе тому, кто обидѣтъ
 Вновь покусится его непристойно; ему никакого
 Мѣста впередъ здѣсь не будетъ, хотя бъ онъ и сильно озлился.
³²⁵Иначе, странникъ, повѣришь ли ты, чтобъ хоть мало отъ прочихъ
 Женъ я возвышеннымъ духомъ и свѣтлымъ умомъ отличалась,
 Если я грязнымъ тебя и нечисто одѣтымъ за столъ нашь
 Състь допущу? Намъ не надолго жизнь достается на свѣтѣ;
 Кто здѣсь и самъ безъ любви, и въ поступкахъ любви не являетъ,
³³⁰Тотъ ненавистенъ, пока на землѣ онъ живетъ, и желаютъ
 Зла ему люди; отъ нихъ поносимъ онъ нещадно и мертвый;
 Кто жъ, безпорочный душой, и въ поступкахъ своихъ безпороченъ—
 Имя его, съ похвалою по землѣ разносимое, славятъ
 Всѣ племена и народы, всѣ добрымъ его величаютъ.—
³³⁵Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
 О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
 Теплая мантия мнѣ и роскошное ложе противны
 Съ тѣхъ поръ, какъ Крита широкаго снѣгомъ покрытыя горы,
 Въ длинновесельномъ плывя кораблѣ, изъ очей потерялъ я.
³⁴⁰Дай мнѣ здѣсь спать, какъ давно ужъ привыкъ я, на жесткой
 Много, много ночей провалялся въ бессоницѣ тяжелой [постели.
 Я, ожидая пришествія златопрестольной денницы;
 Также и ногъ омовеніе мнѣ не по сердцу; по крайней
 Мѣрѣ къ моимъ прикоснуться ногамъ ни одной не позволю
³⁴⁵Я изъ рабынь молодыхъ, въ Одиссеевомъ домѣ служащихъ,
 Нѣтъ ли старушки, любящей заботливо службу и много
 Въ жизни, какъ самъ я, и зла и добра испытавшей? Охотно
 Ей прикоснуться къ моимъ съ омовеньемъ ногамъ я дозволю.—
 Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица:
³⁵⁰Странникъ, не мало до сихъ поръ гостей къ намъ изъ ближнихъ, изъ
 Странъ приходило—умнѣй же тебя никого не случилось [дальнихъ
 Встрѣтить мнѣ; рѣчи твои всѣ весьма разсудительны. Есть здѣсь
 Въ домѣ старушка, совѣтница умная, полная добрыхъ
 Мыслей; за нимъ злополучнымъ ходила она; онъ былъ ею
³⁵⁵Выкормленъ, ею въ минуту рожденья на руки принять.
 Ей, хоть она и слаба, о тебѣ поручу я заботу;

Встань, Эвриклея, моя дорогая разумница; вымой
 Ноги ему, твоего господина ровеснику; съ нимъ же,
 Можетъ быть, сходенъ и видомъ ужъ сталъ Одиссей, изнуренный
³⁶⁰Жизнію трудной: въ несчастіи люди старѣются скоро.—
 Такъ говорила она; Эвриклея закрыла руками
 Очи, но слезы пробилась сквозь пальцы; она возопила:
 Свѣтъ мой, дитя мое милое, гдѣ ты? За что же Кроніонъ
 Такъ на него, столь покорнаго волѣ боговъ, негодуешь?
³⁶⁵Кто жъ изъ людей передъ громоигрателемъ Зевсомъ такіа
 Тучныя бедра быковъ сожигаль, и ему экатомбы
 Такъ приносилъ изобильно, моля, чтобъ онъ свѣтлую старость
 Далъ ему дома провести, разцвѣтающимъ радуясь сыномъ?
 Были напрасны молитвы; навѣки утратилъ возвратъ онъ.
³⁷⁰Горе! быть можетъ теперь, никому не родной, на чужбинѣ,
 Гдѣ нибудь, впущенный въ домъ богача, онъ отъ глухыхъ служанокъ
 Встрѣченъ такой же тамъ бранью, какой былъ отъ этихъ собакъ ты,
 Странникъ, обиженъ; за то и не хочешь имъ дерзкимъ позволить
 Ноги омыть у тебя. То однако порядкомъ исполнить
³⁷⁵Мнѣ повелѣла моя госпожа Пенелопа. Охотно
 Сдѣлаю все, и не волю одну госпожи исполняя,
 Нѣтъ! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
 Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
 Странниковъ бѣдныхъ немало въ нашъ домъ приходило; но сердце
³⁸⁰Мнѣ говорить, что изъ нихъ ни одинъ [съ удивленьемъ смотрю я]
 Не былъ такъ голосомъ, ростомъ, ногами, какъ ты, съ Одиссеемъ
 Сходенъ.—Сказала. Ей такъ отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
 Правда, старушка, и самъ отъ людей я, которымъ обоихъ
 Насъ повстрѣчать удавалось, слыхаль, что во многомъ другъ съ дру-
³⁸⁵Мы удивительно сходны, какъ то мнѣ и ты говоришь здѣсь.— [гомъ
 Такъ отвѣчалъ онъ. Сіяющій тазъ, для мытья ей служившій
 Ногъ, принесла Эвриклея; и свѣжей водою двѣ трети
 Таза наполнивъ, ее долила кипяткомъ. Одиссей же
 Сѣлъ къ очагу; но лицомъ обернулся онъ къ тѣни, понеже
³⁹⁰Думалъ, что за ногу взявши его, Эвриклея знакомый
 Можетъ увидѣть рубецъ, и тогда вся откроется разомъ
 Тайна. Но только она подошла къ господину, рубецъ ей

Бросился прямо въ глаза. Разъяреннаго вепря клыкомъ онъ Раненъ былъ въ ногу тогда, какъ пришелъ посѣтить на Парнасѣ³⁹⁵ Автоликона, по матери дѣда [съ его сыновьями], Славнаго хитрымъ притворствомъ и клятвъ нарушеніемъ—Эрміи Тѣмъ дарованьемъ его наградилъ, поелику онъ много Бедръ отъ овецъ и отъ козъ приносилъ благосклонному богу. Автоликонъ, посѣтивъ плодоносную землю Итаки,⁴⁰⁰ Новорожденнаго сына у дочери милой нашель тамъ. Выждавъ, когда онъ окончитъ свой ужинъ, ему на колѣна Внука пришла положить Эвриклея. Она тутъ сказала: Автоликонъ, богоданному внуку ты выдумать долженъ Имя, какое угодно тебѣ самому: ты усердно⁴⁰⁵ Зевса о внукѣ молилъ.—То принявъ предложеніе, сказали онъ Зятю и дочери: вашему сыну готово ужъ имя; Васъ посѣтитъ собираясь, я разсерженъ несказанно Многими былъ изъ людей, населяющихъ тучную землю; Пусть назовется мой внукъ Одиссеемъ; то значить: сердитый.⁴¹⁰ Если жъ когда онъ, достигнувши мужескихъ лѣтъ, пожелаетъ Дѣдовскій домъ посѣтить на Парнасѣ, гдѣ наша обитель, Будетъ онъ мной угощенъ и съ богатымъ отпущенъ подаркомъ. Внукъ возмужалъ и пришелъ за подаркомъ обѣщаннымъ къ дѣду. Автоликонъ съ сыновьями своими его благосклонно⁴¹⁵ Встрѣтилъ руки пожиманьемъ и сладколаскательнымъ словомъ; Бабка жъ его Амфитея въ слезахъ у него цѣловала Очи и руки и голову, громко рыдая. Богатый Пиръ приказалъ сыновьямъ многославнымъ своимъ приготовить Автоликонъ. И они, исполняя родителя волю,⁴²⁰ Тотчасъ пригнать повелѣли быка пятилѣтняго съ поля; Голову снявши съ быка и его распластавши, на части Мясо они разрубили, и части, взоткнувъ ихъ на вертель, Начали жарить; изжаривъ же, ихъ разнесли по порядку. Сидя они за обѣдомъ, весь день до вечерняго мрака⁴²⁵ Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались. Солнце тѣмъ временемъ сѣло и ночь наступила; о ложѣ Каждый подумалъ и сна благодать ниспослали имъ боги. Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось.

Автоликоновы всѣ сыновья, на охоту собравшись,
⁴³⁰Скѣпали быстрыхъ собакъ. Сынъ Лаэртовъ отправился съ ними.
 Долго они по крутому, покрытому лѣсомъ, Парнассу
 Шли; напослѣдокъ достигли глубокихъ, вѣтристыхъ ущелій;
 Геліосъ только что началъ поля озарять, подымаясь
 Тихо съ глубокихъ, лющихся медленно водъ Океана;
⁴³⁵Въ дикую дебрь углубились охотники всѣ; передъ ними,
 Слѣдъ открывая, бѣжали собаки; съ собаками вмѣстѣ
 Автоликоновы дѣти и сынъ многославный Лаэртъ
 Быстро бѣжали, имѣя въ рукахъ длиннотѣнный копьа.
 Страшноогромный кабанъ тамъ скрывался, въ кустахъ закопавшись
⁴⁴⁰Дикихъ; въ тѣнистую глубь ихъ проникнуть не могъ ни холодный,
 Сыростью дышущій вѣтеръ, ни Геліосъ знойноблестящій;
 Даже и дождь не пронзаль ихъ вѣтвистаго свода—такъ густо
 Были они сплетены; и скопилось тамъ много опадшихъ
 Листьевъ. Когда же приблизился шумъ отъ собакъ и отъ ловчихъ,
⁴⁴⁵Быстро бѣжавшихъ, кабанъ имъ на встрѣчу изъ дикаго лога
 Прянулъ; щетину встопорщивъ, ужасно сверкая глазами,
 Онъ заступилъ имъ дорогу; и первый къ нему подбѣжавшій
 Былъ Одиссей. Онъ копье длинноострое поднялъ, готовый
 Звѣря пронзить; но успѣлъ Одиссею поранить колѣно
⁴⁵⁰Острымъ клыкомъ разъяренный кабанъ; и онъ выхватилъ много
 Мясa, нагрянувши бѣшено съ боку, но кость уцѣлѣла.
 Въ правое звѣрю плечо боевое копье сынъ Лаэртъ
 Сильно всадилъ; и плечо проколовъ, остриемъ на другой бокъ
 Вышло копье; повалился кабанъ и душа отлетѣла.
⁴⁵⁵Автоликоновы дѣти убитаго звѣря велѣли
 Должнымъ порядкомъ убрать и потомъ Одиссееву рану
 Перевязали заботливо; кровь же, бѣжавшую сильно,
 Заговорили. И всѣ напослѣдокъ къ отцу возвратились.
 Автоликонтъ и его сыновья Одиссея, отъ раны
⁴⁶⁰Давъ исцѣлиться ему, и его одаривши богато,
 Сердцемъ веселаго, сами веселые, съ миромъ послали
 Въ землю Итаки; отецъ и разумная мать несказанно
 Были его возвращенію рады; они распросили
 Сына подробно о ранѣ, и онъ разсказаль по порядку,

465 Какъ на Парнасѣ ловитвой звѣрей веселясь съ сыновьями
Автоликона, онъ вепремь кличистымъ былъ раненъ въ колѣно.

Эту-то рану узнала старушка, ощунавъ руками
Ногу; отдернула руки она въ изумленьи; упала
Въ тазъ, опустившись, нога; отъ удара ея зазвенѣла

470 Мѣдъ, покачнулся водою наполненный тазъ, пролилася
На полъ вода. И веселье и горе проникли старушку;
Очи отъ слезъ затуманились, ей не покорствовалъ голосъ.

Сжавъ Одиссею рукой подбородокъ, она возгласила:
Ты Одиссей! ты мое золотое дитя! и тебя я

475 Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!—
Кончивъ, она на свою госпожу обратила поспѣшно
Взоры, чтобъ ей возвѣстить возвращеніе милого мужа.

Та жъ не могла ничего, обратясь глазами въ другую
Сторону, видѣть: Паллада ея овладѣла вниманьемъ.

480 Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другою ее подойти приневоливъ

Ближе къ нему, прошепталъ ей: ни слова! меня ты погубишь;
Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпѣвши немало,

Волей боговъ возвратился я въ землю отцовъ черезъ двадцать

485 Лѣтъ. Но—ужъ если твои для узнанія тайны открылись
Очи—молчи! и чтобъ въ домѣ никто обо мнѣ не провѣдалъ!

Иначе, слушай—и то, что услышишь, исполнится вѣрно—
Если мнѣ Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,

Здѣсь и тебя я щадить, хотъ тобой и воспитанъ, не стану

490 Въ часъ тотъ, когда надъ рабынями строгій мой судъ совершится.—
Сыну Лаэртovu такъ, отвѣчая, сказала старушка:

Странное слово изъ устъ у тебя, Одиссей, излетѣло;

Вѣдаешь самъ ты, какъ сердцемъ тверда я, какъ волей упорна:

Все сохраняю, постояннѣй, чѣмъ камень, цѣлѣй, чѣмъ желѣзо;

495 Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про себя, что услышишь.

Если Зевесъ истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,

Всѣхъ назову я рабынь, обитающихъ здѣсь, чтобъ межъ ними

Могъ отличить ты худыхъ и порочныхъ отъ добрыхъ и честныхъ.—

Ей возражая, отвѣтствовала такъ Одиссей хитроумный:

500 Нѣтъ, Эвриклея, ихъ мнѣ называть не трудись понапрасну;

Самъ все увижу и буду умѣть все подробно развѣдать.
 Только молчи. Произволу боговъ предадимъ остальное.—
 Такъ говорилъ Одиссей; и послѣшно пошла Эвриклея
 Теплой воды принести, поелику вся прежняя на полъ
⁵⁰⁵Вылилась. Вымывъ и чистымъ елеемъ умастивши ноги,
 Снова скамейку свою Одиссей пододвинулъ къ жаровнѣ;
 Сѣвъ къ ней, чтобъ грѣться, рубецъ свой отрепьями рубища скрылъ
 Умная такъ, обратясь къ нему, Пенелопа сказала: [онъ.
 Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу, отвѣчай мнѣ:
⁵¹⁰Скоро наступитъ пора насладиться покоемъ; и счастливъ
 Тотъ, на кого и печальнаго сонъ миротворный слетаетъ.
 Мнѣ жъ несказанное горе послалъ непріязненный Демонъ;
 Днемъ, сокрушаясь и сѣтуя, душу свою подкрѣпляю
 Я рукодѣльемъ, хозяйствомъ, присмотромъ за дѣломъ служанокъ;
⁵¹⁵Ночью жъ, когда все утихнетъ и всё вокругъ меня, погрузившись
 Сладостно въ сонъ, отдыхаютъ безопасно, одна я, тревогой
 Мучась, въ бессонницѣ тяжелой сажу на постели и плачу.
 Плачетъ Аида, Пандарова дочь блѣдноликая, плачетъ;
 Звонкую пѣсню она заунывно съ началомъ весеннихъ
⁵²⁰Дней благовонныхъ поетъ, одиноко таясь подъ густыми
 Сѣнями роши, и жалобно льется рыдающей голосъ:
 Плача, Итилоса милаго, сына Цетосова, мѣдио
 Острой нечаянно ею сраженнаго, мать поминаетъ.
 Такъ, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, чтѣ выбрать—
⁵²⁵Съ сыномъ ли милымъ остаться, смотря за хозяйствомъ, за свѣтлымъ
 Домомъ его, за работой служанокъ, за всѣмъ достояньемъ,
 Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
 Иль наконецъ предпочесть изъ ахейцевъ того, кто усерднѣй
 Брака желаетъ со мной и щедрѣе дары мнѣ приносить?
⁵³⁰Сынъ же, покуда онъ отрокомъ былъ неразумнымъ, разстаться
 Съ матерью нѣжной не могъ, и супружескій домъ мнѣ покинуть
 Самъ запрещалъ; но теперъ онъ, ужъ мужеской силы достигнувъ,
 Требуетъ самъ отъ меня, чтобъ изъ дома я вышла немедля;
 Онъ огорчается, видя, какъ наше имущество грабятъ.
⁵³⁵Ты же послушай: я видѣла сонъ; мнѣ его растолкуй ты;
 Двадцать гусей у меня есть домашнихъ; кормлю ихъ пшеницей;

Видѣть люблю, какъ они, на водѣ полоскаясь, играютъ.
 Снилось мнѣ, что съ горы прилетѣвшій орелъ крутоносый,
 Шею свернувъ имъ, ихъ всѣхъ заклевалъ, что въ пространной сто-
 540Мертвые были они на полу всѣ разбросаны; самъ же [ловой
 Въ небо умчался орелъ. И во снѣ я стонала и горько
 Плакала; вмѣстѣ со мною и много прекрасныхъ ахейскихъ
 Жень о гусяхъ, умерщвленныхъ могучимъ орломъ, сокрушалось.
 Онъ же, назадъ прилетѣвъ и спустясь на высокую кровлю
 545Царскаго дома, сказалъ человѣческимъ голосомъ внятно:
 Старца Икарія умная дочь, не крушися, Пенелопа.
 Видишь не сонъ мимолетный, событіе вѣрное видишь;
 Гуси—твои женихи, а орелъ; ихъ убить прилетавшій
 Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
 550Нынѣ тебѣ возвращенный, твоимъ женихамъ на погибель.
 Такъ онъ сказалъ мнѣ и въ это мгновенье мой сонъ прекратился;
 Я осмотрѣлась кругомъ: на дворѣ, я увидѣла, гуси
 Всѣ на лицо; и толпяся къ корыту, клюютъ тамъ пшеницу.—
 Умной супругѣ своей отвѣчалъ Одиссей богоравный:
 555Сонъ, государыня, твой толковать бесполезно: онъ ясенъ
 Самъ по себѣ; сокровеннаго нѣтъ въ немъ значенья; и если
 Самъ Одиссей предсказалъ женихамъ ихъ погибель—погибнуть
 Всѣ; ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керы.—
 Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртову сыну:
 560Странникъ, конечно бываютъ и темные сны, изъ которыхъ
 Смысла нельзя намъ извлечь; и не всякій сбывается сонъ нашъ.
 Создано двое воротъ для вступленія снамъ безтѣлеснымъ
 Въ міръ нашъ: одни роговыя, другія изъ кости слоновою;
 Сны, проходящія къ намъ воротами изъ кости слоновою;
 565Лживы, несбыточны, вѣрить никто изъ людей имъ не долженъ;
 Тѣ же, которые въ міръ роговыми воротами входятъ,
 Вѣрны; сбываются всѣ приносимыя ими видѣнья.
 Но не изъ этихъ воротъ мой чудесный, я думаю, вышелъ
 Сонъ—сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.
 570Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
 Завтра наступитъ онъ, день ненавистный, въ который покинуть
 Домъ Одиссеевъ принудятъ меня; предложить имъ стрѣлянье

Изъ лука въ кольца хочу я: супругъ Одиссей здѣсь двѣнадцать
 Съ кольцами ставилъ бывало жердей, и тѣ жерди не близко
⁵⁷⁵Ставилъ одну отъ другой, и стрѣлой онъ пронизывалъ кольца
 Всѣ. Ту игру женихамъ предложить я теперь замышляю;
 Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
 Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ [ихъ не тронувъ] двѣнадцать
 Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милаго дома,
⁵⁸⁰Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
 Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.—
 Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
 О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
 Этой игры, мой совѣтъ, не должна ты откладывать. Вѣрь мнѣ,
⁵⁸⁵Въ домѣ своемъ Одиссей многохитростный явится прежде
 Нежели кто между ими, рукою оцупавши гладкій
 Лукъ, тетивую натянетъ его и сквозь кольца прострѣлитъ.—
 Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртovu сыну:
 Если бъ ты, странникъ, со мною всю ночь согласился въ палатѣ
⁵⁹⁰Этой сидѣть и меня веселить разговоромъ, на умъ бы
 Сонъ не пришелъ мнѣ: но вовсе безъ сна оставаться намъ слабымъ
 Смертнымъ не должно. Здѣсь всѣмъ намъ, землей многодарной кор-
 Боги безсмертные мѣру особую каждому дали. [мимымъ,
 Время однако наверхъ мнѣ уйти, чтобъ лежать одиноко
⁵⁹⁵Тамъ на постели, печалью перестланной, горькимъ потокомъ
 Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ супругъ мой отсюда
 Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
 Тамъ отдохну я, а ты почевать, иноземецъ, останься
 Здѣсь; и ложись на постелю иль на полъ, какъ самъ пожелаешь.
⁶⁰⁰Такъ Пенелопа сказавши, пошла по ступенямъ высокимъ
 Вверхъ—не одна, всѣ рабыни за нею пошли; и въ покоѣ
 Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
 Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
 Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТАЯ.

НОЧЬ СЪ ТРИДЦАТЬ ОСЬМАГО НА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ. УТРО И ПОЛДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ДНЯ.

Одиссей ложится спать въ сѣняхъ; жалобы Пенелопы его пробуждаютъ. Добрая знаменія, Столовую приготавлиютъ къ пиру. Являются сперва Эвмей, потомъ Мелантій, который опять оскорбляетъ Одиссея, и наконецъ Фидотій, смотрящій за стадами коровъ. Знаменіе удерживаетъ жениховъ, имѣвшихъ намѣреніе умертвить Телемака. За столомъ Ктезиписъ оскорбляетъ Одиссея. Чувства жениховъ приходятъ въ разстройство; Феоклимень предсказываетъ имъ близкую гибель.

Тутъ приготовилъ въ сѣняхъ для себя Одиссей богоравный
 Ложе изъ кожи воловьей, еще недубленой; покрывши
 Кожу овчинами многихъ овецъ, женихами убитыхъ,
 Легъ онъ; и теплымъ покровомъ его Эвриклея одѣла.

⁵Тамъ Одиссей, женихамъ истребленіе въ мысляхъ готова,
 Глазъ не смыкая, лежалъ. Въ ворота, онъ увидѣлъ, служанки,
 Жившія въ тайной любви съ женихами, толпой побѣжали,
 Съ хохотомъ громкимъ, болтая, шумя и крича непристойно.
 Вся его внутренность пламенемъ гнѣва зажглась несказаннымъ.

¹⁰Долго не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, что дѣлать—
 Встать ли, и вслѣдъ за безстыдными бросившись, всѣхъ умертвить ихъ?
 Или остаться, давъ волю въ послѣдній имъ разъ съ женихами
 Свидѣться? Сердце же злилось его; какъ рычить, оценившись,
 Злобная сука, щенятокъ своихъ защищая, когда ихъ

¹⁵Кто незнакомый беретъ, и за нихъ покушаться готовясь,
 Такъ на безстыдницъ его раздраженное сердце роптало.
 Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
 Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло
 Въ логѣ циклопа, въ то время, когда пожиралъ безошадно

²⁰Спутниковъ онъ злополучныхъ моихъ—и терпѣнье разсудку
 Выходъ изъ страшной пещеры для насъ погибавшихъ открыло.—
 Такъ усмирялъ онъ себя, обращая къ милому сердцу.

Милое сердце ему покорилось, и снова терпѣнье
 Въ грудь пролилося его; но ворочался съ боку онъ на бокъ.

²⁵Какъ на огнѣ разгорѣвшемся ярко, ворочаютъ полный
 Жиромъ и кровью желудокъ туда и сюда, чтобъ отвсюду

Могъ быть онъ сочно и вкусно обжаренъ, огнемъ неприжженный,
 Такъ на постели ворочался онъ, безпрестанно тревожась
 Въ мысляхъ о томъ, какъ ему одному съ жениховъ многосильной
³⁰Шайкою сладить. Къ нему подошла тутъ Паллада Аонна,
 Съ неба слетѣвшая въ видѣ молодой, разцвѣтающей дѣвы.
 Тихо къ его изголовью приближась, богиня сказала:
 Что же не спишь ты, изъ всѣхъ земнородныхъ несчастливѣйшій? Развѣ
 Это не домъ твой? Не вѣрною ль въ домѣ ты встрѣченъ женою?
³⁵Сынъ же таковъ твой, что всякій ему бы отцомъ захотѣлъ быть.—
 Свѣтлой богинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
 Истину ты говоришь мнѣ, богиня; но сердцемъ я крѣико
 [Въ томъ принужденъ предъ тобой повиниться] тревожусь, не зная,
 Буду ли въ силахъ одинъ съ жениховъ многочисленной шайкой
⁴⁰Сладить? Они всей толпою всегда собираются въ домѣ.
 Но и другую тревогою мое озабочено сердце:
 Если по волѣ твоей и Кронона всѣхъ истреблю я—
 Какъ мнѣ спастися отъ мщенья родни ихъ? Подумаи объ этомъ.—
 Дочь свѣтлоокая Зевса Аонна ему отвѣчала:
⁴⁵Ты, маловѣрный! надѣются жъ люди въ бѣдѣ и на слабыхъ
 Смертныхъ, ни дѣломъ помочь, ни совѣта подать неспособныхъ—
 Я же богиня, тебя неизмѣнно всегда отъ напасти
 Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
 Если бы вдругъ пятьдесятъ изъ засады на двухъ насъ напало
⁵⁰Ратей, чтобъ намъ совокупно погибель устроить— при нихъ же
 Мы бы похитили козъ ихъ, овецъ и быковъ круторогихъ.
 Спи, ни о чемъ не тревожась; несносно лежать на постели,
 Глазъ не смыкая; твои же напасти окончатся скоро.—
 Съ сими словами богиня ему затворила дремотой
⁵⁵Очи, потомъ на Олимпъ улетѣла. И всѣхъ усладитель
 Нашихъ тревогъ, разрѣшающій сладко усталые члены,
 Сонъ овладѣлъ имъ. Супруга жъ его, отъ тревоги проснувшись,
 Сѣла бессонная въ горькихъ слезахъ на постели; слезами
 Вдоволь свою сокрушенную грудь утоливъ, громогласно
⁶⁰Стала она призывать Артемиду и такъ ей молилась:
 О Артемиде, богиня великая, дочь громовержца,
 Тихой стрѣлою своею меня поразилъ, и изъ тѣла

Выведи душу мою. О! когда бы меня ухватила
 Буря и мглистой дорогой со мною умчалася въ край тотъ,
⁶⁵Гдѣ начинается свой путь Океанъ, круговратно бѣгущій!
 Были жъ Пандоровы дочери схвачены бурей. Боги
 Мать и отца погубили у нихъ; сиротами остались
 Въ домѣ семейномъ онѣ; Афродита богиня питала
 Ихъ молокомъ, сладкотающимъ медомъ, виномъ благовоннымъ;
⁷⁰Ира дала имъ, отъ всѣхъ отличая ихъ дѣвъ земнородныхъ,
 Умъ и красу; Артемида плѣнительной стройностью стана
 Ихъ одарила; Аѳина ихъ всѣмъ научила искусствамъ.
 Но, когда на высокій Олимпъ вознеслась Китерея
 Тамъ умолять, чтобъ супружества счастье далъ непорочнымъ
⁷⁵Дѣвамъ Зевесъ громолюбецъ, который, все вѣдая въ мірѣ,
 Благо и зло земнороднымъ по волѣ своей посылаетъ—
 Гнусныя Гаршіи, дѣвъ беззащитныхъ похитя, ихъ въ руки
 Предали грозныхъ Эринній, чудовищамъ въ рабство. О! если бъ
 Такъ и меня Олимпійскіе боги съ земли во мгновенье
⁸⁰Сбросили! если бъ меня, съ Одиссеемъ въ душѣ, Артэмида
 Свѣтлокудрявая въ темную вдругъ затворила могилу
 Прежде, чѣмъ быть мнѣ подругою мужа, противнаго сердцу!
 Но и тяжелыя скорби становятся легче, когда мы
 Въ горькихъ слезахъ, въ сокрушеніи сердца день цѣлый проводши,
⁸⁵Ночью въ объятія сна предаемся—мы все забываемъ,
 Зло и добро, лишь коснется очей онъ цѣлебной рукою;
 Мнѣ же и сонъ мой терзаетъ видѣньями страшными Демонъ;
 Видѣлось мнѣ, что лежалъ близъ меня несказанно съ нимъ сходный,
 Самый тотъ образъ имѣвшій, какой онъ имѣлъ, удаляясь;
⁹⁰Я веселилась; я думала: это не сонъ—и проснулась.—
 Такъ говорила она. Поднялась златовласая Эось.
 Жалобы плачущей въ слухъ Одиссеевъ входили; и слыша
 Ихъ, онъ подумалъ, что ея былъ узнавъ; ему показалось
 Даже, что образъ ея надъ его изголовьемъ летаетъ.
⁹⁵Сбросивъ покровъ и овчины собравъ, на которыхъ лежалъ онъ,
 Всѣ ихъ сложилъ Одиссей на скамейкѣ, а кожу воловью
 Вынесъ на дворъ. Тутъ къ Зевесу онъ поднялъ съ молитвою руки:
 Если, Зевесъ, нашъ отецъ, ты меня, и землей и водою

Въ домъ мой [хотя и подвергнулъ напастямъ] привелъ невредимо;
¹⁰⁰Дай, чтобъ отъ перваго, кто здѣсь проснется, мной вѣщее слово
 Было услышано; самъ же мнѣ знаменемъ сердце обрадуй.—
 Такъ говорилъ онъ, молясь, и Кроніонъ молитву услышалъ:
 Страшно ударившимъ громомъ изъ звѣзднобезтучнаго неба
 Зевсъ отвѣчалъ. Преполнилась радостью грудь Одиссея.
¹⁰⁵Слово же первое онъ отъ рабыни, молодой на царской
 Мельницѣ близкой, услышалъ; на мельницѣ этой двѣнадцать
 Было рабынь и вседневно отъ ранняго утра до поздней
 Ночи ячмень и шпено тамъ онѣ для домашнихъ мололи.
 Спалъ другія, всѣ кончивъ работу; а эта, слабѣ
¹¹⁰Прочихъ, проснулася ранѣ, чтобъ трудъ довершить неготовый.
 Жерновъ покинуть, сказала она [и пророчество было
 Въ словѣ ея Одиссею]: Зевесъ, нашъ отецъ и владыка,
 На небѣ нѣтъ облаковъ и его наполняютъ, сверкая,
 Звѣзды, а громъ твой гремитъ, всемогущій! Кому посылаешь
¹¹⁵Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится нынѣ
 Слово мое: да послѣднимъ въ жилищѣ царя Одиссея
 Будетъ сегодняшній пиръ жениховъ многобуйныхъ! Колѣна
 Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
 Ихъ угождая—да нынѣшнимъ кончатся всѣ здѣсь пиры ихъ!—
¹²⁰Такъ говорила рабыня; былъ радъ Одиссей прорицанью
 Грома и слова, и въ сердце его утвердилась надежда.
 Тутъ Одиссеева дома рабыни сошлись изъ разныхъ
 Горницъ и жаркій огонь на большомъ очагѣ запалили.
 Ложе покинулъ свое и возлюбленный сынъ Одиссеевъ;
¹²⁵Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
 Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
 Взялъ боевое копьё, лучезарно блестящее мѣдью;
 Такъ онъ ступилъ на порогъ, и сказалъ, обратясь къ Эвриклеѣ:
 Няня, доволенъ ли былъ угощеніемъ странникъ? Покойно ль
¹³⁰Спалъ онъ? Иль вы не хотѣли о немъ и подумать? Обычай
 Матери милой я знаю: хотя и разумна, а часто
 Между людьми иноземными худшему почести всякой
 Много окажетъ, на лучшаго жъ вовсе и взгляда не броситъ.—
 Такъ говорилъ Телемакъ. Эвриклея ему отвѣчала:

¹³⁵Ты понапрасну, дитя, невинную мать обвиняешь;
 Съ нею сидѣ, здѣсь виномъ утѣшался онъ, сколько угодно
 Было душѣ; но не ѣлъ, хотъ его и просили. По горло
 Сытъ я, сказалъ. А когда онъ подумалъ о снѣ и постели,
 Мягкое ложе она приготовить велѣла рабынямъ;

¹⁴⁰Онъ же напротивъ, какъ жалкій, судьбою забытый бродяга,
 Спать на пуховой постели, покрытой ковромъ, отказался;
 Кожу воловью постлалъ на полу и, овчинъ положивши
 Сверху, улегся въ сѣняхъ; я покрыла его одѣяломъ.—

Такъ Эвриклея сказала. Тогда Телемакъ изъ палаты
¹⁴⁵Вышелъ съ копьемъ; двѣ лихія за нимъ побѣжали собаки.
 На площадь, главное мѣсто собранья ахеянъ, пошелъ онъ.

Тутъ всѣхъ рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
 Имъ Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
 Всѣ на работу! однѣ за метлы, и проворнѣе выместъ
¹⁵⁰Горницы, вспыснувъ полы; на скамейки, на кресла и стулья

Пестропурпурныя ткани постлатъ; ноздреватую губкой
 Начисто вымыть столы; всполоснуть пировыя кратеры;
 Чаши глубокия, кубки двудонныя вымыть. Другія жъ
 Всѣ за водою къ ключу и скорѣе назадъ, поелику

¹⁵⁵Нынѣшній день женихи не замедлятъ приходомъ, напротивъ
 Ранѣе всѣ соберутся: мы праздникъ готовимъ великій.—

Такъ Эвриклея сказала. Ея повинуюся волѣ,
 Двадцать рабынь побѣжали на ключъ темноводный; другія
 Начали горницы всѣ прибирать и посуду всю чистить.

¹⁶⁰Скоро прислали и слугъ женихи: за работу принявшись,
 Стали они топорами полѣнья колоть. Воротились
 Съ свѣжей рабыни водой отъ ключа. Свинопасомъ Эвмеемъ
 Пригнаны были три борова, самые жирные въ стадѣ:
 Заперли ихъ въ окруженную чистымъ заборомъ заграду.

¹⁶⁵Самъ же Эвмей, подошедъ къ Одиссею, спросилъ дружелюбно:
 Странникъ, учтивѣ ль стали съ тобой Телемаковы гости?
 Иль по-вчерашнему въ домѣ у насъ на тебя нападаютъ?—
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Добрый Эвмей, да пошлютъ всемогущіе боги Олимпа

¹⁷⁰Имъ воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, съ какою

Здѣсь, не стыдяся, они расхищаютъ чужое богатство!—
 Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
 Къ нимъ подошелъ козоводъ, за козами смотрящій, Мелантій;
 Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно,
 175 Въ городъ пригналъ онъ, гостямъ на обѣдъ; съ нимъ товарищей было
 Двое. И козъ привязавши подъ кровлей сѣней многозвучныхъ,
 Такъ Одиссею сказалъ, имъ ругался, дерзкій Мелантій:
 Здѣсь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
 Дать намъ вздохнуть; мой совѣтъ, убирайся отсюда скорѣе;
 180 Иль и со мной у тебя напослѣдокъ дойдетъ до расправы;
 Можешь тогда и моихъ кулаковъ ты отвѣдать, ты слишкомъ
 Сталь ужъ докученъ; не въ этомъ лишь домѣ бывають обѣды.—
 Кончилъ. Ему Одиссей ничего не отвѣтствовалъ; только
 Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
 185 Третій тутъ главный пастухъ подошелъ къ нимъ, коровникъ Филотій;
 Козъ онъ отборныхъ привелъ съ нетелившейся жирной коровой.
 Въ городъ же ихъ привезли на судахъ перевозчики, всѣхъ тамъ,
 Кто нанималъ ихъ, возившіе моремъ рабочіе люди.
 Козъ и корову Филотій оставилъ въ сѣняхъ многозвучныхъ;
 190 Самъ же, приближась къ Эвмею, спросилъ у него дружелюбно:
 Кто чужеземецъ, тобою недавно, Эвмей, приведенный
 Въ городъ? Къ какому себя причисляетъ онъ племени? Гдѣ онъ
 Домъ свой отцовскій имѣеть? Въ какой сторонѣ онъ родился?
 Съ виду онъ бѣдный скиталецъ, но царственный образъ имѣеть.
 195 Боги бездомно-бродящихъ людей унижаютъ жестоко;
 Но и могучимъ царямъ испытанья они посылають.—
 Тутъ къ Одиссею, привѣтствіе правою сдѣлавъ рукою,
 Ласково онъ обратился и бросилъ крылатое слово:
 Радуйся, добрый отецъ чужеземецъ; теперь нищетою
 200 Ты удрученъ—но поплють наконецъ и тебѣ изобиліе
 Боги. О Зевсъ! ты безжалостнѣй всѣхъ, на Олимпѣ живущихъ!
 Нѣтъ состраданья въ тебѣ къ человѣкамъ; ты самъ, нашъ создатель,
 Насъ предаешь безощадно бѣдѣ и грызущему горю.
 Потомъ прошибло меня и въ глазахъ потемнѣло, когда я
 205 Вспомнилъ, взглянувъ на тебя, о царѣ Одиссеѣ: какъ ты, онъ
 Можетъ быть бродить въ такихъ же лохмотьяхъ, такой же бездомный.

Гдѣ онъ, несчастный? Еще ли онъ видитъ сіяніе солнца?
 Или его ужъ не стало и въ область Аида сошелъ онъ?
 О благодушный, великій мой царь! надъ стадами коровъ ты
 210Здѣсь въ сторонѣ Кефаленской меня молодого поставилъ;
 Много теперь расплодилось ихъ; нѣтъ никого здѣсь другаго,
 Кто бы имѣлъ столь великое стадо коровъ крѣпкобоыхъ.
 Горе! я самъ приневоленъ сюда ихъ водить на пограние
 Этимъ грабителямъ. Сына они притѣсняють въ отцовомъ
 215Домѣ; боговъ наказанье не страшно имъ; между собою
 Все раздѣлить ужъ богатство царя отдаленнаго мыслятъ.
 Часто мнѣ замысель въ милое сердце приходитъ [хотя онъ,
 Правду сказать, и не вовсе похваленъ: есть въ домѣ наслѣдникъ],
 Замысель въ землю чужую со стадомъ моимъ къ иноземнымъ
 220Людымъ уйти. Несказанное горе мнѣ, здѣсь оставаясь,
 Царскихъ прекрасныхъ коровъ на убой отдавать имъ; давно бы
 Эту покинулъ я землю, гдѣ столько неправды творится;
 Стадо уведши съ собою, къ иному царю перешелъ бы
 Въ службу—но вѣрится все мнѣ еще, что воротится въ домъ свой
 225Онъ, нашъ желанный, и всѣхъ ихъ, грабителей, разомъ погубить.—
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Видно порода твоя не простая, мой честный коровникъ,
 Сердцемъ, я вижу, ты вѣренъ, и здравый имѣешь разсудокъ;
 Радость за то объявляю тебѣ и клянуся великой
 230Клятвой, Зевесомъ отцомъ, гостелюбною вашей трапезой,
 Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
 Здѣсь, что еще ты отсюда уйти не успѣешь, какъ самъ онъ
 Явится; можешь тогда ты своими глазами увидѣть,
 Если захочешь, какой съ женихами расчесть поведетъ онъ.—
 235Кончилъ. Ему отвѣчалъ пастуховъ повелитель Филотій:
 Если ты правду сказалъ, иноземець [и Дій да исполнить
 Слово твое], то и я, ты увидишь, не празденъ останусь.
 Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный, боговъ призывая,
 Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.
 240Какъ говорили о многомъ они, отъ другихъ въ отдаленны.
 Тою порой женихи, согласившись предать Телемака
 Смерти, сходились; но въ это мгновеніе слѣва поднялся

Быстрый орель, и въ когтяхъ у него трепетала голубка.
 Знаменемъ въ страхъ приведенный, сказалъ Анфиномъ благород-
 245Замысль нашъ умертвить Телемака, друзья, по желанью [ный:
 Намъ не удастся исполнить. Подумаемъ лучше о пирѣ.—
 Такъ онъ сказалъ; подтвердили его предложенье другіе.
 Всѣ они вмѣстѣ пошли, и когда въ Одиссеевъ вступили
 Домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды,
 250Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огромныхъ,
 Жирныхъ свиней убивать; и корову зарѣзали также.
 Были изжарены прежде одни потроха и въ кратеры
 Влито съ водою вино. Свинопасъ двоеручные кубки
 Подаль, потомъ и въ прекрасныхъ корзинахъ коровникъ Фялотій
 255Хлѣбъ разнесъ; а Мелантіи виномъ благовоннымъ наполнилъ
 Кубки. И подняли руки они къ приготовленной пищѣ.
 Но Одиссею, съ намѣреніемъ хитрымъ въ умѣ, на порогѣ
 Двери широкой велѣлъ Телемакъ помѣститься; подвинувъ
 Къ ней небольшую, простую скамейку и низенькій столикъ,
 260Часть потроховъ онъ принесъ, золотой благовоннымъ наполнилъ
 Кубокъ виномъ, и его подавая, сказалъ Одиссею:
 Здѣсь ты сиди и виномъ утѣшайся съ моими гостями,
 Новыхъ обидъ не страшася; рукамъ жениховъ я не дамъ ужъ
 Воли; мой домъ не гостинница, гдѣ произвольно пируетъ
 265Всякая сволочь, а домъ Одиссеевъ, царево жилище.
 Вы жъ, женихи, воздержите языкъ свой отъ словъ непристойныхъ,
 Также и воли рукамъ не давайте; иль будетъ здѣсь ссора.
 Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
 Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
 270Но, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, восклик-
 Какъ ни досадно, друзья, Телемаково слово, не должно [нулъ:
 Къ сердцу его принимать намъ; пускай онъ грозится! давно бы
 Если бъ тому не препятствовалъ вѣчный Кроніонъ, его мы
 Здѣсь упокоили—сталъ онъ теперь говорунъ нестерпимый.—
 275Кончилъ; но слово его Телемакъ безъ вниманья оставилъ.
 Въ это время народъ черезъ городъ съ глашатаемъ жертву
 Шель совершать: въ многотѣнную рощу метателя вѣрныхъ
 Стрѣлъ Аполлона былъ ходъ густовласыхъ ахеянъ направлень.

Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
²⁸⁰Роздали части и начали пиръ многославный. Особо
 Тутъ принесли Одиссею проворные слуги такую жъ
 Мясa подачу, какую имѣли и сами; то было
 Такъ имъ приказано сыномъ его Телемакомъ разумнымъ.
 Тою порою Афина сама жениховъ возбуждала
²⁸⁵Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорѣлось сильнѣе
 Мщеніе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэртова сына.
 Тамъ находился одинъ, отъ другихъ беззаконной отличный
 Дерзостью, родомъ изъ Зама; его называли Ктезиппомъ.
 Былъ онъ несмѣтно богатъ, и гордяся богатствомъ, замыслилъ
²⁹⁰Спорить съ другими о бракѣ съ женою Лаэртова сына.
 Такъ, къ женихамъ обратясь, сказалъ имъ Ктезиппъ многобуйный:
 Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю:
 Мясa, какъ слѣдуетъ, добрую часть со стола получилъ ужъ
 Этотъ старикъ—и весьма бѣ непохвально, несправедно было,
²⁹⁵Если бѣ гостей Телемаковыхъ кто ихъ участка лишалъ здѣсь.
 Я жъ и свою для него приготовилъ подачу, чтобъ могъ онъ
 Чтонибудь дать за купанье рабынѣ, иль должный подарокъ
 Сдѣлать кому изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ домѣ живущихъ;
 Тутъ онъ, схвативши коровью, въ корзину лежавшую ногу,
³⁰⁰Сильно ее въ Одиссея швырнулъ; Одиссеей, отклонивши
 Голову въ бокъ, избѣжалъ отъ удара; и страшной улыбкой
 Стиснулъ онъ губы; нога жъ, пролетѣвши, ударила въ стѣну;
 Грозно взглянувъ на Ктезиппа, сказалъ Телемакъ раздраженный;
 Будь благодаренъ Зевесу, Ктезиппъ, что ударъ не коснулся
³⁰⁵Твоей головы чужеземца; онъ самъ отъ него отклонился;
 Иначе острымъ копьемъ повѣришь въ тебя бы попалъ я;
 Сталь бы не бракъ для тебя—погребенье отецъ твой готовить.
 Всѣмъ говорю вамъ: отнынѣ себѣ непристойныхъ поступковъ
 Въ домѣ моемъ позволять вы не смѣйте; ужъ я не ребенокъ,
³¹⁰Все ужъ теперь понимаю; все знаю, что надобно дѣлать.
 Правда, еще принужденъ я свидѣтелемъ быть терпѣливымъ
 Здѣсь истребленъ барановъ и козъ и вина и богатыхъ
 Нашихъ запасовъ.—я съ цѣлой толпою одинъ не управлюсь;
 Новыхъ обидъ мнѣ однако я вамъ не совѣтую дѣлать;

315 Если жь намѣренье ваше меня умертвить, то конечно
 Будеть пристойнѣй, чтобъ въ домѣ моемъ пораженный, я встрѣтилъ
 Смерть тамъ, чѣмъ зрителемъ былъ незаконныхъ поступковъ и видѣлъ,
 Какъ обижаютъ моихъ въ немъ гостей, какъ рабынь принуждаютъ
 Злымъ угождать вождельнѣямъ въ священныхъ обителяхъ царскихъ.—

320 Такъ онъ сказалъ, всѣ крутомъ неподвижно хранили молчанье.

Но Агелай, сынъ Дамасторовъ, такъ отвѣчалъ напоследокъ:

Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое
 Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ; не трогайте болѣ
 Старога странника; также оставьте въ покоѣ и прочихъ

325 Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртова славнаго сына.

Я жь Телемаку и матери свѣтлой его дружелюбно

Добрый и вѣрно самимъ имъ угодный совѣтъ предложу здѣсь:

Въ сердцѣ своемъ вы донынѣ питали надежду, что боги,

Вашимъ молитвамъ внимаю, домой возвратятъ Одиссея;

330 Было донынѣ и намъ невозможно на медленность вашу

Сѣтовать, такъ поступать вамъ совѣтовалъ здравый разсудокъ

[Могъ послѣ брака внезапно въ свой домъ Одиссей возвратиться];

Нынѣ жь сомнѣнія нѣтъ намъ: мы знаемъ, что онъ невозвратенъ.

Матери умной своей ты теперь, Телемакъ благородный,

335 Долженъ сказать, чтобъ межъ нами того, кто щедрѣй на подарки,

Выбрала. Будешь тогда ты свободно въ отеческомъ домѣ

Жить; а она о другомъ ужъ хозяйствѣ заботиться станетъ.—

Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Нѣтъ, Агелай, я Зевесомъ отцомъ и судьбой Одиссея

340 [Что бы съ нимъ ни было, живъ ли, погибъ ли] клянусь передъ всѣми

Вами, что матери въ бракъ не мѣшаю вступить, что напротивъ

Самъ убѣждаю ее по желанію выбрать, и много

Дамъ ей подарковъ; но изъ дома выслать ее поневолѣ

Я и помыслить не смѣю—то Зевсу не будетъ угодно.—

345 Такъ говорилъ Телемакъ. Въ женихахъ несказанный Аѳина

Смѣхъ пробудила, ихъ сердце смутивъ и разсудокъ разстроивъ.

Дико они хохотали; и лицами вдругъ измѣнившись,

Бли сырое кровавое мясо; глаза ихъ слезами

Всѣ затуманились; сердце ихъ тяжелой заняло тоскою.

350 Феоклименъ богоравный тогда поднялся и сказалъ имъ:

Вы, злополучные, горе вамъ! горе! невидимы стали
 Головы ваши во мглѣ и не видимы ваши колѣна;
 Слышенъ мнѣ стонъ вашъ, слезами обрызганы ваши ланиты.
 Стѣны, я вижу, въ крови; съ потолочныхъ бѣжить перекладинъ
³⁵⁵Кровь; привидѣньями, въ бездну Эрева бѣгущими, полны
 Стѣны и дворъ, и на солнце небесное, вижу я, всходитъ
 Страшная тѣнь, и подъ ней вся земля покрывается мракомъ.—
 Такъ онъ сказалъ имъ. Безумно они хохотать продолжали.
 Тутъ говорить женихамъ Эвримахъ, сынъ Полибевъ, началъ:
³⁶⁰Видно, что этотъ, друзья, чужеземецъ въ умѣ помѣшался;
 На площадь должно его проводить намъ, пусть выйдетъ на свѣжій
 Воздухъ, когда ужъ ему такъ ужасно темно здѣсь въ палатѣ.—
 Феоклимень богоравный сказалъ, обратясь къ Эвримаху:
 Нѣтъ, Эвримахъ! въ провожатыхъ твоихъ не имѣю я нужды;
³⁶⁵Двѣ есть ноги у меня, и глаза есть и уши; разсудокъ
 Мой не разстроены, и память свою я еще не утратилъ.
 Самъ убѣгу я отсюда; я къ вамъ подходящую быстро
 Слышу бѣду; ни одинъ отъ нея не уйдетъ; не избѣгнетъ
 Силы ея никоторый изъ васъ святотатцевъ, губящихъ
³⁷⁰Домъ Одиссеевъ и въ немъ беззаконнаго много творящихъ.—
 Такъ онъ сказалъ, и послѣшно палату покинувъ, къ Пирею
 Прямо пошелъ, и Пиреемъ былъ съ прежнею ласкою принятъ.
 Тою порой, поглядѣвши съ насмѣшкой одинъ на другаго,
 Начали всѣ Телемака дразнить женихи, надъ гостями
³⁷⁵Дома его издѣваясь, и такъ говорили иные:
 Другъ Телемакъ, на отборъ негодяи тебя посѣщаютъ;
 Прежде вотъ этотъ нечистый пожаловалъ въ домъ твой бродяга,
 Хищникъ обѣдненныхъ крохъ, ни въ какую работу негодный,
 Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное время;
³⁸⁰Гость же другой помѣшался, и началъ безпутно пророчить.
 Выслушай лучше нашъ добрый совѣтъ, Телемакъ многомудрый:
 Дай намъ твоихъ благородныхъ гостей на корабль крутобокій
 Бросить, къ сикеламъ отвезть и продать за хорошія деньги.—
 Такъ говорили они; Телемакъ, ихъ словамъ не внимавшій,
³⁸⁵Молча смотрѣлъ на отца, дожидаясь спокойно, чтобъ подаль
 Знакъ онъ, когда начинать съ беззаконною шайкой расправу.

Въ горницѣ ближней на креслахъ богатыхъ въ то время сидѣла
 Многоразумная старца Икарія дочь Пенелопа;
 Было ей слышно все то, что въ собраньи гостей говорилось.
³⁹⁰Веселье-безпечно, и живъ разговоромъ, и хохотомъ шуметь
 Былъ ихъ обѣдъ, для котораго столько настряпали сами;
 Но никогда и нигдѣ и никто не готовилъ такого
 Ужина людямъ, какой приготовилъ съ Палладою грозный
 Мужъ для незваныхъ гостей, беззаконныхъ ругателей правды.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.

Пенелопа приноситъ лукъ и стрѣлы Одиссеевы; при видѣ ихъ Эвмей и Филотій проливають слезы; Антипой насмѣхается надъ ними. Телемакъ устанавливаетъ жерди для стрѣльбы и пытается натянуть лукъ; Одиссей подаетъ ему знакъ, чтобъ онъ его оставилъ; Женихи напрасно стараются натянуть его. Одиссей открываетъ себя Эвмею и Филотию; они приготовляются къ умерщвленію жениховъ. Послѣ неудачнаго Эвримахова опыта натянуть лукъ, Антипой предлагаетъ отложить стрѣльбу до другаго дня. Одиссей проситъ, чтобъ ему позволили сдѣлать опытъ; женихи тому противятся; но по приказанію Телемака лукъ поданъ Одиссею; онъ его натягиваетъ, стрѣляетъ и попадетъ въ цѣль.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина вселила желанье
 Въ грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэрта сына,
 Лукъ женихамъ Одиссеевъ и грозныя стрѣлы принесши,
 Вызвать къ стрѣлянію въ цѣль ихъ и тѣмъ приготовить имъ гибель.
⁵Вверхъ по ступенямъ высокимъ послѣшно взопла Пенелопа;
 Мягкоодутой рукою искусственно выгнутый мѣдный
 Ключъ съ рукоятью изъ кости слоновой доставши, царица
 Въ дальнюю ту кладовую пошла [и рабыни за нею],
 Гдѣ Одиссеевы всѣ драгоценности были хранимы:
¹⁰Золото, мѣдъ и желѣзная утварь чудесной работы.
 Тамъ находился и тугосгибаемый лукъ и набитый
 Множествомъ стрѣлъ бѣдоносныхъ колчанъ. Подаренъ Одиссею
 Этотъ былъ лукъ со стрѣлами давно въ Лакедемонѣ гостемъ
 Ифитомъ, богоподобнаго Эврита сыномъ. Они же [имъ
¹⁵Встрѣтились прежде другъ съ другомъ въ Мессинѣ, гдѣ нужно обо-

Домъ посѣтить Орхилока разумнаго было. Въ Мессинѣ
Тяжбу съ гражданами велъ Одиссей. Изъ Итаки мессинцы
Мелкаго много скота увели; съ пастухами оттуда
Триста быковъ круторогихъ разбойничье судно украло.

²⁰Ихъ Одиссей тамъ отыскивалъ; юноша, свѣжести полный
Былъ онъ въ то время; его же послали отецъ и геронты.
Ифитъ отыскивалъ также пропажу: коней и двѣнадцать
Добрыхъ жеребыхъ кобылъ и могучихъ работниковъ мѣловъ.
Ифиту искъ удался; но погибелью стала удача:

²⁵Къ сыну Зевесову, славному крѣпостью силы великой
Мужу, Ираклу, свершителю подвиговъ чудныхъ, пришелъ онъ—
Въ домѣ своемъ умертвилъ имъ самимъ приглашеннаго гостя
Звѣрскій Иракль, посрамивши Зевесовъ законъ и накрытый
Имъ гостелюбно для странника столъ, за которымъ убійство

³⁰Онъ совершилъ, чтобъ коней громозвучнокопытныхъ присвоить.
Ифитъ, въ Мессину за ними пришедъ, Одиссея тамъ встрѣтилъ.
Эвритовъ лукъ онъ ему подарилъ: умирая, великій
Эвритъ тотъ лукъ злополучному сыну въ наслѣдство оставилъ.

Ифита острымъ мечемъ и копьемъ одаривъ длинногѣннымъ,

³⁵Гостемъ остался ему Одиссей; но за столъ пригласить свой
Друга не могъ: прекратилъ сынъ Зевесовъ, Иракль безпощадный
Жизнь благородному Ифиту, Эврита славнаго сыну,
Давшему лукъ Одиссею и стрѣлы. И не бралъ съ собою
Ихъ никогда Одиссей на войну въ кораблѣ чернобокомъ:

⁴⁰Память о гостѣ возлюбленномъ вѣрно храня, ихъ берегъ онъ
Въ домѣ своемъ; но въ отечествѣ всюду имѣлъ при себѣ ихъ.
Близко къ дверямъ запертымъ кладовой подошедъ, Пенелопа
Стала на гладкій дубовый порогъ [по шнуру обтесавши
Брусъ, тотъ порогъ тамъ искусно уладилъ строитель, дверныя

⁴⁵Притолки въ немъ утвердилъ, и на притолки створы навѣсилъ];
Съ скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключъ свой вложила царица въ замокъ; отодвинувъ задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петляхъ заржавѣвшихъ створы
Двери блестящей; какъ дико мычить выгоняемый на лугъ

⁵⁰Быкъ круторогій—такъ дико тяжелые створы визжали.

Взлѣзши на гладкую полку [на ней же ларцы съ благовоной

Были одеждой], царица, поднявшись на цыпочки, руку
 Снять Одиссеевъ съ гвоздя ненатянутый лукъ протянула;
 Бережно былъ онъ обвернуть блестящимъ чехломъ; и доставши
⁵⁵Лукъ, на колѣна свои положила его Пенелопа;
 Сѣвъ съ нимъ и вынувъ его изъ чехла, зарыдала, и долго,
 Долго рыдала она; напоследокъ, насытившись плачемъ,
 Медленнымъ шагомъ пошла къ женихамъ многобуйнымъ въ собранье,
 Лукъ Одиссеевъ, сгибаемый туго, неся, и великій
⁶⁰Тулъ, мѣдноострыми быстросмертельными полный стрѣлами.
 Слѣдомъ за ней принесенъ былъ рабынями ящикъ съ запасомъ
 Мѣди, желѣза и съ разною утварью бранной. Царица,
 Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
 Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
⁶⁵Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
 Справа и слѣва почтительно стали служанки. И слово
 Къ буйнымъ своимъ женихамъ обративъ, Пенелопа сказала:
 Слушайте всѣ вы, мой женихи благородные: домъ нашъ
 Вы разоряете, въ немъ на пиры истребляя богатство
⁷⁰Мужа, давно разлученнаго съ милой отчизною; права
 Нѣтъ вамъ на то никакого; меня лишь хотите принудить
 Выбрать межъ вами, на бракъ согласясь ненавистный, супруга.
 Можете сами теперь разрѣшить вы мой выборъ. Готова
 Быть я цѣною побѣды. Смотрите, вотъ лукъ Одиссеевъ;
⁷⁵Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
 Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ [ихъ не тронувъ] двѣнад-
 Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милого дома, [цать
 Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
 Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.—
⁸⁰Съ сими словами велѣла она свинопасу Эвмею
 Лукъ Одиссеевъ и стрѣлы подать женихамъ благороднымъ.
 Взрыдъ онъ заплакалъ, принявши его; къ женихамъ онъ пошелъ съ
 Лукъ Одиссеевъ узнавъ, зарыдалъ и коровникъ Филотій. [нимъ;
 Къ нимъ обратясь обоимъ, сказалъ Антиной, негодуя:
⁸⁵Вы, деревенщина грубая, только однимъ ежедневнымъ
 Занять вашъ умъ! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
 Въ сердцѣхъ хотите своей госпожи? И безъ васъ ужъ довольно

Скорбью томится она бесполезною въ долгой разлукѣ
 Съ мужемъ; сидите же тихо и ѣшьте; а если хотите
⁹⁰Плакать, уйдите отсюда, оставя и лукъ вашъ и стрѣлы
 Намъ женихамъ на рѣшительный бой. Сомнѣваюсь однако
 Я, чтобъ легко натянулъ кто такой несказанно упорный
 Лукъ. Многосильнаго мужа такого, каковъ Одиссей былъ,
 Нѣтъ между нами. Его я въ то время видалъ—и понинѣ
⁹⁵Помню о немъ, хотъ тогда и ребенкомъ еще былъ неумнымъ.—
 Такъ говоря про другихъ, про себя уповалъ онъ, что сладить
 Съ лукомъ, натянетъ легко тетиву и всѣ кольца прострѣлитъ.
 Бѣдный слѣпецъ, онъ не думалъ, что первую жертвою будетъ
 Стрѣлъ Одиссея, который имъ въ собственномъ домѣ такъ дерзко
¹⁰⁰Былъ оскорбленъ, на котораго тамъ и другихъ возбуждалъ онъ.
 Тутъ, къ женихамъ обратясь, имъ сказалъ Телемакъ богоравный:
 Горе! конечно мой разумъ привелъ въ беспорядокъ Кроніонъ!
 Милая мать, столь великимъ умомъ одаренная, слышу,
 Здѣсь говоритъ, что съ супругомъ другимъ соглашается свѣтлый
¹⁰⁵Домъ мой покинуть; а я, тѣмъ довольный, смѣюсь какъ безумецъ.
 Чась наступилъ; женихи, приготовьтесь къ послѣднему дѣлу.
 Въ цѣлой ахейской землѣ вы такой не найдете невѣсты—
 Гдѣ бъ ни искали, въ священномъ ли Пилосѣ или въ Аргосѣ,
 Или въ Микинахъ, иль въ нашей Итакѣ, иль тамъ на пространствѣ
¹¹⁰Черной земли матерой—но хвала не нужна; вы довольно
 Знаете сами; пора начинать намъ свой опытъ; берите
 Лукъ Одиссеевъ и силу свою окажите на дѣлѣ.
 Я жъ и себя самого испытанью хочу здѣсь подвергнуть.
 Если удастся мнѣ лукъ натянуть и стрѣлою всѣ кольца
¹¹⁵Мѣтко пробить, удаленіе матери милой изъ дома
 Съ мужемъ другимъ и мое одиночество будутъ сносить
 Мнѣ, ужъ владѣть небезсильному лукомъ отца Одиссея.
 Кончивъ, онъ съ плечъ молодыхъ пурпуровую мантию сбросилъ;
 Всталъ и, съ мечемъ мѣдноострымъ блестящую перевязь снявши,
¹²⁰Жерди въ глубокихъ для каждой особенно вырытыхъ ямкахъ,
 Ихъ по снуру уравнивъ, утвердилъ; основанья жъ, чтобъ прямо
 Всѣ, не шатаясь, стояли, землей отопталъ. Всѣ дивились,
 Какъ онъ искусно порядокъ ему незнакомый устроилъ.

Сталь Телемакъ у порога дверей и, схвативъ Одиссеевъ
¹²⁵Лукъ, попытался на немъ натянуть тетиву; и погнулъ онъ
Трижды его, но упорствуя, трижды онъ вновь разогнулся.
Имъ овладѣть, нацѣпивъ тетиву, уповая, въ четвертый
Разъ онъ готовъ былъ съ удвоенной силой приняться за дѣло;
Но Одиссей по условью кивнулъ головой; отложивши
¹³⁰Трудъ, обратился къ отцу и сказали Телемакъ богоравный:
Горе мнѣ! видно я слабымъ рожденъ и останусь безсильнымъ
Вѣчно; я молодъ еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго злую обиду.
Ваша теперь череда, женихи, вы сильнѣе; пусть каждый
¹³⁵Лукъ Одиссеевъ возьметъ и свершитъ попытается подвигъ.—
Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустилъ онъ на землю,
Къ гладкой дверной половинкѣ его прислонивши; но рядомъ
Съ нимъ и стрѣлу пераянью онъ къ ручкѣ замочной приставилъ.
Сѣлъ онъ на стулъ свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безопасно.
¹⁴⁰Тутъ обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ
Съ правой руки подходите одинъ за другимъ вы, начавши [имъ:
Съ мѣста, откуда вино подносить на шире начинаютъ.—
Такъ Антиной предложилъ и одобрили всѣ предложенье.
Первый поднявшійся съ мѣста пошелъ Леодей, сынъ Эйноповъ;
¹⁴⁵Жертвогадатель ихъ былъ онъ и подлѣ кратеры на самомъ
Краѣ стола за обѣдомъ садился. Ихъ буйство противно
Было ему, и нерѣдко онъ ихъ порицалъ, негодуя.
Первый онъ долженъ былъ взяться за лукъ роковой, наблюдая
Очередь. Ставъ у порога дверей, онъ схватилъ Одиссеевъ
¹⁵⁰Лукъ; но его и погнуть онъ не могъ; отъ напрасныхъ усилій
Слабыя руки его онѣмѣли. Онъ съ горемъ воскликнулъ:
Нѣтъ! не по силамъ мнѣ лукъ Одиссеевъ; другой попытайся
Крѣпость его одолѣть! но у многихъ мужей знаменитыхъ
Душу и жизнь онъ возьметъ. И конечно желаннѣе встрѣтить
¹⁵⁵Смерть, чѣмъ живому скорбѣть о утратѣ того, что такъ сильно
Насъ привлекало вседневно сюда чародѣйствомъ надежды.
Всѣ мы теперь уповаемъ, во всѣхъ насъ пылаетъ желанье
Бракъ заключить съ Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
Лукъ испытавъ Одиссеевъ и силу надъ нимъ утомивши,

¹⁶⁰Съ горемъ въ душѣ принужденъ за другую ахейскую дѣву
 Свататься будетъ, подарки свои расточая; она же
 Выберетъ доброю волей того, кто щедрѣй и пріятнѣй.—
 Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустилъ онъ на землю,
 Къ гладкой дверной половинкѣ его прислонивши; но рядомъ
¹⁶⁵Съ нимъ и стрѣлу перьяную онъ къ ручкѣ замочной приставилъ.
 Сѣлъ онъ на стулъ свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безопасно.
 Гнѣвно къ нему обратившись, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
 Странное слово изъ устъ у тебя, Леодей, излетѣло,
 Слово печальное, страшное; слышать его мнѣ противно.
¹⁷⁰Душу и жизнь, говоришь ты, у многихъ людей знаменитыхъ
 Лукъ Одиссеевъ возьметъ, потому что его неспособенъ
 Ты натянуть. Но безсильнымъ отъ матери былъ благородной
 Ты безъ сомнѣнья рожденъ, не могучимъ властителемъ лука;
 Многие будутъ въ числѣ жениховъ безъ сомнѣнья способнѣй
¹⁷⁵Сладить съ нимъ.—Кончилъ. Потомъ, козоведа Мелантія кликнувъ,
 Слушай, Мелантіи, сказалъ, здѣсь огонь ты разложишь; къ огню же
 Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
 Жирнаго сала потомъ принесешь намъ укрутъ, чтобъ могли мы
 Имъ, на огня здѣсь его разогрѣвши, помазывать крѣпкій
¹⁸⁰Лукъ Одиссеевъ: тогда онъ удобнѣй натянуть быть можетъ.—
 Такъ онъ сказалъ. И Мелантіи, огонь разложивъ превеликій,
 Близко поставилъ скамейку, покрытую мягкой овчиной;
 Сала принесъ напоследокъ укрутъ; и, растаявши сало,
 Начали мазать имъ лукъ женихи; но изъ нихъ никоторый
¹⁸⁵Лука не могъ и немного погнуть—несказанно былъ тутъ онъ;
 Взяться за опытъ тогда въ свой чередъ Антиной съ Эвримахомъ
 Были должны, межъ другими отличные мужеской силой.
 Въ это мгновение, разомъ поднявшись, изъ дома вмѣстѣ
 Вышли Эвмей свинопасъ и коровникъ Филотій; за ними
¹⁹⁰Слѣдуя, залу покинулъ и царь Одиссей; онъ, широкій
 Дворъ перейдя, за ворота двустворныя вышелъ. Позвавши
 Тамъ ихъ обоихъ, онъ ласковосладкую рѣчь обратилъ къ нимъ:
 Вѣрные слуги, Эвмей и Филотій, могу ли вамъ открыться?
 Или мнѣ лучше смолчать? Но меня говорить побуждаетъ
¹⁹⁵Сердце. Отвѣтствуйте: что бы вы сдѣлали, если бъ внезапно,

Демономъ вдругъ приведенный какимъ, Одиссей, господинъ вашъ,
Здѣсь вамъ явился? Къ нему ль, къ женихамъ ли тогда бъ вы пристали?
Прямо скажите мнѣ все, что велитъ вамъ разсудокъ и сердце.—

Кончилъ. Ему отвѣчалъ простодушный коровникъ Филотій:

²⁰⁰Царь нашъ Зевесъ, о! когда бы на наши молитвы ты отдалъ

Намъ Одиссея! да благостный геній его къ намъ проводить!

Самъ ты увидишь тогда, что и я не остануся празденъ.—

Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный, боговъ призывая,

Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.

²⁰⁵Въ вѣрности сердца и въ доброй ихъ волѣ вполне убѣдяся,

Такъ имъ обоимъ сказалъ наконецъ Одиссей богоравный:

Знайте же, я Одиссей, претерпѣвшій столь много напастей,

землю отцовъ приведенный по волѣ боговъ черезъ двадцать

Лѣтъ. Но я вижу, что здѣсь изъ рабовъ моего возвращенья

²¹⁰Только вы двое желаете; я не слыхалъ, чтобъ другой кто

Здѣсь помолился богамъ о свиданіи скоромъ со мною.

Слушайте жъ, вамъ разскажу обо всемъ, что случиться должно здѣсь:

Если мнѣ Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,

Вамъ я обоимъ найду по невѣстѣ, приданое каждой

²¹⁵Дамъ и построю вамъ дома вблизи моего и, какъ братья,

Будете жить вы со мною и съ сыномъ моимъ Телемакомъ.

Вамъ же и признакъ могу показать, по которому ясно

Вы убѣдитесь, что я Одиссей: вотъ рубецъ, вамъ знакомый;

Вепремъ, вы помните, былъ я пораненъ, когда съ сыновьями

²²⁰Автоликона охотой себя забавлялъ на Парнассѣ.—

Такъ говоря, онъ колѣно открылъ, распахнувши тряпицы

Рубища. Тѣ жъ, разсмотрѣвши прилежно рубецъ, имъ знакомый,

Начали плакать; и крѣпко обнявъ своего господина,

Голову, плечи и руки и ноги его цѣловали.

²²⁵Головы ихъ со слезами и онъ цѣловалъ, и за плачемъ

Ихъ бы могло тамъ застать захожденіе солнца, когда бы

Имъ не сказалъ Одиссей, успокоившись первый: отрите

Слезы, чтобъ изъ дому вышедши, кто не засталъ васъ, такъ горько

Плачущихъ: тѣмъ преждевременно тайна откроется наша.

²³⁰Должно, чтобъ снова—одинъ за другимъ, а не вмѣстѣ—вошли мы

Въ залу, я первый, вы послѣ. И ждите, чтобъ мной былъ вамъ поданъ

Знакъ. Женихи многобуйныя, думаю я, не позволять
 Въ руки мнѣ взять тамъ мой лукъ и колчанъ мой, набитый стрѣлами;
 Ты же, Эвмей, не дождавшись приказа, и лукъ и колчанъ мнѣ
 235 Самъ принеси. И потомъ ты велишь, чтобъ рабыни немедля
 Заперли въ женскія горницы двери на ключъ, и чтобъ, если
 Шумъ иль стенанье въ столовой послышится имъ, не посмѣла
 Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидѣли
 Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ своимъ занимаясь.

240 Ты же, Филотій, возьми воротà на свое попеченье.

Крѣпко запри ихъ на ключъ и ремнемъ затяни ихъ задвижку.—
 Такъ говорилъ Одиссей имъ. Онъ, въ двери столовой вступивши,
 Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкѣ.

Послѣ явились одинъ за другимъ свинопасъ и Филотій.

245 Лукъ Одиссеевъ держалъ Эвримахъ и его надъ пылавшимъ
 Жарко огнемъ поворачивалъ, грѣя. Не могъ онъ однако
 Крѣпость его побѣдить. Застонало могучее сердце;

Голосъ возвысивъ, кипящій досадою, онъ громко воскликнулъ:

Горе мнѣ! я за себя и за васъ, сокрушенный, стыжуся:

250 Нѣтъ мнѣ печали о томъ, что отъ брака я долженъ отрѣчься—

Много найдется прекрасныхъ ахейскихъ невѣстъ и въ Итакѣ,
 Моремъ объятаю, и въ разныхъ другихъ областяхъ Кефаленскихъ.

Но столь ничтожными крѣпостью быть съ Одиссеемъ въ сравненіи—

Такъ, что изъ насъ ни одинъ и немного погнуть былъ не въ силахъ

255 Лука его—то стыдомъ насъ покроетъ и въ позднемъ потомствѣ.—

Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, воскликнулъ ему возражая:

Нѣтъ, Эвримахъ благородный, того не случится, и въ этомъ

Самъ ты увѣренъ. Народъ Аполлоновъ великій сего дня

Празднуетъ праздникъ: въ такой день натягивать лукъ неприлично;

260 Спрячемъ же лукъ; а жердей выносить намъ не нужно отсюда.

Пусть остаются; украсть ихъ конечно никто изъ живущихъ

Въ домѣ царя Одиссея рабовъ и рабынь не помыслить.

Намъ же опять благовоннымъ виномъ пусть наполнить глашатай

Кубки, а лукъ Одиссеевъ запремъ, совершивъ возліянье.

265 Завтра поутру пускай козоводъ, нашъ разумный Мелантій

Козъ приведетъ намъ отборныхъ, чтобъ здѣсь принести Аполлону,

Лука сгибателю, бедра ихъ въ жертву. Согнуть онъ поможетъ

Лукъ Одиссеевъ; и силы надъ нимъ не истратимъ напрасно.—
 Такъ предложилъ Антиной и одобрили всѣ предложеніе.
²⁷⁰Тутъ для умѣтїя рукъ имъ глашатаи подали воду;
 Отроки, свѣтлымъ кратеры до края наполнивъ напитокомъ,
 Въ чапахъ его разнесли, по обычаю справа начавши;
 Вкуснымъ питьемъ насладились они, сотворивъ возліянье.
 Хитрость замысливъ, тогда имъ сказать Одиссей многоумный:
²⁷⁵Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце,
 Вотъ вамъ—тебѣ Эвримахъ, и тебѣ Антиной богоравный,
 Столь разсудительно дѣло рѣшившіе—добрый совѣтъ мой:
 Лукъ отложите, на волю безсмертныхъ предавъ остальное;
²⁸⁰Завтра рѣшитъ Аполлонъ, кто изъ васъ побѣдителемъ будетъ;
 Мнѣ же отвѣдать позвольте чудеснаго лука; узнать мнѣ
 Дайте, осталось ли въ мышцахъ моихъ изнуренныхъ хоть мало
 Силы, меня оживлявшей въ давнишнее младости время,
 Или я вовсе нуждой и бродячимъ житьемъ уничтоженъ.—
²⁸⁵Кончилъ. Но просьбы его не одобрилъ никто. Испугался
 Каждый при мысли, что съ гладкоблистающимъ лукомъ онъ сладить.
 Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
 Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль разсудка лишился?
 Мало того, что спокойно, допущенный въ общество наше,
²⁹⁰Здѣсь ты пируешь, обѣдая съ нами, и всѣ разговоры
 Слушаешь наши, чего никогда здѣсь еще никакому
 Нищему не было нами дозволено? Все недоволенъ!
 Видно твой умъ отуманенъ медвянымъ виномъ; отъ вина же
 Всякій, его неумѣренно пьющій, безумѣетъ. Былъ имъ
²⁹⁵Нѣкогда Эвритіонъ, многославный кентавръ, обезумленъ.
 Въ домъ Пиритоя, великою славнаго силой, вступивши,
 Праздновалъ тамъ онъ съ лапнеами; разума пьянствомъ лишенный,
 Буйствовать звѣрски онъ вдругъ принялся въ Пиритоевомъ домѣ.
 Всѣ раздражились лапнеы; покинувъ трапезу, изъ залы
³⁰⁰Силой его утащили на дворъ, и нещадною мѣдью
 Уши и носъ обрубили они у него; и разсудка
 Вовсе лишенный, кентавръ убѣжалъ, поношеньемъ покрытый.
 Злая зажглась оттого у кентавровъ съ лапнеами распря;

Онъ же отъ пьянства тамъ первый плачевную встрѣтилъ погибель.
 305Такъ и съ тобою случится, бродяга безмысленный, если
 Этотъ осмѣлишься лукъ натянуть: не молвою прославленъ
 Будешь ты въ области нашей; на твердую землю ты будешь
 Къ злomu Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ;
 Тамъ ужъ ничѣмъ не спасешься отъ гибели жалкой. Сиди же
 310Смирно и пей; и на старости силою не спорь съ молодыми.—
 Онъ замолчалъ. Возражая, сказала ему Пенелопа:
 Нѣтъ, Антиной, непохвально бѣ весьма и несправедно было,
 Если бѣ гостей Телемаковыхъ кто здѣсь лишалъ ихъ участья.
 Или ты мыслишь, что этотъ старикъ, натянувши великій
 315Лукъ Одиссеевъ, на силу свою полагаясь, помыслить
 Мною завладѣть, и свою безразсудно мнѣ руку предложить?
 Это конечно ему не входило и сонному въ мысли;
 Будьте жъ спокойны и долѣ такимъ опасеньемъ не мучьте
 Сердца—ни вздумать того, ни на дѣлѣ исполнить невозможно.—
 320Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибевъ, такъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
 О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
 Мы не боимся, чтобъ дерзость такую замыслилъ онъ—это
 Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
 Толковъ, чтобъ кто не сказалъ межъ ахейцами, низкій породой:
 325Жалкіе люди они! за жену безпорочнаго мужа
 Вздумали свататься; лука жъ его натянуть не умѣютъ.
 Вотъ посѣтилъ ихъ нашъ братъ побродяга, покрытый отречьемъ;
 Легкой рукой тетиву натянулъ и всѣ кольца стрѣлою
 Мѣтко пробилъ онъ. Такъ скажутъ. И будетъ намъ стыдъ нестер-
 330Кончилъ. Разумная старца Икарія дочь возразила: [шимый.—
 Нѣтъ, Эвримахъ, на себя порицанье и стыдъ навлекаютъ
 Люди, которые домъ и богатства отсутственныхъ грабятъ,
 Правду забывши; а тутъ вамъ стыда никакого не будетъ:
 Этотъ же странникъ и ростомъ высокій и мышцами сильный,
 335Родомъ не низокъ: рожденъ, говоритъ онъ, отцомъ знаменитымъ.
 Дайте же страннику лукъ Одиссеевъ—увидимъ, что будетъ.
 Слушайте также [и то, что скажу я, исполнится вѣрно],
 Если натянетъ онъ лукъ и его Аполлонъ тѣмъ прославить,
 Мантию дамъ я ему и красивый хитонъ и подошвы

³⁴⁰Ноги обушь; дамъ копы на собакъ и на встрѣчу съ бродягой;
Также и мечъ онъ получить, съ обѣихъ сторонъ заощренный;
Послѣ и въ сердцемъ желанную землю его я отправлю.—

Ей возражая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Милая мать, Одиссеевымъ лукомъ не можетъ никто здѣсь

³⁴⁵Властвовать; дать ли, не дать ли его, я одинъ лишь на это

Право имѣю—никто изъ живущихъ въ гористой Итакѣ

Иль на какомъ острову, съ многоконной Элидою смежномъ,

Если придетъ мнѣ на умъ, здѣсь никто запретить мнѣ не можетъ

Страннику стрѣлы и лукъ подарить, и унести ихъ позволить.

³⁵⁰Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,

Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ

Были; судить же о лукѣ не женское дѣло, а дѣло

Мужа, и нынѣ мое: у себя я одинъ повелитель.—

Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопа;

³⁵⁵Къ сердцу слова многоумная сына принявъ и въ покоѣ

Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ

Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда

Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.

Тою порою, взявъ стрѣлы и лукъ, свинопасъ къ Одиссею

³⁶⁰Съ ними пошелъ. На него всей толпой женихи закричали.

Такъ говорили одни изъ ругателей дерзконадменныхъ:

Стой, свинопасъ безтолковый! Куда ты бредешь, какъ безумный,

Съ лукомъ? Ты будешь своимъ же собакамъ, которыхъ вскормилъ здѣсь

Самъ, чтобъ свиней сторожить, на съѣденіе выброшенъ, если

³⁶⁵Намъ Аполлонъ и блаженные боги даруютъ побѣду.—

Такъ говорили они. Свинопасъ, оглушенный ихъ крикомъ,

Лукъ, оробѣвъ, ужъ готовъ былъ поставить на прежнее мѣсто;

Но Телемакъ, на него погрозяся, разгнѣванный крикнулъ:

Съ лукомъ сюда! Ты, Эвмей, ошалѣлъ; ужъ не хочешь ли волѣ

³⁷⁰Всѣхъ угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и старъ ты, я въ поле

Камнями самъ провожу: молодой старика одолѣеть.

Если бы силой такой я одинъ одаренъ былъ, какую

Всѣ совокупно имѣютъ они, женихи Пенелопы,

Въ страхѣ тогда по своимъ бы домамъ разбѣжались разомъ

³⁷⁵Всѣ они, въ домѣ моемъ незаконнѣй творяще много.—

Такъ онъ сказалъ имъ. Они неописанный подняли хохоть.
 Въ сердцѣ однако у нихъ на него присмирѣла досада.
 Волю его исполняя, Эвмей черезъ залу прошедши,
 Лукъ и колчанъ со стрѣлами вручилъ Одиссею; потомъ онъ,
³⁸⁸Кликнувъ усердную няню его Эвриклею, сказалъ ей:
 Слушай, тебѣ повелѣлъ Телемакъ, чтобъ рабыни немедля
 Заперли въ женскія горницы двери на ключъ, и чтобъ, если
 Шумъ или стenanье въ столовой послышится имъ, не посмѣла
 Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидѣли
³⁸⁵Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ своимъ занимаясь.—
 Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
 Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки, замкнула
 Тотчасъ она; а Филотій, покинувъ украдкою залу,
 Вышелъ на дворъ, обнесенный оградой, и заперъ ворота;
³⁹⁰Былъ тамъ въ сѣняхъ корабельный пеньковый канатъ; имъ связалъ
 Крѣпко затворъ у воротъ и, въ столовую снова вступивши, [онъ
 Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкѣ,
 Очи вперивъ въ Одиссея, который, въ рукахъ обращая
 Лукъ свой туда и сюда, осторожно разсматривалъ, цѣлы ль
³⁹⁵Роги, и не было ль что безъ него въ нихъ попорчено червемъ.
 Глядя другъ на друга, такъ женихи межъ собой разсуждали:
 Видно знатокъ онъ, и съ лукомъ привыкъ обходиться; быть можетъ,
 Луки работаетъ самъ и, имѣя ужъ лукъ, начатой имъ
 Дома, намѣренъ его по образчику этого сладить;
⁴⁰⁰Видите ль, какъ онъ, бродяга негодный, его разбираетъ?—
 Но—отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ—удастся
 Опытъ ужъ вѣрно ему! и всегда пусть такую жъ удачу
 Встрѣтитъ во всемъ онъ, какъ здѣсь, съ Одиссеевымъ сладивши лу-
 Такъ женихи говорили, а онъ, преисполненный страшныхъ [комъ.—
⁴⁰⁵Мыслей, великій осматривалъ лукъ. Какъ пѣвецъ приобыкшій
 Цитрою звонкой владѣть, начинать пѣснощѣные готовясь,
 Строить ее, и упругія струны на ней, изъ овечьихъ
 Свитыя тонкотягучихъ кишокъ, безъ труда напрягаетъ—
 Такъ безъ труда во мгновеніе лукъ непокорный напрягъ онъ.
⁴¹⁰Крѣпкую правой рукой тетиву потянувши, онъ ею
 Щелкнулъ: она провизжала, какъ ласточка звонкая въ небѣ.

Дрогнуло сердце въ груди жениховъ, и въ лицѣ измѣнились

Всѣ—тутъ ужасно Зевесъ загремѣлъ съ вышины, подавая

Знакъ; и живое веселіе въ грудь Одиссея проникло:

⁴¹⁵Въ громѣ Зевесовомъ онъ предвѣщанье благое услышалъ.

Быструю взявъ онъ стрѣлу, на столѣ отъ него недалеко

Вольно лежавшую; прочія жъ заперты въ тѣсномъ колчанѣ

Были—но скоро ихъ шумъ женихамъ надлежало услышать.

Къ луку притиснувъ стрѣлу, тетиву онъ концомъ опереннымъ,

⁴²⁰Сидя на мѣстѣ своемъ, натянулъ и, прицѣляся, въ кольца

Выстрѣлили—быстро отъ перваго всѣ до послѣдняго кольца,

Ихъ не задѣвъ, пронизала стрѣла, заощренная мѣдью.

Тутъ обратясь къ Телемаку, воскликнулъ стрѣлецъ богоравный:

Видишь, что гость твой тебѣ, Телемакъ, не нанесъ посрамленья.

⁴²⁵Въ цѣль я попалъ; да и лукъ натянуть Одиссеевъ не много

Было труда мнѣ. Еще не совсѣмъ я, скитаясь, утратилъ

Силы, хотя женихи и ругаются мной безпощадно.

Должно однако, покуда свѣтло, угощенье иное

Имъ приготовить; и пѣніе съ звонкою цитрой, душою

⁴³⁰Пира, на новый, теперь имъ приличнѣйшій ладъ перестроить.—

Такъ онъ сказалъ и бровями повелъ. Телемакъ богоравный

Понялъ условленный знакъ; онъ немедля свой мечъ опоясалъ,

Въ руки схватилъ боевое копье и за стуломъ отцовымъ

Сталъ, ко всему изготовясь, оружіемъ мѣднымъ блестящій.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

тридцать девятый день.

Одиссей убиваетъ Антиноя, открывається женихамъ (и отвергаетъ мирное предложеніе Эвримаха). Телемакъ приноситъ сверху оружія (онъ забываетъ затворить дверь, и въ нее входитъ Мелантій, который снабжаетъ оружіями жениховъ; но схваченъ потомъ Эвмеемъ и Филотиемъ; они запираютъ его связаннаго на верху. Явленіе Аѳины, сперва въ видѣ Ментора, потомъ въ видѣ ласточки; она приводитъ въ разстройство чувства жениховъ. Всѣ они, кромѣ глашатая Медонта и пѣвца Фемія, умерщвлены.) Одиссей повелѣваетъ вынести трупы изъ столовой.

~~Глазъ рабыни и Мелантія.~~ Одиссей посылаетъ Эвриклею позвать Пенелопу.

Рубище сбросивъ поспѣшно съ себя, Одиссей хитроумный

Прянулъ, держа свой колчанъ со стрѣлами и лукъ, на высокій

Двери порогъ; изъ колчана онъ острыя высыпаль стрѣлы
 На полъ у ногъ, и потомъ, къ женихамъ обратясь, воскликнулъ:
⁵Этотъ мнѣ опытъ, друзья женихи, удалося окончить;
 Новую цѣль я, въ какую никто не стрѣляль до сего дня,
 Выбралъ теперь, и въ нее угодить Аполлонъ мнѣ поможетъ.—
 Такъ говоря, онъ прицѣлился горькой стрѣлой въ Антиноя:
 Взявъ со стола золотую съ двумя рукоятями чашу,
¹⁰Пить изъ нея Антиной ужъ готовъ былъ вино; беззаботно
 Полную чашу къ устамъ подносилъ онъ; и мысли о смерти
 Не было въ немъ. И никто изъ гостей многочисленныхъ пира
 Вздумать не могъ, чтобъ одинъ человѣкъ на толпу ихъ замыслилъ
 Дерзко ударить и разомъ предать ихъ губительной Керѣ.
¹⁵Выстрѣлилъ, грудью подавшись впередъ, Одиссей и пронзила
 Горло стрѣла; остріе смертоносное вышло въ затылокъ;
 На бокъ упаль Антиной; покагилася по полу чаша,
 Выпавъ изъ рукъ; и горячимъ ключомъ изъ ноздрей засвистала
 Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнулъ отъ себя онъ
²⁰Столъ и его опрокинулъ; вся пища [горячее мясо,
 Хлѣбъ и другое], смѣшавшись, свалилася на полъ. Ужасный
 Подняли крикъ женихи, Антиноя узрѣвъ умерщвленнымъ.
 Всею толпою со стульевъ вскочили они и, глазами
 Бѣгая вокругъ по стѣнамъ обнаженнымъ, искали оружія—
²⁵Не было тамъ ни щита, ни копыя, заощреннаго мѣдью.
 Гнѣвными начали всѣ упрекать Одиссея словами:
 Выстрѣлъ твой будетъ бѣдою тебѣ, чужеземецъ; послѣдній
 Сдѣлалъ ты выстрѣлъ теперь; ты погибъ неизбѣжно; убилъ ты
 Мужа, изъ всѣхъ, обитающихъ въ волнообъятой Итакѣ
³⁰Самаго знатнаго; будешь за то ястребами расклеванъ!—
 Мнили они, что случайно стрѣлой чужеземца товарищъ
 Ихъ умерщвленъ былъ. Безумцы! они въ слѣпотѣ не видали
 Сѣти, которою близкая всѣхъ ихъ опутала гибель.
 Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
³⁵А! вы, собаки! вамъ чудилось всѣмъ, что домой ужъ изъ Трои
 Я не приду никогда, что вольны безпощадно вы грабить
 Домъ мой, насильствуя гнусно моихъ въ немъ служанокъ, тревожа
 Душу моей благородной жены сватовствомъ ненавистнымъ,

Правду святую боговъ позабывъ, не страшася ни гнѣва

⁴⁰Ихъ, ни отъ смертныхъ людей за дѣла беззаконныя мести!

Въ сѣть неизбѣжной погибели всѣ наконецъ вы попали.—

Такъ онъ сказалъ имъ, и были всѣ ужасомъ схвачены блѣднѣмъ;

Всѣ, озираясь, глазами искали дороги для бѣгства.

Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибѣвъ, бросилъ крылатое слово:

⁴⁵Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой,

Праведны всѣ обвиненья твои. Беззаконнаго много

Въ домѣ твоёмъ и въ твоихъ областяхъ совершилось; но здѣсь онъ,

Главный виновникъ всего, Антиной, пораженный тобою,

Мертвый лежитъ. Онъ одинъ, зломысленней всегдашнихъ зачинщикъ,

⁵⁰Насъ поджигаль: не о бракѣ одномъ онъ съ твоей Пенелопой

Думаль; иное, чего не позволилъ Кроніонъ, тайлось

Въ сердцѣ его: похищеніе власти царя; Телемака,

Власти державной наслѣдника, смерти предать замышлялъ онъ.

Нынѣ судьбой онъ постигнуть; а ты, Одиссей, пощади насъ

⁵⁵Подданныхъ; послѣ назначишь намъ цѣну, какую захочешь

Самъ, за вино, за ѣду и за все, что истрачено нами;

То, что здѣсь стоятъ откормленныхъ двадцать быковъ, дасть охотно

Мѣдью и золотомъ каждый изъ насъ, чтобъ склонить на пощаду

Гнѣвъ твой; теперь же твой праведенъ гнѣвъ; на него мы не ропщемъ.—

⁶⁰Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный:

Нѣтъ, Эвримахъ—и хотя бы вы съ вашимъ сполна всѣ богатства

Вашихъ отцовъ принесли мнѣ, прибавя къ нимъ много чужаго—

Руки мои васъ губить не уймутся до тѣхъ поръ, покуда.

Кровію вашей обиды моей дочиста не омою.

⁶⁵Выборъ теперь вамъ одинъ: иль со мной, защищаяся, бейтесь,

Или бѣгите отсюда, спасаясь отъ Керъ и отъ смерти—

Знайте однако, что Керы васъ всѣхъ на пути переловятъ,—

Такъ говорилъ онъ, у нихъ задрожали колѣна и сердце.

Тутъ Эвримахъ, обратясь къ женихамъ устрашеннымъ, воскликнулъ:

⁷⁰Этотъ свирѣпый безжалостныхъ рукъ не уйметъ, завладѣвши

Лукомъ могучимъ и полнымъ стрѣлами колчаномъ; до тѣхъ поръ

Будетъ съ порога високаго стрѣлы пускать онъ, покуда

Всѣхъ не положитъ насъ мертвыхъ. Друзья, не дадимся жъ безъ боя

Въ руки ему; обнажите мечи, и столами закройтесь

⁷⁵Противъ налета убійственныхъ стрѣлъ; всей толпою наперши,
 Можемъ мы, сбивши съ порога его и изъ притолокъ двери
 Вытѣснивъ, выбѣжать изъ дома, броситься въ городъ, и въ помощь
 Скликать людей; разстрѣляетъ онъ скоро ужасныя стрѣлы.—
 Такъ онъ сказавъ, изъ ноженъ, ободрившійся, выхватилъ мечъ свой,
⁸⁰Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ заощренный, и съ крикомъ ужаснымъ
 Прянулъ впередъ. Но на встрѣчу ему Одиссей богоравный
 Выстрѣлилъ; грудь близъ сосца проколола, и въ печень вонзившись,
 Крѣпко засѣла въ ней злая стрѣла. Изъ руки ослабѣвшей
 Выронилъ мечъ онъ, за столъ уцѣпиться хотѣлъ и, споткнувшись,
⁸⁵Вмѣстѣ упалъ со столомъ; вся ѣда со стола и двудонный
 Кубокъ свалилися наземъ; онъ объ полъ стучалъ головою,
 Болью проникнутый; ноги отъ судорогъ бились; ударомъ
 Пятокъ онъ стулъ опрокинулъ; его наконецъ потемнѣли
 Очи. Тогда Анфиномъ благородный, вскочивъ, устремился
⁹⁰Въ бой; упоая, что противъ него Одиссей не замедлитъ
 Выдти сошедши съ порога, свой мечъ обнажилъ онъ; но сзади
 Бросилъ копьѣ Телемакъ, заощренное мѣдью; вонзилось
 Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
 Треснулся объ полъ лицомъ Анфиномъ. Телемакъ же проворно
⁹⁵Прочь отскочилъ; онъ копя не хотѣлъ изъ убитаго вырвать,
 Сердцемъ тревожась, чтобъ въ это мгновеніе, съ боку нападши,
 Кто изъ ахейанъ его, занятаго копя исторженемъ,
 Острымъ мечемъ не пронзилъ неожиданно; свой совершивши
 Смертный ударъ, подъ защиту отца послѣшилъ онъ укрыться.
¹⁰⁰Близко къ нему подбѣжавши, онъ бросилъ крылатое слово:
 Щитъ, два копя мѣдноострыхъ, родитель, и крѣпкій изъ твердой
 Мѣди, къ твоей головѣ приспособленный шлемъ принесу я;
 Самъ же надѣну и латы; Эвмею съ Филотіемъ вѣрнымъ
 Также надѣтъ ихъ велю; безопаснѣе въ латахъ намъ будетъ.—
¹⁰⁵Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Дѣльно! бѣги и, пока не истратилъ я стрѣлъ, возвратися;
 Иначе буду, оставшись одинъ, оттѣсненъ отъ защитныхъ
 Притолокъ.—Такъ онъ сказалъ; Телемакъ все исполнилъ послѣшно:
 Бросаясь въ ту верхнюю горницу, гдѣ находились доспѣхи,
¹¹⁰Взялъ тамъ четыре щита онъ, четыре съ густыми хвостами

Конскими шлема и восемь блестящей окованныхъ мѣдью
 Копій; и съ ношей своей онъ къ отцу возвратился немедля;
 Прежде однако надѣлъ на себя мѣднолитныя латы;
 Мѣдными латами также облекшись, Эвмей и Филотій
¹¹⁵Стали съ боковъ Одиссея, глубокою полного думой.
 Онъ же, покуда еще оставались пернатяя стрѣлы,
 Каждой стрѣлой въ одного изъ враговъ попадалъ, не давая
 Прوماха; другъ подлѣ друга валяся, они издыхали.
 Но напоследокъ, когда истожилися стрѣлы, великій
¹²⁰Лукъ Одиссей опустилъ, не имѣя въ немъ болѣе нужды,
 Къ притолкѣ свѣтлой его прислонилъ и стоять тамъ оставилъ.
 Четверокожнымъ щитомъ облачивши плеча, на могучей
 Онъ головѣ укрѣпилъ мѣднокованный шлемъ, осѣненный
 Конскимъ хвостомъ, подымавшимся страшно на гребнѣ, и въ руку
¹²⁵Взялъ два копья боевыхъ, заостренныхъ смертельною мѣдью.
 Тамъ недалеко отъ главныхъ дверей находилась другая
 Тайная дверь; отъ высокаго залы пространной порога
 Тѣсный былъ этою дверью на улицу выходъ изъ дома;
 Доступъ желая къ нему заградить, Одиссей свинопасу
¹³⁰Стать приказалъ передъ дверью, чѣмъ всякій исходъ былъ отрѣ-
 Тутъ Агелай, къ женихамъ обратясь, имъ крылатое слово [занъ.
 Бросилъ: друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
 Выбѣжать, крикнуть тревогу, и намъ поскорѣе на помощь
 Вызвать людей? Ужъ свои разстрѣлялъ онъ послѣднія стрѣлы.—
¹³⁵Кончилъ. Мелантій, на то возражая, сказалъ Агелая:
 Нѣтъ, Агелай благородный, нельзя; потаенныя двери
 Слишкомъ у нихъ на виду, да и выходъ такъ тѣсенъ, что цѣлой
 Можетъ толпѣ заградить тамъ дорогу одинъ небезсильный.
 Но погодите, оружіе вамъ я найти не замедлю;
¹⁴⁰Горницу знаю, въ которой доспѣхи, изъ этой палаты
 Взятые, кучею склалъ Одиссей, помогаемый сыномъ.
 Такъ Агелая сказавъ, злоковарный Мелантій обходомъ
 Въ горницу тайно прокрался, гдѣ складены были доспѣхи.
 Вынесъ оттуда двѣнадцать великихъ щитовъ онъ, двѣнадцать
¹⁴⁵Копій и столько же мѣдныхъ хвостами украшенныхъ шлемовъ.
 Съ ними назадъ возвратясь, женихамъ ихъ посиѣшно онъ роздалъ.

Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна, когда онъ,
Вдругъ оглянувшись, увидѣлъ ихъ въ шлемахъ, съ щитами, трясу-
Длинными копьями; гибель ему неизбѣжной явилась. [щихъ

¹⁵⁰Къ сыну тогда обратившись, онъ бросилъ крылатое слово:

Вѣрно какая изъ нашихъ рабынь, Телемакъ, измѣнивши
Намъ, помогаетъ противникамъ нашимъ, иль хитрый Мелантій?—

Робко на то отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ;

Горе! мое небреженъе причиною всему; я виновникъ

¹⁵⁵Этой бѣды—заспѣшивъ, позабылъ оружейной палаты

Дверь запереть; и лазутчикъ, хитрѣ меня, побывалъ тамъ.

Слушай, мой честный Эвмей, побѣги ты туда, и за дверью

Стань тамъ и жди; кто придетъ, ты увидишь: служанка ль какая,

Или Мелантій? Я самъ на него подозрѣнье имѣю.—

¹⁶⁰Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя тайно.

Тою порою за оружіемъ хитрый Мелантій собрался

Снова прокрасться на верхъ. То примѣтивъ, Эвмей богоравный

На ухо такъ прошепталъ Одиссею, стоявшему близко:

О Лазридъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,

¹⁶⁵Вотъ онъ, предатель; его угадалъ я; онъ крадется, видишь,

Снова туда за оружіемъ; что, государь, повелишь мнѣ

Сдѣлать? Убить ли крамольника, если удастся съ нимъ сладить?

Или насильно сюда притащить, чтобъ надъ нимъ наказанье

Самъ совершилъ ты за наглое въ домѣ твоемъ поведенъе?—

¹⁷⁰Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Съ сыномъ моимъ Телемакомъ я здѣсь жениховъ многобуйныхъ

Буду удерживать, сколь бы ни сильно ихъ бѣшенство было:

Ты жъ и Филотій предателю руки и ноги загни

На спину; послѣ, скрутивъ на спинѣ ихъ, его на веревкѣ

¹⁷⁵За руки вздерните вверхъ по столбу и вверху привяжите

Крѣпкимъ узломъ къ потолочинѣ; двери жъ, ушедши, замкните;

Въ страшныхъ мученьяхъ пускай тамъ виситъ ни живой онъ, ни

То повелѣніе царское было исполнено скоро: [мертвый.—

Вмѣстѣ пошли свинопасъ и Филотій; подкравшись, стали

¹⁸⁰Справа и слѣва они у дверей дожидаться, чтобъ вышелъ

Онъ къ нимъ изъ горницы, гдѣ женихамъ во второй разъ доспѣхи

Бралъ. И лишь только Мелантій ступилъ на порогъ [несъ прекрасный

Гривистый племь онъ одною рукой, а въ другой находился
 Старый, широкій, подернутый плѣсенью щитъ, въ молодые
¹⁸⁵Давніе годы герою Лаэрту служившій, теперь же
 Брошенный, вовсе худой, безъ ремней, съ перегнившими швами],
 Кинулись оба на вора они; въ волоса уцѣпившись,
 На полъ его повалили, кричащаго громко, и крѣпко
 Руки и ноги ему, ихъ съ великою болью загнувши
¹⁹⁰На спину, сзади скрутили плетенымъ ремнемъ, какъ велѣлъ имъ
 Самъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный.
 Вздернувши послѣ веревкою вверхъ по столбу, привязали
 Къ твердой его потолочинѣ; тамъ и остался висѣть онъ.
 Съ злобой насмѣшкой ему тутъ сказалъ свинопасъ богоравный:
¹⁹⁵Будь здѣсь покуда заботливымъ сторожемъ, честный Мелантій;
 Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю:
 Вѣрно теперь не проспишь златотронной, въ туманѣ рожденной
 Эось, въ ея восхожденіи съ водъ Океана, и въ пору
 Козъ на обѣдъ женихамъ многославнымъ отборныхъ пригонишь.—
²⁰⁰Кончилъ. И бросивъ его тамъ, висящаго въ страшныхъ мученьяхъ,
 Оба съ оружіемъ, дверь за собой затворивъ, удалились.
 Къ мѣсту они подошли, гдѣ стоялъ Одиссей хитроумный.
 Яростью всѣ тамъ кипѣли. Въ дверяхъ на высокомъ порогѣ
 Четверо грозно стояли; другіе толпились въ палатѣ.
²⁰⁵Къ первымъ тогда подошла свѣтлоокая дочь громовержца,
 Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, богиня Аѳина.
 Ей Одиссей, ободрившійся, бросилъ крылатое слово:
 Менторъ, сюда! помоги намъ; бывалое дружество вспомни;
 Много добра отъ меня ты имѣлъ, мой возлюбленный сверстникъ.—
²¹⁰Такъ говорилъ онъ, а внутренно мыслить, что видитъ Аѳину.
 Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
 Первый сказалъ Агелай, сынъ Дамасторовъ: будь остороженъ,
 Менторъ, не слушай его убѣжденій, не думай въ сраженье
 Съ нами вступать, подавая ему безразсудную помощь.
²¹⁵Съ нами одинъ онъ не сладить, свое мы возьмемъ; но когда мы
 Ихъ пересиливъ обонхъ, отца уничтожимъ и сына,
 Съ ними тогда умертвимъ и тебя ненавистнаго, если
 Вздумаешь здѣсь къ нимъ пристать; головою заплатишь за дерзость;

Послѣ жъ, когда уничтожить васъ мѣдъ безошадная, все мы,
 220Что ни имѣешь ты дома, иль въ полѣ возьмемъ, и смѣшавши
 Вмѣстѣ съ добромъ Одиссеевымъ, между собою раздѣлимъ;
 Выгонимъ изъ дому вашихъ дѣтей; сыновьямъ, дочерямъ здѣсь
 Вашимъ не жить; и разстанутся ваши съ Итакою жены.—
 Кончилъ онъ. Дерзость его раздражила богиню Аѳину.

225Гнѣвными стала она упрекать Одиссея словами:

Нѣтъ ужъ въ тебѣ, Одиссей, той отваги могучей, съ которой
 Ты за Елену Аргивскую, дочь свѣтлооую Зевса,
 Девять съ троянами лѣтъ такъ упорно сражался; въ то время
 Много погибло враговъ отъ тебя въ истребительной битвѣ;

230Хитрость твоя наконецъ и Пріамовъ разрушила городъ.

Что жъ? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, съ женихами
 Такъ нерѣшительно, медленно къ битвѣ теперь приступаешь?
 Другъ, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, какъ смѣло
 Противъ враговъ, на тебя нападающихъ здѣсь совокушно,

235Выступить Менторъ Алкімидъ, тебѣ за добро благодарный.—

Кончивъ, она Одиссею не вдругъ даровала побѣду:

Бодрость царя и разумнаго сына его Телемака

Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня

Вдругъ превратилась, взвилась къ потолку и на черной отъ дыма

240Тамъ перекладинѣ легкою, сизою ласточкой сѣла.

Тою порой Агелаемъ, Дамастора сыномъ отважнымъ,

Димоптолемъ, Эвриномъ и Пизандръ, сынъ Поликторовъ бодрый

Съ Анфимедономъ и умнымъ Политосомъ яростно были

Въ бой подстрекаемы [силой они отличались отъ прочихъ,

245Сколько еще ихъ тамъ было живыхъ и спастись уповавшихъ

Боемъ; другіе же, всѣ умерщвленные, кучей лежали].

Такъ, обратясь къ остальнымъ, Агелай благородный воскликнулъ:

Этотъ свирѣпый, я думаю, скоро отъ боя уйметя;

Менторъ покинулъ его, бесполезно нахваставъ; одинъ онъ

250Съ ними теперь на высокомъ порогѣ стоитъ беззащитный.

Разомъ всѣхъ копій своихъ мѣдноострыхъ, друзья, не бросайте;

Бросьте сначала вы шесть; и великая будетъ намъ слава,

Если его поразимъ, ненавистнаго, съ помощью Зевса;

Съ прочими жъ сладить нетрудно, лишь только бъ сломить Одиссея.—

²⁵⁵Такъ онъ сказалъ и, ему повинуюсь, пустили другіе
 Разомъ шесть копій; но сдѣлала тщетнымъ ударъ ихъ Аѳина:
 Вкося полетѣвши, глубоко вонзилось въ притолку гладкой
 Двери одно, а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ
 Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую стѣну; когда же
²⁶⁰Всѣхъ, женихами въ нихъ брошенныхъ копій они избѣжали,
 Такъ, обратясь къ своимъ, Одиссей хитроумный сказалъ имъ:
 Очередь наша теперь; приступите, товарищи, къ дѣлу,
 Копья нацѣлите и бросьте въ толпу жениховъ, уничтожить
 Намъ замышляющихъ, прежде столь много обидъ намъ нанесши.—

²⁶⁵Такъ онъ сказалъ. И, прицѣлясь, они мѣдноострыя копья
 Кинули разомъ: и Димптолема сразилъ многосильный
 Самъ Одиссей, Телемакъ Эвриада, Филотій Пизандра,
 Старый Эвмей свинопасъ поразилъ Элатопа; и разомъ
 Всѣ повалились они, съ скрежетаніемъ стиснувши зубы.

²⁷⁰Прочіе, къ дальней стѣнѣ отбѣжавши толпой и послѣшно
 Вырвавъ изъ труповъ кровавыхъ вонзенныя въ нѣдра ихъ копья,
 Снова ихъ разомъ въ противниковъ, мѣтко прицѣлясь, пустили;
 Снова Аѳина могучая сдѣлала тщетнымъ ударъ ихъ.

Вкося полетѣвши, глубоко вонзилось въ притолку гладкой
²⁷⁵Двери одно, а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ
 Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую стѣну. Однако
 Анфимедонъ Телемака поранилъ, въ ручную попавши
 Кисть: пролетая, кошею остриемъ оцарапало кожу.

Тронулъ плечо надъ щитомъ у Эвмея Ктезиппъ длинноострой

²⁸⁰Мѣдью; кошею же, надъ нимъ пропумѣвъ, водрузилось въ землю.
 Стоя съ боковъ Одиссея, ужасною полного думой,
 Снова они въ жениховъ неизбѣжныя бросили копья.

Эвридаманта сразилъ Одиссей, городовъ сокрушитель;
 Амфидамантъ былъ пронзенъ Телемакомъ, Полибъ свинопасомъ;

²⁸⁵Мѣтко нацѣливъ кошемъ мѣдноострымъ, Филотій Ктезиппу
 Грудь просадилъ и, удачнымъ ударомъ хвалясь, онъ воскликнулъ:
 Сынъ Полиердовъ, лихой на обидныя рѣчи, теперь ты
 Дерзкій языкъ свой уймешь отъ ругательствъ нахальныхъ; предайся
 Въ волю боговъ; имъ однимъ подобаетъ и слава и сила.

²⁹⁰Я же тебя отдарилъ здѣсь за ногу коровью, которой

Такъ благосклонно поподчивалъ ты Одиссея бродягу.—
 Такъ говорилъ криворогихъ быковъ сторожитель Филотій.
 Тою порой умерщвленъ былъ Дамасторовъ сынъ Одиссеемъ,
 Сынъ Леокритовъ, молодой Эйвеноръ былъ убитъ Телемакомъ:
²⁹⁵Острою мѣдью въ животъ пораженный, лицомъ онъ, со всѣхъ ногъ
 Грянувшись, объ полъ ударился, жалобно охнулъ и умеръ.
 Тутъ съ потолка наклонила надъ ихъ головами Паллада
 Страшную людямъ эгиду: и ужасъ разстроилъ ихъ чувства.
 Начали бѣгать они, ошалѣвъ, какъ коровы, когда ихъ
³⁰⁰Вешней порой [въ то время, какъ дни прибывать начинаютъ]
 Густо осыплютъ на пажити слѣпни сердитые. Тѣ жъ ихъ
 Били, какъ соколы кривокогтистые съ выгнутымъ клювомъ,
 Съ горъ прилетѣвшіе, бьютъ испугавшихся птицъ—и густыми
 Стаями съ неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
³⁰⁵Соколы жъ гонять ихъ, ловятъ когтями, и нѣтъ имъ пощады,
 Запертъ ихъ путь для спасенья, и травлею тѣшатся люди;
 Такъ жениховъ [разогнавъ ихъ по горницѣ] справа и слѣва,
 Какъ ни попало, они убивали; поднялся ужасный
 Крикъ; былъ разрызганъ ихъ мозгъ, былъ дымящейся кровью ихъ за-
³¹⁰Полъ. Къ Одиссею тогда подбѣжалъ Леодей и колѣна [литъ
 Обнялъ его и, трепещущій, бросилъ крылатое слово:
 Ноги цѣлую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
 Въ домѣ твоемъ ни одной изъ рабынь, въ немъ живущихъ, ни словомъ
 Я не обидѣлъ, ни въ дѣло не ввелъ непристойное; самъ я
³¹⁵Многихъ напротивъ удерживать здѣсь отъ постыдныхъ поступковъ
 Тщился—напрасно! отъ зла не отвелъ я ихъ рукъ святотатныхъ;
 Страшную участь всѣ неизбѣжно постигнуты нынѣ.
 Я же, ихъ жертвогадатель, ни въ чемъ невинный, ужели
 Лягу здѣсь мертвый? Такое ли добрымъ дѣламъ воздаянье?—
³²⁰Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
 Если ты подлинно жертвогадателемъ былъ между ими,
 То безъ сомнѣнія часто въ жилищѣ моемъ ты молился
 Дію, чтобъ мнѣ возвратиться домой запретилъ, чтобъ съ тобою
 Въ домъ твой моя удалилась жена и чтобъ съ нею дѣтей ты
³²⁵Прижилъ—за это теперь и людей ужасающей смерти
 Ты не избѣгнешь.—Сказалъ. И могучей рукою схвативши

Мечъ, изъ руки Агелая въ минуту его умерщвленья
 Выпавшій, имъ онъ молящаго сильно ударилъ по шеѣ;
 Крикнулъ онъ—въ крикъ неконченномъ съ плечъ голова покатилаcя.
³³⁰Но отъ губительной Керы избѣгнулъ сынъ Терпшвъ, славный
 Пѣснями Фемій, всегда жениховъ на пирахъ веселившій
 Пѣньемъ; съ своею онъ цитрой въ рукахъ къ потаенной прижавшись
 Двери, стоялъ тамъ, колеблясь разсудкомъ, не зная, что выбрать;
 Выдти ли въ дверь и сидѣть на дворѣ, обнимая великій
³³⁵Зевсовъ алтарь, охраняющій домъ, на которомъ такъ часто
 Жирныя бедра быковъ сожигалъ Одиссей многославный;
 Или къ колѣнамъ его съ умоляющимъ броситься крикомъ?
 Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ, что полезнѣе будетъ,
 Ставъ на колѣна, Лаэртова сына молить о пощадѣ.
³⁴⁰Цитру свою положивъ звонкострунную бережно на полъ,
 Между кратерой и стуломъ серебряногвозднымъ, послѣпно
 Къ сыну Лаэртову дивный пѣвецъ подбѣжалъ и колѣна
 Обнялъ его и трепещущій бросилъ крылатое слово:
 Ноги цѣлую твой, Одиссей; пощади и помилуй.
³⁴⁵Самъ сожалѣть ты и сѣтовать будешь, когда пѣснопѣвца,
 Сладко безсмертнымъ и смертнымъ поющаго, смерти предашь здѣсь;
 Пѣнью самъ я себя научилъ, вдохновеніемъ боги
 Душу согрѣли мою, и тебя, Одиссей, я какъ бога
 Буду гармоніей струнъ веселить. Не губи пѣснопѣвца!
³⁵⁰Будетъ свидѣтелемъ мнѣ и возлюбленный сынъ твой, что волей
 Въ домъ вашъ входитъ никогда я не мыслить, что самъ не просился
 Пѣснями здѣсь на пиру забавлять жениховъ, что напротивъ
 Силою сюда приводимъ былъ и пѣлъ здѣсь всегда принужденно.—
 Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Телемакову силу святую.
³⁵⁵Громко отцу закричалъ Телемакъ, находившійся близко:
 Стой! не губи неповиннаго яростной мѣдью, родитель.
 Съ нимъ и къ Медонту глашатаю благостень будь: обо мнѣ онъ
 Въ дѣтствѣ моемъ неусыпно имѣлъ попеченье. Но гдѣ онъ,
 Честный Медонтъ? Не убили ль его свинопасъ иль Филотій?
³⁶⁰Или онъ самъ злополучный попалъ подъ ударъ твой смертельный?—
 Такъ говорилъ Телемакъ; и дошло до Медонта благое
 Слово; дугою согнувшись, подъ стуломъ лежалъ онъ, коровьей

Только что содранной кожей покрытый, чтобъ Керы избѣгнуть.
 Высочилъ онъ изъ-подъ стула, и сбросивши кожу коровью
³⁶⁵Съ плечь, подбѣжалъ къ Телемаку, и ноги его обхвативши,
 Сталъ цѣловать ихъ и въ трепетѣ бросилъ крылатое слово:
 Здѣсь я, душа Телемакъ; заступись за меня, чтобъ отецъ твой
 Грозногоучій на мнѣ не отмстилъ безпощадною мѣдью
 Злымъ женихамъ, столь давно, столь нахально его достоянне
³⁷⁰Грабившимъ здѣсь, и тебя самого оскорблявшимъ безумно.—
 Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
 Будь благодаренъ ему; онъ тебя сохранилъ, чтобъ отнынѣ
 Вѣдалъ и самъ ты и людямъ другимъ говорить въ поученье,
 Сколь здѣсь благія дѣла намъ спасительнѣй дѣлъ незаконныхъ;
³⁷⁵Слушай теперь: изъ палаты, убійствомъ наполненной, вышедъ,
 Сядь на дворѣ у воротъ съ пѣснопѣвцемъ, властителемъ слова;
 Я же остануся въ домѣ и все здѣсь устрою, что нужно.—
 Такъ онъ сказалъ; и Медонтъ съ пѣснопѣвцемъ изъ горницы вышедъ,
 Оба вблизи алтаря, посвященнаго Зевсу владыкѣ,
³⁸⁰Сѣли; но все озирались кругомъ, опасаясь убійства.
 Очи водилъ вокругъ себя Одиссей, чтобъ узнать, не остался ль
 Кто неубитый, случайно избѣгшій могущества Керы?
 Мертвые всѣ, онъ увидѣлъ, въ крови и пыли неподвижно
 Кучей лежали они на полу тамъ, какъ рыбы, которыхъ—
³⁸⁵На берегъ вытащивъ ихъ изъ глубокозеленаго моря
 Неводомъ мелкопетлистымъ—рыбакъ высыпаетъ на землю;
 Тамъ на песокѣ раскаленномъ ихъ, влаги соленой лишенныхъ,
 Геліосъ пламенный душитъ, и всѣ до одной умирають.
 Мертвые такъ тамъ одинъ на другомъ неподвижно лежали.
³⁹⁰Къ сыну сперва обратясь, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Долженъ теперь, Телемакъ, ты сюда пригласить Эвриклею:
 Нужное слово желаю я молвить разумной старушкѣ.—
 Такъ говорилъ Одиссей. Телемакъ, повинуюся, отперъ
 Двери, позвалъ Эвриклею и такъ ей сказалъ: Эвриклея,
³⁹⁵Добрая няня моя, такъ давно за рабынями въ домѣ
 Нашемъ смотрящая, все сохраняя усердно въ порядкѣ,
 Кличетъ отецъ, говорить онъ съ тобою намѣренъ; поди къ намъ.—
 Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклею его пролетѣло

Слово. И двери отнерши тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки,
⁴⁰⁰Вышла она; и старушку повель Телемакъ къ Одиссею.
 Взорамъ ея Одиссей посреди умерщвленныхъ явился
 Потомя и кровью покрытый; подобился льву онъ, который
 Съѣвши быка, подымается, сытый, и тихо изъ стада—
 Грива въ крови и вся страшная пасть, обогренная кровью—
⁴⁰⁵Въ логъ свой идетъ, наводя на людей неописанный ужась.
 Кровю такъ Одиссей съ головы былъ до ногъ весь обрызганъ.
 Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Эвриклея
 Громко хотѣла воскликнуть, чудясь толь великому дѣлу;
 Но Одиссей повелѣлъ ей себя воздержать отъ восторга;
⁴¹⁰Голосъ потомъ свой возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово:
 Радуйся сердцемъ, старушка, но тихо, безъ всякаго крика;
 Радостный крикъ подымать неприлично при видѣ убитыхъ.
 Діевъ ихъ судъ поразилъ; отъ своихъ беззаконій погибли;
 Правда была имъ чужда; никого изъ людей земнородныхъ,
⁴¹⁵Знатный ли, низкій ли былъ онъ, уважить они не хотѣли.
 Страшная участь ихъ всѣхъ наконецъ злополучныхъ постигла.
 Ты же теперь назови мнѣ рабынь здѣсь живущихъ, дабы я
 Могъ отличить развращенныхъ отъ честныхъ и вѣрныхъ межъ ними.—
 Такъ онъ сказалъ. Эвриклея старушка ему отвѣчала:
⁴²⁰Все я, мой сынъ, объявлю, ничего отъ тебя не скрывая;
 Въ домѣ теперь пятьдесятъ мы имѣемъ служанокъ работницъ,
 Разнаго возраста; заняты всѣ рукодѣльемъ домашнимъ;
 Дергають волну; и каждая въ домѣ свою отправляетъ
 Службу. Двѣнадцать изъ нихъ, поведенемъ развратныхъ, не только
⁴²⁵Противъ меня, но и противъ царицы невѣжливы были.
 Сынъ твой въ хозяйство вступилъ; но разумно ему Пенелопа
 Въ дѣло служанокъ мѣшаться до сихъ поръ еще запрещала.
 Я же на верхъ побѣгу, объявить ей великую напу
 Радость: она почиваетъ; знать боги ей сонъ ниспослали.—
⁴³⁰Такъ, возражая, сказалъ Одиссей хитроумный старушкѣ:
 Нѣтъ! не буди, Эвриклея, жены; прикажи, чтобъ рабыни—
 Тѣ, на которыхъ ты мнѣ донесла—здѣсь немедля явились.—
 Такъ говорилъ Одиссей, и поспѣшно пошла Эвриклея
 Кликнуть рабынь и велѣтъ имъ идти къ своему господину.

⁴³⁵Онъ же, позвавъ Телемака съ Филотиємъ, съ старымъ Эвмеемъ, Бросилъ крылатое слово, свою изъявляя имъ волю:

Трупы теперь приберите; пускай вамъ помогутъ рабыни
Вынести ихъ, а потомъ всѣ столы, всѣ богатые стулья
Дочиста здѣсь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.

⁴⁴⁰Послѣ жъ, когда приберете совсѣмъ пировую палату,
Всѣхъ поведенемъ развратныхъ рабынь изъ нея уведите;
Тамъ на дворѣ межъ стѣною и житною крутлою башней
Смерти предайте безпутницъ, мечемъ заколовъ длинноострымъ
Каждую; пусть, осрамивши развратомъ мой домъ, наказанье

⁴⁴⁵Примуть онѣ за союзъ непозволенный свой съ женихами.—
Такъ говорилъ онъ. Тѣмъ временемъ всѣ собралися рабыни,
Жалобно воя; изъ глазъ ихъ катилися крупныя слезы.

Начали трупы онѣ выносить, и въ сѣняхъ многозвучныхъ
Царскаго дома, стѣной обведеннаго, клали ихъ тѣснымъ

⁴⁵⁰Рядомъ, одинъ прислоняя къ другому, какъ самъ Одиссей имъ
Дѣлать предписывалъ; дѣло жъ не по сердцу было рабынямъ.

Вынесли трупы, онѣ и столы, и богатые стулья
Дочиста всѣ ноздреватою, мокрою вытерли губкой.

Заступомъ тою порою Телемакъ, свинопасъ и Филотій

⁴⁵⁵Въ залѣ просторной весь полъ, обогранный пролотою кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.

Залу очистивъ и все приведя тамъ въ обычный порядокъ,
Выйти оттуда они осужденнымъ рабынямъ велѣли,

Собрали ихъ на дворѣ межъ стѣною и житною башней

⁴⁶⁰Всѣхъ, и въ безвыходномъ заперли мѣстѣ, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сынъ Одиссеевъ сказалъ имъ:

Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,

Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу

Здѣсь осрамившія, въ домѣ моемъ съ женихами слюбившія.—

⁴⁶⁵Кончивъ, канатъ корабля черноносаго взялъ онъ и туго

Такъ натянулъ, укрѣпивши его на колоннахъ подъ сводомъ
Башни, что было ногой до земли имъ достать невозможно.

Тамъ, какъ дрозды длиннокрылые, или какъ голуби, въ сѣти
Цѣлою стаей—летя на ночлегъ свой—попавшіе [въ тѣсныхъ

⁴⁷⁰Петляхъ трепещутъ они и ночлегъ имъ становится гробомъ],

Всѣ на канатѣ онѣ голова съ головою повисли;
 Петлями шею стянули у каждой, и смерть ихъ постигла
 Скоро: немного подергавъ ногами, всѣ разомъ утихли.
 Силою вытасченъ послѣ на дворъ козоводъ былъ Мелантій;
 475 Мѣдью нещадно вырвали ноздри, обрѣзали уши,
 Руки и ноги отсѣкли ему; и потомъ, изрубивши
 Въ крохи, его на съѣденіе бросили жаднымъ собакамъ.
 Руки и ноги свои, обагренныя кровью, омывши,
 Въ домъ возвратились они къ Одиссею. Все кончено было.
 480 Тутъ Одиссей, обратясь къ Эвриклеѣ, сказалъ ей: немедля,
 Няня, огня принеси и подай очистительной сѣры;
 Залу намъ должно скорѣй окурить. Ты потомъ Пенелопѣ
 Скажешь, чтобъ сверху сошла и съ собою рабынь приближенныхъ
 Всѣхъ привела. Позови равномерно и прочихъ служанокъ.—
 485 Такъ повелѣлъ Одиссей. Эвриклея ему отвѣчала:
 То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ.
 Прежде однако тебѣ принесу я опрятное платье;
 Этихъ нечистыхъ отрешевъ на крѣпкихъ плечахъ ты не долженъ
 Въ домѣ своемъ многославномъ носить: то тебѣ неприлично.—
 490 Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
 Прежде всего мнѣ огня для куренья подай, Эвриклея.—
 Волю его исполняя, пошла Эвриклея, и скоро
 Съ сѣрой къ нему и съ огнемъ возвратилась; окуривать началъ
 Сѣрой столовую онъ и широкій, стѣной обнесенный
 495 Дворъ. Эвриклея, прошедъ черезъ свѣтлые дома покон,
 Стала служанокъ собирать и немедленно всѣмъ имъ велѣла
 Въ залу придти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
 Въ залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
 Голову, плечи и руки онѣ у него цѣловали.
 500 Онъ же далъ волю слезамъ; онъ рыдалъ отъ веселья и скорби.
 Всѣхъ при свиданіи милыхъ домашнихъ своихъ узнавая.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ВЕЧЕРЬ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО И УТРО СОРОКОВОГО ДНЯ.

Эвриклея приноситъ радостную вѣсть Пенелопѣ, которая идетъ вмѣстѣ съ нею въ пировую палату. Пенелопа медлитъ узнать своего супруга (Одиссей, чтобы обмануть жителей города, учреждаетъ шумную пляску; омывшись въ купальнѣ,) онъ возвращается къ Пенелопѣ и, сказавъ ей тайну, только имъ двумъ извѣстную, уничтожаетъ всѣ ея сомнѣнія. Всѣ ложатся спать. Одиссей и Пенелопа разсказываютъ другъ другу свои приключенія. Съ наступленіемъ утра Одиссей идетъ къ отцу своему Лаэрту.

Сердцемъ ликуя и радуясь, вверхъ побѣжала старушка
 Вѣсть принести госпожѣ, что желанный супругъ возвратился.
 Были отъ радости тверже колѣна ея и проворнѣй
 Ноги. Подкравшись къ спящей, старушка сказала: проснися,
 5Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтобъ очами
 Все то увидѣть, о чѣмъ ты скорбѣла душою вседневно:
 Твой Одиссей возвратился хоть поздно, но все наконецъ онъ
 Съ нами, и всѣхъ многобуйныхъ убилъ жениховъ, разорявшихъ
 Домъ нашъ и тратившихъ наши запасы на зло Телемаку.—
 10Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
 Другъ, Эвриклея, знать боги твой умъ помутили! Ихъ волей
 Самый разумнѣйшій можетъ лишиться мгновенно разсудка,
 Можетъ и слабый умомъ приобрѣсть несказанную мудрость;
 Ими и ты обезумлена; иначе въ здоровомъ разсудкѣ
 15Ты бы не стала теперь надъ моею печалью ругаться,
 Радостью ложной тревожа меня. И зачѣмъ прервала ты
 Сладкій мой сонъ, благодатно усталые мнѣ затворившій
 Очи? Ни разу я такъ не спала съ той поры, какъ супругъ мой
 Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
 20Нѣтъ, Эвриклея, поди, возвратися туда, гдѣ была ты.
 Если бъ не ты, а другая изъ нашихъ домашнихъ служанокъ
 Съ вѣстью такой сумасбродной пришла и меня разбудила—
 Я бы не ласковымъ словомъ, а бранью насмѣшницу злую
 Встрѣтила. Старости будь благодарна своей, Эвриклея.—
 25Такъ, возражая, старушка своей госпожѣ отвѣчала:
 Нѣтъ, не смѣяться пришла, государыня, я надъ тобою;

Здѣсь Одиссей! настоящую правду, не ложь я сказала.

Тотъ чужеземецъ, тотъ нищій, которымъ всѣ такъ здѣсь ругались—

Онъ Одиссей; Телемакъ о его ужъ давно возвращеньи

³⁰Знать—но разумно молчалъ объ отцѣ онъ, который, скрываясь,

Здѣсь женихамъ истребленіе вѣрное въ мысляхъ готовилъ.—

Такъ отвѣчала старушка. Съ постели вскочивъ, Пенелопа

Радостно кинулась нянѣ на шею въ слезахъ несказанныхъ.

Голосъ возвысивъ, она ей крылатое бросила слово:

³⁵Если ты правду сказала, сердечный мой другъ, Эвриклея,

Если онъ подлинно въ домъ свой, какъ ты говоришь, возвратился,

Какъ же одинъ онъ съ такой жениховъ многочисленной шайкой

Сладилъ? Они всей толпою всегда собиралися въ домѣ.—

Такъ, отвѣчая, разумной царицѣ сказала старушка:

⁴⁰Свѣдать о томъ не могла я; мнѣ только тамъ слышался тяжкій

Вой убиваемыхъ; въ горницѣ нашей, забившися въ уголь,

Всѣ мы сидѣли, на ключъ запершися и не смѣя промолвить

Слова, покуда твой сынъ, Телемакъ, изъ столовой не вышелъ

Кликнуть меня: онъ за мною самимъ Одиссеемъ былъ посланъ.

⁴⁵Тамъ Одиссей мнѣ явился, межъ мертвыми страшно стоящій;

Трупы ихъ были одинъ на другомъ на полу, обогренномъ

Кровью, набросаны: радостно было его мнѣ увидѣть.

Потомъ и кровью покрытый, онъ грозному льву былъ подобенъ.

Трупы убитыхъ теперь всѣ лежатъ на дворѣ за дверями

⁵⁰Кучею. Онъ же, заботясь домъ окурить благовонной

Сѣрой, огонь разложилъ; а меня за тобою отправилъ.

Ждетъ онъ; пойдемъ; наконецъ вамъ обоимъ проникнетъ веселье

Душу, которая столько жестокихъ тревогъ претерпѣла:

Главное, долгое милого сердца желанье свершилось;

⁵⁵Живъ онъ, домой невредимъ возвратился и дома супругу

Съ сыномъ живыми нашелъ, а враговъ, истребителей дома,

Въ домѣ своемъ истребилъ, и обиды загладило мщенье.

Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:

Другъ, Эвриклея, не радуйся слишкомъ до времени: всѣмъ намъ

⁶⁰Было бы счастьемъ великимъ его возвращенье въ отчизну—

Мнѣ жъ особливо и милому, нами рожденному сыну;

Все я однако тому, что о немъ ты сказала, не вѣрю;

Это не онъ, а одинъ изъ безсмертныхъ боговъ, раздраженный
Ихъ беззаконнымъ развратомъ и ихъ наказавшій злодѣйства.

⁶⁵Правда была имъ чужда; никого изъ людей земнородныхъ—
Знатный ли, низкій ли къ нимъ приходилъ—уважать не хотѣли;
Сами погибель они на себя навлекли; но супругъ мой...

Намъ ужъ его не видать; въ отдаленнѣ плачевномъ погибъ онъ.—

Ей Эвриклея разумная такъ, возражая, сказала:

⁷⁰Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.

Онъ, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вѣчно

Онъ не воротится; если же такъ ты упорна разсудкомъ,

Вѣрный онъ признакъ покажетъ: рубецъ на колѣнѣ: свирѣлымъ

Вепремъ, ты вѣдаешь, нѣкогда былъ на охотѣ онъ раненъ;

⁷⁵Ноги ему омывая, рубецъ я узнала; объ этомъ

Тотчасъ хотѣла сказать и тебѣ; но зажавъ мнѣ рукою

Ротъ, онъ меня, осторожноразумный, принудилъ къ молчанью.

Время однако идти; головой отвѣчаю за правду;

Если теперь солгала я, меня ты казни безопасно.—

⁸⁰Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:

Трудно тебѣ, Эвриклея, проникнуть, хотя и великій

Умъ ты имѣешь, безсмертныхъ боговъ сокровенныя мысли.

Къ сыну однако съ тобою готова идти я; увидѣтъ

Мертвыхъ хочу и того, кто одинъ всю толпу истребилъ ихъ.—

⁸⁵Съ сими словами она по ступенямъ пошла, размышляя,

Что ей приличнѣе: издали ль съ нимъ говорить, иль приближась,

Голову, руки и плечи его цѣловать? Перешедши

Двери высокій порогъ и въ палату вступивъ, Пенелопа

Сѣла тамъ противъ супруга, въ сіяньи огня, у противной

⁹⁰Свѣтлой стѣны; на другомъ онъ концѣ у колонны, потупивъ

Очи, сидѣлъ, ожидая, какое разумная скажетъ

Слово супруга, его тамъ своими глазами увидя.

Долго въ молчаньи сидѣла она; въ ней тревожилось сердце;

То на него подымая глаза, убѣждалась, что въ правду

⁹⁵Онъ передъ ней; то противное мыслила, въ рубищѣ жалкомъ

Видя его. Телемакъ напоследокъ воскликнулъ съ досадою:

Милая мать, что съ тобой? Ты въ своемъ ли умѣ? Для чего же

Такъ въ отдаленнѣ угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь

Слова суиругу сказать, и его ни о чемъ не разспросишь?
¹⁰⁰Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
 Такъ недовѣрчиво встрѣтить суируга, который по многихъ
 Бѣдствіяхъ къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.
 Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцемъ безчувственный камень.—
 Сыну паница разумная такъ, отвѣчая, сказала:
¹⁰⁵Сердце, дитя, у меня въ несказанномъ волненіи, слова
 Я произнести не могу, никакой мнѣ вопросъ не приходитъ
 Въ умъ, и въ лицо поглядѣть я не смѣю ему; но когда онъ
 Подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, мы способъ
 Оба имѣемъ надежный другъ другу открыться: свои мы
¹¹⁰Тайные, людямъ другимъ неизвѣстные знаки имѣемъ.—
 Кончила. Царь Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, улыбнулся;
 Къ сыну потомъ обратясь, онъ бросилъ крылатое слово:
 Другъ, не тревожь понапрасну ты мать, и свободную волю
 Дай ей меня разспросить. Не замедлитъ она убѣдиться
¹¹⁵Въ истинѣ; я же въ изорванномъ рубищѣ; трудно въ такомъ ей
 Видѣ меня Одиссеемъ признать и почитать, какъ прилично.
 Нужно однако, размысливъ, рѣшить намъ: что сдѣлать полезнѣй?
 Если когда и одинъ кто убить кѣмъ бываетъ, и мало
 Близкихъ друзей и родныхъ за убитаго мстить остается—
¹²⁰Все, избѣгая бѣды, покидаетъ отчизну убійца.
 Мы жъ погубили защитниковъ града, знатнѣйшихъ и лучшихъ
 Юношей въ цѣлой Итакѣ: объ этомъ должны мы подумать.—
 Такъ, отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Все ты умнѣе, родитель, придумаешь самъ; прославляютъ
¹²⁵Люди твою повсемѣстно премудрость; съ тобою сравниться
 Разумомъ, всѣ говорятъ, ни одинъ земнородный не можетъ;
 Что повелишь, то и будетъ исполнено; сколько найдется
 Силы во мнѣ, я не робкимъ твоимъ здѣсь помощникомъ буду.—
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
¹³⁰Слушай же; вотъ что мнѣ кажется самымъ удобнымъ и лучшимъ:
 Всѣ вы, омывшись, одѣньтесь богато, какъ будто на праздникъ;
 Также одѣться должны и рабыни домашнія наши;
 Съ звонкою цитрой въ рукахъ пѣснопѣвецъ божественный долженъ
 Вестъ хороводъ, управляя шумящею пляской, чтобъ слыша

¹³⁵Струны и пѣніе въ домѣ, сосѣди и всякій, идущій
 Мимо по улицѣ, думать могли, что пируютъ здѣсь свадьбу.
 Должно, чтобъ въ городѣ слухъ не прошелъ о великомъ убійствѣ
 Всѣхъ жениховъ многославныхъ до тѣхъ поръ, пока не уйдемъ мы
 За городъ на поле наше, въ нашъ садъ плодовиый; тамъ можемъ
¹⁴⁰Все на просторѣ устроить, на помощь призвавъ Олимпійцевъ.—
 Кончилъ. Его повелѣніе было исполнено скоро;
 Чисто омывшись, одѣлись богато, какъ будто на праздникъ
 Всѣ; хороводъ учредили рабыни; пѣвецъ богоравный,
 Цитру настроивъ глубокую, въ нихъ пробудилъ вождельные
¹⁴⁵Сладостныхъ пѣсней и стройноживой хороводныя пляски.
 Домъ весь отъ топанья ногъ ихъ гремѣлъ и дрожалъ, и окружность
 Вся оглашалася пѣніемъ звучнымъ рабовъ и служанокъ;
 Всякій, по улицѣ шедшій, музыку и пѣніе слыша,
 Думаль: рѣшилась свою пировать напослѣдокъ царица
¹⁵⁰Свадбу; невѣрная! мужа избраннаго сердцемъ дожидаться,
 Домъ многославный его сохраняя, она не хотѣла.—
 Такъ говорили они, о случившемся въ домѣ не зная.
 Тою порой, Одиссея въ купальнѣ омывъ, Эвринома
 Тѣло его благовоннымъ оливнымъ елеемъ натерла,
¹⁵⁵Легкій надѣлъ онъ хитонъ и богатой облекся хламидой.
 Дочь же великая Зевса его красотой озарила,
 Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми
 Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему закрутила.
 Такъ, серебро облакая сіяющимъ золотомъ, мастеръ,
¹⁶⁰Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ трудномъ
 Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изумляетъ;
 Такъ Одиссея украсила дочь свѣтлоокая Зевса.
 Вышедъ изъ бани, лицомъ лучезарный, какъ богъ, возвратился
 Онъ въ пировую палату и сѣлъ на оставленномъ стулѣ
¹⁶⁵Противъ супруги; глаза на нее устремивъ, онъ сказалъ ей:
 Ты непонятная! боги, владыки Олимпа, не женскимъ
 Нѣжно уступчивымъ сердцемъ, но жесткимъ тебя одарили;
 Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
 Такъ недовѣрчиво встрѣтить супруга, который по многихъ
¹⁷⁰Бѣдствіяхъ къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.

Слушай же, другъ Эвриклея; постель приготовь одному мнѣ;
 Лягу одинъ я—когда въ ней такое желѣзное сердце.—
 Но Одиссею разумная такъ отвѣчала царица:
 Ты непонятный! не думай, чтобъ я величалась, гордилась,
¹⁷⁵Или въ чрезмѣрномъ была изумленіи. Живо я помню
 Образъ, какой ты имѣлъ, въ кораблѣ покидая Итаку.
 Если жъ того онъ желаетъ, ему, Эвриклея, постелю
 Ты приготовь; но не въ спальнѣ, построенной имъ; а въ другую
 Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
¹⁸⁰Мягкихъ овчинъ, на овчины же полость съ широкимъ покровомъ —
 Такъ говорила она, испытанью подвергнуть желая
 Мужа. Съ досадою онъ, обратясь къ Пенелопѣ, воскликнулъ:
 Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
 Кто же изъ спальни ту вынесъ кровать? Человѣку своею
¹⁸⁵Силою сдѣлать того невозможно безъ помощи свыше;
 Богу конечно легко передвинуть ее на другое
 Мѣсто, но между людьми и сильнѣйшій, хотя бъ и рычагъ онъ
 Взялъ, не шатнулъ бы ея; заключалася тайна въ устройствѣ
 Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
¹⁹⁰Сдѣлалъ ее. На дворѣ находилася маслина съ темной
 Сѣнью, пышногустая, съ большую колонну въ объемъ;
 Маслину ту окружилъ я стѣнами изъ тесаныхъ, плотно
 Сложенныхъ камней; и сводъ на стѣнахъ утвердивши высокій,
 Двери двустворныя сбилъ изъ досокъ и на петли навѣсилъ:
¹⁹⁵Послѣ у маслины вѣтви обсѣкъ и по близости къ корню
 Стволъ отрубилъ топоромъ, а отрубокъ у корня, отвсюду
 Острою мѣдью его по шнуру обтесавъ, основаньемъ
 Сдѣлалъ кровати, его пробуравилъ, и скобелью брусъ
 Выгладилъ, въ раму связалъ и къ отрубку приладилъ, богато
²⁰⁰Золотомъ ихъ, серебромъ и слоновою костью украсивъ;
 Раму жъ ремнями изъ кожи воловьей, обшивъ ихъ пурпурной
 Тканью, стянулъ. Таковы всѣ примѣты кровати. Цѣла ли
 Эта кровать и на прежнемъ ли мѣстѣ, не знаю; быть можетъ,
 Сняли ее, подпиливъ въ основаніи маслячный корень.—
²⁰⁵Такъ онъ сказалъ. У нея задрожали колѣна и сердце.
 Признаки всѣ Одиссеевы ей онъ исчислилъ; заплакавъ

Взрыдѣ, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
 Мужу, и милую голову нѣжно цѣлуя, сказала:
 О! не сердись на меня, Одиссей! межъ людьми ты всегда быть
²¹⁰Самый разумный и добрый. На скорбь осудили насъ боги;
 Было богамъ неугодно, чтобъ сладкую молодость нашу
 вмѣстѣ вкусивъ, мы спокойно дошли до порога веселой
 Старости. Другъ, не сердись на меня и не дѣлай упрековъ
 Мнѣ, что не тотчасъ, при видѣ твоемъ, я къ тебѣ приласкалась;
²¹⁵Милое сердце мое, Одиссей, повергала въ великій
 Трепетъ боязнъ, чтобъ меня не прельстилъ здѣсь какой пноземный
 Мужъ увлекательнымъ словомъ: у многихъ коварное сердце.
 Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила бѣ
 Къ лести пришельца, и съ нимъ не бѣжала бѣ, любви покоряся,
²²⁰Въ Трою, когда бы предвидѣть могла, что ахеяне ратью
 Придутъ туда и ее возвратятъ принужденно въ отчизну. -
 Демонъ враждебный Елену вовлекъ въ непристойный поступокъ;
 Собственнымъ сердцемъ она не замыслила бѣ гнусаго дѣла,
 Страшнаго, всѣхъ насъ въ великое бѣдствіе ввергшаго дѣла.
²²⁵Ты мнѣ подробно теперь, Одиссей, описалъ всѣ примѣты
 Нашей кровати—о ней же никто изъ живущихъ не знаетъ,
 Кромѣ тебя и меня и рабыни одной приближенной,
 Дочери Актора, данной родителемъ мнѣ при замужствѣ;
 Дверь заповѣданной спальни она стерегла неусыпно.
²³⁰Ты же мою, Одиссей, убѣдилъ непреклонную душу.—
 Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея;
 Плача, приникнулъ онъ къ сердцу испытанной, вѣрной супруги.
 Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на обломкѣ
 Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посидона, носяся
²³⁵Въ шумѣ бунтующихъ волнъ воздымаемыхъ силою бури;
 Мало изъ мутносолоеной пучины на твердую землю
 Ихъ, утомленныхъ, избѣденныхъ острою влагой, выходить;
 Радостно землю объемлютъ они, избѣжавъ потопленья.
 Такъ веселилась она, возвращеннымъ любуясь супругомъ,
²⁴⁰Рукъ бѣлонѣжныхъ отъ шеи его оторвать не имѣя
 Силы. Въ слезахъ бы могла ихъ застать златотронная Эось,
 Если бѣ о томъ не подумала дочь свѣтлокая Зевса:

Ночь на предѣлахъ небесъ удержала Аѳина; денницѣ жъ
 Златопрестольной, изъ водъ Океана коней легконогихъ,
²⁴⁵Съ нею летающихъ, Лампа и брата его Фаэтона
 [Ихъ въ колесницу свою заложивъ], выводитъ запретила.
 Такъ благонравной супругѣ сказалъ Одиссей хитроумный:
 О Пенелопа, еще не конецъ испытаніямъ нашимъ;
 Много еще впереди предлежитъ мнѣ трудовъ несказанныхъ,
²⁵⁰Много я подвиговъ тяжкихъ еще совершить предназначень.
 Такъ мнѣ пророка Тирезія тѣнью предсказано было
 Нѣкогда въ области темной Аида, куда нисходилъ я
 Свѣдать, настанетъ ли мнѣ и спутникамъ день возвращенья.
 Время однако идти, Пенелопа, на ложе, чтобъ въ сладкій
²⁵⁵Сонъ погружившись, свои успокоить усталые члены.—
 Умная такъ отвѣчала на то Одиссею царица:
 Ложе, возлюбленный, будетъ готово, когда пожелаетъ
 Сердце твое; ты по волѣ боговъ благодѣтельныхъ снова
 Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ и въ возлюбленномъ краѣ отчизны;
²⁶⁰Если же все наконецъ по желанью исполнили боги,
 Другъ, расскажи мнѣ о новыхъ тебѣ предстоящихъ напастяхъ;
 Слышать и послѣ могла бъ я о нихъ, но мнѣ лучше немедля
 Свѣдать о томъ, что грозитъ впереди.—Одиссей отвѣчалъ ей:
 Ты неотступная! странно твое для меня нетерпѣнье.
²⁶⁵Если однако желаешь, я все расскажу; но не будетъ
 Радостно то, что услышишь; и мнѣ самому не на радость
 Было оно. Прорицатель Тирезій сказалъ мнѣ: „покинувъ
 Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься
 Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
²⁷⁰Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,
 Также не зрѣвшихъ еще на водахъ кораблей быстроходныхъ,
 Пурпурногрудыхъ, ни весель, носящихъ, какъ мощныя крылья.
 Ихъ по морямъ. Отъ меня же узнай несомнительный признакъ:
 Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ:
²⁷⁵Что за лопату несешь на блестящемъ плечѣ, иноземецъ?
 Въ землю весло водрузи—ты окончилъ свое роковое,
 Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принесши
 Въ жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,

Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу
 280Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
 Всѣмъ по порядку. И смерть не достигнетъ тебя на туманномъ
 Морѣ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину
 Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и народнымъ
 Счастьемъ богатый“. Вотъ то, что въ Андѣ сказалъ мнѣ Тирезій.—
 285Выслушавъ, умная такъ Пенелопа ему отвѣчала:
 Если достигнуть до старости намъ дозволяютъ благіе
 Боги, то есть упованье, что наши бѣды прекратятся.—
 Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
 Тою порою Эвринома съ кормилицей, факелы взявши,
 290Ложе пошли приготовить изъ мягкихъ постилокъ; когда же
 Было совсѣмъ приготовлено мягкоупругое ложе,
 Лечь на постелю свою, утомая, пошла Эвриклея;
 Факель плающій въ руки взяла Эвринома и въ спальню
 Ихъ повела, осторожно свѣтя передъ ними; съ весельемъ
 295Въ спальню вступили они; Эвринома ушла; а супруги
 Старымъ обычаемъ вмѣстѣ легли на покойное ложе.
 Скоро потомъ Телемакъ, свинопасъ и Филотій, окончить
 Пляску велѣвъ, отослали служанокъ и сами по темнымъ
 Горницамъ, всѣхъ отпустивъ, разошлись, тамъ легли и заснули.
 300Тою порою, утѣхой любви удовольствовавъ душу,
 Нѣжновеселый вели разговоръ Одиссей съ Пенелопой.
 Все рассказала она о жестокихъ, испытанныхъ ею
 Дома обидахъ; какъ грабили домъ женихи безпощадно,
 Сколько быковъ круторогихъ и козъ и овецъ и свиней тамъ
 305Съѣдено ими, и сколько кувшиновъ вина дорогаго
 Выпито. Выслушавъ, все о себѣ въ свой чередъ рассказалъ онъ:
 Сколько напастей другимъ приключилъ, и какія печали
 Самъ испыталъ. И внимала съ весельемъ она, и до тѣхъ поръ,
 Сонъ не сходилъ къ ней на вѣжды, покуда не кончилась повѣсть.
 310Онъ рассказалъ: какъ въ началѣ ограбилъ киконровъ; какъ прибылъ
 Къ людямъ, которые лотосомъ сладкимъ себя насыщаютъ;
 Что потерпѣлъ отъ циклона и какъ за товарищей, звѣрски
 Сожранныхъ имъ, отомстил и отъ гибели спасся плачевной;
 Какъ посѣтилъ гостелюбца Эола, который радушно

³¹⁵Принялъ его, одарилъ и отправилъ домой; какъ въ отчизну
 Злая судьба возвратиться ему не дала; какъ обратно
 Въ море его, воюющаго жалобно, буря умчала;
 Какъ принесенъ былъ онъ къ берегу лихихъ лестригоновъ: они же
 Разомъ его корабли и сопутниковъ мѣднообутыхъ
³²⁰Всѣхъ истребили; а онъ съ остальнымъ кораблемъ чернобокимъ
 Спасся. Потомъ разказалъ онъ о хитрыхъ волшебствахъ Цирцен;
 Также о томъ, какъ въ туманную область Аида, въ которомъ
 Душу Тирезія вѣдно было спросить, быстроходнымъ
 Былъ приведенъ кораблемъ, тамъ умершихъ товарищей тѣни
³²⁵Встрѣтилъ и матери милой отшедшую душу увидѣлъ;
 Какъ онъ услышалъ Сиренъ сладострастноубійственный голосъ;
 Какъ межъ Пловучихъ утесовъ, Харибдой и Скиллою, которыхъ
 Смертный еще ни одинъ не избѣгнуть, прошелъ невредимо;
 Какъ святотатно товарищи съѣли быковъ Геліуса;
³³⁰Какъ въ наказанье за то былъ корабль ихъ губительнымъ громомъ
 Зевса разрушенъ, и всѣхъ злополучныхъ сопутниковъ бездна
 Вдругъ поглотила, а онъ, избѣжавъ истребительной Керы,
 Къ берегу Огигіи острова былъ принесенъ, гдѣ Калипсо
 Нимфа его приняла и, желая, чтобъ былъ ей супругомъ,
³³⁵Въ гротѣ глубокомъ его угощала и даже хотѣла
 Дать напоследокъ ему и безсмертье и вѣчную младость,
 Вѣрнаго сердца однако его обольстить не успѣла;
 Какъ принесенъ былъ онъ бурей на островъ людей феакійскихъ,
 Съ честью великой его, какъ безсмертнаго бога, принявшихъ.
³⁴⁰Какъ наконецъ въ корабль ихъ онъ прибылъ домой, получивши
 Множество мѣди и злата и ризъ драгоцѣнныхъ въ подарокъ.
 Это послѣднее онъ разказалъ ужъ въ дремотѣ, и скоро
 Сонъ прилетѣлъ, чарователь тревогъ, успокоитель сладкій.
 Добрая мысль родилась тутъ въ умѣ свѣтлоокой Паллады:
³⁴⁵Въ сердцѣ своемъ убѣдившись, что сномъ безмятежнымъ на ложѣ
 Подлѣ супруги довольно уже Одиссей насладился,
 Выдти изъ водъ Океана вѣдла она златотронной
 Эосъ, чтобъ свѣтомъ людей озарить; Одиссей пробудился.
 Съ мягкаго ложа поднявшись, сказалъ онъ разумной супругѣ:
³⁵⁰Много съ тобой, Пенелопа, донинѣ мы бѣдъ претерпѣли

Оба: ты здѣсь обо мнѣ, ожидаемомъ тщетно, крушилась;
 Я осужденъ былъ Зевесомъ отцомъ и другими богами
 Странствовать, надолго съ милой отчизной моей разлученный.
 Нынѣ опять мы на сладостномъ ложѣ покоимся вмѣстѣ.
³⁵⁵Ты наблюдай, Пенелопа, за всѣми богатствами въ домѣ,
 Я же потщусь истребленное буйными здѣсь женихами
 Все возвратить: завоюю одно; добровольно другое
 Сами ахейцы дадутъ, и уплатится весь мой убытокъ.
 Надобно прежде однако налѣ садъ плодovitый и поле
³⁶⁰Мнѣ посѣтить, чтобъ увидѣть отца, сокрушеннаго горемъ.
 Ты жъ безъ меня осмотрительна будь, Пенелопа. Съ восходомъ
 Солнца по городу быстро раздастся молва о убійствѣ,
 Мною совершенномъ, о гибели всѣхъ жениховъ многобуйныхъ.
 Ты удалися съ рабынями вмѣстѣ на верхъ, и сиди тамъ
³⁶⁵Смирно, ни съ кѣмъ не входи въ разговоръ, никому не являйся.—
 Кончивъ, на плечи свои онъ накиннулъ прекрасную броню
 Сына съ Филотіемъ, съ вѣрнымъ Эвмеемъ позвалъ и велѣлъ имъ
 Также Ареево въ руки оружіе взять и облечься
 Въ брони; то было исполнено; крѣпкою мѣдью покрывшись,
³⁷⁰Вышли они, Одиссей впереди, изъ воротъ. Восходила
 Въ тихомъ сіяніи Эосъ. Аѳина ихъ, мглой окруженныхъ,
 Вывела тайно по улицамъ люднаго города въ поле.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

сороковой день.

Души жениховъ, приведенныя Эрміемъ въ Андъ, встрѣчаютъ тамъ Ахиллеса и Агамемнона. Амфилодонъ рассказываетъ о гибели жениховъ Агамемнону, который воздаетъ хвалу мужественному Одиссею и благой Пенелопѣ. Тѣмъ временемъ Одиссей открывається отцу; за обѣдомъ онъ узнаетъ Доліономъ и его сыновьями. Вѣсть о гибели жениховъ возбуждаетъ въ городѣ мятежъ. Эпейтъ ведетъ своихъ сообщниковъ противъ Одиссея. Одиссей остается побѣдителемъ.

Между враждующими заключается миръ съ помощью Аѳины.

Эрмій тѣмъ временемъ, богъ Киллинейскій, мужей умерщвленныхъ Души изъ труповъ безчувственныхъ вызвалъ; имѣя въ рукѣ свой Жезлъ золотой [по желанью его наводящій на бодрыхъ

Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у сонныхъ],
⁵Имъ онъ махнулъ и, столпясь, полетѣли за Эрміемъ тѣни
 Съ визгомъ; какъ мыши летучія, въ нѣдрѣ глубокой пещеры,
 Цѣпью къ стѣнамъ прикрѣпленныя—если одна, оторвавшись,
 Свалится наземь съ утеса—визжать, въ безпорядкѣ порхая:
 Такъ, завизжавъ, полетѣли за Эрміемъ тѣни; и вель ихъ
¹⁰Эрмій въ бѣдахъ покровитель, къ предѣламъ тумана и тлѣнья;
 Мимо Левкада скалы и стремительныхъ водъ Океана,
 Мимо воротъ Геліосовыхъ, мимо предѣловъ, гдѣ боги
 Сна обитаютъ, провѣяли тѣни на Асфодилонскій
 Лугъ, гдѣ воздушными стаями души усопшихъ летаютъ.
¹⁵Первая имъ повстрѣчалася тѣнь Ахиллеса Пелида;
 Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный и сынъ Тѣламоновъ.
 Бодрый Аяксъ, красотой и мужествомъ браннымъ и силой,
 Послѣ Пелеева сына, ахеянъ другихъ затмѣвавшій.
 Легкой толпою они окружили ихъ. Тихо и грустно
²⁰Тѣнь Агамемнона, сына Атревая, тутъ подошла къ нимъ;
 Слѣдомъ за ней подошли и всѣ тѣни товарищей, надшихъ
 Въ домъ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ постигнутыхъ ро-
 Слово душа Ахиллеса къ душѣ Агамемнона прежде [комъ.
 Всѣхъ обратила: Атридъ, намъ казалось, что Зевсъ громолюбецъ
²⁵Болѣ къ тебѣ; чѣмъ къ героямъ другимъ, благосклонствовалъ; имъ
 Былъ надъ владыками сильными первовластителемъ сдѣланъ [ты
 Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много мы бѣдъ претерпѣли ахейцы.
 Но и тебѣ повстрѣчать на землѣ предназначено было
 Страшную Керу, которой никто не избѣгъ изъ рожденныхъ.
³⁰О! для чего, окруженный величіемъ, властью и славой,
 Ты не погибъ межъ товарищей бранныхъ у стѣнъ Иліона!
 Холмъ бы надъ прахомъ твоимъ былъ насыпанъ ахейцами, сыну
 Славу великую ты навсегда бы въ наслѣдство оставилъ;
 Нынѣ жъ плачевною смертью по волѣ судьбины погибъ ты.—
³⁵Тѣнь Агамемнона тѣни Пелидовой такъ отвѣчала:
 Сынъ Пелеевъ, избранникъ боговъ, ты завидно былъ счастливъ;
 Паль далеко отъ Аргоса въ Троянской землѣ ты, но пало
 Много тобой умерщвленныхъ троянъ вокругъ тебя и за трупъ твой
 Бились ахейцы славнѣйшіе; ты же подъ вихрями пыли

⁴⁰Тихій, огромный и страшный, лежалъ тамъ, забывъ колесничный Бой; и день цѣлый мы билися всѣ за тебя, и конца бы Не было битвѣ, когда бы Зевесъ не развесть насъ грозою.

Вынесши тѣло изъ боя твое, къ кораблямъ возвратились Съ нимъ мы; его положивши на одръ и водою омывши,

⁴⁵Масломъ натерли прекрасную голову; много рыдало Вкругъ бездыханнаго трупъ ахеянъ, свои отъ печали Волосы рвавшихъ. И съ нимфами моря изъ бездны глубокой Вышла скорбящая мать; и раздался ея несказанный

По морю крикъ: трепетаніе страха проникло ахеянъ;

⁵⁰Всѣ всколебались, и всѣ бѣ къ кораблямъ убѣжали глубокимъ,

Если бы ихъ не успѣлъ удержать многознающій старецъ

Несторъ, всегда подававшій совѣты разумные; полный

Мыслей благихъ, обратясь къ товарищамъ, такъ имъ сказалъ онъ:

Стойте, ахейцы! куда вы бѣжите, аргивяне? Что васъ

⁵⁵Такъ испугало? То съ нимфами моря изъ бездны глубокой

Скорбная мать подымается мертваго сына увидѣть.

Такъ онъ сказалъ; ободрились ахейскіе мужи. И трупъ твой

Нимфы прекрасныя, дочери старца морей, окружили

Съ плачемъ, и свѣтлобожественной ризою его облачили;

⁶⁰Музы—всѣ девять—смѣняяся, голосомъ сладостнымъ пѣли

Гимнъ похоронный; никто изъ аргивянъ съ сухими глазами

Слушать не могъ сладкопѣнія музъ, врачевательницъ сердца;

Цѣлыхъ семнадцать тамъ дней и ночей надъ тобой проливали

Горькія слезы безсмертныя боги и смертныя люди;

⁶⁵Но на осмнадцатый день былъ огню ты торжественно преданъ;

Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ убили

Въ почестъ твою; и въ божественной ризѣ, помазанный сладкимъ

Медомъ и мазью душистою, былъ ты сожженъ; и ахейцы,

Въ мѣдъ облачась, у костра, на которомъ сгоралъ ты, кипѣли,

⁷⁰Конные, пѣшіе, въ быстрыхъ блестя колесницахъ; великій

Говоръ и шумъ былъ; когда же Ифестово пламя пожрало

Трупъ твой, съ восходомъ денницы, мы собрали бѣлыя кости,

Чистымъ виномъ ихъ омыли, умастили мазью; златую

Урну дала сокрушенная мать; Діонисъ ей, сказала,

⁷⁵Ту подарилъ драгоцѣнную урну, созданье Ифеста.

Нынѣ хранятся въ ней кости твои, Ахиллесъ лучезарный,
 Вмѣстѣ съ костями Патрокла, погибшаго прежде во брани,
 Но далеко отъ костей Антилоха, который тобою,
 Послѣ Патрокловой смерти, всѣхъ болѣ ахеянъ любимъ былъ.

⁸⁰Холмъ погребальный великій надъ вашими урнами былъ тутъ
 Ратью святой копыеносныхъ аргивянъ у свѣтлоширокихъ
 Водъ Геллеспонта на брегѣ, впередъ выходящемъ, насыпанъ;
 Будетъ далеко онъ на морѣ видимъ пловцамъ мореходнымъ
 Нашихъ временъ, и грядущаго времени всѣмъ поколѣбьямъ.

⁸⁵Мать же твоя принесла тутъ дары, у боговъ испрося ихъ;
 Были цѣною побѣды на играхъ они для ахеянъ.

Часто бывалъ, Ахиллесъ, ты свидѣтелемъ игръ похоронныхъ,
 Въ честь многославныхъ, похищенныхъ смертью царей и героевъ;
 Зрѣлъ ты, какъ юноши, алча вѣнца, снаряжались къ бою—

⁹⁰Здѣсь же тебя привело бѣ изумленіе въ трепеть при видѣ
 Чудныхъ даровъ, среброногой Фетидой въ награду побѣды
 Намъ отъ боговъ принесенныхъ: ты былъ ихъ избранный любимецъ.
 Такъ и по смерти ты именовъ живъ, Ахиллесъ, и навѣки
 Слава твоя сохранится во всѣхъ на землѣ поколѣбьяхъ.

⁹⁵Мнѣ жъ, послужило ль къ чему окончаніе славное брани?
 Страшное Зевсъ приготовилъ мнѣ въ землю отцовъ возвращенье:
 Смерть отъ Эгиста предательствомъ гнѣснымъ жены развращенной.—
 Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.

Тутъ имъ явился, увидѣли, Эрміи Аргусубійца,

¹⁰⁰Души въ Аидѣ жениховъ, Одиссеемъ убитыхъ, ведущій;
 Оба они, изумяся, приблизились къ тѣнямъ; въ густомъ ихъ

Сонмѣ душа Агамемнона, сына Атреева, душу
 Амфимедона, Мелантова славнаго сына узнала.

Житель Итаки, онъ гостемъ издавна Атриду считался;

¹⁰⁵Амфимедонову душу душа Агамемнона грустнымъ
 Словомъ спросила: что сдѣлалось съ вами? Зачѣмъ васъ такъ много
 Юныхъ, прекрасныхъ, въ подземную область приходитъ? Никто бы
 Лучшихъ не выбралъ, когда бѣ надлежало межъ первыми въ градѣ
 Выбрать. Въ пучинѣ ли васъ погубилъ Посидонъ съ кораблями,

¹¹⁰Бурю пригнавъ и великія волны воздвигнувъ? На сушѣ ль
 Врагъ многосильный сразилъ васъ незапно, захваченныхъ въ полѣ,

Гдѣ вы ловили его криворогихъ быковъ и барановъ,
Или во градѣ, гдѣ женъ похищали и грабили дома
Дерзкой толпою? Отвѣтствуй; мнѣ гостемъ считался ты въ жизни.

¹¹⁵Помнишь ли время, когда твой отеческій домъ посѣтилъ я,
Вызвать спѣша Одиссея, чтобъ съ братомъ моимъ Менелаемъ
Шелъ въ корабляхъ разрушать Иліона могучія стѣны?

Цѣлый мы плавали мѣсяцъ по темноширокому морю
Прежде, чѣмъ былъ убѣжденъ Одиссей, городовъ сокрушитель.—

¹²⁰Амфимедонова тѣнь отвѣчала Атридовой тѣни:

Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Агамемнонъ,
Памятно все мнѣ, о чемъ говоришь ты, питомецъ Зевесовъ.
Если же вѣдать желаешь, тебѣ расскажу я подробно,
Какъ мы погибли, какую намъ смерть приготовили боги.

¹²⁵Спорили всѣ мы другъ съ другомъ о бракѣ съ женой Одиссея;
Въ бракъ не желая вступить, и отъ брака спастись не имѣя
Средства, намъ гибель и смерть замышляла въ душѣ Пенелопа.
Слушай, какую она вѣроломно придумала хитрость:

Стань превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ

¹³⁰Тонко-широкую ткань и, собравши насъ всѣхъ, намъ сказала:

Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на свѣтѣ

Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я

¹³⁵Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли ахейскія жены

Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова.
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.

Что же? День цѣлый она за тканьемъ проводила, а ночью,

¹⁴⁰Факель зажегши, сама все натканное днемъ распускала,

Три года длился обманъ и она убѣждать насъ умѣла;

Но когда обращенъ временъ приведенный четвертый
Годъ совершился, промчались мѣсяцы, дни пролетѣли—

Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла;

¹⁴⁵Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью;

Такъ и была приневолена нехотя трудъ свой окончить.

Но, лишь, окончивъ свой трудъ принужденный, она напоследокъ

Ткань, какъ луна иль какъ солнце блестящую, намъ показала,
 Демонъ враждебный незапно привелъ Одиссея въ Итаку;
¹⁵⁰Въ домъ онъ сначала пришелъ къ свинопасу Эвмею; туда же
 Былъ приведенъ и подобный богамъ Телемакъ, совершившій
 Свой отъ песчанаго Пилоса путь въ кораблѣ чернобокомъ.
 Оба они тамъ замысливъ ужасную нашу погибель,
 Въ городъ вошли многославный; сперва Телемакъ, Одиссеевъ
¹⁵⁵Сынъ; а за нимъ напослѣдокъ и самъ Одиссей хитроумный;
 Онъ приведенъ былъ Эвмеемъ, одѣтый въ убогое платье,
 Въ образѣ хилаго старца, который чуть шель, подпираясь
 Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ, набросивъ на плечи.
 Намъ же [и самымъ разумнымъ изъ насъ] не входило ни разу
¹⁶⁰Въ мысли, чтобъ это былъ самъ Одиссей, возвратившійся тайно
 Въ домъ свой: въ него мы швыряли; его поносили словами;
 Долгое время онъ въ собственномъ домѣ съ великимъ терпѣньемъ,
 Молча, сносилъ и швырянье и наши обидныя рѣчи.
 Но ободренный эгидоносителемъ грознымъ Зевесомъ,
¹⁶⁵Онъ съ Телемакомъ вдвоемъ всѣ дослѣхи прекрасные собралъ,
 Въ дальній покой перенесъ ихъ, и тамъ запертymi оставилъ;
 Послѣ коварнымъ совѣтомъ своимъ побудилъ Пенелопу,
 Страшныя стрѣлы и лукъ Одиссеевъ тугой намъ принесли,
 Вызвать насъ бѣдныхъ къ стрѣлянью и къ вѣрной погибели нашей.
¹⁷⁰Мы же [и самый сильнѣйшій изъ насъ] не могли непокорный
 Лукъ натянуть тетивою: на то недостало въ насъ силы;
 Но, когда поднесенъ Одиссею былъ лукъ свинопасомъ,
 Всею толпой на него закричали мы, лукъ Одиссеевъ
 Въ руки давать запрещая бродягѣ, хотя и просилъ онъ.
¹⁷⁵Намъ вопреки, Телемакъ богоравный на то согласился.
 Взявши могучій свой лукъ, Одиссей, въ испытаніяхъ твердый,
 Вмигъ натянулъ тетиву и сквозь кольца стрѣла пролетѣла.
 Прянувъ тогда на порогъ, изъ колчана онъ высыпалъ стрѣлы,
 Страшно кругомъ озираясь. И былъ Антиной имъ застрѣленъ
¹⁸⁰Первый; и бѣшено сталъ посылать онъ стрѣлу за стрѣлою;
 Не было промаха; надали всѣ умерщвленные; было
 Ясно, что кто нибудь помощь ему подавалъ изъ безсмертныхъ.
 Бросясь на нашу толпу, онъ по всей разогналъ насъ палатѣ.

Страшное тутъ началось убійство, раздался великій [кровью
¹⁸⁵Крикъ; былъ разбрызганъ нашъ мозгъ и дымился затопленный
 Полю. Такъ плачевно погибли мы всѣ, Агамемнонъ. Еще тамъ
 Наши лежатъ погребенья лишенные трупы; о нашей
 Смерти не свѣдалъ еще ни одинъ изъ родныхъ и изъ ближнихъ;
 Наши кровавыя раны еще не омыты, еще насъ
¹⁹⁰Пламень не сжегъ и никто не оплакалъ, и почести нѣтъ намъ.—
 Амфимедоновой тѣни Атридова тѣнь отвѣчала:
 Счастливъ ты, другъ, многохитростный мужъ, Одиссей богоравный!
 Добрую, нравами чистую выбралъ себѣ ты супругу;
 Розно съ тобою, себя непорочно вела Пенелопа,
¹⁹⁵Дочь многоумная старца Икарія; мужу, любящимъ
 Сердцемъ избранному, вѣрность она сохранила; и будетъ
 Слава за то ей въ потомствѣ; и въ пѣсняхъ Камень сохранится
 Память о вѣрной, прекрасной, разумной женѣ Пенелопѣ.
 Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
²⁰⁰Въ руку убійцы супруга предавшей: объ ней сохранится
 Страшное въ пѣсняхъ потомковъ; она навсегда посрамила
 Полю свой и даже всѣхъ женъ, поведеніемъ своимъ безпорочныхъ.—
 Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя грустно
 Въ темныхъ жилищахъ Аида, въ глубокихъ предѣлахъ подземныхъ.
²⁰⁵Тою порою Одиссей и спутники, вышедъ изъ града,
 Поля достигли, которое самъ обрабатывалъ добрый
 Старецъ Лаэртъ съ попеченіемъ великимъ, давно имъ владѣя.
 Садъ тамъ и домъ онъ имѣлъ; отовсюду широкимъ навѣсомъ
 Домъ окруженъ былъ, и днемъ подъ навѣсомъ рабы собирались
²¹⁰Вмѣстѣ работать и вмѣстѣ обѣдать; а ночью тамъ вмѣстѣ
 Спали; была между ими старушка породы сикельской;
 Старцу служила она и пеклася о немъ неусыпно.
 Такъ Одиссей, обратясь къ Телемаку и къ прочимъ, сказалъ имъ:
 Всѣ вы теперь совокуно войдите во внутренность дома.
²¹⁵Лучшую выбравъ свинью, на обѣдъ нашъ ее тамъ зарѣжьте;
 Я же къ родителю прямо пойду: испытать я намѣренъ,
 Буду ль имъ узнанъ, меня угадають ли старцевы очи,
 Или отъ долгой разлуки я сталъ и отцу незнакомцемъ?—
 Такъ говоря, онъ оружіе отдалъ рабамъ; и поспѣшно

²²⁰Въ домъ съ Телемакомъ вступили они; Одиссей же направилъ
 Путь къ плодоносному саду, тамъ встрѣтитъ надѣясь Лаэрта.
 Въ садъ онъ вступивъ, не нашель Доліона, и не было также
 Тамъ ни рабовъ, ни дѣтей Доліоновыхъ; посланы были
 Всѣ они въ поле терновникъ собирать для заграды садовой;
²²⁵Съ ними пошелъ и старикъ Доліонъ указать имъ дорогу.
 Старца Лаэрта въ саду одного Одиссей многоумный
 Встрѣтилъ; онъ тамъ подчищаль деревцо; былъ одѣтъ неопрятно;
 Платье въ заплатяхъ; худыми ремнями изъ кожи бычачьей,
 Наживо спитыми, были опутаны ноги, чтобъ иглы
²³⁰Ихъ не парали; руки отъ острыхъ колючекъ терновыхъ
 Онъ защитилъ рукавицами; шлыкъ изъ потершейся козьей
 Шкуры покровомъ служилъ головѣ, наклоненной отъ горя.
 Такъ Одиссею явился отецъ, сокрушенный и дряхлый.
 Онъ притаился подъ грушей, далъ волю слезамъ и, въ молчаньи,
²³⁵Стоя тамъ, плакалъ. Не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ, что дѣлать:
 Вдругъ ли открывшись, ко груди прижать старика, и цѣлуетъ
 Руки его, объявить о своемъ возвращеньи въ Итаку?
 Или вопросами вывѣдать все отъ него понемногу?
 Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ напоследокъ, что лучше
²⁴⁰Опыту старца притворнообидною рѣчью подвергнуть
 Такъ разсудивъ, подошелъ Одиссей богоравный къ Лаэрту.
 Голову онъ наклонялъ, деревцо подчищая мотыкой.
 Близко къ нему подступивши, сказалъ Одиссей лучезарный:
 Старецъ, ты, вижу, искусень и опытенъ въ дѣлѣ садовомъ;
²⁴⁵Садъ твой въ великомъ порядкѣ; о каждомъ равно ты печешься
 Деревъ; смоквы, оливы и груши и сочные грозды
 Лозъ виноградныхъ, и гряды цвѣточныя—все здѣсь въ приборѣ.
 Но не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
 Старецъ, что самъ о себѣ ты заботишься плохо; угрюма
²⁵⁰Старость твоя, ты нечистъ, ты одѣтъ неопрятно; ужъ вѣрно
 Твой господниъ до тебя такъ недобръ не за лѣность къ работѣ.
 Самъ же ты образомъ вовсе не сходенъ съ рабомъ подчиненнымъ;
 Царское что-то и въ видѣ и станѣ твоёмъ нахожу я;
 Болѣ подобенъ ты старцу, который, омывшись, насытася,
²⁵⁵Спитъ на роскошной постелѣ, какъ всякому старцу прилично.

Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая:
 Кто господинъ твой? За чьимъ плодоноснымъ ты садомъ здѣсь смотришь?
 Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
 Вправду ль на островъ Итаку я прибылъ, какъ это сказалъ мнѣ
²⁶⁰Кто-то изъ здѣшнихъ, меня на дорогѣ сюда повстрѣчавшій?
 Былъ онъ однако весьма непривѣтливъ; со мной разговора
 Вестъ не хотѣлъ и мнѣ не далъ отвѣта, когда я о гостѣ,
 Нѣкогда принятомъ мною, его разспросить попытался:
 Живъ ли и здѣсь ли еще, иль ужъ въ область Анда сошелъ онъ?
²⁶⁵Вѣдать ты долженъ, и выслушай то, что скажу я: давно ужъ
 Мнѣ угощать у себя посѣтившаго домъ мой случилось
 Странника; много до тѣхъ поръ гостей изъ далекихъ, изъ ближнихъ
 Странъ приходило ко мнѣ; но такой между ими разумный
 Мнѣ не встрѣчался; онъ назвалъ себя уроженцемъ Итаки,
²⁷⁰Аркезіада Лаэрта, молвою хвалимаго, сыномъ.
 Принялъ я въ домѣ своемъ Одиссея; и мной угощенъ былъ
 Онъ съ дружелюбною роскошью—много запасовъ имѣлъ я
 Въ домѣ; и много подарковъ мой гость получилъ на прощаньи:
 Золота далъ я отличной доброты семь полныхъ талантовъ;
²⁷⁵Далъ сребролитную чашу, вѣнчанную чудно цвѣтами,
 Съ нею двѣнадцать покрововъ, двѣнадцать широкихъ всеневныхъ
 Мантіи, и къ верхнимъ двѣнадцати ризамъ двѣнадцать хитоновъ;
 Кромѣ того подарилъ четырехъ рукодѣльныхъ невольницъ:
 Были онѣ молодья, красивыя; самъ онъ ихъ выбралъ.—
²⁸⁰Крупную старецъ слезу уронивъ, отвѣчалъ Одиссею:
 Странникъ, ты подлинно прибылъ въ тотъ край, о которомъ же-
 Свѣдать; но имъ ужъ давно завладѣли недобрые люди. [лаешъ
 Ты понапрасну съ такимъ гостелюбьемъ истратилъ подарки;
 Если бъ въ Итакѣ живымъ своего ты давнишняго гостя
²⁸⁵Встрѣтилъ, тебя отдарилъ бы онъ также богато, принявши
 Въ домъ свой: таковъ ужъ обычай, чтобъ гости другъ друга да-
 Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая: [рили.
 Сколько съ тѣхъ поръ миновалось лѣтъ, какъ въ своемъ угощалъ ты
 Домѣ несчастнаго странника? Странникъ же этотъ былъ сынъ мой,
²⁹⁰Сынъ Одиссей—злополучный! быть можетъ, далеко отъ милой
 Родины, рыбами съѣденъ онъ въ безднѣ морской иль на сушѣ

Птицамъ пустыннымъ, звѣрямъ плотояднымъ достался въ добычу;
 Матерью не былъ онъ, не былъ отцомъ погребенъ и оплаканъ;
 Не былъ и дорогокупленной, вѣрной женой Пенелопой
²⁹⁵Съ плачемъ и крикомъ на одръ положенъ; и она не закрыла
 Милыхъ очей; и обычной ему не оказано чести.

Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
 Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
 Кто твоя мать? Гдѣ корабль, на которомъ ты прибылъ въ Итаку?
³⁰⁰Гдѣ ты покинулъ товарищей? Или чужимъ, какъ попутчикъ,
 Къ намъ привезенъ кораблемъ и, тебя здѣсь оставя, отплылъ онъ?—
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказала Одиссей хитроумный:

Если ты знать любопытствуешь, все расскажу по порядку;
 Я родился въ Алибантѣ; живу тамъ въ богатыхъ палатахъ;
³⁰⁵Полипимонидъ Афейдъ, той страны обладатель, отецъ мой;
 Имя дано мнѣ Эпиритъ. Сюда непріязненный Демонъ
 Противъ желанья меня, отъ Сиканіи плившаго, бросилъ;
 Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейона лѣсистымъ.
 Долженъ однако ты вѣдать, что съ тѣхъ поръ ужъ пять совершилось

³¹⁰Лѣтъ, какъ мое посѣтивши отечество, сынъ твой пустился
 Въ море. Ему жъ при отплытіи счастливый путь предсказали
 Птицы, взлетѣвшія справа; я весело съ нимъ разлучился;
 Весело поплылъ и онъ; мы питались надеждою сладкой:
 Часто видаться, другъ другу подарками радуя сердце.—

³¹⁵Такъ говорилъ Одиссей; и печаль отуманила образъ
 Старца; и прахомъ наполнивши горсти, свою онъ сѣдую
 Голову всю имъ, вздохнувъ со стenanьемъ глубокимъ, осыпалъ.
 Сердце у сына въ груди повернулось и, спершись, дыханье
 Кинулось въ ноздри его—онъ сраженъ былъ родителя скорбью.

³²⁰Бросаясь къ нему, онъ, его обхватя и цѣлуя, воскликнулъ:
 Здѣсь я, отецъ! я твой сынъ, Одиссей, столь желанный тобою
 Волей боговъ возвратившійся въ землю отцовъ черезъ двадцать
 Лѣтъ; воздержись отъ стenanій, оставь сокрушенье и слезы.
 Слушай однако; мгновенья намъ тратить не должно, понеже
³²⁵Въ домѣ моемъ истребилъ я ужъ всѣхъ жениховъ многобуйныхъ,
 Мстя имъ за всѣ беззаконія ихъ и за наши обиды.—

Кончилъ. Лаэртъ изумленный отвѣтствовалъ такъ Одиссею:

Если ты подлинно сынъ Одиссей, возвратившійся въ домъ свой—
Вѣрный мнѣ знакъ покажи, чтобъ мое уничтожить сомнѣнье.—

³³⁰Старцу Лаэрту отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:

Прежде тебѣ укажу я на этотъ рубецъ; мнѣ поранилъ
Ногу, ты помнишь, клыкомъ разъяренный кабанъ на Парнасѣ;

Былъ же туда я тобою и милою матерью посланъ

Къ Автоликону, отцу благородному матери, много

³³⁵[Насъ посѣтивъ] посулившему дать мнѣ богатыхъ подарковъ.

Если желаешь, могу я тебѣ перечестъ и деревья

Въ садѣ, которыя ты подарилъ мнѣ, когда я однажды,

Бывши малюткою, здѣсь за тобою бѣжалъ по дорожкѣ.

Самъ ты, деревья дая, поименно мнѣ каждое назвалъ:

³⁴⁰Даль мнѣ тринадцать ты грушъ оцвѣтившихся, десять отборныхъ

Яблонь и сорокъ смоковницъ; притомъ пятьдесятъ виноградныхъ

Лозъ обѣщаль, приносящихъ весь годъ многосочные грозды;

Крупныя жъ ягоды ихъ, какъ янтарь золотой или пурпурный,

Блещутъ, когда созрѣваютъ онѣ благодатью Зевеса.—

³⁴⁵Такъ онъ сказалъ. Задрожали колѣна и сердце у старца;

Всѣ сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакавъ,

Милаго сына онъ обнялъ, потомъ обезпамятѣлъ; въ руки

Принялъ его, всѣхъ лишеннаго силъ, Одиссей богоравный;

Но напоследокъ, когда возвратились и память и силы,

³⁵⁰Голосъ возвысивъ и взоръ устремивши на сына, сказалъ онъ:

Слава Зевесу отцу! существуютъ еще на Олимпѣ

Мстятіе боги, когда беззаконники вправду погибли.

Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подыметъ въ градѣ

Скоро мятежъ, и сюда соберется народъ, и съ ужасной

³⁵⁵Вѣстью гонцы разошлются по всѣмъ городамъ кефаленскимъ.—

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты тревожиться долженъ.

Лучше пойдемъ мы въ твой домъ, находящійся близко отсюда;

Я ужъ туда Телемака съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ,

³⁶⁰Прямо послалъ, имъ велѣвъ приготовить обѣдъ намъ обильный.—

Съ сими словами къ красивому дому направили путь свой

Сынъ и отецъ; и когда напоследокъ вступили въ красивый

Домъ, Телемакъ тамъ съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ, состряпавъ

Пищу, ужъ рѣзали мясо и въ кубки вино наливали.

³⁶⁵Тою порою, Лаэрта въ купальнѣ омывши рабыня
Старцева, тѣло его благовоннымъ елеемъ патерла,
Чистою мантией плечи его облекла; а Аѳина,
Тайно къ нему подошедши, его возвеличила ростомъ,
Сдѣлала тѣломъ полнѣй, и лицу придала молоджавость.

³⁷⁰Вышелъ изъ бани онъ свѣтель. Отца подходящаго видя,
Сынъ веселился его красотою, божественно чистой.
Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово:
О родитель! конечно одинъ изъ боговъ Олимпійскихъ
Такъ озарилъ красотою твой образъ, такъ выпрямилъ станъ твой!—

³⁷⁵Кротко на то Одиссею Лаэртъ отвѣчалъ многославный:
Если бь—о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!—
Былъ я таковъ, какъ въ то время, когда съ кефаленскою ратью
Нериконъ градъ на утесѣ земли матерой ниспровергнулъ,
Если бы въ домѣ вчера я такимъ предъ тобою явился,

³⁸⁰Броню надѣлъ на плеча и, тебѣ помогая, ударилъ
Вмѣстѣ съ тобой на толпу жениховъ—сокрушилъ бы колѣна
Многимъ изъ нихъ я; и ты бы, любуясь отцомъ, веселился.—
Такъ говорили они, собесѣдуя сладко другъ съ другомъ.

Стряпанье кончивъ, обильный обѣдъ приготовивъ и сѣвши
³⁸⁵Вмѣстѣ за столъ надлежащимъ порядкомъ на креслахъ и стульяхъ,
Весело подняли руки они къ приготовленной пищѣ.

Скоро съ работы пришелъ и старикъ Доліонъ съ сыновьями:
Звать ихъ за столъ къ нимъ навстрѣчу рабыня сикельская вышла
[Всѣхъ сыновей воспитала она, а за старымъ отцомъ ихъ,
³⁹⁰Слабымъ отъ лѣтъ, съ неусыпнымъ усердіемъ въ домѣ неклася].
Въ двери столовой вступивши, при видѣ нежданаго гостя,
Всѣ изумились они и стояли, не трогаясь съ мѣста.

Ласково къ нимъ обратясь, сказалъ Одиссей хитроумный:
Что же ты медлишь? Садися за столъ къ намъ, старикъ; удивленье
³⁹⁵Ваше оставивъ, обѣдайте съ нами; давно ужъ сидимъ мы
Здѣсь за столомъ, дожидаясь, чтобъ вы возвратились съ работы.—
Такъ онъ сказалъ. Доліонъ, подбѣжавъ къ своему господину,
Руки его цѣловать съ несказанною радостью началъ;
Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово:

⁴⁰⁰Здѣсь наконецъ ты, нашъ милый, желанный! Увидѣть намъ дали
Боги тебя—а у насъ ужъ въ душѣ и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будутъ съ тобою!
Намъ же теперь объяви, чтобъ могли мы всю истину вѣдать,
Даль ли уже ты разумной супругѣ своей Пенелопѣ

⁴⁰⁵Знать о своемъ возвращеннѣ? Иль вѣстника должно послать къ ней?—
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Сказано все ей старикъ; не заботься объ этомъ напрасно.—
Такъ отвѣчалъ Одиссей. Доліонъ помѣстился на гладкомъ
Стулѣ. Его сыновья, своему поклонясь господину,

⁴¹⁰Съ словомъ привѣтливымъ руку пожали ему и обѣдать
Сѣли съ другими за столъ близъ отца своего Доліона.
Такъ пировали они въ многославномъ жилищѣ Лаэрта.

Осса тѣмъ временемъ съ вѣстью ходила по улицамъ града,
Страшную участь и лютую смерть жениховъ разглашая;

⁴¹⁵Всѣ взволновалися жители града; великой толпою
Съ ропотомъ, съ воплемъ сбѣжался народъ къ Одиссееву дому;
Вывесли мертвыхъ оттуда; однихъ схоронили; другихъ же
Въ дома семейные ихъ по инымъ городамъ разослали,
Трупы развезть поручивъ рыбакамъ на судахъ быстроходныхъ.

⁴²⁰На площадь стали потомъ всѣ печально собираться; когда же
На площадь всѣ собрались и собраніе сдѣлалось полнымъ,
Первое слово къ народу Эвпейтъ обратилъ благородный;
Въ сердцѣ, о сынѣ своемъ, Антиноѣ прекрасномъ, который,
Первый застрѣленный, первою жертвою былъ Одиссея,

⁴²⁵Онъ сокрушался; и такъ сокрушенный сказалъ онъ народу:
Граждане милые, страшное зло Одиссей намъ ахейцамъ
Всѣмъ приключилъ. Благороднѣйшихъ нѣкогда въ Трою увлекши
Вслѣдъ за собой, корабли и спутниковъ всѣхъ погубилъ онъ;
Нынѣ жъ, домой возвратясь, умертвилъ кефаленянъ знатнѣйшихъ.

⁴³⁰Братья, молю васъ—пока изъ Итаки не скрылся онъ въ Пилосъ,
Или не спасся въ Элиду, священную землю эпеянъ—
Выдти со мной на губителя; иначе стыдъ насъ покроетъ;
Мы о себѣ и потомству оставимъ поносную память,
Если за ближнихъ своихъ, за родныхъ сыновей ихъ убійцамъ

⁴³⁵Здѣсь не отмстимъ. Для меня же, скажу, ужъ тогда нестерпима

Будеть и жизнь; и за ними погибшими въ землю сойду я.
Нѣтъ! не допустимъ, граждане, ихъ праведной кары избѣгнуть.—
Такъ говорилъ онъ, печальный, и всѣхъ состраданье проникло.
Фемій тогда и глашатай Медонтъ, въ Одиссеевомъ домѣ
⁴⁴⁰Ночь ту проведеншіе, вставши отъ сна, предъ народнымъ собраньемъ
Оба явились; при видѣ ихъ каждый пришелъ въ изумленье.
Умныя мысли имѣя, Медонтъ имъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, граждане Итаки; не противъ
Воли Зевесовой такъ поступилъ Одиссей благородный;
⁴⁴⁵Видѣлъ я самъ, какъ одинъ изъ безсмертныхъ боговъ Олимпійскихъ
Тамъ появился незапно, облекшійся въ Менторовъ образъ;
Онъ, всемогущій, то стоя предъ нимъ, возбуждалъ въ Одиссеѣ
Бодрость, то противъ толпы жениховъ обращаясь, гонялъ ихъ
Трепетныхъ изъ угла въ уголъ, и всѣ другъ на друга валились.—
⁴⁵⁰Такъ онъ сказалъ имъ и были всѣ ужасомъ схвачены блѣднымъ.
Выступилъ тутъ предъ народъ Галиаердъ многоопытный старецъ,
Сынъ Масто́ровъ; грядущее онъ, какъ минувшее, вѣдалъ;
Съ мыслью благой обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
⁴⁵⁵Вашей виною, друзья, совершилась бѣда роковая;
Мнѣ вы и Ментору мудрому не дали вѣры, когда мы
Вовремя васъ убѣждали унять сыновей безразсудныхъ,
Много себѣ непозволённыхъ дѣлъ позволявшихъ, губившихъ
Домъ Одиссеевъ, и злая обиды нанесшихъ супругѣ
⁴⁶⁰Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вѣчно.
Вотъ вамъ теперь мой совѣтъ; моему покоритесь слову:
Мирно оставайтесь здѣсь, чтобъ бѣды на себя не накликавъ
Злѣйшей.—Сказалъ; половина большая собранья съ свирѣпымъ
Воплемъ вскочила; покойно на мѣстѣ остались другіе.
⁴⁶⁵Тѣ жъ, негодуя на рѣчь Галиаердову, вслѣдъ за Эвпейтомъ
Бросились шумноиестовымъ сонмомъ готовиться къ бою.
Всѣ, облачившись въ крѣпкія мѣдноблестящія брони,
За городъ вышли и тамъ собралися великой толпою.
Ихъ предводитель Эвпейтъ, обезумленный горемъ великимъ,
⁴⁷⁰Мнилъ, что за сына отмститъ; но ему не назначено было
Въ домъ свой опять возвратиться: его стерегла ужъ судьбина.

Тутъ свѣтлоокая Зевса Кроніона дочь обратила
 Слово къ отцу и сказала: Кроніонъ, верховный владыка,
 Мнѣ отвѣчай вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
⁴⁷³Злую ль гражданскую брань и свирѣпокровавую сѣчу
 Здѣсь воспалить? Иль противникамъ миромъ велѣть сочетаться?—
 Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
 Странно мнѣ, милая дочь, что меня ты о томъ вопрошаешь;
 Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубить
⁴⁸⁰Всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Чтò хочешь
 Сдѣлать теперь, то и сдѣлай. Мои же тебѣ я открою
 Мысли: отмстилъ женихамъ Одиссей богоравный—имѣлъ онъ
 Право на то; и царемъ онъ останется; клятвой великой
 Миръ утвердится; а горькую смерть сыновей ихъ и братьевъ
⁴⁸⁵Въ жертву забвенію мы предадимъ; и любовь совокупить
 Прежняя всѣхъ; и съ покоемъ обиліе здѣсь водворится.—
 Кончивъ, велѣлъ онъ идти нетерпѣнъ горѣвшей Аѳинѣ.
 Бурно въ Итаку съ вершины Олимпа шагнула богиня.
 Тѣ же, насытятся, вдоволь, обѣдъ свой окончили. Голосъ
⁴⁹⁰Свой Одиссей тутъ возвысилъ и бросилъ крылатое слово:
 Должно, чтобъ кто нибудь вышелъ теперь посмотрѣть: не идутъ ли?
 Такъ онъ сказалъ, и одинъ изъ младыхъ сыновей Доліона
 Въ двери пошелъ; но съ порога дверей, подходящихъ увидя,
 Громко воскликнулъ и быстрое слово Лаэртovu сыну
⁴⁹⁵Бросилъ: Идутъ! поспѣшите! Оружіе въ руки! ихъ много!
 Всѣ побѣжали немедля и въ крѣпкія брони одѣлись;
 Былъ Одиссей самъ-четверть; Доліоновы стали съ нимъ рядомъ,
 Шестъ сыновей. И Лаэртъ съ Доліономъ оружіе также
 Взяли—сѣдые, нуждой ополченные ратники-старцы.
⁵⁰⁰Всѣ совокупно, облекшись въ мѣдноблестящія брони,
 Вышли они, Одиссей впереди, изъ дверей. Къ Одиссею
 Тутъ подошла свѣтлоокая дочь громовержца Зевеса,
 Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, богиня Аѳина;
 Радостью былъ онъ проникнуть, ее предъ собою увидя.
⁵⁰⁵Къ сыну потомъ обратясь, онъ бросилъ крылатое слово:
 Другъ Телемакъ, наступила пора и тебѣ отличиться
 Тамъ, гдѣ, сражаясь, великою честью себя покрываетъ

Страха незнающій мужъ. Окажися достойнымъ породы
Бодрыхъ отцовъ, за дѣла прославляемыхъ всею землею.—

⁵¹⁰Кротко отцу отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Самъ ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю

Бодрыхъ отцовъ, за дѣла прославляемыхъ всею землею.—

Такъ онъ сказалъ. Ихъ услышавъ, Лаэртъ вдохновенно воскликнулъ:

Добрые боги, какой вы мнѣ день даровали! О радость!

⁵¹⁵Слышу, какъ сынъ мой и внукъ мой другъ съ другомъ о храбрости

Дочь многосильная Зевса, къ нему подошедши сказала: [спорятъ!—

Бодрый Аркезиевъ сынъ, изъ товарищей всѣхъ мнѣ милѣйшій,

Въ помощь призвавши Зевеса-отца и Аѳину Палладу,

Выдь на врага и копье длинноострое брось на удачу.—

⁵²⁰Слово ея пробудило отважность великую въ старцѣ;

Онъ, помоляся владыкѣ Зевесу и грозной Палладѣ,

Вышелъ впередъ и копье длинноострое бросилъ, не цѣлясь.

Въ мѣднолазитный Эвпейтовъ шоломъ онъ попалъ и, защиту

Мѣди пробивши, расколанный черепъ копье просадило;

⁵²⁵Трянулся навзничъ Эвпейтъ, и на немъ загремѣли доспѣхи.

Тутъ на переднихъ удара самъ-другъ, Одиссей съ Телемакомъ

Начали быстро разить ихъ мечемъ и копьемъ; и погибли

Всѣ бы они, и домой ни одинъ не пришелъ бы обратно,

Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса

⁵³⁰Громко не крикнула, гибель снѣша отвратить отъ народа:

Стойте! уймитесь отъ бѣдственной битвы, граждане Итаки!

Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!—

Такъ возопила Аѳина; всѣ схвачены трепетомъ блѣднымъ.

Были они и, оружіе въ страхѣ изъ рукъ уронивши,

⁵³⁵Пали на землю, сраженные крикомъ богини громовымъ;

Въ бѣгство потомъ обратясь, устремились, спасаяся, въ городъ.

Громко тогда завопивъ, Одиссей, несклонный въ напастяхъ,

Кинулся бурно преслѣдовать ихъ, какъ орелъ поднебесный.

Но громовою стрѣлою Кроніона вдругъ раздвоилось

⁵⁴⁰Небо и ярко она предъ Аѳиною ударила въ землю.

Дочь свѣтлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:

О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,

Руку свою воздержи отъ пролитія крови, нль будетъ

Въ гнѣвъ приведенъ потрясающій небо громами Кроніонъ.—

⁵⁴⁵Такъ говорила богиня. Онъ радостно ей покорился.

Скоро потомъ межъ царемъ и народомъ союзъ укрѣпила
Жертвой и клятвой великой, пріявшая Менторовъ образъ,
Свѣтлая дочь громовержца богиня Аѳина Паллада.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Одиссея.	СТР.
Вмѣсто предисловія: О переводѣ Одиссеи два письма: къ гр. Уварову и И. В. Кирѣевскому.	1, 8
Пѣснь I	9
Пѣснь II.	21
Пѣснь III.	34
Пѣснь IV	48
Пѣснь V	72
Пѣснь VI	86
Пѣснь VII.	95
Пѣснь VIII.	105
Пѣснь IX.	122
Пѣснь X.	138
Пѣснь XI.	155
Пѣснь XII.	173
Пѣснь XIII.	186
Пѣснь XIV.	198
Пѣснь XV	214
Пѣснь XVI.	229
Пѣснь XVII	243
Пѣснь XVIII.	260
Пѣснь XIX	272
Пѣснь XX.	290
Пѣснь XXI	301
Пѣснь XXII	313
Пѣснь XXIII.	328
Пѣснь XXIV.	338

GETTY RESEARCH INSTITUTE

3 3125 01003 9960

